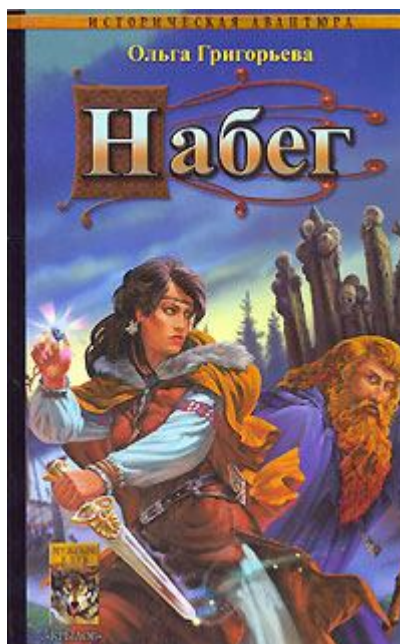

Ольга Григорьева Набег

Ольга Григорьева Набег

Да, волчье мясо – харч не сладкий,
И жрут его, как полагаю,
Лишь на войне, дрожа в палатках,
Или в осаде голодая.
Но все ж должны были от стаи
Хотя б обрывки шкур остаться...

Ф. Вийон

От автора

Этой книгой, как, впрочем, и предыдущими, я не собираюсь доказывать, что я – большой знаток истории. Но тем не менее описанные в этой книге места ¹, события, битвы и многие персонажи не выдумка и не плод моей фантазии. Почти все, о чем я написала в этой книге, было на самом деле. Я даже не меняла дат, имен и названий, а лишь попробовала представить, как это было.

И еще. Спасибо тем, кто меня поддерживает и помогает советом, добрым словом или просто интересом к моим книгам.

О. Григорьева

1. Бонд

¹ города, страны, реки, озера и т. д.

Мне моего бессмертия довольно,
Чтоб кровь моя из века в век текла.
За верный угол ровного тепла
Я жизнью заплатил бы своевольно,
Когда б ее летучая игла
Меня, как нить, по свету не вела.

А. Тарковский

Весной заболел старый колдун Финн, некогда пришедший в Норвегию из страны саамов и бирмов ².

С Йоля ³ Финн жил в большом доме в Каупанге ⁴, а весной решил, что ему пора уходить к синеконной владычице Хель. В последний путь его готовили всем Каупангом – Финн был очень сильным колдуном, и никто не хотел, чтобы он затаил обиду.

Старик лежал на лавке, вытянувшись и уложив изрезанные венами руки на теплое одеяло. Люди подходили к его постели, опускались на колени, просили, спрашивали, что понадобится старому колдуну в долгом пути.

Финн прощал обиды, но не желал принимать подарков. Один из самых богатых бондов Каупанга, Сигурд, хотел отдать ему корову, но колдун сказал, что не возьмет скотину, потому что в последнем пути ему будет некогда ухаживать за ней. Торговец Кнут, тот, у которого шесть кораблей и две сотни человек в усадьбе, вытащил из сундука редкую золотую монету с Востока, но, увидев ее, Финн сморщил свое маленькое хитрое личико и сказал, что золото слишком тяжело для столь короткого путешествия.

За три дня он не принял ни одного подношения. Это было очень плохо для жителей Каупанга. Тот, кто не берет подарков, вряд ли искренен в своем прощении. Умирающий обиженный старик не страшен, но колдун...

Поэтому вечером третьего дня Сигурд взнуздal свою любимую кобылку и отправился в Гейрстадир, где в гостях у конунга Олава ждал окончания зимних холодов Бьерн, ярл из Гарды. Именно Бьерн зимой отпустил на свободу старого колдуна, и Сигурд надеялся, что ярл сумеет уговорить старика принять хоть одно подношение.

Спустя день Сигурд въехал в долину Гейрстадира, где меж длинных черных полей разлеглась усадьба – большая, окруженная частоколом и богатая звуками. У ворот Сигурда остановил громкий окрик стражника. Объяснив, зачем явился, бонд спешился, сел на землю у дороги и принялся ждать. Изредка из усадьбы выходили люди, смотрели на Сигурда, переговаривались и топали по своим делам. Сигурд не обращал на них внимания, как не обратил внимания и на раба, неприметно выскользнувшего из ворот.

– Ты еще ждешь, бонд? – спросил раб. У него было длинное грустное лицо и горбатый нос.

– А разве я ушел? – ответил Сигурд.

– Бьерн пирует с конунгом. Он не выйдет к тебе, – засмеялся раб. У него не было передних зубов, поэтому улыбка выглядела ехидной.

– Подождем – увидим, – сказал Сигурд.

² Речь идет о северной оконечности Скандинавского полуострова

³ Йоля – середина зимы

⁴ Каупанг – древний норвежский торговый город. В дальнейшем к некоторым названиям местности я не буду давать пояснения, читателю достаточно знать, что все упоминаемые в этой книге области города, озера, реки и т. п. реально существовали в древности, а многие еще сохранились под прежними названиями. Ни одно из них не было мной выдуманно. При желании читатель может взглянуть на карту.

Раб удалился, но на закате ворота опять выпустили его к Сигурду. На сей раз рядом с ним шагал воин, молодой, светловолосый, совсем еще мальчишка.

– Меня зовут Рюрик, я воспитанник конунга Глава, – подойдя, произнес он. – Конунг очень сердит, что ты не имеешь уважения к нему, докучая просьбами его гостям.

– Я не уйду. – От Сигурда зависело благополучие Каупанга, поэтому он не собирался уступать даже конунгу. – Скажи ярлу Бьерну, что в Каупанге умирает старый саам, которому он даровал свободу этой зимой.

– Бьерну нет дела до бывших рабов, он не поедет в Каупанг, – возразил светловолосый воин. Сочувственно посмотрел на потрепанный в пути плащ Сигурда, на его лошадку, уныло переминающуюся на голой, еще не заросшей травой обочине, потер затылок. – Ты говоришь о том колдуне, который осенью лечил Хаки-берсерка?

– Да, – обрадовался Сигурд.

Мальчишка покачал головой.

– Не надо злить конунга, бонд. Он не любит, когда его гостей тревожат попусту. А Бьерн – дорогой гость. Поэтому возвращайся домой и жди. Я обещаю передать твои слова Бьерну.

У мальчишки были невероятно светлые, почти прозрачные глаза, и, сам не зная почему, Сигурд поверил его обещанию, уехал.

Но через два дня вместо ярла в Каупанг пришла женщина. Она явилась одна, без провожатых, на закате, когда в кузне уже смолк перестук молотов, а брехливые собаки свернулись мохнатыми клубками возле домов. Женщина въехала на двор Сигурда, соскочила с лошади и, бросив поводья рабу, быстро вошла в дом колдуна. Сигурд был там. Он стоял подле постели спящего старика, прятал взгляд и не знал, что сказать. Гостья была тонкая, невысокая, с маленьким лицом и широко расставленными желто-зелеными рысьими глазами. Ее светлая кожа казалась совсем белой, почти прозрачной из-за темных волос, по-мужски связанных на затылке пестрой лентой. В вырезе вышитой рубашки виднелся какой-то оберег на кожаном гайтане, а запястья украшали три золотых браслета. Привычный взгляд бонда отметил ее руку, спрятавшуюся в складках юбки, и едва заметно выступающую из-под пальцев рукоять охотничьего ножа.

– Ты Сигурд, сын Сигтрюнга? – У нее был протяжный говор, слова плавно перетекали одно в другое, словно она не говорила, а пела.

– Да. А ты?..

– Разве ты не догадался? – Она ловко скользнула к очагу, подбросила в огонь веток. Красные всполохи заметались по ее худому лицу, очертили острые скулы.

Сигурд понимал, кто перед ним, но не мог поверить.

– Меня зовут Айша, – подтвердила его догадку маленькая женщина. Отбросила со щеки выбившуюся из-под ленты прядь волос, кивнула в сторону старика. – Давно?..

– Лежитт-о? – продвигаясь к выходу, зачастил Сигурд. – Давно. Три дня уже.

Поднявшись на две ступени замер, напряженно вглядываясь в гостью.

Сигурд не был трусом – он, как любой вестфольдец, побывал во многих сражениях, обороняя свою землю. Он не побоялся бы и вооруженных мужчин – хорошая битва лишь греет душу и разгоняет кровь, – но этой маленькой светлокожей женщины в вышитой рубашке и темном плаще Сигурд боялся. Липкие пальчики страха щупали кожу на его спине, под мышками собирался пот.

– Три дня? – Она вскинула на воина взгляд, улыбнулась, и ее лицо словно засветилось изнутри. Бонд выдохнул, облизнул пересохшие губы. – Дары не берет, – пожаловался он. – Корова предлагали...

– А зачем ему нынче корова? – искренне удивилась Айша.

Она подступила к ложу умирающего, осторожно присела на край, взяла в ладони худую, морщинистую руку Финна. Старик тяжело вздохнул, открыл мутные глаза, уткнулся взглядом в лицо гостьи.

– Хвити ⁵... – признал он. – За мной пришла. – У Сигурда опять стало нехорошо на душе. Про Айшу, женщину ярла Бьерна, по фьюлькам ⁶ ходило множество слухов. Ее называли хвити – белой смертью или болотной колдуньей. Рассказывали, будто она понимает язык нежитей, умеет заговаривать берсерков и убивает одним взглядом. В июль, когда разразилась страшная выюга, Бьерн нашел ее на озере Ренд и на руках принес в Хейдмерк, в усадьбу Черного конунга, где назвал своей женщиной. В то время Черный справлял свадьбу с дочкой Сигурда Оленя. По просьбе Бьерна и в честь столь радостного события он простил колдунью, которая к тому времени натворила много бед на земле конунга. А спустя несколько дней Бьерн увез колдунью в Вестфольд, к брату Черного конунга – Олаву Гейрстадиру. С тех пор о ней ничего не слышали. Одни говорили, что она так и живет с Бьерном – то ли женой, то ли наложницей, а другие уверяли, что она вновь принялась бродить по северным землям, переводя через кромку жизни тех, кого кликнула в гости синекожая великанша.

– Нет, Финн, – прерывая раздумья Сигурда, тихо произнесла колдунья. – Я больше не хвити. Я же говорила тебе...

Старик сжал ее руку, засмеялся. От смеха его тело затряслось, скорчилось в приступе кашля. Свесив с ложа голову, покрытую редкими, слипшимися от пота волосами, он сплюнул на пол кровавый сгусток, откинулся на подушки.

– Я колдун, ты – хвити. От судьбы не скроешься, как бы тебе ни хотелось. Ты не можешь жить, как все, ты – другая. Ты здесь лишь ради своего ярла.

Его грудь под одеялом высоко вздымалась, дыхание было хриплым, словно под ребрами спрятался маленький злой зверек и ворчал, предвкушая добычу.

Затем Финн приложил ее руку к своей груди.

– Мне будет не хватать тебя... там.

На дворе шел дождь – первый дождь после долгих зимних холодов. На одежде Айши скопилась вода. Капли сбежали по рукаву ее плаща, попали колдуну на лицо, но Финн не вытер их. Глаза старика стали влажными и блестящими, губы расплзлись в нехорошей усмешке.

– Беда... Большая беда ищет маленькую хвити, – прошептал он. – Из врат Нифльхейма выползает тьма. Она отнимет у хвити ее ярла... Придется выбирать... Чайки... корабли, украшенные коврами... Не уходи!

Последние слова он выкрикнул, приподнявшись на локтях и устремив взгляд куда-то в потолок. А затем рухнул на спину и обмяк, будто вместе с криком выплеснул душу. Сигурд озадаченно воззрился на неподвижное тело. Айша высвободила ладонь из пальцев колдуна, обернулась к притихшему бонду.

– Прикажи людям принести сюда еды и воду для умывания. Я устала с дороги.

– Ты останешься здесь? – озадаченно спросил Сигурд. – Ты сможешь уговорить старика взять в последний путь наши дары?

Вместо ответа колдунья мрачно кивнула и, лишь когда бонд уже скрывался за дверью, добавила:

– Не бойся, Сигурд. Я не стану беспокоить людей Каупанга.

Ночью Сигурду не спалось. Перед глазами стояла светлая улыбка колдуньи, ее рысьи глаза, ловкие движения. В ушах пел хрипловатый голос. Несколько раз за ночь он выходил на двор, поглядывал в сторону круглого возвышения – домика колдуна, кусал губы и вновь возвращался в дом.

Под утро вновь пошел дождь, сначала слабый и морозящий, затем более сильный,

⁵ Хвити – мифологическое существо, персонификация смерти. Индентично Белой женщине на Руси, "хвити" в переводе "белая".

⁶ фьюльк – область (норвеж.).

почти грозовой. Ворочаясь с боку на бок, Сигурд слышал, как он шуршит по земле за дверью, как всхлипывает, собираясь в лужи, и тщится проникнуть в дом. Вспомнив, что бочки для воды еще с зимы оставлены перевернутыми, Сигурд поднялся, накинул на плечи и голову теплую безрукавку и выскочил под дождь. Сгибаясь и перепрыгивая через лужи, он подбежал к углу дома, где дождевая вода споро струилась по деревянному желобу, подкатил лежащую на боку бочку под желоб, перевернул ее, оглянувшись, одной рукой придерживая безрукавку на голове, и замер, уставившись в мельтешение дождя.

У ворот, под дождевыми струями, кружилась в танце та, чье видение всю ночь мешало Сигурду спать.

Сигурд смахнул застилающие глаза капли.

Айша была во всем белом, даже ее юбка была белой. Когда она кружилась, ткань обволакивала тело, будто зимняя пороша, скользила вокруг легкими снежинками, таяла на острых плечах и тонком лице. Ее волосы сплетались в длинные сети, переливались дождевыми бликами. Заметив Сигурда, колдунья протянула к бонду почти прозрачные руки, шагнула вперед.

Невольно Сигурд сделал шаг ей навстречу. Правая нога бонда угодила в лужу, поехала на скользкой глине. Нелепо взмахнув руками, бонд шлепнулся на задницу. Он был даже рад, что грязь из лужи попала ему на лицо и скрыла залившую щеки красноту. Утираясь, он избегал смотреть на Айшу, а когда встал на ноги и взглянул – у ворот ее уже не было.

Проклиная собственную неуклюжесть, бонд доковылял до дома, бухнулся на лавку и наконец-то заснул.

Рано утром его разбудили негромкие голоса. Спорили слуги Сигурда – толстый Даг и вечно недовольный Магнус, который был славным работником, но никчемным воином. Стараясь не мешать спору, Сигурд приоткрыл глаза, мазнул взглядом по резным столбам, подпирающим крышу, серебряным треногам с пламенем, широкому столу и развешанным по стенам коврам с богатой восточной вышивкой.

У Сигурда был хороший дом: просторный, теплый, надежный. Но оказалось, что в этом хорошем доме в столь ранний час бодрствовали не только Даг и Магнус. С лавок, стоящих вдоль стен, из-под одеял высовывались сонные рожи слуг и родичей Сигурда, в темных закутах на подстилках жались рабы, заинтересованно блестели из темноты влажными зенками. На спальном возвышении у стены бонд заметил трех своих жен в нательных рубашках. Старшая, худощавая и высокая Юхти, кутала плечи в одеяло, зябко ежилась.

Толстый Даг сидел подле женского возвышения на низкой скамейке. Рядом с ним, прямо на полу, расположился Магнус. Обращаясь к Магнусу, Даг говорил:

– Я видел ее утром. Она несла воду. Такая молодая...

– Она – колдунья, – поправил его Магнус. – Говорю тебе, она – коварная старая колдунья, только притворяется молодой!

Даг недоверчиво хмыкнул. Маленькая златовласая Гунна, самая молодая из жен Сигурда, всхлипнула.

– Колдунья должна быть некрасивой. А если она кажется красивой, то надо три раза плюнуть ей вслед и поглядеть на нее через левое плечо, тогда увидишь ее истинный облик, – вмешалась в разговор Юхти. Согнула ноги в коленях, пряча под одеяло босые желтые ступни. – Она некрасивая? Ты смотрел на нее через плечо? – Юхти обращалась к Дагу.

Тот неопределенно пожал плечами.

– Я мельком смотрел. Но она странная, сразу и не поймешь – красивая или нет. Говорят, что она околдовала ярла Бьерна из Гарды. Я слышал, будто из Хейдмерка вместе с ним пришла очень красивая женщина из рода конунгов Гарды, но он даже не смотрит на эту женщину. Зато каждую ночь приходит к безродной колдунье.

– Совсем не смотрит? – удивилась Юхти.

– А чего ему смотреть? – Магнус хмуро озирался собравшихся. – Может, на нем такое заклятье, что взглянув на другую женщину, он утратит удачу в ратных делах или мужскую силу... Или вовсе уйдет в чертоги Хель!

– Глупости. Такое заклятье даже Финн не мог наложить. Думаешь, эта колдунья сильнее Финна?

– Однажды Финн сказал, что болотная девка Бьерна самая сильная в колдовском роду, – мрачно сообщил Магнус. – А еще говорят, что ночью она ворует людские души и уносит их на съедение дракону Нидхеггу⁷, в подземные пещеры. Взамен Нидхегг дает ей колдовское знание и могущество.

Гунна жалобно застонала. Юхти обняла ее за плечи, принялась что-то шептать на ухо.

Сигурду нравилось, что его жены ладят друг с другом. У многих бондов жены постоянно ссорились и даже дрались, а в его доме царил мир и покой. Каждая женщина занималась хозяйством, каждая считала нужным одарить мужа теплом и заботой. Лишь последняя жена Сигурда – Снефрид – иногда взбрыкивала, но Сигурд полагал, что ее своенравие вскоре притрется к ровной жизни усадьбы. Снефрид была молода, конечно, ей хотелось большего внимания. Но нынче, забыв о притязаниях, она слушала Дага и Магнуса, раскрыв рот и прижимаясь к боку всхлипывающей Гунны.

– Знаете, как она спит? – вытянув длинную шею, шепотом продолжал Магнус. – У входа в избу, как собака.

Сигурд едва сдержал смех. С собакой Магнус перебрал, ведь Сигурд выходил ночью и не видел у входа в избу колдуна никого, похожего на Айшу. Вернее, он там просто никого не видел. Колдунья спала в избе, как все люди. Только ее танец под дождем... «А может, она и не танцевала? – подумал Сигурд. – Может, примерещилось мне с недосыпа?»

– Дурак ты, Магнус, – услышал он возглас Дага. – Язык у тебя, что худое помело – с виду вроде метет, а на деле лишь пыль поднимает! Если бы Бьерн был ею околдован, разве он отпустил бы ее одну? Сам бы сюда примчался.

Довод был убедителен, но Магнус по-прежнему упрямылся, бурчал, что затея с колдуньей плохо кончится, что Каупанг наживет себе беду, что все еще увидят, кто был прав.

Спор продолжался долго. Негромкие слова летали по избе подобно мелким мошкам, забивались в щели меж бревнами.

Сигурд следил за ними, следил, следил...

Он уже начал было вновь задремывать, когда со двора в избу долетел громкий восторженный крик, сорвал со скамьи Магнуса, стер улыбку с пухлых губ Дага, заставил побледнеть расчетливую Юхти и утонул в громком гомоне домочадцев. А затем вновь возник, уже у двери, явив привставшему с лавки Сигурду румяное лицо мальчишки-пастуха.

– Бьерн идет! – сея панику в доме, выкрикнул пастух, радостно притопнул босой ногой и заорал еще громче: – В бухту входит! Тремя драккарами!

В бухту Каупанга по весне приходило много кораблей. «Каупанг» переводилось с северного наречия как «торговое место», и с весны до глубокой осени тут, на ровной пустоши у моря, окруженной шатрами южных, шалашами восточных и маленькими землянками северных купцов, торговали всем, что только покупалось или продавалось. Здесь можно было приобрести рабыню с синей кожей из далеких земель, где солнце никогда не покидало небес, а вместо камней и глины под ногами был лишь желтый песок, получить диковинные на вкус пряности, добавив которые в мед, хотелось пить и плясать до самого утра. Имеющий деньги человек мог обзавестись редкой остроты клинками, перерубающими в воздухе столь же редкие по тонкости, почти невесомые ткани. Тут торговали скотом и людьми зерном и солью, пенькой и медом, шкурами и моржовыми бивнями, украшениями и оружием.

Зимой Каупанг спал, торговая площадь у пристани пустовала, в заброшенных маленьких землянках, тесно жмущихся друг к другу, гулял ветер, или пастухи прогоняли мимо бухты овечьи стада. Зато с первым торговым кораблем здесь начиналось веселье,

⁷ Нидхегг – в скандинавской мифологии: дракон, живущий в подземном царстве и грызущий корни мирового дерева. К нему после смерти попадают самые закоренелые злодеи и вечно горят в пламени, вырывающемся из ноздрей дракона.

закипала жизнь, бурлили страсти, и в мирном торге сходились родовые враги, меряясь не силой мечей, а тяжестью денежной сумы.

Но на сей раз первыми кораблями, вошедшими по весне в бухту, стали боевые драккары Бьерна, ярла из Гарды. И люди из усадеб, лежащих близ Каупанга, понимали, что Бьерн не остановится на торговой площади и не будет ставить купеческий шатер, а пойдет дальше, по усадьбам. Конечно, Олав, конунг Вестфольда, значит, и Каупанга, был другом ярла, однако дружба великих быстротечна, а их ссоры – беды для малых.

Усадьба Сигурда была ближе к Каупангу, поэтому, огорошив жителей неприятной вестью, мальчишка-пастух побежал упреждать о незваных гостях херсира⁸ Кнута, чьи дома располагались на другой стороне холма. Следом за мальчишкой, мекая и потряхивая костяными бубенцами на шеях, потрусили его овцы. Животные совершенно растерялись, ведь обычно по весне их путь лежал в ином направлении, но, приняв мальчишку за вожака, послушно следовали за ним по пятам.

Жители усадьбы повели себя намного бестолковее овец. Забыв о старшем бонде, они металась по двору, кто – ища оружие, кто – пряча добро, а кто – просто так, запутавшись во всеобщей суматохе. Выскочившего из избы Сигурда чуть не сбила с ног его двоюродная сестра Кара. В одной руке Кара стискивала узелок с вещами, другой – тянула старшего сына.

В свою очередь, мальчик держал за руку сестру, та – еще сестру, последняя – совсем маленького брата.

Замыкал выводок рыжий кудлатый пес с загнутым на спину хвостом и лисьей мордой. Пес искренне веселился, подпрыгивал, лаял и, изредка вырываясь вперед, старался ухватить Кару за подол юбки. Та отмахивалась от него узелком, бестолково зеркала по сторонам обезумевшими от ужаса глазами и, пытаясь пересчитать детей, постоянно сбивалась на третьем.

– Мы уходим на бережную скалу⁹! – заметив Сигурда, завопила она, дернула старшего сына за руку, потащила вперед.

Спотыкаясь и на ходу захлебываясь ревом, дети поковыляли вслед за матерью. На их месте возник Даг – бледный, облаченный в кольчугу, с мечом и щитом в руках.

– Будем биться как мужчины! – отчаянно проорал он и метнулся прочь.

Сигурд поймал его за плечо, развернул к себе.

– С кем биться? – стараясь оставаться спокойным в царящем вокруг бедламе, спросил он.

– Что?! – пытаясь высвободиться из его хватки, Даг смешно дрыгал плечами. Щит лупил толстяка по спине, гулко стучался о рукоять меча.

– Ты понимаешь, что орешь? – поинтересовался Сигурд. – Ты с кем собираешься биться? С Бьерном? Ты его имя знаешь?

Даг непонимающе заморгал, однако вырываться перестал.

– Его имя – Бьерн Губитель Воинов, ярл из Гарды, сын Горма Старого, – чуть повышая голос, произнес Сигурд. – У него в хирде желтоглазый берсерк Хаки Волк со своими людьми. Даже Черный конунг не стал бы драться с этим ярлом.

– Но... Но... – Круглые глаза Дага стали грустными, щеки затряслись. Спокойный голос бонда отрезвил его. Еще несколько человек, в шуме и суете уловившие слова Сигурда, остановились, прислушались к разговору. Понемногу к ним стали подтягиваться остальные.

Дождавшись, когда гомон уляжется, Сигурд спросил:

– Кто-нибудь видел корабли Бьерна?

Видели двое. Один – старый Хьяти – постоянно видел то корабли, то драконов. Старик

⁸ Херсир – господин, здесь: просто уважительное обращение к знатному человеку (др. сканд.).

⁹ Как правило, возле древних норвежских городов и деревень существовали тайные места, где жители могли бы укрыться в случае нападения врагов, – скалы, пещеры, каменные завалы и т. п.

уже давно пребывал в некоем мире, весьма отличном от обычного, поэтому Сигурд не стал его расспрашивать. Зато зрению и словам молодого Ауна-резчика бонд вполне мог доверять.

– Щиты на их кораблях перевернуты белой стороной, – сказал Аун.

– Значит, ярл идет с миром, и нам нечего бояться, – успокоился Сигурд.

– Но это может быть уловкой...

– Какая еще уловка? – Сигурд отмахнулся. – Мы не так сильны, чтобы Бьерн стал прибегать к уловкам.

– Он может быть очень зол, – пискнул из толпы женский голос. – Ведь тут его колдунья.

– Он может быть зол только на нее, – ответил Сигурд. – Она сама пришла к нам в усадьбу, и мы не держим ее здесь силой.

– То-то и оно. – Из-за спины Ауна вылезла Снефрид, оправила рубашку, сложила белые пухлые руки на животе. – Она ведь могла сбежать от него. Утром, услышав крики, я заглянула в избу колдуна. Ее там нет. Вот Бьерн придет и станет спрашивать: «Где моя болотная девка?» А мы не знаем. Он не поверит, вытащит меч...

Сигурда всегда удивлял женский ум. В нем была какая-то изворотливость, удивительная способность переиначивать все простое и ясное так, что понятным оставалось лишь собственное имя. А Снефрид и вовсе отличалась своеобразием мыслей. Иногда из одного неудачно сказанного Сигурдом слова она сооружала целую историю, в которой именно он, Сигурд, становился виноватым во всех случающихся на земле бедах. Теперь такую же историю она городила вокруг колдуны и Бьерна. Сигурд чувствовал надуманность в ее речах, однако собравшиеся слушали Снефрид и даже поддакивали ей.

– И что ты предлагаешь? – устав от глупых выдумок жены, спросил Сигурд.

– Надо найти колдунью, – решительно заявила Снефрид. – Связать ее, привести в бухту и вернуть Бьерну. Он возьмет ее и уйдет!

– Верно, – поддержал дурную бабу кто-то из мужчин.

– Только связать надо покрепче и рот заткнуть, чтоб проклятьем не навредила, – посоветовал женский голос.

– Глаза, глаза ей надо завязать! – выкрикнул молодой девичий.

– Хватит!!! – не выдержав, рявкнул на разошедшихся родичей Сигурд. – Колдунью зовут Айшей, так ее и называйте. Искать ее будем я и Даг. Остальные ступайте по домам и сидите тихо, пока мы будем искать Айшу и говорить с Бьерном.

На краткое время толпа притихла. Ветер гулял по головам, ерошил волосы, плескался в одеждах.

– Гм-м-м. – Магнус протолкался меж родичей и принялся мямлить, задумчиво покусывая верхнюю губу: – Так-то оно и верно, да вот это... Если что, так ничего, а если не выйдет, тогда – как?..

– Он говорит, что детей и женщин надо бы на всякий случай спрятать на охранной скале, – растолковал его бормотание Даг.

– Хорошо, – кивнул Сигурд. – Ты, Магнус, соберешь всех детей и баб и отведешь их на скалу. А мужчины пусть запасутся оружием и сидят в домах – ждут, когда вернемся.

– А если не вернетесь? – утирая уже намокшие глаза, всхлипнула Снефрид.

Тут же подле нее появилась Юхти, обняла, принялась гладить глупую молодуху по волосам. Та, разрыдавшись, уткнулась носом ей в плечо. Сигурд довольно оглядел толпу – он мог гордиться своими женщинами.

Первая паника прошла, люди разбрелись, деловито обсуждая, каким оружием лучше запастись и как долго надо ждать, чтобы понять, случилась ли беда со старшим бондом. Магнус, повеселев, принялся распоряжаться стайкой баб, сгрудившихся вокруг него. На голову возвышаясь над вкоччущими женщинами, он что-то объяснял, неторопливо кивал, советовал.

– Пошли. – Сигурд потянул Дага за рукав.

Вдвоем они потопали к воротам усадьбы. Меч толстяка, слишком длинный для его

маленького роста, чиркал острием по земле за спиной Дага. Пока шли глинистой дорогой, он почти не мешал, лишь оставлял за Дагом извилистую тонкую полосу, но когда свернули к бухте и принялись перебираться по прибрежным валунам, пригибаясь, чтоб не заметили с моря, клацанье железа о камни стало раздражать Сигурда.

– Меч оставь, – обернувшись, приказал он Дагу.

Толстяк неохотно сбросил с плеча ременную петлю, к которой крепилась рукоять оружия, ногой затолкал оружие под серый валун, буркнул:

– Ты говорил пойдем колдунью искать, а идем в бухту.

– Идем. – Сигурд протянул руку, помогая толстяку влезть на валун. – Если Айша хотела уйти, она уже давно ушла, и где ты ее теперь найдешь? Зато я точно знаю, где найти Бьерна с его стаей.

Перескакивая с валуна на валун, они пересекли каменистую грядку. Впереди, за ровным полем, служившим торговой площадью, открылась бухта. Серые мрачные волны катились на берег, где-то далеко, под тяжелым, затянутым тучами небом, в воде проблескивала пена – ожерелья дочерей славного Ньерда. Касаясь крыльями волн, у берега кружили чайки, насадно кричали, то ли приветствуя, то ли прогоняя ранних гостей.

Гостей было много. Три драккара, длинных, темных, с изящно изогнутыми головами драконов на острых носках и тремя десятками весельных дыр по бортам, раскачивались недалеко от берега. На палубах черными мурашками сустились люди, спрыгивали с бортов прямо на мелководье, брели к берегу, высоко поднимая над головой оружие и рассекая грудью волны. Те накатывали на воинов со спины, скрывали их почти с головой и, будто испугавшись их упорства, вновь убегали в море к кричащим птицам и белым барашкам пены.

– Гляди... Гляди... – Даг принялся толкать Сигурда в спину, но бонд уже сам видел то, чему так поразился толстяк. На берегу, прямо перед носом огромного головного драккара Бьерна, стояла маленькая женская фигурка. Она казалась совсем крошечной, меньше головы дракона на носу корабля, и очень одинокой.

– Айша, – прошептал Сигурд.

Ему захотелось выскочить из укрытия, промчаться по площади, подхватить маленькую колдунью на руки и унести ее как можно дальше от разъявленной драконьей пасти и грозных воинов Бьерна, выбирающихся на берег. Казалось, что лишь так он сумеет защитить ее. Однако первый воин, в шапке из волчьей шкуры, едва очутившись на суше, устремился к колдунье, облапил ее, радостно встряхнул и тут же отпустил, уступая место второму, – потоньше и поменьше.

– Желтоглазый Волк, – указывая на воина в шапке, прошептал Даг. Потыкал пальцем в поясицу Сигурда, заявил: – А этот, светловолосый, – Тортлав, скальд из Фьордов... А это кто?

Сигурд взгляделся в маленького худого воина, узнал в нем юнца, с которым говорил у ворот усадьбы конунга Олава:

– Рюрик, воспитанник Олава Гейрстадира.

– А где сам Бьерн? – озадаченно фыркнул Даг.

Мог бы и не спрашивать. Оставив скучившихся подле нее воинов, Айша вдруг сорвалась с места, побежала к самой воде и повисла на шее невысокого крепкого мужчины.

Бьерн мало чем отличался от своих хирдманнов, на его груди не было дорогих украшений, а кожаные штаны и рубашка из грубой шерсти больше подошли бы обычному бонду. Необычными были лишь темные, заплетенные в косицы волосы на бритой ото лба до макушки голове, и золотое кольцо в ухе, изредка проблескивающее сквозь сеть косичек.

– Сиди тут, – предупредил Дага Сигурд. – Если что – беги в усадьбу.

Он принялся неспешно пробираться меж валунов ближе к находникам.

– Ты куда? – зашипел Даг.

– Похоже, они явились с миром. Сиди.

Оставив испуганного Дага в укрытии, Сигурд выбрался на открытое место, не торопясь

двинулся навстречу пришлым. Сердце в его груди гулко бухало, однако он уверенно шел вперед, не сводя глаз с маленькой женщины, уже соскользнувшей с шеи Бьерна и стоявшей подле него. Бьерн что-то выговаривал ей, она кивала, улыбалась.

Первым Сигурда заметил желтоглазый берсерк, заступил путь, угрожающе рыкнул:
– Ты кто такой?!

Он закрыл собой Айшу, поэтому Сигурд попытался отойти так, чтобы вновь увидеть ее сияющее лицо. Однако Харек не позволил ему сделать и пары шагов – холодное лезвие меча скользнуло по шее бонда, остановило его. Лишь теперь Сигурд заметил желтые волчьи глаза Харека, исполосованное шрамами лицо, срезанное до половины левое ухо. От злого взгляда Волка бонду стало не по себе.

– Перестань, Харек, – одернул берсерка певучий голос. Меч Харека нырнул в ножны. Колдунья появилась из-за его плеча, ободряюще кивнула бонду.

– Это – Сигурд, бонд Каупанга. – Айша оглянулась на ярла, ее лицо вновь будто пронзил светлый луч. – Я очень благодарна ему. Он сообщил мне о болезни Финна и хорошо меня принял в своей усадьбе.

– Ты не должна бегать к бывшему рабу по первому зову. – Голос у Бьерна был хриплым, но злости в нем не чувствовалось. – Это недостойно.

– Недостойно предавать друзей, – перебила его колдунья. – Ты знаешь, как много сделал для меня Финн.

– Он больше не раб, ты расплатилась с ним. Я дал ему свободу по твоей просьбе.

– Нельзя расплатиться с другом.

– Раб не может быть другом жене ярла, – Бьерн лениво отбrehивался от нее, как большой старый пес от нападков маленькой верткой собачонки. Сигурду было неловко слушать их перепалку, но он не знал, куда уйти, да и надо ли. Поэтому мямля, переступал с ноги на ногу, тоскливо озирался по сторонам и покусывал губы.

– Но ты пока еще не назвал меня своей женой, ярл! – Айша рассердилась, в ее певучем голосе зазвенели нотки обиды. – Но ты всегда прав...

Она повернулась и пошла прочь.

– У тебя есть лодка, бонд? – нарушил неловкое молчание Харек.

– А? Что? – Сигурд растерянно сморгнул, затем опомнился, закивал: – Есть.

– Пришли людей и лодку. – Харек проводил взглядом уходящую Айшу, задумчиво договорил – Пусть заберут с корабля женщину, дочь конунга Альдоги, вдову Орма Белоголового. Она не хочет мочить одежду.

Сигурд кивнул. Значит, слухи не врал: с Бьерном была еще одна женщина – жена погибшего зимой ярла Орма Белоголового, дочка конунга Альдоги. Злые языки еще болтали, что она беременна от Орма, но тут правду могла знать лишь она сама.

– Чего стоишь? Ступай! – Харек подтолкнул бонда в спину.

Изредка поглядывая на присевшую в сторонке на камень колдунью, Сигурд поплелся прочь. Краем уха он успел услышать, как Харек обратился к Бьерну.

– Зря ты так, – негромко произнес желтоглазый. – Айша заслуживает лучшего. С Гюдой ты ведешь себя иначе. Может, то, о чем шепчутся, – правда, и, когда мы придем в Альдогу, ты назовешь дочь князя...

– Не лезь, Волк, – глухо, с непонятной горечью в голосе оборвал его Бьерн. – Не лезь!..

Нежданном гостям в усадьбе обрадовались. Вернее, не столько им, сколько тому, что дело обошлось без кровопролития и гости не пытаются разграбить и без того обнищавшую за зиму усадьбу. Ярлу и его людям выделили длинную воинскую избу. Она предназначалась для редких приездов конунга Олава, но в эту зиму конунг не приезжал из-за болей в ногах¹⁰, и изба пустовала всю зиму. Рабы быстро развели очаг, натаскали дров, вычистили пол и

¹⁰ Согласно историческим источникам, конунг Олав Гейрстадир умер спустя два года после описанных здесь событий от болезни ног.

устлали лавки мягкими шкурами. Подоспевшие из соседней усадьбы люди херсира Кнута поставили стол, мужчины зарезали свинью и нескольких кур, женщины приготовили граут¹¹, выложили на красивые блюда копченую рыбу, – Каупанг славился хорошим рыбным промыслом. В предвкушении пира девушки разрядились в праздничные уборы, обвешались украшениями, будто ели шишками, и расхаживали по усадьбе павами, косясь на статных молчаливых воинов и мигом теряя чванность, очутившись где-нибудь в укромном уголке. Там они сближались макушками принимались квохтать, словно потерявшие яйцо наседки, обсуждая, кто кому по нраву и кто на кого да как поглядел.

Пока в усадьбе царила предпраздничная суматоха, Сигурд послал рыбацкую лодку к кораблям, как просил Харек. Сам бонд на той лодке не поехал. Он бродил по усадьбе и искал глазами хрупкую фигуру колдуньи.

Однако Айша нашла его сама. Вынырнула из избы старого Финна, поспешила к бонду.

– Финн уходит, – подойдя совсем близко, сказала она.

Не зная, что ответить, Сигурд согласно кивнул.

– Он согласился принять дар от людей Каупанга.

Очнувшись, бонд отвел взгляд от ее рысих глаз, опущенных черными ресницами, спросил:

– Какой дар?

– Я позабочусь об этом. А ты ступай к Финну. Хозяин усадьбы должен проводить гостя в последний путь.

Она довела Сигурда до дверей в дом колдуна. Ступив внутрь, бонд сощурился, привыкая к полутьме, разглядел нескольких человек подле ложа умирающего, невысокую женскую фигуру у очага и согнутую у ее ног рабыню, одетую в простую рубашку, порванную на плече. Стоявшая подле очага женщина обернулась на шум.

До сих пор Сигурд не видел дочери конунга Альдоги и вдовы ярла Орма Белоголового, которую привез на своем корабле Бьерн, зато теперь в слабых бликах пламени она показалась ему удивительно красивой. Кожа невысокой и ладной женщины была свежа, волосы отливали золотым блеском, а голубые глаза блестели наивностью и верой во что-то хорошее, как у невинной девушки.

– Это – Гюда, – шепнула Сигурду колдунья.

– Гюда? – будто повторяя за ней, позвал Финн.

Гюда оттолкнула пришедшую с ней рабыню, стараясь не испачкать вышитой золотом юбки, прошла к ложу колдуна, присела на край лавки.

– Ты звал меня?

Она даже не назвала старика по имени. Но тот не обиделся.

– Послушай меня, дочь конунга. Не спеши домой, проси ярла отложить поход. Ветряные птицы Нифльхейма носят тьму над спящей водой. Попроси Бьерна подождать...

Финну было трудно говорить, он задыхался.

Айша потихоньку просочилась в угол, где стояла бочка с водой, зачерпнула ковшом.

Старик больше проливал, чем пил, вода плескала через край ковша, мочила его бороду, рубаху на груди, одеяло. Он взмахнул рукой, и Айша убрала ковш в сторону.

Глядя, как она отжимает влажный край одеяла и вода сбегает по земляному полу в ведущую к двери канавку, Гюда брезгливо поморщилась.

– Ты опять принялся пророчествовать, старик!

– Но я говорю правду!

Финн приподнялся, оперся на локти. Мокрая тряпица соскользнула с его лба, шлепнулась на пол. Гюда подняла ее двумя пальцами, отбросила прочь.

Лицо старого колдуна вытянулось, омертвело. Голубые глаза застыли двумя неподвижными бусинами.

¹¹ Граут – жидкая каша (др. сканд.).

– На китовом пути в страшной буре запоет зверь снасти ¹², призывая домой потерянную хвити. Тьма обретет жизнь в капище четырехликого бога, чтоб испытать ту, которая захотела жить ради любви. Хвити не живут, она пойдет на зов. Тьма коснется всех, Скульд спутает пряжу... Будет много смертей. Проклятие погубит племя могучих воинов, а та, что трижды была женой, умрет от врага без имени возле земель Дорсука ¹³. Отложи свой поход домой, дочь конунга. Отложи поход, и птицы Нифльхейма не найдут вас...

Айша попробовала уложить старика. В последние дни он совсем высох, стал легким, беззащитным, и обычно с ним удавалось легко справиться. Но теперь он вырвался из рук болотной девки.

– По земле потекут кровавые реки, корабли лягут на дно, город на берегу большой реки обратится в кучку пепла. Люди будут есть людей, вороны пресытятся кровью. Безумие поглотит тебя, а маленькая хвити не...

Гюда расхохоталась.

– Ты бредишь, старый болтун! – сквозь смех произнесла она. – Я не понимаю, о чем ты говоришь!

– Песня вепрей волн, – шелестел Финн. – Страшная последняя песня... Не буди тьму, дочь конунга! Отложи поход, не буди тьму. Может, потом... потом... когда хвити научится жить, а ярл – любить...

Но Гюда уже не слушала. Хохотала, шлепала униженными перстнями пальцами по лавке, на которой умирал старик. Сигурду хотелось отвернуться, чтобы не видеть ее ровных белых зубов и не слышать ее смех. Впервые в жизни ему была противна красивая женщина.

Рано утром Финн умер. Когда-то он был безродным рабом, колдуном, в память о таких не ставили памятных камней, однако Тортлав, скальд, пришедший с Бьерном, выбил на небольшом валуне короткую вису:

Позвала Хель
Финна на ужин.
Разве мог отказаться безродный?
В память о нем народ Каупанга и Айша из Гарды камень
воздвигли.

Это и был тот самый дар, который перед уходом в царство Хель решил принять от каупангцев старый колдун.

Хоронили Финна тихо, без пышных торжеств и погребального костра. Труп старика завернули в промасленную холстину и отнесли в лесок на холме. Утро выдалось дождливым, ноги рабов, несших старого колдуна, скользили по размокшей глине. За ними серая лошадка тянула возок с памятным камнем, тоже обернутым в холстину. Тележка подпрыгивала на ухабах и расплескивала мелкие лужи. Не доходя до леса, Айша остановила рабов у молоденькой осинки.

– Здесь, – сказала она.

Рабы послушно опустили легкое тело на землю. Почуввав мертвечину, лошадь задергала ушами, попятилась.

– Тпр-р-р. – Сигурд подхватил ее под уздцы, привязал к осинке, потом приподнял камень, вывалил его из повозки. Холстина развернулась, под дождем заблестела свежевыбитая надпись.

¹² Здесь использованы кеннинги. Китовый путь – море, зверь снасти – корабль. В переводе все звучит просто: "В море во время бури запоет корабль..." и т. д.

¹³ Дорсук – вождь одного из древних приморских племен ободритов. Это племя обитало на побережье Балтийского моря, в районе нынешней Германии.

Рабы споро выкопали яму в мягкой земле, уже оттаявшей от зимних холодов. В длину она была в рост старого колдуна, а в глубину – чуть больше чем по колено. Рабы бережно уложили в яму труп, воззрились на колдунью, ожидая ее приказов.

– Ступайте в усадьбу, – отослала их Айша.

Сигурд предпочитал не смотреть на нее, – она была бледна и грустна, а по ее щекам стекала то ли дождевая влага, то ли слезы. Хотя голос у нее был спокойный, и Сигурд предпочитал верить, что ее щеки мокры только от дождя.

Негромко переговариваясь, рабы побрели вниз с холма. Оставшись наедине с болотной девкой, Сигурд присел на корточки в паре шагов от ямы. Он полагал, что Айше захочется попрощаться со стариком, и не ошибся, – она подступила к трупу, что-то прошептала. Потом вытащила из складок юбки загнутый ритуальный нож и крепкий осиновый колышек, примерно такой, каким метят межи.

– Помоги мне. – Не глядя на Сигурда, колдунья протянула ему колышек. – Финн сам просил об этом. Мертвые колдуны редко находят покой в своих могильных курганах, а Финн хотел отдохнуть.

Сигурд хорошо понимал, о чем она говорит. Склонился над мертвецом, приложил кол к его груди, пошатал, укрепляя в ткани, выпрямился и с размаха ударил по колу пяткой. Тот с хрустом вошел в мертвую плоть, лишь слегка накренился вправо. Сигурд подумал, что так вышло даже удачнее, – примеряясь, он слегка закосил влево, а теперь кол пронзил точно сердце колдуна.

– Дальше я сама.

Женская рука коснулась плеча Сигурда. Бонд отступил, позволив Айше нагнуться над телом. В воздухе сверкнуло острое лезвие, вновь захрустело...

Айша вытерла нож о край могилы, кивнула.

– Все. Давай засыпать.

Пока они сваливали в яму заранее приготовленные камни, Сигурд успел оценить точность, с которой болотница отрезала голову трупа. Конечно, перерубить позвонки она не сумела, однако надрез отчетливо располосовал мешковину вокруг шеи колдуна, опоясывая ее заговорной петлей ¹⁴.

– Откуда ты знаешь Финна? – скатывая в яму очередной камень, поинтересовался Сигурд. Он не ждал ответа, однако болотница пожала плечами:

– Однажды мне было очень плохо. У меня не осталось никого и ничего на этом свете – ни родины, ни дома, ни любимых, ни любящих. Даже веры не осталось. Только маленькая хижина, где умирал мой друг, старый колдун, который его лечил, и мой дар, который был моим проклятием...

– И что случилось потом?

– Потом берсерк умер, и я отказалась от своих Богов. А когда и я почти умерла, пришел Бьерн...

Она замолчала, оглядела невысокую кучку камней, прикрывших могилу, вскинула помутневшие глаза на Сигурда.

– Ты сможешь установить памятный камень?

– Смогу.

Камень оказался тяжелым. Пыхтя и отдуваясь, Сигурд водрузил его на прочие, протер рукавом влажную надпись. Виса ему нравилась, она была звучной и емкой. Он вдруг понял, что, пожалуй, лишь такой дар он бы и сам принял, отправляясь в последний путь. «Зачем ему нынче корова?» – вспомнил бонд слова Айши и улыбнулся. На самом деле глупо было предлагать старику корову.

– Следи за ним, когда мы уйдем, – раздался сбоку голос Айши.

¹⁴ Древние считали, что избавить тело колдуна от оживления можно, лишь отрубив ему голову и воткнув в сердце осиновый кол

Болотная колдунья сидела на небольшом валуне у осинки, поджав под себя ноги и наблюдая за стараниями Сигурда.

– Куда уйдете? – не понял бонд.

– За море, в Альдогу, – пояснила она. – Бьерн обещал отвезти Гюду и Рюрика к их отцу, князю Альдоги.

– Рюрика? – удивился Сигурд. Он знал, что мальчишка-воин со светлыми глазами – воспитанник конунга Олава. Но както не задумывался, из какого паренек рода.

– Он – брат Гюды ¹⁵. Просто она была тут с Ормом Белоголовым, а ее брат гостил у конунга Олава. Конунг дал ему имя Рюрик и взял в свой род. Ладно, пошли, надо прибраться в доме старика.

Сигурд не стал спорить.

Шагая с холма к усадьбе, он думал о странностях судьбы. Меж Гюдой и ее братом не было никакого сходства, они даже не замечали друг друга, и никто никогда не подумал бы, что они брат с сестрой. Хотя, может, в Альдоге так принято, что родичи не держатся друг за друга.

Подле дома Финна Сигурд расстался с болотницей. Прежде чем войти, она провела ладонью по плечу бонда, устало улыбнулась.

– Я очень благодарна тебе, бонд.

Лучших слов Сигурд не слышал ни от кого. Даже заботливые жены, ублажавшие его ночами и лопочущие о любви, не были столь искренни.

– Пустяки, – краснея, как мальчишка, сказал Сигурд, но Айша уже не слышала его, исчезнув за дверью.

Бонд немного постоял у входа, представляя, каково ей там, в пустой и холодной хижине, где все напоминает об ушедшем друге. Решившись, он толкнул дверь плечом и остановился. На лавке, где испустил последний вздох старый колдун, сидела дочь конунга Альдоги. Даже не переступая порог, Сигурд услышал ее ровный голос:

– Бьерн говорил, что ты не знаешь своих отца и матери и родилась в Затони в Гиблом болоте. Это так?

– Да.

Отступив, Сигурд видел в щель, как Айша прошла к очагу, сняла мокрую накидку и принялась ковыряться в углях, будто отыскивая что-то.

– Смотри на меня, когда я говорю с тобой! – крикнула Гюда.

Колдунья обернулась. Ее глаза были огромными и страшными, как два зеленых болотных огня. Но Гюда не испугалась. Она встала с лавки и двинулась к маленькой колдунье так плавно и бесшумно, будто вовсе не касалась земли. Подойдя, остановилась, зашевелила красными губами:

– Я не боюсь тебя, хвйти. Я хочу, чтобы ты оставила Бьерна в покое. Он – сын князя Горма, а ты – безродная тварь. В земле вендов ¹⁶ ты была приткой, для урман ты – хвйти. Даже старый Финн так тебя называл.

– Перестань, Гюда! Лучше подумай о его пророчестве. Раньше слова старика часто сбывались...

– Сбывались? – Гюда язвительно хмыкнула. – А может, он говорил по твоему наущению? Ярлы не женятся на безродных болотных тварях, они женятся на достойных по роду. Когда мы придем в Альдогу, Бьерн наречет своей женой не тебя – меня! Вряд ли ты спешишь погулять на нашем свадебном пиру. Признайся, что это ты подучила Финна

¹⁵ Гюда и Рюрик – реальные исторические личности. Историки спорят о происхождении Рюрика, но здесь автор склоняется к теории, утверждающей, что и Рюрик, и Гюда были детьми князя Гостомысла, правителя Ладоги.

¹⁶ Венды – славяне.

выдумать глупости о тьме, смертях и моем безумии?

– Финн умел видеть будущее без моей помощи.

– Ах, так... Почему же ты сама не попросила Бьерна отложить поход? Ведь Финн бормотал именно об этом.

– Я просила.

– А Бьерн сказал, что не тебе это решать? Он прав – не тебе. Но если ты боишься пророчеств старого безумца, то оставайся здесь и отпусти Бьерна с той, которая заслуживает его!

Лицо колдуньи потемнело.

– Ты ведь не любишь его, княжна. Он – щит, за которым ты хочешь спрятать свой позор. Теперь я понимаю, почему Орм не женился на тебе, а просто взял тебя в свою постель, как обычную рабыню. Он любил сильных женщин, а ты слаба. Слабость делает тебя глухой к моим словам. Но если не ради всех нас, то хотя бы ради ребенка, которого ты носишь в себе, откажись от похода! Даже если этот ребенок не был зачат в любви, он – все, что у тебя здесь есть.

– Молчи! Я приказываю тебе!

Казалось, она сейчас ударит болотницу. Но та не шевельнулась, не уклонилась, лишь равнодушно произнесла:

– Я не служу тебе, дочь князя.

Гюда помрачнела. Колдовство исчезло, оставив пред ней не зеленоглазую хвиту, а обычную хрупкую женщину с рысьими глазами и большим мягким ртом.

– Ты получишь хорошую плату, если оставишь Бьерна и не пойдешь с нами в Альдогу, – сказала Гюда.

Внезапно Сигурд почувствовал усталость в ее голосе. Сердце княжны вовсе не было жестоким, как ему казалось, оно было усталым и заброшенным, будто чисто выскобленная бочка, в которой не заводят гнезд даже мыши.

– Мне не нужна плата, – откликнулась болотница.

Сигурд неловко пошевелился, княжна озабоченно покосилась на дверь, за которой прятался бонд, понизила голос:

– Ты не жаждешь наград, это хорошо. Значит, ты чиста в своих чувствах. Поэтому я и прошу тебя оставить Бьерна. Ты ведь знаешь, что не принесешь ему счастья. Все, кто любил тебя, – мертвы. А вдруг ты убьешь Бьерна, как тех, других? Я не отложу поход, но ты можешь остаться здесь, и кто знает, может, тогда пророчество не сбудется.

Она быстро менялась, превращаясь из властной дочери князя в беззащитную вдову безземельного ярла.

– Уходи, Гюда. – Айша вытянула руку, указывая на дверь. – Ты плохо слушала Финна и не слышишь меня. Уходи и не докучай мне. У меня слишком много дел.

– Ты еще пожалеешь об этом! – Гюда резко развернулась, шелестя по полу юбкой, метнулась к выходу. Сигурд отскочил, присел за углом дома. Однако он мог и не прятаться – не замечая его, княжна пересекла двор и скрылась в большом доме.

– Испугался женщины, бонд? – насмешливо произнес кто-то над головой Сигурда. Он поднял взгляд. Над ним, ухмыляясь, возвышался желтоглазый Харек, поигрывал рукоятью ножа.

– Я только их и боюсь, – сказал Сигурд.

Волк рассмеялся, протянул бонду руку, помог встать. Его ладонь была крепкой и теплой, совсем не похожей на ладонь безжалостного берсерка.

– Тогда ты очень смелый человек, – признал Харек. – Будь ты воином, я бы взял тебя в свой хирд.

Ночью Сигурд вновь не мог заснуть. Лежал, уставившись в потолок, слушал привычное сопение домочадцев, стук дождя по крыше и думал. Он думал не о женщине с рысьими глазами, танцующей под дождем, и не о красивой княжне, полюбившей морского ярла, и не о мертвом колдуне, над которым нынче возвышался памятный камень, – Сигурд размышлял о

себе.

Когда-то давно, когда он был молод, а его отец еще ходил в походы за море, Сигурд мечтал о великой воинской славе. Тихо выскальзывая из дома лунными ночами, он ходил на берег моря и слушал, как шепчутся меж собой непоседливые дочери Ньерда. А потом снимал одежду и бросался в их ласковые объятия, чувствуя прохладные пальцы на своей коже. Он мечтал, что когда-нибудь в жаркой битве, после удара чужого меча, он очутится в их чертогах, и представлял, как впервые увидит морских великанш, расскажет о дальних странах и громких битвах, которые ему довелось повидать. Он хотел стать ближе к дочерям моря, понять, о чем они поют, о чем перекликаются, на что сердятся. Он грезил о далеких берегах, ни разу не виденных, но, несомненно, прекрасных, о драккарах, летящих по спине моря, о подвигах, свершаемых ради славы и богатства.

Но мечты и надежды, царствуя ночью, с рассветом таяли, а днем его ждали обычные для усадебной жизни дела – рассуживание ссор меж родней, заготовка сена, охота, сбор урожая. И песни дочерей Ньерда исчезали за хлопотами. Отцу не на кого было оставить усадьбу – мать Сигурда умерла, а другая женщина так и не вошла в их дом, поэтому за делами приглядывал сам Сигурд. Он еще на что-то надеялся, когда однажды осенью в положенный срок отец не вернулся из похода. Корабли, пришедшие в Каупанг, привезли лишь обломок его меча. Хирдманны отца, те, кто еще не обзавелся семьей в усадьбе, нашли нового хозяина. Следующей весной они отправились в поход с другим хевдингом, а остальные осели на берегу, как и сам Сигурд.

Время плескалось неспешными волнами, все реже он выходил к морю, все реже разговаривал с дочерьми Ньерда, а потом и вовсе перестал мечтать о великих походах и далеких землях. Кажется, это случилось, когда он впервые женился. Юхта была хорошей женой, домовитой, хозяйственной, доброй. Она не нравилась Сигурду, однако породниться с дочкой херсира Кнута было полезно, ведь Кнут был самым ближним соседом. Потом усадьба разрослась, и у Сигурда появилась вторая жена – Гунна. Она оказалась мила и незащищена, совсем как маленький ребенок. А на Снефрид бонд женился из-за глупой хмельной блажи. Однажды во время пира белолицая девушка, прислуживающая ему за столом, приглянулась Сигурду, и, не раздумывая, он разделил с ней ложе. Потом оказалось, что Снефрид – из хорошего рода, вот и пришлось назвать ее женой.

Три жены, большая усадьба, полная родичей и слуг, стада скота, крепкие торговые связи, – все было слишком хорошо, чтобы тосковать по ночным купаниям и детским мечтам. Но нынче на душе у бонда было тоскливо. Он ворочался с боку на бок, стараясь не разбудить спящую рядом Снефрид, вздыхал, подсовывал ладонь то под одну, то под другую щеку, но сон не шел. От множества людей в доме стоял тяжелый запах, открытая дверь не впускала достаточно воздуха. Перевалившись через сонно причмокнувшую жену, Сигурд спустил ноги с лавки, сел, опершись локтями о колени, уронил лоб в ладони. Веки были тяжелыми, голова побаливала, зато пол приятно холодил ступни. Тяжело вздохнув, бонд на ощупь отыскал в изголовье постели смятый плащ, накинул его на плечи и пошел к дверям.

На дворе было свежо, дождь забарабанил по голове и спине Сигурда крупными холодными каплями. Встряхнувшись, Сигурд двинулся к морю. Ему вдруг захотелось коснуться прежней, беззаботной детской жизни, услышать голос моря, поглядеть на корабли, посидеть на берегу, мечтая о чем-то несбыточном.

На сей раз бонд пошел прямо по дороге, переступая через лужи и стараясь выбирать места посуше. Дорога вильнула перед каменной грядой, окружившей торговую площадь и пристань Каупанга, поползла вдоль нее. Сигурд провел ладонью по влажным камням, улыбнулся. Этот жест вновь напомнил ему детство. Тогда он часто гладил мокрые спины валунов, представляя, что каменная гряда вовсе и не гряда, а спящий дракон, а он сам – бесстрашный воин, ничуть не хуже Тора ¹⁷, не боящийся разбудить чудище и вступить с

¹⁷ Тор – бог, сын Одина, громовержец, покровитель и защитник среднего мира, то есть мира людей.

ним в неравную схватку. Теперь-то он знал, что драконов не бывает, а если они и есть, то живут где-нибудь далеко, в подземных пещерах или на краю мира, где в яме сидит на цепи громадный Фернир¹⁸ – пожиратель солнца.

Возможно, кто-то из воинов Бьерна или сам Бьерн видел драконов, во всяком случае, многие торговцы, приходящие в Каупанг из далеких земель, уверяли, что встречали их, но Сигурд им не верил. Лишь однажды он поверил подобным словам, когда о драконах рассказывал синекожий раб, привезенный издалека, с жаркого юга, где вместо снега и земли – горячий песок. У него были розовые ладони и пятки, очень плоский нос и большие губы. В носу у раба висело кольцо из железа, будто у быка, ведомого на случку. «Драконы огромны, у них длинный хвост с шипами, узкие глаза и пасть, усеянная двумя рядами зубов. У них короткая шея и ноги, но они очень быстро бегают. Они не умеют летать, зато умеют плавать, живут в реках и притворяются бревнами, поэтому люди и звери часто их не замечают. Нападение дракона невозможно отразить», – на плохом северном языке рассказывал раб. Над ним многие смеялись, говорили, что таких драконов не бывает, а Сигурд ему верил. Если где-то на земле и жили драконы, то как раз такие – похожие на огромные плавучие бревна, с короткими лапами и огромной пастью...

Дорога вывела Сигурда на площадь. Далеко, у кромки берега, горел костер, разведенный людьми Бьерна, – ярл оставил у драккаров надежных сторожей. Над костром, оберегая его от дождя, на четырех кольях был натянут кусок полотнища, вокруг огня горбились маленькие черные людские фигурки, до Сигурда доносились невнятные голоса, смех.

Стараясь оставаться незамеченным, бонд двинулся вдоль внутренней стороны ограды к уходящему в море мысу, надеясь, затерявшись меж камней, спокойно посидеть в одиночестве. Он уже почти скрылся за мысом, когда от костра окликнули:

– Эй, Кьятви!

Сигурд не обратил внимания на оклик – звали не его, а какого-то Кьятви. Однако не успел он пройти и трех шагов, как уже несколько голосов настойчиво закричали:

– Кьятви! Ты что, оглох?! Эй, Кьятви!

В темноте все кошки серы.

Понимая, что его могли принять за кого-то другого, Сигурд остановился, обернулся. Один из воинов отошел от костра, направляясь к нему. Не дойдя, остановился, громко сообщил приятелям:

– Это не Кьятви!

Те дружно вскочили на ноги, звякнули вынимаемые из ножен мечи.

Разглядывая приближающихся хирдманнов, Сигурд представил, как глупо он выглядит – босой, без рубашки, с мокрыми от дождя волосами, в завязанном узлом на груди старом плаще. А воины наступали на него, поджарые, ловкие, как свободные дикие звери. Окружили, озадаченно принялись разглядывать бонда. Ни одного знакомого лица среди них Сигурд не признал.

Наконец, один из сторожей сунул меч в ножны, хмыкнул и поинтересовался:

– Куда это ты идешь средь ночи, бонд?

Вряд ли Сигурд мог внятно объяснить, куда он идет и, главное, зачем покинул мягкую постель и ласковое тело молодой жены.

– Душно. Не спится, – буркнул он.

– Ясно, – сказал воин.

Судя по всему, здесь он был старшим. Едва его оружие ушло в ножны, как все остальные тоже попрятали мечи.

¹⁸ Фернир – мифологическое чудовище, волк, который, согласно мифу, во время конца света должен освободиться от цепей и проглотить солнце.

– Меня зовут Хемминг, сын Готфрида, я родом из саксов ¹⁹, – назвался воин, приглашая, повел рукой в сторону костра, подле которого маячили еще две темные тени. – Не прячься подобно вору, бонд. Раздели эту ночь с нами.

Сигурду не хотелось ни с кем разговаривать, он уже жалел, что ушел из дома, но отказывать воинам Бьерна было опасно. Согласно кивнув, бонд двинулся к костру.

Когда в отблесках пламени стали различимы узлы, удерживающие навес над костром, Сигурд признал в одном из сидящих стражей светлоглазого Рюрика. Мальчишка кивнул ему, как старому знакомому, пододвинулся, уступая место. Теперь Сигурд видел, что воины расположились не на земле, а на снятых с драккара веслах.

Опустившись подле Рюрика, бонд протянул ближе к огню босые ноги, поправил накидку, мельком глянул на море. Тяжелые черные корабли в ночи казались огромными, будто сказочные птицы с Востока, чьи птенцы питаются лошадьми и коровами, пожирая их одним махом. Драккары мирно покачивались на волнах под тихое потрескивание дров в костре и плеск воды, но Сигурду казалось, что достаточно вскрикнуть, и они, распустив огромные крылья, ринутся в небо, разгибая скрученные клубком драконьи шеи и со свистом выдыхая огонь из разверстых пастей.

Рюрик локтем подтолкнул Сигурда, протянул ему большую деревянную кружку с хмельным медом. Обхватив бока кружки обеими ладонями, Сигурд глотнул сладкого меда, передал питье дальше по кругу, утер губы краем плаща.

– Говорят, будто Дамир из Эстфольда собрал пятнадцать кораблей, чтоб пойти с ним, – продолжил, видимо, давно начатый разговор кто-то из воинов, сидевших напротив Сигурда. Лицо говорящего пряталось в темноте, зато бонд хорошо видел его ноги в новеньких сапогах, сшитых из двух кож ²⁰.

Чаша перекочевала в руки Хемминга, он громко отхлебнул, помычал, смакуя пряный вкус напитка, проглотил, согласно кивнул.

– А что, может, у них и получится. Карл Лысый ²¹ нынче похож на человека, который пытается сбросить вцепившегося в горло волка. Вряд ли он обратит внимание на укусы ос.

– Ради борьбы с осами Лысый может договориться с братьями-волками, – сказал обладатель кожаных сапог.

– Ха! Братья-то его и сожрут. Нет, в земле франков не будет мира, пока из детей старого Людовика не останется только один – самый сильный.

Сигурд плохо понимал, о чем болтают воины, но сидеть среди них, чувствовать тепло огня, свежесть морского ветра и пить сладкий дурманный напиток ему нравилось. Он даже забыл про дождь.

– Они говорят о Карле Лысом, короле франков? – склоняясь к Рюрику, спросил он.

– Да, они говорят о походе, который затекает Красный Рагнар, – ответил мальчишка. – Рагнар хочет пойти на франков, пока там дети умершего короля Людовика дерутся между собой. Красный намерен взять большую добычу.

Сигурд знал Рагнара. Высокий рыжий морской ярл, родом из эрулов ²², частенько наведывался в Каупанг, привозил добытые в походах богатства, менял рабов на еду или

¹⁹ Саксы – племя, населявшее в IX веке территорию нынешней Германии.

²⁰ Один из способов изготовления обуви. В те времена обувь шили из одного или двух лоскутов кожи.

²¹ Карл Лысый – один из сыновей короля Людовика Благочестивого. После смерти Благочестивого его земли были поделены между его сыновьями. К Лотарю отошли земли от Италии до Фрисландии (Срединное королевство), Людовик Немецкий получил земли от Саксонии до Баварии, а Карл Лысый – Западно-Франкское королевство (Франция).

²² Эрулы – племя, которое впоследствии растворилось среди других шведских племен, но известно, что многие из эрулов были профессиональными наемниками.

золото, а за золото покупал клятвы новых воинов. Несколько раз он ночевал в усадьбе Сигурда, умел красиво рассказывать, бахвалился своими подвигами, много пил и совсем не смотрел на женщин. Эрл был очень отважен и очень вспыльчив. Однако Сигурд никогда с ним не ссорился, а в последний приезд Рагнара они и вовсе стали добрыми друзьями, заключив выгодную для обоих сделку. Сигурд уже не помнил, что на что они поменяли, но довольны остались оба.

– Рагнар гостит в Норвегии? – нахмурившись спросил он.

– В Свеаланде ²³, у тетки, – сказал Рюрик. – Его корабли всю зиму простояли на озере Венерн. После похода на франков он собирается вернуться в Свеаланд. Говорит, будто успеет до середины лета. Оставит добычу и двинется на восток.

– Он не сумеет пройти с добычей мимо датских земель. – Сигурд был горд, что разбирается в воинских делах ничуть не хуже бывалых хирдманнов. – Хорик, конунг Дании, горазд до чужого добра.

Рюрик безмятежно пожал плечами.

– Многие думают так же, как и ты. Но кто знает нити норн? Боги могучи, норны слепы. Да и Рагнар не дурак, наверняка уже что-нибудь придумал. Вряд ли он надеется на авось.

– На что? – не понял Сигурд.

Сидящий слева от него воин расслышал вопрос, подпихнул бонда локтем в бок, засмеялся:

– Рюрик еще помнит своих богов! Авось – бог удачи в его родных землях.

– Мои родные земли – Гейрстадир! – неожиданно обиделся Рюрик.

– Цыц! – тут же, прерывая начинающуюся ссору, рявкнул на него Хемминг.

Парень смолк, отвернулся. Над берегом повисла тяжелая тишина, нарушаемая лишь плеском волн и щелканьем разгоревшихся поленьев. Искры взлетали в ночное небо, касались навеса и красным дождем опадали вниз.

Зато настоящий дождь кончился.

Сигурд снял плащ, развернул его на коленях, чтобы подсушить.

– Домовитый ты... – начал было Хемминг, но вдруг выпрямился и гортанно рыкнул:

– Ярл идет!

Воины дружно встали. Поддавшись общему движению, Сигурд вскочил. Плащ соскользнул с его колен, краем коснулся костра. Огонь радостно лизнул мягкую ткань, но, пропитавшись влагой, она занялась не сразу – лишь задымила, окутывая воинов душным черным облаком. Первым закашлялся Рюрик. Взмахнул руками, отгоняя едкий дым, зашипел на Сигурда:

– Убери...

Опомнившись, бонд выхватил плащ из огня, но было уже поздно, шерсть тлела, дым клубился в воздухе. Сигурд, размахивающий дымящейся тряпкой, казался пасечником, окуливающим пчел.

Сквозь пелену дыма он не сразу разглядел Бьерна. Когда ярлу оставалось до костра не более десяти шагов, раздосадованный Хемминг подскочил к бонду и, вырвав у него из рук горящий плащ, швырнул его в огонь.

– Ты обижаешь хозяина, Хемминг, – Бьерн указал на догорающие остатки плаща, усмехнулся. – Хотя... что ты здесь делаешь в столь позднее время, бонд?

Он стоял довольно далеко, но даже издали, даже в дымном чаду, Сигурд ощущал исходящий от него травный чистый запах – запах лесной колдуньи с рысьими глазами. Ярл наверняка пришел от нее, из ее объятий, из ее постели.

Сигурд не знал ревности, да и не умел ревновать, но внутри шевельнулось неприятное чувство досады. «Почему он?» – возмутилось нечто у него внутри и тут же само

²³ Вступая в хирд, воины приносили клятву верности вожаку хирда – хевдингу. Свеаланд – область в Швеции.

откликнулось: «Потому, что он – свободный и смелый. Он – мужчина, а не земляной червяк, с весны до осени копающийся в гнилой репе и горохе».

– Я уже ухожу, – резко ответил ярлу Сигурд и пошлепал прочь от костра.

Пропуская его, Бьерн посторонился. Сигурд заметил удивленно приподнятые брови ярла, но даже не подумал что-либо объяснять, просто угрюмо прошел мимо.

По пути он никого не встретил. На дворе по-прежнему было тихо, в мелких лужах блестел лунный свет, у пустого сеновала сонно мотали гривами отощавшие за зиму лошади, две собаки спали подле избы, свернувшись клубками и закрыв носы пушистыми хвостами. У входа в воинскую избу дремал кто-то из хирдманнов Бьерна. Похоже, ярл не доверял жителям Каупанга, если после радушного приема и пираставлял у дверей охрану.

– Да плевать мне на него! – зло буркнул Сигургурд и ввалился в дом.

Внутри царили покой и затхлость, впрочем, как уже многие и многие годы.

Пробравшись к своему ложу, Сигурд остановился, разглядывая спящую жену. Снефрид была по-своему очень мила – пухлая, светленькая, нежная. Она лежала на спине, приоткрыв маленький рот и разбросав руки в стороны. Одеяло сползло с ее плеча, утянув за собой край рубахи, и в широком вороте виднелась молочная кожа груди. Сигурд вспомнил, как приятно было прикасаться к этой коже, оставляя на ней розовые следы, сминать ее, гладить, ласкать.

– Подвинься! – склонившись над женой, пробормотал он и пихнул Снефрид кулаком в мягкий бок. Та всхлипнула во сне, распахнула глаза, сонно заморгала.

– А? Что? Что случилось?

– Мышка кошкой разродилась.

Сигурд обеими руками грубо подвинул жену к стене, завалился на лавку спиной к ней, натянул до подбородка одеяло, затих. Немного поворочавшись, Снефрид ловко перетянула одеяло на себя, вновь ровно засопела. Сигурд чувствовал, что она не спит, что неожиданная грубость мужа обидела ее и теперь она просто притворяется, чтоб не услышать чего-нибудь еще более обидного.

– Прости, – тихо сказал он.

Снефрид пошевелилась, ласково провела ладошкой по его волосам, прижалась к нему сзади. Перекатившись на спину, Сигурд обнял ее одной рукой, притянул поближе. Другую руку заложил под голову и, глядя в потолок, спросил:

– Тебе нравятся воины?

– Мне нравишься ты, – проворковала Снефрид.

Ее макушка упиралась бонду в подбородок, от ее волос пахло чем-то кислым. Сигурд поморщился.

– Неужели девочкой ты не мечтала о будущем муже? Скажи, о ком ты мечтала, Снефрид? Неужели о ленивом, толстом бонде, берущем в руки оружие лишь для защиты своего никчемного дома?

Никогда раньше он ни о чем подобном ее не спрашивал. Снефрид растерялась, сосредоточенно засопела, тычась носом во влажную от дождя грудь мужа. Ее не беспокоило, куда и зачем он ходил, важно было лишь то, что он вернулся. Впрочем, ей, наверное, понравилось бы видеть его в доспехах, на палубе драккара, среди таких как Бьерн. Наверное, ей было бы приятно перебирать диковинные дары, привезенные им из далеких земель, и хвастаться перед подругами красивыми редкими украшениями, добытыми не торгом, а силой, может, даже через смерть бывшей владелицы – королевы или дочери короля. Наверное, ей нравилось бы ждать его несколько месяцев, а потом бежать навстречу его кораблю, задыхаясь от счастья, которого у нее никогда не было.

– Я... – начала было Снефрид, но Сигурд перебил ее:

– Не надо, Снефрид, не говори. Я и так знаю. Спи лучше.

Еще немного поломав голову над странными ночными вопросами мужа, Снефрид заснула на его плече.

До рассвета Сигурд гладил ее по голове, будто прощаясь, а поутру, поднявшись и обойдя всю усадьбу решительно ступил в воинскую избу. Там он разглядел в полутьме

сидящего на лавке Харека, шагнул к нему и на одном дыхании, быстро, будто боясь передумать, произнес:

– Ты сказал, что взял бы меня в свой хирд, Волк. Что ж, я готов стать твоим хирдманном. Или твои слова были пустыми, как лай брехливой собаки?

Харек отложил в сторону топор, который чистил куском «пенного» камня, отер руки о подол рубахи, сложил их на коленях.

– Волки не лают, – вглядываясь в осунувшееся за ночь лицо гостя, сказал он. – Заходи, поговорим.

В тот же день Сигурд стал воином Харека Волка. Он принес клятву верности Бьерну, назначил старшей над усадьбой Юхти, успокоил совсем растерявшуюся Снефрид, утешил хныкающую Гунну, объяснил Дагу и Магнусу, как и что следует делать, если придут враги, не уродится горох или овец вновь станет донимать чесотка, как три года назад.

А спустя два дня он уже стоял у кромки берега и смотрел, как его будущие соратники, те, с кем теперь ему придется плечом к плечу биться в неведомых землях, поднимаются на борт, держа над головами походные сундуки и притороченное к ним оружие. Подле его ног стоял такой же сундук, перед ним плескались холодные воды бескрайнего моря, за спиной толпились ошарашенные его неожиданным решением домочадцы.

– Шаг вперед сделает тебя искателем счастья, а шаг назад – счастливым, – проходя мимо него, сказала Айша. От ее волос пахло свежей мятой.

Она не стала, подобно Гюде, дожидаться лодки, сама ступила в воду и пошла вперед, к кораблям, помогая себе руками. Ее юбка никак не хотела намокать – поднялась, вздулась колоколом вокруг ее плеч, скрыла от Сигурда темноволосую голову. Айша, как и княжна, направлялась к драккару Рюрика – корабль Бьерна брал лишь воинов, к тому же в битве он принимал первый удар. Харек поддерживал его, а за это время Рюрик мог успеть улизнуть и высадить женщин в более безопасном месте.

Не оборачиваясь, Сигурд шагнул в воду. Сапоги сразу намокли, внутри захлюпало. Вначале Сигурд шел, будто цапля, высоко задирая ноги, но затем это стало бессмысленным. Накатывающие волны били его в грудь, словно требовали повернуть назад, борт драккара качался где-то далеко, сундук и оружие давили на руки. Было трудно и холодно. В какой-то миг Сигурду захотелось все бросить и пойти обратно, но он не привык отступать.

Приближалось время прилива, Сигурд шел одним из последних, поэтому до борта ему пришлось доплывать, держа сундук и оружие на плече. С драккара Харека ему спустили весло. Мальчишкой Сигурду доводилось забираться на отцовский корабль по веслу, но тогда он был легче, моложе и у него не было груза.

Схватившись за лопасть, Сигурд по-лягушачьи дрыгал ногами, пытался подтянуться, одной рукой удерживая сундук, а другой – обхватывая весло. Наверху засмеялись.

– Эй, бонд, ты так и поплывешь там, внизу, или все-таки залезешь и поможешь нам грести?

В раскачивающемся над бывшим бондом небе замаячила плоская рябая рожа. К ней присоединилось еще несколько улыбающихся лиц.

Разозлившись, Сигурд подтянулся, обвил весло ногами, забросил сундук с оружием на плечо.

– Поднимай! – рявкнул он.

Воины перестали смеяться, лопасть медленно поднялась из воды, вытаскивая Сигурда, пошла к борту.

Перевалившись через черную от смолы щитовую доску, Сигурд брякнулся на четвереньки, уронил своей ношу на палубу, по-собачьи встряхнулся, сплюнул попавшую в рот соленую воду. Перед глазами раскачивались палубные доски, чьи-то ноги, сундуки...

– Вставай.

Кто-то подхватил его под локоть. Вырвав руку Сигурд выпрямился. Перед ним стоял желтоглазый Харек.

– Пойдем, покажу тебе место для гребли и сна, – сказал он.

Сигурд покосился на застывший в двадцати шагах от них корабль Рюрика. Там, на корме, на подушках, восседала княжна, а неподалеку от нее, перегнувшись через борт, Айша обеими руками, будто мокрое белье, скручивала собранные в узел волосы. Вода струилась с темных прядей, блестела в неярком утреннем свете...

– Это будет простой поход, – провожая Сигурда ближе к корме и указывая ему место в одном гребном ряду с Хеммингом и Яриком, говорил Волк. – Это хорошо для тебя. В Альдоге нас примут с почетом – старый князь давно ждет возвращения дочери и сына. Опасности стерегут лишь в Эресунне и возле острова Рэ²⁴ – мы пойдем вдоль побережья. Хотя для морских забав мы выходим слишком рано²⁵, поэтому вряд ли кого-нибудь встретим. А спать будешь тут, ближе к правому борту.

Сигурд послушно кивал, примечал отведенные ему места. Поставив сундучок меж невысоким худеньким Яриком и саксом, он осторожно опустил на крепкую крышку, взялся за рукоять весла, вздохнул.

Под его пальцами будто пульсировало новой неведомой жизнью истертое многими ладонями дерево, под его ногами раскачивалась палуба, волны бились о борт, на берегу безмолвно стояли близкие, но Сигурд никак не мог поверить, что все это происходит наяву. Казалось, просто вернулись его мальчишеские мечты – сырая одежда, прилипшая к телу, соленый привкус во рту, весло в руках, меч у ног.

Мимо забухали тяжелые шаги, к рулю прошел кряжистый, похожий на бычка, кормщик Харека, рядом с ним – сам Харек, следом за Хареком – молодой воин с толстыми короткими палками в руках.

– Готов? – спросил Сигурда Ярик.

Лицо у хирдманна было сосредоточенное. Светлые глаза потемнели, словно небо перед грозой.

– Да.

Сигурд вытер о штаны вспотевшие ладони, вновь схватился за древко весла. Внезапно он осознал, что все случившееся – правда, что сейчас он, вместе с прочими воинами, опустит весло в воду, наляжет на него всем телом и родная усадьба, знакомая, надежная, уютная, поплывет прочь из его жизни, как ранее уплывали мечты о далеких странах. «Дурак! – мелькнуло в голове. – Чего мне не хватало?» Но мысли не успели оформиться в слова или решение.

– Хеейя! – выкрикнул Харек.

Весло потянулось вперед, утаскивая за собой Сигурда, мягко опустилось, коснулось воды.

– Хейя! – под удар барабана вновь выкрикнул Харек.

Сигурд отвалился спиной назад, изо всех сил потянул на себя упирающееся весло.

Больше Харек не кричал: ритм задавал барабанный бой – вот для чего были нужны похожие на дубинки палки.

Сигурд совсем не так представлял себе свой первый отъезд. Он думал увидеть удаляющийся берег и родичей, печально машущих ему вслед, но за работой не видел ничего. Он то наклонялся вперед, следуя тяжести весла, то тянул его назад, откидываясь и упираясь пятками в маленькую приступку перед собой. Глядеть на берег было некогда.

Уже через несколько гребков у Сигурда заболели ладони, но барабан не унимался, рядом пыхтели Ярик с Хеммингом, и Сигурд старался не отставать ни от них, ни от барабанного боя.

²⁴ Рэ – древнее название острова Рюген в Балтийском море. Там находилось одно из самых крупных капищ (храмов) балтийских славян.

²⁵ Согласно справкам из исторических источников, описываемый здесь поход состоялся в марте-апреле. Обычно морские походы начинались позже.

– Не унывай, брат, – в такт движениям выдохнул Хемминг. – Ветер нынче попутный, отойдем от берега – поставим парус. Отдохнешь.

Его слова плеснули на бонда ласковой волной – до сей поры Сигурда никто никогда не называл братом.

Они шли быстро. К концу первого дня пересекли Ослофьорд, спустя еще день миновали суровый по весне Каттегат, потом – Эресунн, плоские берега Сконе, ощерившиеся скалами пристани Йотланда. Утром пятого дня справа по борту Сигурд увидел лесистых земли ободритов. Бьерн избрал самый безопасный путь – ближе к берегу, не рискуя столь рано идти через Остерсунн ²⁶. Однако даже возле берега гуляла высокая волна, корабли мотало с боку на бок, и гребцам приходилось посменно сидеть на веслах, чтоб выдержать заданный кормщиком курс.

Вечером ветер усилился, и Харек приказал убрать паруса, чтоб не налететь на береговые мели. С корабля Бьерна, идущего впереди, крикнули, что надо ждать бури, поэтому на весла сели самые опытные гребцы. Те, кто еще не пообтесался в боях с морем, отправились отдыхать. Сигурд уступил свое место у весла худощавому, жилистому воину, имени которого не знал, а сам пристроился на палубе у правого борта. Он вытащил из сундука теплый плащ, прикрылся им от ветра и летящей в борт соленой мороси, натянул полу на голову.

Из-под полы плаща он видел Харека, стоящего у руля рядом с кормщиком, моток пеньки, несколько досок, плотно прилаженных к борту железными крюками на случай поломки или пробоины, и мачту, у подножия которой бессильными складками улегся парус. Два хирдманна сутились подле мачты, сворачивая большое полотнище. Работа была не из легких – ветер трепал одежду воинов, брызги окатывали ледяным дождем, ноги расплзались на мокрой палубе.

Хирдманны торопились, громко ругались, перекрикивая шум волн, в спешке путали крепления парусины. Одного, постарше, звали Къятви. Сигурд вспомнил, как в Каупанге его приняли за Къятви. Может быть, именно за этого самого человека.

Мимо Сигурда прошел кто-то из воинов, пошатнувшись, ухватился за промокшее плечо бывшего бонда, случайно сбил плащ с его головы. Кивнул, извиняясь, и двинулся дальше. Глядя ему вслед, Сигурд подумал, что сейчас в усадьбе, наверное, уютно и тепло. В домах жарко пылают очаги, в женской избе на большой скамье рядком сидят девки с бабами, скручивают пряжу, тихо переговариваются меж собой, обсуждая его отъезд. У Гунны наверняка глаза на мокром месте, Снефрид тихо вздыхает, а Юхти, как обычно, утешает обеих, обещая, что Сигурд непременно вернется к осени, что путь в Альдогу не опасен, что надо верить в его счастливую звезду и молить богов об удачном походе.

Корабль качнуло, на макушку Сигурда плеснула перевалившая через борт волна. Вода затекла за ворот рубахи, холодом пробежала по спине.

– Вправо! – выкрикнул Харек. – Нос по волне! Вспыхнул огонь факела, озарил его высокую фигуру. Вокруг Харека заматались тени. Драккар качало уже сильно – Волк едва держался на ногах, барабанщик стал сбиваться с ритма.

– Надо поворачивать к берегу, – сказал кормщик.

– Чтоб пропороть днище о камни? – огрызнулся желтоглазый.

– Я проведу драккар меж камней до начала бури, – возразил кормщик.

Сигурд был с ним согласен – дожидаться бури было намного опаснее, чем попытаться закрепить якорем на мелководе.

– Бьерн идет к берегу? – спросил кормщика Волк.

Тот отрицательно покачал головой.

– Я иду с Бьерном, – решил Харек. – В море.

²⁶ Здесь перечислялись проливы, разделяющие Балтийское море и Северный Ледовитый океан. Остерсунн – пролив, ближний к Балтийскому морю.

– Мы не сможем отойти далеко от скал – хмуро буркнул кормщик. – Слишком высокая волна.

– Не пытался предвидеть нити норн, – усмехнулся Харек. Протянул кормщику конец веревочного каната, посоветовал: – Закрепись.

Потрепал хирдманна по плечу и, широко расставляя ноги, направился к мачте, принялся вместе с Къятви вытаскивать ее из крепления.

Приподнявшись, Сигурд глянул на корабль Бьерна. Большой драккар двигался под углом к волнам, стараясь не подставлять борт напрямую, а вспарывать водяные горбы драконьим носом. Он стремился на глубину, однако волны мощными ударами толкали его к берегу, обращая в прах все усилия гребцов.

Сшибаясь с кораблем, водные валы громко кряхтели, взлетали к драконьей пасти светлыми брызгами, с шипением рассыпались вдоль борта, облизывая его белым пенным языком. Будто поддаваясь нежданной ласке, драккар накренился к ним, черпал воду бортом. Лужа расплзлась по палубе, а корабль испуганно выправлялся, чтоб подвергнуться нападению следующей волны, больше и злее предыдущей. Ветер то почти стихал, то мощным порывом хлестал по лицу Сигурда, мешал дышать, рвал с плеч плащ, гудел в снастях корабля тонкими осами. В его гудении бонду чудились злые женские голоса, пронзительные и жестокие. Время походов еще не началось, только-только оттаяли саамские озера, и морские великанши сердились на слишком ранних гостей.

Гигантская волна ударила в борт драккара, палуба тут же улизнула из-под ног бывшего бонда. Рухнув на колени, он выпустил из пальцев крепившую плащ фибулу. Плащ слетел с его плеч, распластался в палубной луже, потек с остатками воды прочь от владельца. Стоя на четвереньках, Сигурд потянулся за ним, но драккар завалился на другой борт, и плащ поплыл прямо на бонда. Смялся, зацепившись за его ноги, заплескал краями.

– Ты заснул, Гундебранд?! – перекрывая рев волн, скрип снастей и гул ветра, зазвучал над кораблем рык Харека. – Или тебя обуял страх перед дочерьми Ньерда?! Славь нашу силу, пусть боги слышат – идут дети Одина!

Барабанщик, уже было переставший стучать, возобновил усилия.

Барабанный рокот оглушил Сигурда, стряхнул оцепенение. Бывший бонд сгреб плащ под пузо, привалился спиной к доскам борта, отдышался.

– Берегись! Слева! – заорал кто-то.

В ответ послышались громкие ругательства. Бонд вытянул шею и отпрянул от неожиданности. Прямо на него из темной пасти моря, раскачиваясь и захлебываясь под напором волн, шел маленький драккар Рюрика. Он взмыл на высокой волне куда-то в небо, промелькнули искаженные отчаянием лица гребцов, весельные лопасти. Кормщик Латья, пытаясь выровнять драккар и отвести его подальше от корабля Харека, налегал на руль. Рядом с ним Сигурд увидел Рюрика. Мальчишка обеими руками изо всех сил толкал непослушное рулевое весло, полы его одежды развевал ветер, подошвы сапог скользили по влажной палубе. Недалеко от них, у борта, сидела Гюда. Княжна выглядела жалко, ее волосы намокли, вылезли из-под платка слипшимися прядями, круглое лицо казалось бледным и испуганным. Прижатые ко рту ладони выдавали обуявший ее страх. Рядом с ней, заслоня хозяйку от брызг насквозь промокшим куском ткани, на коленях примостилась рабыня. Бедняга вся тряслась и каждый раз, когда драккар наклонялся, заваливалась то на четвереньки, то на задницу. Тонкая рубашка прилипла к ее спине, выделяя острые лопатки, похожие на сложенные крылья, и ровную гряду позвонков.

Надеясь увидеть где-нибудь недалеко от княжны Айшу, Сигурд смахнул с лица воду, уцепившись за борт, встал на колени, заморгал. Он привык, что в беде женщины лепятся друг к другу, забывая о распрях и ссорах. Однако здесь все было иначе – Айша оказалась не возле княжны, а подле кормщика и Рюрика. Одной рукой болотница держалась за борт, а другой обматывала пояс Латя крепкой пеньковой веревкой. Тот кивал, что-то советовал ей, изо всех сил упираясь грудью в рулевое весло. Айша быстро сплела узел на его животе, обхватив кормщика руками, переждала волну, затем перебросила веревку через крепление

руля и принялась вязать второй узел. Теперь она стояла на самой корме, а за нею в темноте меж вздымающихся китовыми спинами валов раскачивался большой драккар Бьерна. Буря оттаскивала его от двух других, почти сошедшихся бортами кораблей, забрасывала в прожорливую пасть моря.

Очередная волна подхватила корабль Рюрика, повлекла его за собой, столкнула с драккаром Волка. Ее сестрица тут же с хрустом вломила в пробоину, обрушилась на Сигурда. Стараясь удержаться на месте, он обеими руками вцепился в щитовую доску. Уходящая вода потащила его по палубе, залила глаза и рот. В заложенные уши просочился далекий барабанный рокот. Сквозь мутную пелену бонд разглядел Харека и двоих воинов подле него. Передвигаясь почти на четвереньках, они ползли вдоль гребных скамей, спасая весла, еще не переломанные при столкновении.

На драккаре Рюрика сняли мачту и теперь пытались закрепить ее над трюмом ²⁷. Один из хирдманнов лежал на ее основании, другие крутились возле, обматывая бревно веревками. Мачту мотало по палубе, веревки выskalывали из мокрых рук, тянулись к бортам толстыми змеями.

За одну из них, нелепо раскинув согнутые в коленях ноги, вцепилась сбита волной болотная колдунья. Конец веревки схватила рабыня Гюды. Ее рот был широко открыт, но крик растворялся в рокоте, треске и вое. Вовремя привязанный к рулю кормщик остался на месте. Отфыркиваясь, словно потревоженный тюлень, он напирал пузом на рулевое весло, толкал его к правому борту. Молодой хевдинг держался за его плечи.

Факелы давно погасли, оставив драккар в туманной полутьме. К ногам Сигурда в потоке воды подполз клубок пеньки, замер испуганным псом, дожидаясь своей участи.

– Скала! Право руля! – заорал откуда-то из гроыхающей темноты Харек. – Еще вправо!

Гребцы по правому борту дружно подняли весла – лопасти забелели в грозном небе мертвыми птицами. Драккар покачнулся, разворачиваясь. Днище слева от Сигурда надсадно затрещало, будто по нему провели исполинским лошадиным скребком. Драккар взметнулся вверх и влево, на миг завис где-то меж морем и небом, а затем, поддавшись толчку громадной волны, сорвался и рухнул вниз, в кипящую под ним бездну, в водовороте которой жалкой щепой раскачивался маленький корабль Рюрика.

Жуткий треск оглушил Сигурда, неодолимая сила швырнула его на середину палубы, между гребцами. Перед глазами проскользнул разбитый борт Рюрикова драккара. Будто во сне, как-то отстраненно бонд увидел, как уже убранная мачта вырвалась из оплетающих ее веревок, покатила, сминая их ровные ряды. Один из тех, кто помогал крепить ее, оказался прямо перед крестовиной. Тяжелое бревно ударило его под колени. Вскинув вверх руки, воин упал лицом вниз. Круша кости, крестовина проползла по его спине, верхушкой дотянулась до беззвучно визжащей рабыни. От удара ее лицо смялось, расплылось кроваво-мясным блином. В агонии она заскребла пальцами, потянулась к Сигурду. Ее уже никто не мог спасти, даже боги, но, подчиняясь привычке помогать, бывший бонд рванулся к пробоине, края которой сцепили два корабля. Над ним кричали люди, кто-то куда-то полз, плескалась вода, гремело, выло, что-то орал Харек. Рабыня исчезла под новой волной.

Сигурд уже ничего не понимал, ничего не видел и не слышал.

– Великие боги, дарующие благодать, за что отвернулись вы? Норны всемогущие, не позвольте сгинуть. Ну я и дурак, ой, дурак! Куда полез?.. Сидел бы себе дома, дурак... Ньерд, бог светлый, усьми ветры, прошу тебя. Прощу, – бормотал он.

Будто отзываясь на его мольбы, в небе загроыхала колесница Тора, затрясли водяными бородами запряженные в нее козлы, мелькнул серебром Мьелльнир²⁸, рассек

²⁷ На некоторых кораблях того времени мачты были съемными.

²⁸ Здесь перечислены символы бога-громовержца – в его колесницу были запряжены козлы, а его волшебным оружием был молот Мьелльнир.

кровавой молнией черное небо.

Подчиняясь нахлынувшему ужасу, Сигурд истошно закричал, вскочил на ноги. Он хотел бежать, все равно куда и как, лишь бы подальше от гнева всевластных богов, от разъяренных морских великанш, от завывающих волков Ньерда.

Вспышка молота Тора озарила палубу корабля, и в паре шагов от себя Сигурд увидел Айшу. Она висела над морем, между драккарами, отчаянно цепляясь руками за высунувшийся из пробоины обломок мачты. Юбка колдуньи сбилась, облепила крепкие ляжки, волосы расплылись морскими водорослями вокруг лица. Корабли неумолимо сближались, грозя раздавить ее, но болотница не кричала. Закусив губу, она боролась, стараясь подтянуться на скользкой древесине.

Что-то щемящее, теплое змейкой просочилось сквозь обуявший Сигурда страх, дотянулось до сердца.

– Айша, – выдохнул он и, забыв о недавней панике, рванулся к колдунье.

Его опередили с драккара Рюрика – высунувшись в пролом, Гюда быстрым движением дотянулась до болотницы.

Сигурд надеялся, что княжна схватит ее за запястье, поможет удержаться, но Гюда внезапно с размаху ударила колдунью по лицу. Та дернулась, отпустила одну руку. На ее губе проступила кровь, потекла по подбородку.

– Сука! Не смей! – Сигурд вскочил на ноги.

По-кошачьи изогнувшись, болотница вновь уцепилась за мачту обеими руками, закинула на нее ноги, подтянулась.

Княжна поползла к ней, занесла сжатую в кулак руку.

– Ах ты, дрянь!

Страх исчез под всплеском злости. Ярость толкнула бонда вперед, через воющую меж драккарами бездну, на палубу Рюрикова корабля. Одним прыжком Сигурд перемахнул через пролом в борту, упал на четвереньки перед Гюдой, закрывая беспомощную колдунью своим телом.

Голубые глаза княжны остановились на нем, полоснули бонда злыми плетьюми. Потом ее лицо омертвело, взгляд обратился за спину Сигурда, темные губы растянулись в жестокой улыбке.

Сигурд не увидел, что ее обрадовало. Он понял это, когда сзади на его плечи навалилась толща холодной воды и повлекла его вперед, прямо на улыбающуюся Гюду. Сигурд рухнул на княжну, обхватил ее обеими руками за плечи. Вода крутанула его, перевалила через что-то живое. Перед бондом промелькнула, расщепленная надвое, поднимавшаяся из глубины моря крестовина мачты. Сигурд попробовал ухватиться за нее, однако под рукой оказалась лишь ненадежная щепка...

То, что он уже не на палубе драккара, Сигурд понял, когда стало тихо. Слишком тихо. Вокруг него в темноте мелькали светлые пузырьки, ускользали куда-то вверх. Надеясь успеть за ними, бывший бонд замахал руками, но тело стало тяжелым, словно его набили старым прелым сеном. Оно не желало шевелиться, в ушах стояла тишина, легкие разрывались, мечтая о глотке воздуха.

Один за другим пузыри исчезли, оставив Сигурда в крошечной тьме, без единого светлого блика. Теперь бонд не знал, где верх, где низ и куда плыть, чтобы вырваться из цепких и вовсе не ласковых объятий дочерей Ньерда.

– Мама!.. – забыв о богах и норнах, взмолился Сигурд.

Он наугад оттолкнулся руками и ногами от мягких телес морских великанш, почуял, как что-то мазнуло по колену, скосил взгляд.

Под ним в черной воде промелькнуло светлое одеяние, узкое бледное лицо, широко распахнутые глаза. Женские руки коснулись его щиколотки, белое видение закружилось, утекая во тьму.

– Подожди!.. – Сигурд ринулся за исчезающим видением, поймал край его одеяния, потащил к себе, заколотил ногами, толкаясь то ли наверх, к свету, то ли вниз – на глубину. Впрочем, теперь ему было все равно.

Внезапно вода расступилась, он почти по пояс выскочил из волн, глотнул воздуха, закашлялся. Над ним навис черный водяной вал, надвинулся, заурчал. Сигурд глубоко вдохнул, замер, вытягиваясь на поверхности воды, прижал к себе неподвижное женское тело. Волосы женщины морскими водорослями облепили лицо бонда, мешая рассмотреть рокошущего водяного зверя.

– Ничего, – прошептал Сигурд. – Ты не бойся и не шевелись.

Еще в детстве, мальчишкой, он так катался на волнах у берега. Там нужно было лишь поднырнуть под волну на мелководье, чтоб не выбросила на камни, ободрав всю кожу на животе и коленях. Здесь не было мелководья. И берега тоже не было.

Волна подхватила две жалкие человеческие фигурки, подняла повыше, будто нарочно показывая им скрывающуюся в далеких вспышках молнии корму корабля, древесные обломки у ее подножия, черную острую скалу в провале меж расступившимися водами. Небо расхохоталась грозowymi раскатами, сверкнуло, выхватив из темноты бледное, мертвое лицо спасенной Сигурдом женщины. Ее губы были синими, застывшие глаза равнодушно взирали на бонда. Несколько прядей прилипли к высокому лбу, рассекли лицо неровными темными полосами.

– Княжна?! – Сигурд надеялся увидеть другое лицо.

Растерявшись, он попытался встряхнуть княжну. Голова Гюды безжизненно мотнулась, белая рука плеснула по воде обвисшей плетью.

– Зачем... – почему-то совсем без страха, скорее с тоской, спросил у моря Сигурд, изо всех сил стиснул свою мертвую добычу, закрыл глаза. – Зачем вы так?..

Волна прогнулась ласковой кошкой и, плотно обхватив бонда, полетела вместе с ним вниз, к своей гибели.

Сигурд не ждал спасения. Внутри он умер, как умерла в море надменная дочь князя. Но остаться одному в ревущей темноте было страшно, поэтому Сигурд не разжимал рук и не отпускал княжну, когда взбесившиеся волны швыряли его то вверх, то вниз, заталкивали в рот плотную соленую воду и слепили отблесками грозowych всполохов. А потом набрякшие чернотой тучи разродились острыми дождевыми струями. Ветер перестал трепать морскую равнину, напор волн ослаб. Руки Сигурда тоже ослабли. Ему стало трудно удерживать княжну возле себя, поэтому он перевернулся на спину, обмотал ее волосы вокруг своего кулака и отпустил ее тело.

Волны качали бонда, на лицо сыпалась с неба пресная влага, а мысли убегали далеко-далеко, к тем временам, когда еще была жива мама. Сигурд хорошо помнил маму. У нее было маленькое лицо – сухонькое, с беспокойными карими глазами и коротенькими морщинками вокруг них. Оно казалось сердитым, но Сигурд знал, что за морщинками и сурово сжатыми губами прячется самая добрая душа на свете. «Мой мальчик! – говорила мама. – Мое солнышко». Она не умела лгать, как и показывать свою любовь. Иногда она неловко обнимала его, всего на миг, но так искренне, что каждый раз ему хотелось плакать. И тут же разжимала объятия, не желая стыдить Сигурда перед ровесниками. Даже когда он болел, мать не давала волю своим чувствам. Она садилась на его постель, протягивала ему чашку с молоком и строго говорила: «Выпей!» От молока пахло сеном и ни на что не похожим домашним запахом коровьего вымени. Сигурду не хотелось пить, от травного запаха его подташнивало, но мать упорно прикладывала плошку к его губам, заставляла разжать зубы. «Пей! – говорила она. – Пей! Так надо!» Молоко стекало ему на подбородок, мазало шею.

– Пей! – грубый мужской голос ворвался в уши Сигурда, скомкал воспоминания. Прощально улыбнулось и закружилось, исчезая, лицо матери. Губы ощутили жесткий край чашки, на язык попало жгучее варево. Сигурд закашлялся, сел, распахнул глаза.

Сначала он увидел ноги. Множество ног. Затем появилась рука с чашкой, потом – плечо, прикрытое мягкой шерстяной рубахой, крепкая шея, рыжие спутанные волосы, знакомая ухмылка.

– Рагнар? – не поверил бонд. В горле забулькало, засипело.

Сигурд не понимал, что Красный эрул делает в Каупанге.

– Еще слишком рано для торговли... – сказал Сигурд, но смолк, ощутив, что земля под ним раскачивается и больше походит на палубные доски, чем на пол родного жилища.

– Где я? – выдохнул он.

Рагнар расхохотался, широко раскрывая большой рот, отбросил плошку в сторону. Она загремела, катясь по палубе, заплескала варевом на ноги обступивших Сигурда эрулов. Послышалась ругань, плошка хрустнула под чьим-то сапогом.

Тяжелая пятерня Рагнара шлепнула Сигурда по спине.

– Ты в хороших руках, бонд! Принеси дары своим земляным богам за то, что мои люди заметили тебя! И не только богам. Я сам прыгал в воду, чтобы выловить тебя среди обломков.

– В воду?.. Обломков?.. – Сигурд попытался встать, но ноги отказывались держать слабое тело. В поисках опоры бонд схватился за попавшийся под руку край паруса, огляделся. Будто в тумане, перед ним плыли обветренные незнакомые лица, мачта, светлые доски палубы, походные сундуки, согнутые спины гребцов, свернувшиеся змеиными клубками корабельные канаты.

«Они говорят о походе, который затевает Красный Рагнар, – возник в памяти звонкий голос Рюрика. – Рагнар хочет пойти на франков, пока там дети умершего короля Людовика дерутся между собой. Красный намерен взять большую добычу. Они идут слишком рано, их никто не ждет».

Сигурда замутило. Перегнувшись через щитовую доску, бонд плеснул кисло-соленой рвотой в притихшее море, заметил что-то странное, облепившее кисть на левой руке. Отлепив ладонь от борта, он удивленно уставился на нее.

На его пальцы были намотаны чужие волосы. Мягкие, влажные, неровно обрезанные...

«Гюда, – вспомнил Сигурд. – Буря, смерть. Я привязал ее к себе... Волосами...»

Бонд обернулся, пошарил взглядом по палубе.

На глаза попадались канаты, парусина, гребцы, наковальня, бочонки с водой, какие-то мешки, довольная рожа Рагнара...

Княжна лежала за спиной конунга эрулов, за рядами гребцов, между мешками и свернутым якорным канатом. Короткие, грубо обрезанные до плеч волосы разметались вокруг ее круглого лица. Заострившийся подбородок торчал вверх, на губах белым налетом застыла соль. Вытянутые вдоль маленького тела руки казались невероятно тонкими, разорванная юбка прикрывала одну ногу до колена, а другую обнажала почти полностью, отрывая светлую кожу на бедре. Вокруг мертвой княжны стояли несколько эрулов. Один из них, толстый, невысокий, с румяным лицом и близко посаженными глазами, пнул утопленницу сапогом, что-то небрежно сказал своим приятелям. Те хохотнули. Самый высокий и мощный из них склонился над мертвой, подхватил ее под спину, поднял. Согнутые в коленях ноги княжны закачались, пятками ударяя обтянутое кожаными штанами бедро воина, голова запрокинулась. Широкими шагами эрул направился к борту.

Двинувшись было ему навстречу, Сигурд остановился. Мысли метались в голове бонда, путались. Вдруг вспомнилось, как он, вместе с хвити, ставил камень на могиле старика Финна. Моросил дождь, и лошадь не хотела тащить камень к могиле. Колдунья сидела в сторонке, обняв руками колени, задумчиво смотрела, как Сигурд пыхтит, перекачивая тяжелый валун, а он думал, что, наверное, годами катил бы этот камень, лишь бы она не отводила от него своих загадочных, удивительных глаз. Где теперь маленькая колдунья Бьерна? Уцелела или отправилась в подводное жилище дочерей Ньерда? Если уцелела, то Сигурд увидит ее в Альдоге. Надо лишь уговорить Красного конунга изменить

путь и вместо далеких берегов франков отправиться на восток, во Внутреннее море ²⁹, в Гарду. Но как уговорить?

Заметив его растерянность, Рагнар хмыкнул.

– У тебя крепкая хватка, бонд! Мы оставили бы девку в море, однако ты держал ее так, что пришлось вытащить вас обоих. Но ты не выпустил ее даже на палубе. Пришлось отрезать ее от тебя.

Высокий воин размахнулся, намереваясь бросить свою ношу за борт.

– Подожди! – вскрикнул Сигурд.

Он хотел шагнуть вперед, но подвели ослабшие ноги. Падая, Сигурд угодил головой в пах высокому воину. Тот не ждал удара, согнулся пополам, разжал руки. Податливым кулем Гюда сползла на колени упавшего бонда. Одна рука зацепилась за его плечо, другая безжизненно стукнулась о палубу.

Выронивший добычу высокий воин выпрямился, схватился за рукоять топора. Над головой Сигурда запело, рассекая воздух, острое лезвие.

– Льот!!! – гроыхнул Рагнар.

Подчиняясь приказу, высокий Льот успел отвести удар. Его топор свистнул возле уха Сигурда, чавкнул, вонзаясь в палубное дерево.

– Чтоб тебя Фернир сожрал! – выругался эрул, потянул древко оружия на себя, вытащил острие из палубной доски. В оставшейся от удара щели виднелась белесая древесная сердцевина.

– Я сам! – Огромная лапа Красного подхватила Сигурда за грудки, вздернула вверх. Голубые глаза Рагнара впились в лицо бонда, рожа побагровела. – Ты ударил моего хирдманна, бонд! Это твоя благодарность?!

– Но... но... – Задыхаясь, Сигурд шарил взглядом по палубе, словно надеясь отыскать верный ответ среди корабельного груза. Зацепился взором за один из сундуков, окованный по углам золотом.

– Эта женщина пригодится нам, – прохрипел он. – Она дорого стоит, даже мертвая.

Налитые гневом глаза Рагнара подобтели, хватка стала ослабевать.

– Сколько? – не отпуская бонда, поинтересовался он.

– Князь Гарды даст за нее больше, чем ты можешь ожидать.

Рагнар не понял. Высокий Льот и те, что подошли послушать перепалку да поглазеть, как хевдинг убивает неблагодарную земляную мышь, – тоже. Чужие взгляды ползали по Сигурду, будто оценивая его, от эрулов пахло едким потом и рыбой. Сигурд покосился под ноги, туда, где на боку лежало тело Гюды, увидел ее распахнувшуюся юбку, открывшую ноги, сглотнул, облизнул пересохшие губы.

– Он заплатит за нее, живую или мертвую, – повторил он, не глядя на Рагнара. – Бьерн Губитель Воинов вез ее в Гарду, но буря помешала ему. Теперь ты можешь взять себе то, что хотел получить он.

Рагнар отпустил его так резко, что Сигурд чуть не упал. Пытаясь удержаться на слабых ногах, бонд не сразу уразумел, что странные квохчущие звуки над его плечом – это смех. Конунг эрулов смеялся. И не просто смеялся, а задыхался от смеха, сгибаясь в почти беззвучном хохоте. Правую руку он прижимал к животу, левой утирал проступившие на глазах слезы.

Похоже, Красному на самом деле было весело.

Вторя своему хевдингу, понемногу стали похохатывать и окружавшие Сигурда воины. Сначала один или двое, потом – больше. Ответ бонда передавался из уст в уста, кружил над кораблем, а за ним следом, словно волна за ветром, катился смех. Вскоре хохотали уже все эрулы – от Рагнара до рулевого, стоящего далеко на корме.

– Ты говоришь, будто Губитель Воинов шел в Гарду ради платы за одну женщину?! –

²⁹ Внутреннее море – Балтийское море.

смеялись воины. – Кто поверит тебе, земляной червяк?

Сигурд всегда боялся насмешек. Он не умел отвечать на колкость метко, быстро и остроумно. Достойные ответы почему-то всегда приходили ему на ум уже потом, спустя много времени после спора. Но на сей раз слова сами полезли на язык, словно кто-то другой вкладывал их в голову бонда, а ему надо было лишь открывать рот, чтоб выбросить их наружу.

– Она не просто женщина, она – дочь князя Альдоги, – хрипло сказал Сигурд.

Смелые речи придавали уверенности. Сигурд перестал таращиться на палубу под ногами, поднял голову, поймал удивленный, но еще смеющийся взгляд эрула.

– Отец захочет увидеть ее, – продолжил бонд. – Он заплатит даже за ее мертвое тело.

Смех ушел из голубых глаз Рагнара.

– Подумай, конунг. – Не дожидаясь ответа, Сигурд присел на корточки, осторожно перевернул княжну на спину, приподнял край распахнувшейся юбки, заботливо прикрыл ее ноги.

– Ее никто не трогал, – раздался над его головой голос Рагнара. – Моим людям не нужна пададь.

Красный шутил, но уже не смеялся.

Сигурд кивнул.

Рагнар присел рядом с бондом, размахнулся, сильно шлепнул ладонью по бледной щеке женщины. Ее голова мотнулась в сторону, на коже проступило розовое пятно.

– Зачем?.. – испуганно уставившись на конунга, прошептал Сигурд.

– Хочу говорить с ней, – пояснил эрул.

Сигурд растерянно смотрел на расплывающееся по щеке княжны красное пятно, сжимал и разжимал пальцы. Он уже привык к мысли, что княжна умерла.

– Ты пойдешь в Гарду? – наконец сумел просипеть он.

– Нет. – Конунг эрулов поднялся, отряхнул колени, поморщился. – Если она – дочь князя, я продам ее саксам. Их бонды любят женщин из знатного рода.

Его взгляд мазнул по расстроенному лицу Сигурда:

– Радуйся, бонд, ведь ты еще жив. И позаботься о ней, раз она так дорого стоит.

До середины дня эрулы словно не замечали ни Сигурда, ни княжну. Лишь Рагнар, проходя по палубе мимо нее, брезгливо морщился и торопился отвести взгляд. Гюда очнулась, однако не открывала глаз и металась в бреду, то полыхая жаром, то вдруг коченея, словно льдинка. Сигурд ухаживал за ней, как умел, – укутывал в плед, вливал в рот воду, утирал пот с лица. Больше он ничем не мог ей помочь – бонд не был лекарем или травником. Дома, в усадьбе, он, возможно, пожалел бы об этом, но нынче все изменилось. Спокойный Каупанг с его размеренной жизнью, незаметными радостями, запахом навоза, земли и хлебных лепешек остался где-то в другом мире. Сигурд больше не вспоминал своих жен, не тосковал, не мечтал, не жалел. Морской ветер прогнал яркость его чувств куда-то в неизвестность, как гнал нынче вдоль ободритских земель длинные снеккары Красного конунга.

По обрывкам разговоров Сигурд понял, что войско Рагнара насчитывало не менее тридцати судов. Малая часть кораблей принадлежала самому Рагнару, остальные – ярлам из Свеи, Эстфольда и Гаутланда ³⁰, которых хитрый эрул невесть какими посулами заманил в опасный ранний поход. Задолго до бури войско миновало недружелюбные по ранней весне воды Эресунна, длинный язык острова Мэн и оскалившийся бухтами, с виду совсем мирными, берег Йотланда. Перед тем как повернуть в сторону Меркленбургской бухты и по реке Бойце достичь большого города саксов Гаммабурга ³¹, эрул зашел на остров Рэ. Он

³⁰ Свея, Эстфольд, Гаутланд – различные юго-восточные области Скандинавского полуострова.

³¹ Гаммабург – древнее название немецкого города Гамбурга. Меркленбургская бухта и река Бойца до сих пор сохранили свои названия.

часто так поступал перед важными походами – оракул с Рэ славился верными предсказаниями. На сей раз слова оракула многим показались загадочными. Он обещал эрулам хорошую добычу, однако намекал, что помимо добычи их ожидает страшная опасность. Об этой опасности он предпочел рассказать лишь Рагнару. Они немного пошептались, затем эрул развязал толстый кошель на поясе и высыпал на ладонь оракула несколько восточных монет. Засунув монеты куда-то в складки красных одежд, оракул заявил, что поговорит со Свентовитом и вне всяких сомнений поход Рагнара будет удачен и безопасен. Услышав хорошие вести, эрулы повеселели. Как-никак переход затевался долгий – через земли дружественных Рагнару саксов, мимо побережья Фризов ³², во владения конунга франков Карла Лысого. Рагнар выбрал сложный путь по рекам, но он предпочитал не показываться у берегов Дании. До прошлого лета Красный водил дружбу с обоими датскими конунгами – Хориком Датчанином и его непримиримым врагом Харальдом Клааком, который нынче правил Фризскими островами и побережьем за Данвирком ³³. И тот и другой называли эрула дорогим гостем, пока прошлым летом не сцепились меж собой в Лимфьорде. Тогда эрулы Рагнара десятью снелкарами вышли за Клаа и в честном бою убили старшего сына Хорика Датчанина. Рагнар не любил вспоминать ту битву – он ошибся, выступив за Клаа, ведь победа и земля данов достались Хорику. Но о том лете вообще мало кто вспоминал – эрулы привыкли к битвам то за одних конунгов, то за других и без лишних переживаний меняли врагов на друзей и наоборот. Печальное утро лимфьордского сражения давно затерялось среди тьмы себе подобных...

После бури на море стояло безветрие, эрулы гребли поочередно, сменяя друг друга.

– Эй, бонд!

Оставив княжну, Сигурд оглянулся на голос. Один из эрулов манил его к себе, указывая на скамью для гребцов. Сигурд знал имена обоих сидевших на ней воинов. Одного звали Варин из Нерлы, другого – Арни Котел. Место между ними было свободно.

Осторожно подсунув под голову княжны свою смятую в ком рубашку, Сигурд поплелся к скамье.

– Не бойся, бонд! Наши весла не кусаются, – пошутил кто-то из гребцов.

Эрулы дружно расхохотались. Лют высунул в проход длинную ногу. После битвы с волнами и ветром спину Сигурда ломило, плечи ныли, а в пустом животе уныло урчал голодный зверь. Выставленная нога Люта оказалась последней каплей. Сначала Сигурд хотел просто переступить через нее, но смех воинов разозлил бонда. Не успев даже сообразить, что делает, Сигурд со всей силы пнул пяткой голень эрула. Удар получился хороший, Лют взвыл, схватившись за ушибленное место. Сидевший подле него воин вскочил, намереваясь отомстить за соседа.

– У тебя слишком длинные ноги, Лют, – осадил его голос Рагнара. Красный конунг стоял за спиной Сигурда, насмешливо взирал на перекошенное злостью лицо хирдманна. – Не следует выставлять их напоказ, иначе однажды кто-нибудь их укоротит.

Кто-то дружелюбно хихикнул. Сосед Люта сел на скамью, похлопал приятеля по плечу. Лют сбросил его руку.

Арни Котел приподнялся, пропуская Сигурда, и вдруг, замерев, ткнул его кулаком в плечо.

– Глядите!

Сигурд не сразу понял смысл его восклицания, недоумевающе поглядел на толстяка снизу вверх.

³² Речь идет о Фризских островах, в то время принадлежавших Лотарю. Управлять ими он доверил бывшему конунгу Дании Харальду Клаку, изгнанному из Дании своим родичем – Хориком Датским.

³³ Данвирк – знаменитый Датский вал.

– Могучий Тор! – еще громче заявил Котел. Он смотрел туда, где Сигурд оставил княжну. Бонд оглянулся.

Гюда уже не лежала на палубе. Она стояла, опершись обеими руками на борт. За ее спиной переливалась бликами светлеющая морская даль. По гладким покатым валам с круглыми верхушками ползли выстроившиеся в линию сnekкары Красного.

Справа от Красного шли корабли Дамира – эстфольдского ярла, слева – братьев могучего викинга Югви из Эйде, а за ними, чуть позади, пестрели яркими бортами сnekкары хевдинга Отара из Вендила. Но Арни смотрел не на княжну и не на войско, а на поднимающуюся впереди темную тень – один из островов, во множестве разбросанных в Меркленбургской бухте. Флот Рагнара расплылся по всему ее простору. Решив обогнуть остров слева, драккары братьев Югви отделились от кораблей эрулов, развернули острые носы к береговой полосе. За ними потянулись и змеинные лоды Отара.

– Вестфольдцы! – крик рябого Гнупы пронесся над головами воинов, облачился в первый солнечный луч. – Я вижу корабли из Вестфольда!

Подтверждая его слова, из-за мыса, лихо накренившись и буравя воду острым носом, вынырнул большой драккар, двинулся наперерез судам Красного, отсекая его от судов Дамира.

– Губитель Воинов! – узнал Рагнар. Побежал к носу корабля, на ходу давая указания своим людям. Над морем разнесся гул барабанов, борта ощерились шишками щитов.

– Почему он один? Заманивает? – пробормотал Варин, неведомо как очутившийся подле Сигурда. Поправил шлем на голове, облизнул губы. Бонд не ответил. Не веря собственным глазам, он глядел на приближающийся одинокий драккар.

– Бьерн? – прошептал он, словно надеялся словами рассеять видение.

Однако корабль не исчез. Наоборот, теперь он был совсем близко и шел прямо на эрулов. Оскалившаяся драконья пасть гордо взмывала над морской равниной. Одной рукой обхватив деревянную шею дракона, на носу драккара стоял Бьерн. Неизменный клевец в его руке поблескивал острым лезвием.

Бьерн что-то выкрикнул, длинная стрела взвилась в воздух, перелетела через борт сnekкара эрулов, вонзилась в моток пеньки у ног Рагнара и застряла в нем, покачивая двухцветным оперением.

– Началось, – негромко, но отчетливо сказал Арни Котел.

От его спокойного голоса Сигурду стало страшно. По кораблю сновали эрулы, цепляли на себя боевое снаряжение, готовили оружие. На корме запылали обмотанные паклей стрелы, легли гладкими древками на ложе луков.

Однако Рагнар не спешил сцепляться с Бьерном. Он держал обломленную у острия стрелу, прищурившись, глядел, как драккар ярла разворачивается, подходит к его кораблю.

– Пора, конунг. – Варин подобрался к хевдингу, заглянул ему в лицо.

Островерхий шлем был велик маленькому эрулу, налезал на нос. Для удобства Варин пробил в нем спереди две большие дыры для глаз. Неровные края дыр загибались наружу, как лепестки диковинного цветка.

– Погоди, – отмахнулся Рагнар. Прихватываясь то за натянутые веревки паруса, то за плечи затаившихся под прикрытием бортов воинов, он перебежал на нос сnekкара и, взобравшись на приступок в основании змеиной шеи, убрал руку с мечом за спину, а другую, с обломком стрелы, вытянул вперед, показывая Бьерну свою находку.

– Ты потерял стрелу, Губитель Воинов, – голос Красного прокатился над стихшими водами.

По знаку хевдинга на драккаре Бьерна сложили весла. Еще немного корабль шел вперед без помощи людей, постепенно ход его замедлялся. Барашки пены под острой грудью драккара становились все меньше, затем вовсе исчезли.

– Я возвращаю твою потерю, – размахнувшись, конунг эрулов швырнул обломанную стрелу через борт. Обломок ударился в верхнюю щитовую доску, отскочив от нее, нырнул в воду под кораблем. Могучее тело судна вмяло его в ледяную воду.

– Жаль, что ты не можешь вернуть моим воинам разбитые корабли и утраченных друзей, – покосившись на исчезнувший в глубине обломок, сказал Бьерн. – Мне пришлось долго искать выживших, чтоб взять их на свой драккар. Вижу, тебе удалось переждать бурю в спокойном месте?

– Мы стояли на Рэ, – разоткровенничался Красный.

Бьерн кивнул и поинтересовался:

– Что обещал тебе оракул?

– Удачу и великую славу.

Бьерн улыбнулся:

– Когда это эрулы гнались за славой? Лучше бы он пообещал тебе хорошую добычу.

Корабли сошлись бортами. На палубе драккара Сигурд увидел Тортлава, спрятавшегося за походными сундуками. Юркий скальд прижимался к палубе, из-за укрытия торчала лишь его светловолосая голова. В хирде поговаривали, что метать ножи Тортлава учил сам Один, так велико было его искусство. Не приходилось гадать, что за оружие таилось в обеих руках скальда. Однако прочие хирдманны Бьерна вовсе не готовились к жаркой битве – щиты полностью закрывали борта, воины по-прежнему сидели на гребных скамьях без доспехов, хоть и держали в руках оружие – кто меч, кто топор. Старый воспитатель Бьерна, по имени Къятви, узколиций, бородатый, с кустистыми бровями, гордо восседал на бочке справа от своего хевдинга. Лицо у Къятви было мрачным. За его спиной настороженно замерли Харек и Рюрик. Желтоглазый берсерк улыбался, светлые волосы мальчишки трепал ветерок, голубые глаза ощупывали конунга эрулов. «Выходит, оба хевдинга выжили в буре. И оба потеряли свои корабли», – промелькнуло в голове Сигурда.

Варин, стоящий подле бонда, огорченно покачал головой. Сигурд понимал его досаду: Красный болтал с более слабым противником, упуская удобный момент для нападения.

Про эрулов говорили, будто они в любом деле найдут способ пожить, однако, вопреки слухам, Красный неожиданно широко улыбнулся врагу.

– Мне не надо обещать добычу, я возьму ее без всяких обещаний. Но какая нужда столь рано выгнала в море тебя, ярл? Мы много лет не виделись, я слышал, будто ты стал бондом и больше не ходишь в походы.

– Разве под твоими ногами земля, а в моих руках – вилы? – в ответ насмешливо поинтересовался Бьерн. – Или я послал на палубу твоего корабля не стрелу, а мешок гороха?

Он по-прежнему стоял на носу так, чтоб не заслонять Тортлава мишень – конунга эрулов. Короткий словенский корзень прикрывал его спину, на шее в ворота рубахи блестела золотая гривна и ремешок оберега, на поясе, рядом с пустой петлей для клевца, раскачивался топор.

– Ха! – оценил шутку Рагнар, стрельнул глазами, проследив быстрый взгляд Бьерна. – А еще я слышал, будто эта женщина, как и стрела, когда-то была твоей добычей, сын Горма. Я вытащил ее из воды после бури.

Сигурд тоже взглянул туда, куда смотрели оба хевдинга. Гюда по-прежнему стояла около борта, крепко стискивая руками щитовую доску. Из-за коротко обрезанных волос ее шея казалась совсем тонкой, на круглом лице блестели покрасневшие глаза, плотно сжатые губы таили радость. От напряжения костяшки пальцев на ее руках стали белыми.

– Не ее одну, – глянув на Сигурда, сказал Бьерн.

– Вряд ли бонд Каупанга мог принадлежать тебе. Женщина или стрела – иное дело.

– Ты поступишь с женщиной так же, как со стрелой? – спросил ярл.

Рагнар пожал плечами:

– А почему бы нет? Хотя...

Он задумался. Рядом с Сигурдом, стаскивая шлем, запыхтел Варин. Освободившись от железного колпака, облегченно вздохнул, тряхнул башкой, позволяя смятым космам лечь на плечи. Сунув шлем под мышку, почесал щеку, присел на походный сундук, скосил глаза на Сигурда.

– Чего стоишь? Не видишь – разговор будет долгий.

Подчиняясь его недовольному жесту, Сигурд опустился на край сундука, подпер Варина боком. Тот поелозил задом, устраиваясь поудобнее.

– Хотя... зачем отдавать то, что можно продать? – завершил свои размышления Красный. – Хочешь, я продам тебе эту женщину?

Понимая, что драки не будет, его воины потихоньку снимали доспехи.

Вместо ответа Бьерн склонился к Къятви, что-то сказал. Старик важно кивнул, сполз с бочки, подступил к борту.

– Что ты хочешь за нее, конунг? – спросил он.

Бьерн отвернулся, делая вид, что вовсе не интересуется разговором. Про себя Сигурд похвалил ярла. Узнав, что княжна нужна Бьерну, Рагнар мог запросить слишком высокую цену. А так получалось, будто купить добычу Красного хочет лишь старый Къятви.

На высоком лбу эрула пролегли две глубоких морщины.

– Я слышал, будто она – дочь конунга Гарды, – сказал он. – Хватит ли у тебя, простого воина, богатств на такую покупку?

– Я не сказал, что буду покупать, – пояснил Къятви. – Лишь спросил цену.

Рагнар насупился, потемнел лицом. Совсем недолго он прожигал старика глазами, затем вдруг расхохотался. Не ведая, в чем причина его веселья, но уразумев, что радость конунга намного лучше ярости, эрулы встрепенулись, заулыбались.

– Эй, ярл! – сквозь смех окликнул Бьерна конунг эрулов. – Кроме женщины и бонда, ты, верно, потерял в море разум, если доверил сделку пытливому старику!

Кто-то из эрулов засмеялся.

– Ты хорошо шутишь, конунг, – одобрительно сказал Бьерн. – Возможно, мой разум канул в море, но чем больше потерь, тем меньше остается того, чем стоит дорожить. Буря забрала наши корабли и многих отважных воинов. Мы так много потеряли, что более нам нечего беречь, и славная смерть в хорошей битве будет для нас забавой. Хотя...

Он замолчал и точно так же, как недавно сам Красный, пожал плечами.

– Хотя...

– Навряд ли мы захотим погибнуть, не прихватив в светлую Вальхаллу многих достойных, – продолжил за него Къятви. – Так стоит ли ради хорошей шутки становиться врагами?

– Ты угрожаешь мне, старик? – мгновенно насупился Красный. Меч выскользнул из-за его спины.

Бьерн заслонил собой Къятви.

– Нет, – сказал он. – Къятви не угрожает тебе, конунг. Это делаю я.

О Рагнаре в Каупанге, да и во многих других землях складывали целые саги. Поговаривали, будто однажды Красный столкнулся в лесу с самим Тором и в поединке бог признал его воинское умение. А еще рассказывали, как в далекой стране на Востоке на Красного напал зверь из подземелий Нидхегга – огромный, с круглой большой головой и клыками, выступающими из углов рта на длину хорошего копья. Чудовище валило грудью деревья и расшвыривало их в стороны длинной рукой, растущей из лба. Оно издавало рык, подобный пению рога Хеймдалля, и все живое содрогалось от ужаса. Но Красный не испугался. Он не побежал. И даже когда страшный зверь перешагнул через его голову, Красный не шелохнулся, презрев опасность.

Правдой были эти разговоры или нет, никто не знал, но угрозы Бьерна заставили Рагнара отступить. Поход был для него важнее мелкой ссоры, грозящей гибелью его головному снеккару. Конечно, у Красного было большое войско, а у Бьерна всего один драккар, но идущие на гибель способны сражаться с отчаянием берсерков.

– Ты сказал, что славная смерть в битве будет для тебя забавой, ярл, – примирительно сказал Рагнар. – Мы оба не против доброй битвы и доброй сделки, так зачем нам ссориться?

– Что ты хочешь, Рагнар? – перебил Бьерн.

Красный безразлично взмахнул рукой:

– Я собрался пойти в земли франков. У тебя в хирде отважные воины, Бьерн, и у тебя

крепкий драккар. Во франкских землях мне понадобится и то и другое. Когда я возьму золото франков, дочь конунга и бонд вновь станут твоими.

Из-за спины Бьерна высунулась тощая стариковская рука, затеребила хевдинга за полу корзня. Поднеся ладонь к губам, будто желая прикрыть слетающие с губ слова, Къятви что-то торопливо зашептал на ухо ярлу.

Тот слушал, энергично кивал. Черные косицы подпрыгивали в такт кивкам на его плечах.

– Ты хочешь ощипать франкского петуха? Зачем, если курица саксов гораздо ближе? – наконец поинтересовался он.

– Саксы достаточно ощипаны Хориком Датчанином, – откликнулся Рагнар. – А у короля франков в его большом городе на Сене³⁴ хранится много серебра и золота. Там нас ждет обильный урожай.

– Но тебе не удастся миновать земли Датчанина без боя.

– Я пойду по Бойце и Лабе³⁵, через владения короля саксов и Клаака, – коротко ответил Рагнар. – Клаак – мой должник, он пообещал, что король саксов даст нам пройти через свои земли, если мы не станем трогать его людей. К тому же Людовик не жалуется брата.

– Ты стал хорошим конунгом, Рагнар, – согласился Бьерн. – Ты сократишь путь вдвое, пройдя землями саксов. Но даже если тебе удастся договориться с Людовиком Саксонским, вряд ли тебя пропустят варги³⁶. Озеро Шверинерзе на Бойце – опасное место для отважных хевдингов.

– А ты всегда был самым отважным из них.

Взаимные похвалы порадовали воинов с обоих кораблей. Отношения потеплели. Коекто из эрулов знал хирдманнов Бьерна, они принялись обмениваться приветствиями и новостями. Остальные приглядывались друг к другу, оценивали навскидку, где будущий товарищ, а где соперник по силе и умениям.

Край тяжелой мешковины, сваленной под креплением мачты драккара, приподнялся. Из-под него выскользнула тонкая женская фигурка, выпрямилась, встряхнулась, расправила плечи. Из-под упавшей на лоб колдуньи черной челки блеснули широко расставленные глаза. Сердце Сигурда сжалось, в ушах забухало, к щекам прилила кровь.

Айша огляделась, осторожно направилась к Тортлаву, который по-прежнему скрывался за сундуками, стискивая в пальцах метательные ножи. Зная коварство Красного конунга, Бьерн не хотел рисковать.

– Мы слишком долго говорим, ярл, – намекнул Красный.

Къятви опять задергал Бьерна за рукав. На сей раз тот не обратил на старика внимания, задумчиво покачал в руке клевец, склонил голову к плечу, искоса посмотрел на подошедшую ближе колдунью. Айша улыбнулась ему одними глазами, кивнула. Клевец взметнулся в воздух, прочертил короткую дугу, вонзившись в доски палубы у ног Бьерна, выбил из них острую щепу.

– На своем оружии скрепляю наш договор³⁷, – Бьерн переступил через клевец, ударил рукой о борт, обозначая рукопожатие. В ответ Рагнар тоже положил ладонь на борт своего

³⁴ Речь идет о реке Сене во Франции и о городе Париже.

³⁵ Лаба – древнее название реки Эльбы.

³⁶ Варги – здесь одно из племен прибалтийских славян. Многие историки считают, что варги – вымысел, другие говорят, что это одно из названий варягов. Если исходить из предположения, что правы вторые, то поселения варгов в IX веке находились именно на реке Бойце, а раскопки крепости на озере Шверинерзе подтверждают версию о варягах. Но автор склонен предполагать, что варги – отдельное славянское племя.

³⁷ Здесь описан один из обычаев викингов – приносить клятву на оружии.

снеккара.

– Отвечаю тебе тем же, ярл, – сказал он. – Но до Гаммабурга дочь князя останется на моем корабле. Бонд Каупанга позаботится о ней.

Айша вновь кивнула.

– Пусть будет так, – устало произнес Бьерн, перевел тяжелый взгляд на Сигурда. В глубине черных зрачков ярла промелькнуло беспокойство.

Сигурд отвернулся. Он не желал заботиться о княжне. У него была своя жизнь.

2. Спящая вода

Река Бойца встретила корабли эрулов угрюмым молчанием. Как только по правому борту показались покрытые блеклой травой сопки, Айша прильнула к щитовой доске, вглядываясь в незнакомые места. После утонувшей в низине рощицы, за излучиной, на левом берегу реки появилась деревня варгов, запестрела покатыми крышами землянок, растянулась по холмам черными полосами полей.

Айша не сомневалась, что со сторожевого острова замеченного людьми Рагнара у входа в Бойцу, уже давно донесли об их появлении, запалив сигнальные факелы или выпустив голубей. Однако варги вовсе не обращали внимания на незваных гостей – на лядине ковырялись согбенные фигуры паотных людей, а на берегу, сопровождая корабли, мчалась только босоногая мелюзга да приставшие к ним собаки. Ребятишки что-то выкрикивали, бросали в драккар подобранные с земли камешки, размахивали руками. Из под их ног летели брызги, длинные рубахи облепляли колени.

К Айше подошел Харек, косо взглянул на берег поинтересовался:

– Чего высматриваешь, ведьма?

После бури, потеряв корабль и половину хирда, Харек стал неразговорчив. Если он и открывал рот, то норовил сказать колкость. Рюрик, понесший такую же утрату, во всем подражал берсерку и теперь маячил за его плечом, нервно покусывая губу, жег Айшу светлыми, почти прозрачными глазами.

Пожав плечами, болотница мотнула головой:

– Что-то тут не так.

– А чего не так? – Харек сплюнул в сторону скривил презрительную гримасу. – Это – земляные черви, они слабы и на нас не полезут.

Вторая берсерку, Рюрик сцедил слюну за борт, надменно вскинул подбородок.

– Но они не прячутся, – возразила Айша.

– Так ведь мы и не нападаем. – Перегнувшись через борт, Харек постучал кулаком в щит, выведенный белой стороной наружу. – Белые щиты... Они не видят врагов.

Его беспечность разозлила Айшу.

– Они слабы, Волк, – сердито сказала она. – Слабые убегают от страха, а не от врагов!

Поежилась, разминая спину, вытянула шею, надеясь разглядеть впереди снеккар Рагнара. Хитрые эрулы не позволили Бьерну встать в хвост войска – зажали между своими кораблями. Айша не доверяла им. Большой, плосколицый, рыжеволосый и белозубый конунг эрулов казался весельчаком и задирой, однако в его голубых, узких, как щелки, глазах пряталось зло. Будто внутри человеческого тела скрывалось иное существо, вовсе не похожее на человека, – коварное, умное, расчетливое. Айше не нравился его взгляд, его речь – отрывистая, будто воронье карканье, его руки – длинные, с гибкими, подобными змеям, пальцами. Рагнар постоянно шевелил ими, словно сматывал в клубок невидимую нить. Пока Бьерн договаривался с ним о походе, Айша все время смотрела на его пальцы.

Урочище скрылось за деревьями, берег, прежде низменный, стал взбираться вверх. Мальчишки отстали, но над рекой еще слышались их звонкие голоса и восторженный собачий лай. Бьерн подгонял гребцов, те дружно налегали на весла. Корабль ловко разворачивался, увиливая от выскакивающих из-под воды отмелей. Некоторые из них были в Бойце издревле, некоторые появились совсем недавно. Их сотворили люди, оберегая свои

земли от народников из-за моря. По обоим берегам реки растянулся невысокий лесок – холодный, еще не зазвеневающий весенними птичьими трелями, не глотнувший солнечного тепла. Ветви нависали над водой, касались сухого камыша, ласкали речные омуты. Ветер гнал по воде мелкую рябь, раскачивал голые кроны деревьев. Недалеко от покато́й, гладкой, как камень-голыш, горки идущий впереди войска снелкар Рагнара сбавил ход.

– Табань! – завопил Латья.

Весла вспенили воду, сопротивляясь ходу драккара, взмыли в воздух, громыхнули, укладываясь на борт. С лопастей на палубу закапала вода, побежала ручейками, ощупывая палубные доски и выискивая щели меж ними. Из разрыва облаков вынырнуло слабое солнце, погладило лучом палубу, мазнуло по щеке Рюрика, блеснуло в желтых глазах Волка. Порыв ветра хлопнул сложенной у мачты парусиной, запутался в юбке болотницы. От повисшей над рекой серой тишины Айше стало зябко. Она обхватила плечи ладонями.

– Ладно, – наконец сдался Харек. – Может, ты и права.

Рюрик одобрительно кивнул, зацепился взглядом за колдунью.

– В Альдоге говорили, будто варги родичи вам, болотным, – вдруг нерешительно сказал он.

Перебивая, Харек ткнул его кулаком куда-то под лопатку, мотнул башкой в сторону головного снелкара эрулов. Там на корме появилась высокая фигура Рагнара. Рыжие космы окружали его голову огненным сиянием.

– Там, за мысом, – Шверинерзе! – предупреждающе выкрикнул он, повернулся к своим гребцам. – Весла в воду! Гребите, дети Одина! Скоро мы минуем земли варгов! За ними нас ждет богатый стол и гостеприимство друзей!

– Хей! – одобрительно воскликнул Харек, вскинул сжатую в кулак руку. Айша поморщилась.

– Хей! – вторя желтоглазому, гаркнул Латья.

Весла взлетели вверх ровными рядами, вспенили воду за бортом.

– После Шверинерзе начинается Лаба, владения Людовика Саксонского, – негромко произнес мужской голос за спиной Айши.

Айша оглянулась. Говорил Хемминг, один из воинов Рюрика, плотный, кряжистый мужичок с хмурым лицом. Это он втащил Айшу на борт, когда буря чуть не сбросила ее с корабля. А после, когда драккар Рюрика затонул, он сунул в руки болотнице обломок доски и крикнул: «Держись!» Ей было очень холодно, но она держалась, пока не появился корабль Бьерна. Тогда, в бурю, Хемминг показался ей надежным и уверенным, но теперь он понуро месил веслом воду и вещал своему соседу:

– А на острове в Шверинерзе стоит крепость варгов Шверин. Слышал о такой?

Сосед поморщился, пожал плечами:

– Шверин, Хверин... Какая разница?

– Никакой, – устало согласился Хемминг.

«Он же здешний, из саксов», – вдруг вспомнила Айша. Направляясь к своему месту, она нарочно прошла ближе к Хеммингу. Подобрав юбку перешагнула через вытянутые в проход ноги воина.

– Дом всегда остается домом, – негромко сказала она. – Помоги нам, сакс.

Хемминг вскинул на нее тоскливый взгляд. Голова сакса была обмотана тряпкой, из-под ткани выглядывали лишь короткие кончики седых волос.

– Ты говоришь со мной, ведьма? – спросил он.

Айша не ответила. Она привыкла, что многие хирдманны называли ее ведьмой, но сама не могла точно сказать – ведьма она, колдунья, притка или хвити, как величал ее старый Финн. Раньше она думала, что она – хвити и ее предназначение в том, чтобы найти свою жертву, увести ее за край жизни, а затем и самой перешагнуть через этот край. Но все случилось иначе, и она осталась тут, среди людей, рядом с Бьерном. Он отобрал ее у владычицы Морены, и теперь у нее не было своего пути, только его путь. Не было своей жизни, только его жизнь. Наверное, и смерти своей у нее не осталось. Разве могла она

зваться обычным человеком, не имея ничего, кроме любви к Бьерну и древних, полученных еще в словенских болотах, тайных знаний? А тут еще предсказание старого Финна... Старик мог бредить, но зверь снасти спел свою песню, прервав их путь в Альдогу. Что будет дальше?

Айше стало холодно. Она пробралась к своему месту на корме, близ левого борта, села, поджав ноги. Бьерн стоял с Латьей у рулевого весла, в нескольких шагах от болотницы, но она не смотрела на него, не желая мешать ему даже случайным взглядом. Бьерн позволил ей жить рядом с ним, любить его, и это уже было великой честью для безродной болотной девки, однажды приткнувшейся к могучему ярлу. Поэтому Айша не рассказала Бьерну о Гюде, о том, как княжна пыталась сбросить ее в воду во время бури. Болотница помнила, как княжна ударила ее по руке, помнила водяную мглу под своими ногами, тянущуюся к ней жадной пастью, и исходящий из этой пасти холод. «Я предупреждала! – крикнула тогда Гюда. – Ты сама виновата!» Она жаждала Айшиной смерти. Но Айша не хотела возвращаться туда, где темно и холодно, в то место, которое Финн называл воротами Нифльхейма, где рождаются мертвые души и бледными пятнами бродят в сумерках молчаливые тени. В тот миг она возненавидела дочку князя. Может, именно ее ненависть вызвала к жизни громадную волну, которая смела с палубы ненавистную Гюду? А потом, когда все кончилось, пришло чувство вины. Оно заставило Айшу кивнуть, соглашаясь на молчаливый вопрос Бьерна о совместном походе с эрулами. Болотница никогда бы не одобрила этот поход, но Бьерн хотел получить назад свою княжну. Айша не знала – любил ли он Гюду, но он обращался с княжной как с вдовой ярла, хотя знал, что она была для Белоголового лишь наложницей. Он никогда не отворачивался от нее, приходил по первому ее зову, делал ей подарки, оберегал от оскорблений. Многие говорили, что в Альдоге Бьерн женится на княжне и примет ее будущего ребенка, что такой брак был бы для него очень выгоден, но сам Бьерн предпочитал помалкивать и проводить ночи в объятиях Айши.

Вздыхнув, болотница покосилась на сидящего спиной к ней Хемминга. Темно-серая тряпка полностью закрывала его голову, спускалась на плечи. В щель между нею и пледом высывались сухие руки с набухшими венами, на кончиках пальцев виднелись следы ожогов, местами ногти коробились, расслаиваясь желтизной.

«Ветряные птицы Нифльхейма носят зло над спящей водой...» – прошелестел над ухом болотницы голос Финна.

Спящая вода – озерная вода, ведь реки и моря никогда не спят...

Ветер пробежал по одежде Хемминга, тряпица на его голове заколебалась, забилась серой тенью, плед взмахнул свободным концом, зашлепал им по палубе. Только руки остались безжизненными, будто у мертвяка. Кожа на них вдруг обрела синюшный цвет, вены опали и растеклись, превратившись в темные гнойные пузыри, ногти стали черными.

– Нет! – вскрикнула Айша.

Хемминг оглянулся на крик. Насмехаясь над болотницей, ветер приподнял край тряпицы, под ним промелькнула жесткая седая борода. Одна из «мертвых» рук зашевелилась, прихватила уголок пледа, вернула его на место. Вены, ожоги, желтизна на ногтях – все вновь стало прежним.

– Глупо... – Айша встряхнула головой, зарылась лицом в ладони. – Как глупо!

Пока драккар поворачивал к правому берегу, где за мыском открывался вход в озеро Шверинерзе, Айша старалась избавиться от дурных предчувствий. Она и сама не понимала, что ее томило, просто на душе было тяжело и то и дело вспоминались гибкие пальцы Красного конунга, мотающие невидимую нить.

Корабли обогнули мыс, вышли на покрытое рябью волн озеро. Наползала вечерняя темнота, волны стали черными, заходящее солнце красило тучи в багровый цвет. Они тяжело нависали над водой, над береговым лесом, над выступающими в озеро плесами, над кормой корабля. Ветер стих, но чудилось, что достаточно одного легкого дуновения, чтобы набрякшие красным тучи лопнули, как старые бурдюки, и на землю хлынул кровавый дождь.

Драккар шел вдоль берега, свободные от гребли воины легли спать, лишь несколько

человек скучились у кормы. Разговаривали, посмеивались. До Айши доносился стук бросаемых на палубу камней и отдельные возгласы, то довольные, то расстроенные – хирдманны играли в черные и белые камни ³⁸. Рядом с ними, невзирая на шум, безмятежно дрыхнул старый Къятви, раскинувшись на мягкой шубе и задрав к небу седую бороду. Пола шубы прикрывала его ноги, узловатые руки покоились поверх нее, утопая в косматом меху. Слева, в паре шагов от Къятви, уронив голову на согнутые колени, дремал Рюрик. Плед прикрывал его узкие плечи, спускался до палубных досок, оборачивался вокруг ног. Неподалеку от него, откинув голову к борту и закрыв глаза, сидел Бьерн. Черные косицы волос змеями спускались по его плечам, вечерний свет вырисовывал высокие скулы, блестел на опоясавшей его шею гривне ³⁹.

Стараясь не потревожить никого из воинов, Айша встала, осторожно подошла к Бьерну, устроилась меж ним и Къятви. Старый воин недовольно забурчал во сне, повернулся на бок, спиной к болотнице. Она покосилась на Рюрика. Отброшенные назад светлые волосы открывали его широкие брови, густые ресницы подрагивали, выдавая беспокойные сновидения, а рот выглядел слишком большим для худого мальчишеского лица.

Отвернувшись от Рюрика, Айша коснулась плеча ярла.

Бьерн не вздрогнул, не шевельнулся, просто его веки мгновенно поднялись, будто он не спал, а, затаившись, поджидал опасливого жеста болотницы. Она отдернула руку. Бьерн потянулся, зевнул.

– Ты что-то хотела? – спросил он.

После сна его голос показался Айше более мягким, чем обычно.

– Что ты знаешь о варгах? – спросила она.

Бьерн пожал плечами.

– Ничего.

Ответ был слишком простым и коротким. Бьерн устал, Айша ощущала его усталость кожей, каждый вопрос царапал ее, причиняя боль. Но она должна была понять.

– А об их крепости на острове? – помолчав, выдавила она.

– Болтают многое, а на деле – обычная крепость. Ров, ворота на южную сторону. Я дважды был там.

Ярл не отказывался отвечать и не уходил от разговора, но он явно знал больше, чем говорил. Айша воровато огляделась, словно боясь, что кто-нибудь заметит ее, затем, подогнув под себя ноги, уселась на пятки, расправила смятую юбку.

– Хемминг – сын Готфрида, родом из саксов. Всю жизнь он прожил рядом с варгами, но он боится их и их крепости, – она старательно разглаживала юбку ладонями. – Очень боится, хотя не показывает этого. Я видела его страх. И я чую в его страхе начало чего-то большего, чем просто беда.

– Ему нечего бояться. Тебе тоже.

Бьерн утешал ее, но в голосе звучало безразличие. Он думал о чем-то своем. О Рагнаре и предстоящем походе? Или о княжне, оставшейся в лапах Красного конунга? В Каупанге Гюда сказала, что Айша не ровня Бьерну, что ярл никогда не опустится до болотной девки. Но разве Айша требовала, чтоб Бьерн опускался до нее? Разве просила его о чем-то?

Корабли медленно выползли на середину озера, потекли мимо изогнутого дугой лесистого острова. Деревья на его берегу совсем почернели, просветы между ними заволокло вечерней тьмой. Когтистые лапы веток нависали над водой, тянулись к пришлым.

– Левый борт – табань! – выкрикнул Харек, оглянувшись на кормщика Латью, посоветовал: – Держи правее.

³⁸ Позже подобную игру называли игрой в кости.

³⁹ Гривна могла служить как средством платежа, так и шейным украшением, говорящим о состоятельности своего владельца.

Ломая бортами низкий сухостой, драккар развернулся, плавно обогнул длинный островной плес. За чернотой леса, на холме промелькнул отблеск огня, донесся стук кузнечного молота. Похоже, где-то недалеко от берега стояла кузня, а по весне в любой из них хватало работы и на день, и на ночь.

– Тише, – заслышав кузнечный перестук, приказал Волк.

Драккар сбавил ход, выдрой заскользил по спокойной воде. Голоса смолкли, весла едва всплескивали, лишь камни игроков постукивали о палубные доски. Только теперь играющие не кричали друг на друга, а, понижая голоса, возмущенно шипели.

Багровые облака исчезли за холмом, оставив корабль в холодных сумерках.

– Тихо-то как... – Бьерн притянул болотницу к себе, обнял за плечи.

– Ошибаешься. Нынче – край, самое шумное время, – наслаждаясь его теплом, прошептала Айша.

– Край чего? – Двумя пальцами Бьерн зацепил ее подбородок, заглянул в узкое лицо. В сумерках ее кожа казалась совсем белой, тени на острых скулах подчеркивали худобу, глаза блестели двумя водяными каплями.

– Край света и тьмы. Время нежитей. – Айша дотронулась до его уха холодными пальцами. – Слушай.

Бьерн прислушался.

Всхлипывали весла, всплескивала вода, шуршала в камышах выпь-бессонница, далеко за холмом звенели кузнечные молоты.

– Не то слушаешь! – Айша сложила ладонь пясткой, прикрыла ею ухо Бьерна. – Слушай так.

Бьерн попробовал. Понемногу обычные звуки – звон, шелест, плеск – стали растекаться, превращаясь в ровный слитный шум. А из него, будто капель по первому теплу, одинокими каплями засочились совсем другие шумы, куда более невнятные, зато глубинные, минующие рассудок, затрагивающие душу. Тихой перекличкой, сливаясь со звоном молотов, застучали копыта четырех небесных всадников⁴⁰. Они скакали берегом, сопровождая корабли, тяжело дышали, сдерживали своих не ведающих усталости коней. Младший, западный, отставал от братьев, иногда окликал их, принуждая остановиться. В плеске волн слышался плач Березины, которую, пользуясь глубокой дремой старого хозяина вод, мучила уродливая Албаستا. Из-за заросшего осокой мыса долетело негромкое мяуканье вышедшей прогуляться Земляной Кошки. Ей в ответ засмеялась в соседнем перелеске хитрая Уводна.

Айша отняла руку от уха Бьерна. Обычные звуки нахлынули на ярла внезапным резким грохотом.

– Ты всегда это слышишь? – Собственный голос вдруг прозвучал для него чересчур громко.

– Это? – Болотница отбросила со лба челку, грустно улыбнулась. – Раньше – да, а теперь только изредка. Но это просто пересуды лесных, ветряных да водяных нежитей. А вот когда выйдет луна, заговорят совсем другие духи.

– Какие? – Разговор заинтересовал ярла.

Айша обрадовалась. Она все-таки сумела отвлечь его от мыслей о княжне. Пододвинулась ближе к Бьерну, подоткнула юбку под пятки, избегая оседающей на палубу ночной сырости.

– Духи, которые когда-то были людьми, – обмени, волколаки, ерестуны, блазни, игоши⁴¹. Многие... Их простым людям лучше не слышать.

⁴⁰ Небесные всадники – ветры.

⁴¹ В славянской мифологии: обмень – ребенок нечистого духа, обменянный на человеческое дитя; волколак – вампир; ерестун – мертвый колдун, покидающий свою могилу, чтоб вредить людям; блазень – тень, призрак; игоша – ребенок, утопленный матерью.

– Простым? – насмешливо намекнул Бьерн. – А тебе?

– Наверное, и мне тоже, – ничуть не смутившись, кивнула Айша. – Они, если заметят послуха, могут и жизни лишить. Они чужаков не любят.

Игра в камни на корме закончилась. Скальд Тортлав затолкал выигранные камушки в кошель на поясе, завалился на спину – спать. Его приятели тоже понемногу уgomонились. Кто-то еще ворочался, отыскивая положение поудобнее, другие уже сопели, погрузившись в сон. Зато Рюрик, наоборот, проснулся, сел, протирая руками глаза. Желтоглазый берсерк перешагнул через ноги Айши, плюхнулся рядом с ним.

– В Лабу придем на рассвете, не ранее. Выспись, покуда можешь, – сказал сердито.

Харек не таился. Ведь те хирдманны, что гребли, не вслушивались в чужие разговоры, а те, что отдыхали от гребли, спали.

– Не хочу. – Мальчишка приглушил зевот ладонью. – Как думаешь, мы увидим короля франков, когда придем на его землю? Говорят, он ходит в золотой одежде и пьет из кубка, сделанного из прозрачного серебра. Такого чистого, что в нем отражается все вокруг.

– Не знаю.

Драккар отклонился влево, обогнул маленький островок, посреди которого на упавшем сухом дереве сидели две крупные чайки. Корабли двигались так тихо, что птицы даже не встревожились. Лишь одна повернула голову, будто рассматривая вереницу непонятных огромных рыбин, вылезших из речной воды. Рюрик хлопнул в ладоши, спугивая птицу, засмеялся, когда она, пошлепав крыльями, лениво взмыла в воздух.

– Береги себя, – уткнувшись в грудь Бьерна, Айша обвила руками его шею. – Я умру, если не смогу тебя защитить.

Драккар содрогнулся, под днищем что-то громко заскрежетало. Громко выругался Харек. Застучали быстрые шаги, мимо Айши пробежали несколько хирдманнов, сунули в воду длинный шест, принялись сталкивать корабль с неожиданной мели. Налегая на шест, они то и дело ворчали друг на друга, покрикивали, ругали за баловство озерных троллей. Бьерн сбросил руки болотницы, вскочил, перегнулся через борт. Всматриваясь в темноту внизу, сообщил:

– Похоже, коряга.

– Хороша коряга, чуть драккар не перевернула! – фыркнул кто-то.

От шума и качки проснулся Кьятви, завертел тощей шеей.

– Иии-эх! – Сразу шесть воинов уперлись в шест грудью. Драккар повело в сторону, днище затряслось и противно засипело. Айша завалилась боком на плечо Рюрика. Тот поддержал ее, но тут же отстранился, словно ее прикосновение было ему неприятно.

Вода с правого борта хлопнула, заплескалась убегающими под камыши волнами. Одолев препятствие, драккар вновь двинулся вперед. Айша привстала на колени, разглядывая всплывший кривой ствол старого дерева. Отдаляясь, он печально качался за кормой корабля. Изрытая морщинами кора блестела в закатном свете, обломки сучьев выпирали скрюченными пальцами, на самом конце ствола блестели звенья железной цепи.

– Табань, табань! – вновь взвыли сразу несколько голосов.

Айша вытянула шею. Из-за борта, из темноты выросла высоко задранная корма Рагнарова корабля. Она странно кренилась, вылезая из воды почти до киля.

– Тьфу! – раздосадованно ругнулся Кьятви, почесал смятую кожу на щеке, потрепал Айшу по плечу, встал, натягивая шубу. – Не пугайся, девочка. Ничего не случилось. Просто великий и могучий конунг Рагнар сел на мель перед заколдованной крепостью варгов.

Озерные варги знали о войске чужаков – судя по свежим спилам, они совсем недавно перекрыли корабельный путь бревнами и цепью ⁴². Рагнар заметил лишь бревна. Лавируя

⁴² Древние перекрывали путь чужим кораблям к своим городам, крепостям или портам с помощью всяческих подсобных средств. Зачастую для этих целей в гаванях топили множество старых кораблей, насыпали камни и т. д. Только тот, кто хорошо знал о местонахождении подобных ловушек, мог провести через них корабль.

меж ними, он уперся рулевым веслом в цепь, и его снечкар повело к мели. Корабль Бьерна миновал цепь, однако сильно поцарапал днище о бревно. Остальные кормщики предпочли остановить свои суда поодаль, избегая участи головных судов. До рассвета воины Рагнара пытались снять снечкар с мели, однако он прочно сидел на спрятавшейся под водой каменной глыбе. Рагнар мог бросить головной корабль или ждать подъема воды. Весной такое случалось нередко. Он решил ждать. На драккаре Бьерна тоже мало кто спал. Харек и Латья поочередно ныряли в реку, выискивая ослабшую доску в днище. К утру слабина была найдена. Глубокая царапина расцедила бок корабля чуть ниже ватерлинии.

Пользуясь заминкой, Бьерн решил вытащить драккар на береговую отмель острова, завалить его на бок и заделать пробоину.

– Опасно, – возразил Рагнар, указывая на выступающую из тумана черную громаду крепости варгов. – Они воюют лучше, чем говорят, и быстро будут здесь.

– Я не хочу терять последний корабль, – не сдавался Бьерн.

Драккар вытащили из воды. Три корабля эрулов встали неподалеку, воины с них наблюдали за берегом. Остальные суда окружили беспомощный снечкар Красного конунга.

Постепенно туман рассеивался, обнажая плоскую отмель, переходящую в равнину, где из жухлой травы торчали круглые вершины валунов. Меж валунами протянулась наезженная дорога. Весенняя слякоть размочила ее, в глубоких колеях плескалась вода.

Латья забивал щель в днище смоленной паклей, Кьятви суетился рядом, больше мешая, чем помогая, Бьерн сидел на валуне у воды, что-то подсказывал обоим.

Не зная, чем заняться, Айша двинулась по дороге в глубь острова. Она не собиралась отходить далеко, просто приятно было ощущать под ногами твердую землю, а не раскачивающуюся палубу. Переступая через лужи, болотница поднимала подол юбки, старалась не поскользнуться в глинистой жиже.

За грядой камней, справа от дороги, паслось небольшое стадо овец. Пастуха нигде не было видно – скорее всего, завидев чужаков, он помчался в крепость, чтобы предупредить жителей. Сторожили овец два крупных волкодава с жесткой серой шерстью и тяжелыми мордами. Псы недобро косились на Айшу, скалили желтые клыки. На всякий случай она двинулась назад. Собаки увязались за ней, держась чуть поодаль и рыча. Болотница подошла к перевернутому драккару, оглянулась на псов. Волкодавы настороженно разглядывали незнакомых людей.

– Ррр... – ухмыляясь, рыкнул на собак Харек.

Оба пса дружно заворчали. Харек приподнял брошенный на землю щит, стукнул обушком топора в умбон, шагнул навстречу собакам. Шерсть на их загривках поднялась дыбом, они неспешно потрусили к врагу. Желтоглазый перехватил топор поудобнее, осклабился, предвкушая драку.

– Уймись, Волк! – одернул его Бьерн.

Харек оглянулся на ярла, пожал плечами:

– Да это же просто шутка.

– Они так не считают, – кивнул на псов Бьерн. Затем прищурился, глядя на вершину холма, за равниной. – И они – тоже.

Айша приложила ладонь к глазам, прикрывая их от восходящего солнца, вгляделась.

На холме чернели силуэты всадников. Кони топтались на месте, мотали обрезанными хвостами, потряхивали гривами. Бьерн перехватил щит в правую руку, повернул светлой стороной к всадникам, поднял его над головой. На холме закричали, заулюлюкали. Всадники сорвались с места, помчались навстречу чужакам.

– Не нападать! – негромко приказал Бьерн. – Только защищаться.

Его приказ прошелестел по рядам хирдманнов, зачавкала грязь под их ногами. Айша не заметила, как оказалась за полукругом сомкнувшихся плечами воинов. Первый ряд полукруга встал на колени, соединив щиты. Второй – ошетинился копьями. Часть воинов

ожидала внутри полукруга, но Бьерн и Харек очутились впереди, между хирдом и всадниками ⁴³. В поле, на пустой дороге они казались совсем беззащитными.

Всадники летели во весь опор. Айша видела украшенные длинными меховыми хвостами шапки на их головах, короткие мечи в руках, пенные хлопья, слетающие с лошадиных губ, ноги в сафьяновых сапогах, нещадно бьющие пятками в потные бока коней.

От конского топота земля гудела, гортанные крики на чужом языке заставляли болотницу вздрагивать. Не останавливаясь, всадники разделились, промчались мимо, обтекая горстку непрошенных гостей с обеих сторон. Мимо Айши промелькнул пегий бок чьей-то лошади, в лицо брызнула грязь из-под копыт. На проскользнувшем, будто видение, бородатом лице блеснули злые глаза, мазнула по плечу пола чужого полушубка.

Миновав северян, всадники осадил лошадей. Хирдманны тут же перестроились, и теперь уже те, что стояли позади Айши, щетинились оружием и ограждались щитами. Верткий, как угорь, Тортлав выставил щит перед собой, присел на колено, воткнул древко копь в землю. Острие копь смотрело вперед и вверх.

– Чтоб вам сдохнуть, сучьи дети, – выругался Латья. В предчувствии битвы его руки дрожали. Не от страха – от нетерпения и обиды за неоконченную работу.

Кони гарцевали перед живым заграждением, у Айши в глазах рябило от пестроты незнакомых одежд, мельтешения чужих лиц. Один из всадников в вышитой красными крестами рубахе, широких киртах из красной шерсти и собольей шапке, надвинутой на самые брови, отделился от своих, подъехал поближе. На его щеке виднелись глубокие борозды – следы от поставленного еще в детстве клейма.

– Хевдинг варгов, – прошептал кто-то из воинов.

Айша прижала руки к груди, закусила губу. Ей казалось, что вождь варгов – убеленный сединами мудрый старик, а перед ней гарцевал на сером жеребце молодой худой мужчина с короткой бородой, ярко-синими глазами, маленьким ртом и крупным плоским носом. Если бы не одежда, клеймо на щеке и надменный взгляд невероятно синих глаз, его можно было бы принять за обычного пахотного мужика.

Варг подъехал ближе, поднял руки, показывая воинам раскрытые ладони, затем ткнул пальцем в сторону Бьерна.

– Что ты здесь забыл, сын Горма?

– Не думал, что ты узнаешь меня. – Ярл вышел вперед, остановился перед грудью серого жеребца.

– Я не могу узнать того, кого не видел, – улыбнулся варг. – Пастух узнал твой хирд. Он был еще совсем мал, когда ты и твой родич Орм Белоголовый разоряли эти земли, но хорошо запомнил вас обоих.

Он подпихнул пятками коня, понукая его двинуться на ярла. Серый замотал головой, отказываясь теснить живого человека.

– У твоего пастуха хорошая память. – Бьерн прихватил жеребца под уздцы.

Варг помрачнел. Его взгляд скользнул по головам пришлых, задержался на болотнице. Ей вдруг стало холодно. В синих глазах вождя промелькнул интерес.

– Ты пришел с женщиной? – поинтересовался он. – Или она предназначена для продажи?

– О женщинах удобнее говорить за дружеским столом, – сказал Бьерн. – Твои люди преградили путь через озеро и повредили мой драккар.

– Не только твой, – усмехнулся варг. – Но разве моя вина, что у тебя и твоего нового друга плохие кормщики?

Латья возмущенно заворчал. Рюрик затеребил его за рукав, Кьятви цыкнул, призывая к молчанию, и кормщик стих.

⁴³ По мнению некоторых историков, подобное построение было малоэффективным, зато выглядело внушительно и говорило о намерении сражаться до конца. Это был скорее метод демонстрации своих намерений, чем обороны.

– Откуда ты следил за нами? – поинтересовался Бьерн.

Вождь варгов засмеялся. У него были белые ровные зубы с острыми клыками, слегка выпирающими вперед. Его люди терпеливо ждали окончания разговора. Для битвы силы были почти равны – варгов было меньше, чем урман, однако хорошее вооружение и лошади давали им преимущество. Но на озере стояло войско Рагнара.

– Мы идем в Лабу, – примиряюще проговорил Бьерн. – Нам не нужна битва с твоими людьми. Мне лишь надо починить драккар, а Рагнару дожидаться подъема воды. Потом мы уйдем.

– Я тоже не хочу ссоры, однако не верю тебе, – наконец вымолвил варг. Обернувшись, поманил к себе чернобородого крепкого мужика в светло-голубых одеждах с красной вышивкой, отороченных по рукавам и полам лисьим мехом. Подъехав ближе к вождю, тот склонился в седле, принялся что-то нашептывать ему на ухо. Синеглазый слушал, переводил взгляд с Харека на Айшу, с Айши – на Рюрика, с Рюрика – на Бьерна. Потом, оборвав пояснения чернобородого, резко вскинул руку, отсылая его прочь. Натянув поводья, тот заставил лошадь попятиться, влился в стройный ряд своих сотоварищей, различающихся меж собой лишь мастью коней да цветом нарядов.

– Я пропущу тебя и твоих людей. Ты получишь все, о чем просишь. Но в залог своих добрых намерений ты отдашь нам женщину. – Хевдинг варгов выпростал руку из широкого красного рукава, указал на Айшу, быстро предупредил: – Мы не причиним ей вреда. Она подождет в тайном месте, пока ты латаешь свой корабль. Потом мы вернем ее. Но за любой ущерб, нанесенный тобой, Рагнаром или вашими людьми богам, людям или скоту на этой земле, она поплатится головой. Если ты согласен, сын Горма, то будь моим гостем, если нет – то тебе придется оружием добиться своего. Что скажешь?

Закончив речь, он склонил голову к плечу и пристально глядел на Бьерна.

– Почему ты думаешь, что эта женщина важна для меня? Может, ты был прав, и я везу ее на продажу – спросил ярл.

Варг мотнул головой на чернобородого воина:

– Кейнар заметил, что, когда мы подъехали, твои воины окружили ее. В битве сначала погибли бы они. Значит, она очень нужна им или тебе, ярл. Нас устроит и то и другое. Так что скажешь?

Проскользнув к ярлу, Латья приподнялся на цыпочки, что-то забубнил. Бьерн отмахнулся. Подошедший с другой стороны Рюрик стрельнул глазами из застывшую в ожидании болотницу, буркнул:

– О чем тут думать?

Бьерн молчал. За спиной Айши происходило какое-то шевеление. Незаметно, под разговор, урмане перебирались на более удобные для боя позиции, пытаясь оцепить всадников живым кольцом. Их передвижение было замечено, – воздух разорвал резкий вскрик, варги дружно выхватили оружие. Первые лучи солнца заплесали на острых лезвиях.

Айша облизнула пересохшие губы, шагнула вперед.

– Он прав, ярл, – о чем тут думать? Я пойду с этими людьми в их тайное место.

– Достойные слова, – одобрил ее предводитель всадников, вопрошающе поглядел на Бьерна. – Но я жду.

Мельком глянув на болотницу, Бьерн кивнул. Желтоглазый берсерк недовольно поморщился, почти беззвучно прошипел:

– Зря. Мы бы управились с ними еще до заката.

Он терпел переговоры лишь для отвода глаз, на самом деле ему хотелось подраться, в бою излить накопившуюся боль. Еще на реке Айша замечала, как он задумчиво глядит на уцелевших после бури воинов, как кусает губы, не желая прощать самому себе потерю драккара, как зло щурит на воду желтые волчьи глаза. Он будто затаил обиду на Ньерда и, не ведая, как расквитаться с богом, жаждал драки с ни в чем не повинными людьми.

Неожиданно легко вождь варгов соскочил с лошади, толкнул Айшу к своим воинам. Споткнувшись, болотница ударилась плечом о конский бок. Ее схватили за локти, поволокли

вверх, перебросили через лошадиную спину.

Над головой звучно гаркнул мужской голос, лошадь развернулась, пошла галопом. Айшу затрясло, перед глазами замельтешили вывороченные комья земли. Она почти ничего не видела, кроме мчащейся земляной насыпи, мелькания лошадиных копыт и луж.

Когда у нее в глазах уже темнело, а нутро выворачивало наизнанку от тряски, всадник остановился.

Подчиняясь чужим рукам, Айша соскользнула с лошади, вцепилась в плечо провожатого. В застилающей взгляд пелене она разглядела несколько низких изб, привязанных под навесом лошадей, распахнутые ворота хлева с вытоптанном загоном, фигуры людей, бледные и неясные, подобно полдненным теням.

– Сюда! – Ее куда-то повели, втокнули в маленькую темную землянку. – Жди!

Дощатая дверь захлопнулась, Айша осталась в одиночестве. Снаружи завозились, подпирая вход крепким колом.

Справившись с тошнотой, болотница осмотрела свою темницу. Из сумрака проступали очертания неровных земляных стен, оглобли, торчащие вверх двумя тяжелыми палками, и истертый хомут в углу. Сквозь щели меж досок двери пробивался слабый свет.

Подобравшись к входу, пленница прильнула глазом к щели. По двору метались неясные тени, кто-то что-то говорил, смеялся. Одна из лошадей заржала, тяжело звякнула железная бадья, хлопнула створка ворот амбара.

Скользя пальцами по шершавым доскам, Айша осела наземь прямо у двери, уткнулась лбом в колени.

Время замерло, было темно и тихо. Потихоньку из окружившей болотницу затхлой тишины пришел страх, прошуршал невидимыми влажными крыльями, спрятался в балках над головой.

– От судьбы не уйдешь. Ты – хвйти, – сливаясь с далекими звуками двора, зашелестел он знакомым певучим голосом. – Забудь людей, забудь своего ярла. Вернись к нам.

– Нет! – Айша обхватила руками голову, сжалась. – Нет!

– Вернись. Ярл скоро оставит тебя. – Тень заскользила по стене, коснулась локтя болотницы краем незримых одежд. Пахнуло морем.

Айша отдернула руку:

– Уйди! – Она завертела головой, сжала кулаки. – Убирайся!

Что-то серое, похожее на клоч серого тумана, проплыло за ее спиной. Она резко развернулась, ударилась коленом о дверной выступ, вскрикнула. Из раны на колене потекла кровь. Теплая струйка сбегала по замерзшей коже к щиколотке.

– Помнишь, что сказал Финн? Тьма вышла на охоту. Тьма поглотит его. Тебе будет больно, – прямо ей в ухо выдохнул холодом колдовской голос. – Люди не смогут защитить тебя от боли. Вернись.

Айшу трясло, то ли от холода, то ли от заползшего внутрь ужаса.

– Нет, – прошептала она.

– Вернись, пока не испытала боли. Ты – наша девочка, в тебе наш род, мы хотим тебе добра.

Не в силах вынести протяжный шепот, болотница принялась шарить ладонью по полу. Она не знала, что ищет, пока ладонь не наткнулась на старый кувшин для меда. Айша сомкнула пальцы на горлышке, размахнулась, со всей силы швырнула кувшин в серую тень.

– Прочь.

Ей в лицо брызнули глиняные осколки, тень съежилась, забилась в угол, пискнула обычной дворовой мышью. Айша попыталась прихлопнуть мышь ладонью, но промахнулась, и та улизнула в щель под дверью, напоследок мазнув по руке болотницы тонким холодным хвостом. Откинувшись к стене, Айша закрыла глаза.

Лишь теперь она почувствовала, как устала. Больше всего на свете ей хотелось спать.

Айша просидела в заточении день и еще ночь, то погружаясь в странную тяжелую дремоту, то ненадолго выныривая из нее. Серая тень не возвращалась и к утру стала казаться

лишь обрывком одного из снов. Глаза понемногу привыкли, в короткие мгновения бодрствования Айша могла разглядеть свою темницу. Она оказалась маленькой, совершенно круглой, даже пол был с круглым углублением в середине. Поутру пошел дождь, и сочащаяся из-под двери вода собралась в центре землянки грязной лужей. С потолка и стен свисали остатки каких-то корней, от земляных стен пахло сыростью и плесенью. Почти всю землянку занимали старые оглобли, на них, будто на телегу, были навалены всякие ненужные вещи – плетеные корзины с рваными дырами, обломки бочки, жердь для сена, две подковы, белый от плесени хомут, кувшин с отбитым горлышком, кусок старой рыбацкой сети.

Подбив под себя всю эту рухлядь, Айша кое-как устроила себе мягкое сиденье, залезла на него, подобрав ноги, и постаралась подумать о чем-нибудь хорошем.

«Ежели человеку худо, он обязательно должен думать о хорошем», – когда-то давно, когда она была еще маленькой и жила в Затони, в большом доме, советовал дед. Дед был из тех, кто умел разгадывать знаки богов. Иногда его советы помогали. Из детства Айша помнила, как бродила с дедом по болотам, тихие вечера в теплом доме и быстрые пальцы старой Букарицы, плетущей пряжу в дедовском подполе.

Сорвавшаяся с потолка капля пронзила холодом кожу, прервала теплые воспоминания, перенесла болотницу в самые их глубины. Перед глазами встали скользкие стены огромной ямы, в ушах зазвенели молящие голоса, стоны, рыдания. За нею накатила тишина – мертвая, ледяная, страшная. Тьма дотянулась до Айши влажными лапами, закутала ее в холодный саван...

Дверь распахнулась так внезапно, что болотница вскрикнула. Свет хлынул внутрь, вместе с ним в темницу просунулась нечесаная голова Харека.

Судя по оплывшему лицу и красным глазам, ночь Харек провел за веселым гуляньем. Рубаха на нем болталась без пояса, в ворота виднелась багровая извилина старого шрама, пересекающего горло берсерка. Этот шрам оставила рука Айши в память о прежнем хевдинге Волка – Белоголовом Орме.

– Выходи. – Харек осклабился, забелел зубами. – Ночь принесла нам милость Асов ⁴⁴. Айша вылезла из землянки.

День клонился к полудню, но дождь еще накрапывал. Невдалеке темнели круглые крыши странно молчаливых домов усадьбы. Переминались под навесом лошади, устало мычала недоенная корова.

Айша поежилась. Желтоглазый засмеялся.

– Ступай к Кьятви. Он ждет тебя за южными воротами.

На прощание он махнул болотнице рукой, перебежал двор и скрылся за большой избой. Проводив его взглядом, Айша направилась к южным воротам.

Стражи на вышке у ворот не оказалось, Кьятви одиноко стоял на дороге. На нем была длинная шуба из лисьего меха. Мех намок, обвис некрасивыми клочьями. С подола на ноги старика стекала вода. Кьятви опирался на меч, горбил плечи. Когда болотница подошла, он покосился на ее осунувшееся лицо, сказал:

– Это был трудный день. Мы все устали. Надо идти к драккару.

Айша не спорила и старалась не смотреть по сторонам. Ее настораживала тишина, повисшая над еще вчера таким шумным двором. И безлюдье...

Уставившись в землю перед собой, болотница побрела прочь из усадьбы. Она чувала беду, но боялась спрашивать о ней, как будто расспросы могли сделать все еще хуже. Рядом с ней, тяжело подволакивая ноги, топал старый урманин, тяжело дышал.

– Впервые после потери драккара Харек показался мне довольным, – тихо, только для того чтобы спугнуть давящее на плечи молчание, сказала Айша.

– Волк нашел то, что жаждал найти. – Кьятви приложил руку к груди, сморщился от

⁴⁴ Асы – боги (Один, Тор, Ньерд, Бальдр, Хеймдалль, Локи и т. д.).

боли. Другая рука, державшая меч, вдруг задрожала.

Айша подхватила старика, помогла ему доковылять до обочины, усадила на мокрую траву. Затем взяла меч из дрожащей руки, положила рядом. Шуба Къятви распахнулась, открывая красную от крови рубашку. Болотница охнула, потянулась к подолу юбки, ухватилась за края шва, дернула. Ткань затрещала, разошлась. Зацепив зубами край, болотница оторвала от юбки небольшой клочок, быстро прижала к ране Къятви.

– Не переживай. Это царапина. – Къятви попробовал улыбнуться, но не смог, скривился, потрепал болотницу влажной и твердой, как доска, ладонью по плечу. – Ты не сможешь остановить валькирий, когда они придут за мной. А без них я не покину этот мир.

Он пытался шутить. Поддерживая его, Айша выдавила улыбку. Рана на груди старика была глубокой, сразу было трудно определить, докуда она дотягивается.

– Нынче ты слишком мокрый и грязный, чтоб приглануться валькириям, – усмехнулась болотница. – Пожалуй, все обойдется.

– Не для всех, – Къятви покачал головой. – Видишь эти пустые дома? Этой ночью все люди из усадьбы были в крепости. Ни один из них не вернулся.

– Почему? – растерялась Айша.

– Рагнар, – коротко пояснил старик.

– Эрулы напали на капище? – Получив вместо ответа утвердительный кивок, Айша насупилась. – Но зачем? Варги не собирались воевать.

– Вчера вечером эрулы сняли снейкар Рагнара с мели. Красный конунг тут же причалил к берегу, и все его корабли – тоже.

– Они напали?

– Нет. Варги укрылись в крепости, и Красный не стал нападать на крепость. Он просто убил тех, кто не успел убежать. Людей резали прямо на жертвенном камне в капище, где варги приносят жертвы своим богам. Красный сказал, что если кровь коз угодна богам, то уж кровь людей будет угодна вдвойне, и отныне всем эрулам должно сопутствовать счастье в бранных делах. Спустя некоторое время варги вышли из крепости, чтоб отомстить.

– Глупцы! У Рагнара большое войско. Варгам надо было отсидеться. Смерть нескольких лучше, чем смерть всех, – выдохнула болотница.

Къятви отмахнулся от нее, закашлялся. Вытерев губы, он продолжил:

– Ты не понимаешь. Рагнар не собирался драться. Он всего лишь показал свою силу, унизив варгов. Когда они вышли из крепости, чтобы принять бой, Рагнар погрузился на корабли и ушел.

Къятви вздохнул, будто размышляя, стоит ли рассказывать дальше.

– И что?.. – поторопила Айша.

– Мы остались, – нерешительно начал Къятви.

– Из-за меня?! – вскрикнула болотница.

Къятви печально покачал головой.

– Драккар не был готов, Латья не успел заделать щель. Был бой. Потом Бьерн увидел, что варги спускают на воду лодки, и приказал убивать всех... Чтобы никто не ушел и не позвал помощь с береговых деревень. Никто...

Къятви все бормотал и бормотал, его голова клонилась ниже и ниже, голос слабел.

– Где Бьерн? – Айша обхватила его за плечи, не позволяя упасть, но старик не заметил ее прикосновения.

– Где Бьерн?!

– Песни валькирий. Они кричат... Нет, это варги. Они проклинаят нас. Как много проклятий! Смотрите, смотрите – они кружат над нами! Черные, как вороны Одина. Прочь! Прочь, крылатые твари! – Он бредил, то и дело путая слова и заходясь кашлем. От кашля из раны на его груди толчками плескала кровь. Къятви прикрывал рану рукой, кровь сочилась у него меж пальцев, стекала под рукав.

Глотая дождевые капли, Айша озиралась по сторонам, надеясь увидеть хоть кого-нибудь из хирдманнов. Однако тянущаяся из ворот усадьбы дорога была пустынна, а

из-за холма поднимались в небо серые клубы дыма.

– Погоди, полежи пока. – Болотница осторожно уложила ослабевшего воина на траву лицом вверх, подоткнула полы шубы ему под колени, чтоб не разворачивались. Потом наскребла земли вперемешку с жухлой травой, сунула земляной комок старику под голову. Стоя на коленях, поглядела на его заострившийся нос, резко очерченные скулы, впалые глазницы. Къятви еще дышал, но в глазах уже металось беспокойство обреченного.

– Слушай мой голос, – склоняясь над ним, прошептала Айша. – Нет ничего, только мой голос.

Хирдманн закрыл глаза, слабо кивнул.

На седой скале соколик поет, –

стараясь сдержать дрожь в голосе, запела заклинание Айша.

Соколик поет, соколицу зовет.
А под той скалой голубок живет,
Голубок живет, дом с голубкой вьет.
У скалы у той человек стоит,
Человек стоит, на гнездо глядит.
Кабы он умел соколом летать,
Кабы он умел соколицу звать,
Кабы мог пойти он к себе домой,
Кабы мог пожить с молодой женой.
Да коня его серый дым унес,
Да жену его старый князь увез,
Да и дом его злой огонь спалил,
Да не взять ему ни тепла, ни крыл.
Так теперь ему целый век стоять,
Целый век стоять, свою долю ждать.
Так и ты, душа, не лети, легка,
Так и ты, душа, подожди пока.
Чтоб тебя, душа, в теле запереть,
Я тебе, душе, стану песню петь,
На засов запру соколиный путь,
Чтоб тебе, душе, крылом не взмахнуть.
Предо мной тебе той скалой стоять,
Той скалой стоять, моей воли ждать...

– Я не понимаю, что ты говоришь, – перебил ее песню тихий шепот хирдманна. Къятви перевалился на бок, закрыл глаза. – Прости.

Какой-то миг Айша колебалась, затем, решительно выдохнув, вскочила на ноги и побежала прочь от умирающего, вверх, на холм. Через десяток шагов она обернулась, на ходу выкрикнула:

– Жди!

Къятви ее уже не слышал.

На вершине холма Айша остановилась. Отсюда она видела капище, расположенное прямо посреди лядины, и крепость рядом с ним, в перелеске.

Крепость была небольшой, – сам замок да пяток низких домов, – но хорошо укрепленной. Высокая насыпь огораживала ее со всех сторон, оставляя лишь узкий проход к воротам. Одни ворота, нынче распахнутые настежь, вели к капищу, другие выходили в лес и на дорогу к усадьбе. Чтобы добраться до них, враг должен был бы пройти вдоль стены, сооруженной из камней и подпирающих их столбов. Любого незваного гостя, идущего к

главным воротам крепости, ожидал рой стрел или кипящая смола. Но нынче нападение было слишком внезапным, – главные ворота даже не пострадали. Зато сторожевая башня возле них полыхала вовсю, дым тянулся в затянутое серыми облаками небо. В дыму Айша заметила распластавшееся на маленькой площадке башни тело стражника, в спине которого торчали две стрелы. Одна, с темным опереньем, принадлежала Рюрику, владельца другой, длинной, с полосатым древком, Айша не знала. Возле горящей башни скучились жители ближней усадьбы, испуганно озирались на окруживших их воинов, жались друг к другу, ища спасения. Бабы прятали за спины детишек, прикрывали им лица подолами юбок. Даже издали, сквозь вой и треск пламени, болотница слышала заунывный детский плач.

По крепости сновали хирдманны, ныряли в дома, выволакивали оттуда добычу, перекликались, хвастаясь ею друг перед другом. Кое-где подле входов лежали мертвяки. Кольчуги и оружие выдавали в них воинов. Трупы усеивали и дорогу, ведущую в огороженное ровом и кольями капище. Ряды кольев замыкались, образуя круг. Внутри круга на четырех столбах покоилась крыша храма – ярко-красная, издали похожая на шляпку большого мухомора без пятнышек.

Перескакивая через торчащие из земли камни, Айша побежала к капищу. Звуки разбоя приближались, накатывали, ноздри защипал дымный запах. Обогнув ров и ограду, болотница выскочила на мощенную булыжниками дорогу. Ей навстречу попался кто-то из хирдманнов Харека – лохматый, с грязными полосами на красном лице и мечом, с которого стекала кровь. У пояса воина болталась набитая добычей котомка. Из ее развязанной горловины высовывалась резная рукоять медного ковша, скомканный клочок пурпурной ткани и сапог из бычьей кожи.

Зыркнув на болотницу, воин вскинул было меч, округлил губы для победного крика, однако в последний миг признал и отшагнул, позволяя пройти.

– Где Бьерн? – спросила Айша.

Не расслышав, воин нахмурился.

– Где Бьерн?! – выкрикнула Айша. Не получила ответа, изменила вопрос: – Где твой ярл?!

Хирдманн неопределенно махнул мечом в сторону капища. С лезвия сорвались несколько темных капель попали на щеку Айше. Она вытерла их ладонью, схватила уже собравшегося продолжить путь воина за рукав.

– Там Къятви! – тыча пальцем в сторону холма закричала она. – Там, за холмом!

То ли не слыша, то ли не желая слышать ее воплей хирдманн вырвался, зло фыркнул. От резкого движения из его котомки вывалился сапог, шлепнулся в дорожную слякоть. Оттолкнув болотницу, воин склонился, подхватил его, принялся запихивать обратно.

Понимая, что от одуревшего находника ждать не чего, Айша направилась к воротам капища. Ветер нес ей в спину клубы дыма от горящей вышки, в горле щипало, усталые ноги подкашивались, цеплялись за каждый бугорок. Перед воротами болотница перешагнула через мертвого воина в красной рубахе и меховой безрукавке. Он лежал на спине и безмятежно взирал в серое, истекающее влагой небо. Дождь покрывал моросью его лицо, вода скапливалась в запавших глазницах, струилась по щекам.

В какой-то миг Айше показалось, что варг плачет, она даже остановилась, но, увидев на его шее глубокий разрез, пошла дальше, к храму и возвышающемуся под крышей огромному идолу Свентовита.

Перед идолом на плоском, круглом, как блин, камне покоилось тело вождя варгов. Один из его воины навалился грудью на его ноги, словно пытался и после смерти уберечь своего хозяина от чужаков. Спина воина была рассечена вдоль позвоночника от лопаток до пояса, в руке виднелся обломок меча. Еще два варга лежали рядом с камнем. У одного не хватало плеча и руки, лица другого было не различить из-за страшной раны, раскроившей череп почти пополам. Остальные мертвецы улеглись рядом между жертвенным камнем и основанием, на котором стоял идол. Возле некоторых блестело оружие.

Битва уже закончилась, несколько урман бродили по храму, заглядывая в закуты и

разгребая священные сундуки друидов. Из сундуков в котомки и за пояса перекочевывало годами хранимое друидами добро – пурпурная поволока, шелк, золотые украшения, монеты, оружие, мех, набитые пряностями и солью ящички, гладкие круглые стекла в резной оправе, монеты из разных стран.

На одном из священных сундуков сидел Рюрик. Сундук был большой, ноги мальчишки не доставали до земли. Он безмятежно болтал ими, разглядывая обращенное к нему одно из четырех лиц огромного идола. Это было северное лицо Свентовита – надменное, мрачное и холодное. В руках Свентовит сжимал тяжелый деревянный меч. На коленях Рюрика тоже лежал меч – короткий, легкий, нарочно выкованный под его руку и рост. Из царапины на подбородке мальчишки сочилась кровь. Иногда Рюрик смахивал ее, вытирал пальцы о штанину, морщился. Подле него в сваленной прямо на земле куче тряпья копался Хемминг. Сакс вытаскивал из кучи то одну одежду, то другую, встряхивал, рассматривая ткань на свет. В нескольких шагах от Хемминга, в окружении урманов, Тортлав пытался ножом вырезать на ноге деревянного идола свое имя. Судя по громким одобрительным крикам, это ему удавалось.

Подскочив к Рюрику, Айша мельком оглядела ого.

– Волк освободил меня. Ты не видел Бьерна?

– Там, – Рюрик оставил меч, махнул рукой куда то за деревянное божество.

Сердце Айши подпрыгнуло радостным котенком.

– Я оставила Къятви за холмом, – вспомнив про старого хирдманна, сказала болотница.

Рюрик сузил светлые глаза.

– Что с ним?

– Он ранен. Мой заговор пока держит в нем жизнь.

Мальчишка соскользнул с сундука, постучал кулаком по крышке, сказал, обращаясь к Хеммингу:

– Приглядишь?

– Угу, – тряся перед лицом длинной рубахой с золотой вышивкой по вороту, буркнул тот.

Рюрик сунул в рот два пальца, свистнул, подзывал своих воинов. Сменив род и став воспитанником конунга Олава Гейрстадира, мальчишка обзавелся собственным небольшим хирдом. А Бьерн подарил ему драккар. После бури у Рюрика не осталось ни драккара, ни хирда, однако некоторые из тех, кто приносил ему клятву верности, уцелели. Бьерн выловил их из воды сразу после бури. Двое умерли, а остальные по-прежнему почитали Рюрика своим хевдингом.

Огибая идола, Айша запрокинула голову, разглядывая его деревянные лица. Северное она уже видела, далее шло восточное. Оно казалось более мягким и дружелюбным, чем северное. Пухлые губы бога скрывали улыбку, но в узких прорезях глазниц таилось сокрытое глубоко внутри коварство. На плече бога сидел орел. Мастер постарался, вырезая голову птицы, – хищный круглый глаз казался живым, из приоткрытого клюва летел беззвучный крик.

Следующее, южное лицо Свентовита сияло счастьем, даже древесина на нем была светлее, чем на других местах. Большие глаза взирали на мир с удивлением и радостью, рот был приоткрыт, как у изумленного ребенка, руки сложены на груди, ладонь в ладонь. В пальцах правой руки виднелся знак воинских почестей крест с круглым навершием, усеянным рунами.

Западного лица бога Айша не увидела, очутившись перед распахнутыми воротами священной конюшни, в которой переминался в полутьме белый гадальный конь Свентовита. Этого коня по весне выводили из стойла, украшали его гриву зелеными ветками и вели через ряды склоненных к земле копий. Если конь спотыкался или начинал шаг с левой ноги – людей ожидали беды и несчастья. Зато шаг с правой служил хорошим знаком.

У дверей конюшни сидел на корточках Бьерн. Он откинул голову, прислонившись затылком к стене. Бой окончился, и силы будто ушли из ярла, даже лицо его заметно

осунулось. Глаза Бьерна были закрыты, согнутые в локтях руки сжимали клевец. Железное лезвие поблескивало под дождевой моросью, отбрасывало на щеки ярла светлые пятна бликов. На его лбу осел пепел, серой порошей запутался в черных волосах.

Робея от охватившего ее чувства, Айша подошла ближе. В ее груди что-то сжалось, перевернулось.

– Прости... – склоняясь к ярлу, прошептала она. – Ты ведь остался не из-за драккара, а из-за меня. Я знаю... Чтоб они не добрались до меня, после того как Рагнар напал... Но я не хотела, чтоб все так вышло.

– Ступай к пристани. – Бьерн провел по лицу ладонью, словно снимая с него невидимый налет, окинул Айшу равнодушным взглядом. – Все кончилось. Мы идем за Рагнаром. Он будет ждать нас у входа в Лабу.

Ноги Айши подкосились, она упала на колени в грязь подле ярла.

– Зачем? Зачем тебе идти за ним'?

– У нас договор. – Бьерн оперся на обушок клевца, отряхнул одежду. – Рагнар вернет Гюду после того, как и помогу ему взять золото франков.

– Но он предал!..

– Предал? – Брови ярла удивленно приподнялись. – Нет, он никого не предавал. Он не обещал варгам мира, а мне – защиты.

Айша не понимала, от чего ей больнее: от настойчивого желания Бьерна вернуть Гюду или от злости на Красного конунга.

– Он убийца, – уже в спину Бьерну произнесла она.

Ярл обернулся. Его волосы казались седыми из-за осевшего на них пепла.

– Я тоже, – сказал он.

Старого Кьятви принесли на корабль. Айша перевязала ему рану, промыв ее морской водой из фляги и прочистив края каленым ножом. У нее не было трав, необходимых для лечения, но оставались заговоры и память об уроках, полученных ею еще в детстве в спокойных глубях Приболотья. Сидя над укрытым шкурой стариком, она без конца шептала, отдавая его боль то ветру, то воде, то деревьям, столь редким в здешних местах. Кьятви ее заговоры мало помогали. Лицо хирдманна осунулось, стало бледным, нос заострился, кожа обтянула костлявые скулы. Редкие седые волосы слиплись на висках, борода свалывалась клочьями. Руки Кьятви лежали поверх шкуры – узловатые, старые и некрасивые. Одну Айша сжимала в ладонях, чтоб удержать блуждающую в сумеречной стороне души раненого. Дважды к ней подходил Бьерн, смотрел свысока, хмурился. Почему-то под его взглядом Айша чувствовала себя виноватой, в голову лезли мысли о хвити, о своем предназначении, о предсказании старого колдуна, лежащего нынче под камнем в Каупанге. До самого конца Финн не переставал называть ее хвити – Белой женщиной, вестницей смерти, проводницей людских душ в иной мир. «Тьма обретет жизнь в капище четырехликого бога», – предрекал он. На острове варгов она увидела четырехликого бога и почуяла дыхание тьмы. Смерть коснулась острова своим крылом. Может, Бьерн думает, что все случилось из-за нее?

Айша любила Бьерна, но не понимала его. Она убеждала себя, что вовсе не надо понимать мужчину, которого любишь, что достаточно радоваться его близости и ждать его внимания. Чего еще могла желать от ярла безродная приболотная девка? Она жила, чтоб любить его...

Волны всплескивали под дружными ударами весел, слабый ветер охлаждал шею, остров варгов таял, смешиваясь с серой равниной озера. Мысли Айши текли, сливались с ровным бегом драккара, а губы шевелились, выговаривая привычные с детства заклинания. Постепенно берега сузились, драккар вошел в реку, что несла свои воды меж невысоких гладких холмов. Хирдманны заговорили об эрулах.

– Эй, Гримли, как думаешь, Красный сдержит слово? – донес до Айши чей-то вопрос порыв ветра. Ответа Гримли она не услышала, но внутри незнакомый доселе, поганенький голосок шепнул: «Пусть не сдержит. Пусть уйдет, предаст. Пусть заберет княжну». Но, вопреки чаяниям Айши, в широкой заводи на равнине, там, где веселая Бойца впадала в

величественную Лабу, драккар Бьерна поджидало войско Красного конунга. После недолгих приветствий и ленивой похвалы воинов друг перед другом корабли двинулись дальше.

Полдня пути по Лабе показались Айше нескончаемо долгими. Вдоль реки тянулись ровные, пологие берега с одинаково темными полосами полей, изредка встречались редкие рощицы, еще реже – небольшие села с горбатыми домами и людьми, чьи лица были так же серы, как и одежда. Хирдманны разглядывали незнакомые места, подшучивали над испуганными жителями, врассыпную кидавшимися прочь от берега при виде чужих кораблей, судачили о великой битве с варгами, о добыче, взятой из озерной крепости, о скором приходе в Гаммабург – большой город саксов, где, по уверениям Рагнара, их ждали хороший стол, мягкие постели и женские ласки. Упоминая о женщинах, Харек косился в сторону Рюрика, широко ухмылялся и, хлопая мальчишку по плечу, обещал:

– Женщины саксов пресны, как речная вода, за то послушны, как коровы. Они то, что надо для первого раза. Тебе понравятся!

Рюрик наливался багровым румянцем, кусал губы, однако терпел. Вместо него Хареку отвечал Гримли, воин из Вестфольда, посланный конунгом Олавом для пригляда за мальчишкой, или скальд Тортлав. Ответы Гримли были коротки и резки, Тортлав, наоборот, говорил пространно, витиевато и непонятно. Ни тот ни другой унять Волка так и не могли.

– Подберем тебе бабенку постарше, чтоб знала, чем ублажить воина, – продолжал посмеиваться над Рюриком желтоглазый. Потный и красный от стыда мальчишка сидел вполоборота к Айше, его нижняя губа тряслась. Гримли открыл было рот, чтоб достойно ответить Хареку, когда в пальцах Айши дрогнула рука старого Къятви и послышался его хриплый голос:

– О да, Волк. Такую же опытную, как была у тебя, когда ты впервые решился взять женщину. Или это она решила взять тебя? Не помню, но, кажется, она была большой и сильной, та женщина. Намного сильнее тебя в то время.

Берсерк смолк, оторопело уставился на старика.

– Ты ошибаешься, – рыкнул он недовольно.

Къятви приоткрыл мутные глаза, скривил в улыбке сухие губы:

– В чем? В том, что ты взял ее? Или в том, что она взяла тебя?

Любой ответ был бы глупым. Желтоглазый не сколько раз открыл и закрыл рот, выискивая путные слова, затем, так ничего и не ответив, процедил что-то сквозь зубы и отправился к Бьерну на нос драккара. Латъя отклонил руль, заставляя корабль обогнуть мыс, Харек качнулся, схватился рукой за борт, но не оглянулся. Тортлав хихикнул ему вслед, Гримли радостно осклабился. Почувывая достойную поддержку Рюрик встал на ноги, расправил плечи, вытянул тонкую мальчишескую шею и, за отсутствием Харека, победоносно взглянул на Айшу.

И в этот миг она впервые увидела Гаммабург. Огромная, величественная гряда из камней серой тенью выросла на холме за плечом Рюрика. Остроконечной пикой вонзилась в небо деревянная сторожевая башня, длинными крыльями распласталась по склону холма большая деревня, прорезала склон узкими улицами, разномастными домами, длинными складами. Пестрым языком людских одежд вывалилась на пристань, к раскачивающимся в гавани торговым кораблям, заметалась над рекой разноголосьем людской речи, конского ржания, стука и скрипа. Гаммабург – шумный, жаркий, тяжелый, как обрюзгший хряк, обложил берега Лабы постройками, навозным запахом, плешью торговой площади, настороженными рядами облепивших пристань копейщиков ⁴⁵ и зелеными шапками лучников, затаившихся за грядой замковых камней. Правитель Гаммабурга граф Бернхар ⁴⁶

⁴⁵ Копейщик – воин, основным оружием которого являлось копье.

⁴⁶ Как и многие другие герои, граф Бернхар – не выдумка, а реально существовавший человек, правитель города Гаммабурга в IX веке.

еще не достроил основной каменный замок на холме, лучники обороняли лишь деревянную крепость, затаившуюся между деревенских домов и отгородившуюся от них тяжелыми воротами и крепким частоколом. У ворот на сторожевой башне один из стражей уныло колотил дубинкой в железный круг, оповещая город о прибытии неизвестных кораблей. Глухой железный гул плыл над площадью, над головами лучников, над ровными рядами копьеносцев, облизывал борта драккара, отдавался в ушах болотницы неприятным заунывным плачем. Никогда ранее Айше не доводилось видеть столь огромный город, даже Альдога по сравнению с ним казалась маленьким печищем. Ладони болотницы вспотели, в груди защемило неясной томкой, робость змейкой-медяницей заползла в сердце и притаилась там, подергивая склизким хвостом. Отыскав взглядом Бьерна, Айша шумно выдохнула, облизнула пересохшие губы. С ним было не страшно он был куда сильнее, чем этот огромный город с его рябой окраской и недостроенной крепостью на холме.

Къятви услышал ее вздох, потянул за рукав. Полагая, что старик хочет пить, Айша нацупала рядом с собой кувшин с чистой водой, вытащила пробку, сунула старику. Он отстранил кувшин, присипел:

– Рагнар наверняка послал к ним гонца по суше. Они ждут нас. Поэтому слушай – заговорят ли в знак мира монастырь и церковь?

– Что?... – не поняла Айша.

– Слушай, – повторил старик и тут же, заглушая его речь, на берегу звонко, ровно, успокаивая и город и пришлых воинов, запело железо.

Ахнув, болотница схватилась за грудь, стиснула во рот рубашки, словно задыхаясь. Она умела слышать, как поет внутри древесных стволов живой сок, как наливается росой первая трава, как перешептываются меж собой незримые нежити. Иногда ей доводилось слышать и песнь железа – в боях, когда мечи, сходясь лезвиями, визжали злобно и жестко, изрыгая друг из друга хозяйскую ненависть. Болотница полагала, что именно таков голос железа. Но звуки, затмившие громаду чужого города, тоже издавало оно. И в них не было ярости или ненависти. Они пели о мире, о величии, гораздо большем, чем власть, и о прощении, куда более могущественном, чем сила. В них звучали голоса живых и давно ушедших людей, шелест ветра и звон ручья, радость и боль.

– Колокола, – вслушиваясь в радостное пение железа, сказал Къятви.

Колокола, – вторя ему, прошептала Айша.

3. Монастырь

Сигурд не хотел драться с варгами. Он вообще не понимал, зачем Красный, едва сняв корабль с мели, направил его к острову. В Каупанге Сигурду иногда приходилось брать в руки меч и отстаивать свою усадьбу от таких народников, как Красный. Он не любил вспоминать о тех битвах. Впрочем, и теперь от него не требовали особой отваги, наоборот, прыгивая с корабля на мелководе, Рагнар крикнул уже перелезающему через борт Сигурду:

– Останься с женщиной, бонд!

Его лицо в обрамлении ярко-рыжих волос, распластавшихся по плечам, с широко распахнутым ртом и узкими злыми глазами показалось Сигурду отвратительным. Он отшатнулся от борта, стараясь не смотреть, как эрулы один за другим сыплются со снечкаров в воду, как, вздымая тучу брызг и на ходу вытаскивая мечи, спешат к берегу, как беззащитными черными мурашками разбегаются по склону холма безоружные варги. Некоторые из них все же приняли бой – зазвенело оружие, запахло горелым.

На корабле, кроме Сигурда, остались только невысокий кормщик и Гюда. Кормщик смотрел на берег и нетерпеливо облизывался, словно собака, почуявшая запах мяса, а княжна стояла подле борта, вцепившись в него обеими руками, и рассматривала что-то в воде. За короткое время пути она похудела и осунулась. Ее рубашка истерлась, а там, где к рукаву была пришита ластица, виднелась прореха. Короткие волосы княжна свернула в узел на

затылке. Между волосами и рубашкой по ее шее протянулась длинная серая полоса грязи.

Заслышав шаги Сигурда Гюда обернулась, смерила бонда презрительным взглядом. Ее кожа оставалась бархатистой, отливала молочной белизной, голубые глаза холодно поблескивали.

– Почему ты не пошел грабить вместе со всеми, бонд? – спросила она.

– Рагнар приказал мне остаться. – Сигурд уловил нотки пренебрежения в ее голосе и от этого почувствовал себя неловко, будто вор, пойманный в чужом доме.

– Ты делаешь все, что приказывает чужой конунг? – насмешливо поинтересовалась Гюда. – А если он прикажет тебе прыгнуть в море?

Ее надменность разозлила бонда.

– Во всяком случае, я не стану сталкивать туда кого-нибудь другого, – огрызнулся он. Княжна по мрачнела, пухлые губы сложились в узкую полоску.

– О чем это ты, бонд? – пытаюсь сохранить презрительный тон, спросила она.

– О колдунье Бьерна. – Сигурд встал рядом с Гюдой, оперся ладонью о борт снелкара.

Княжна пыталась скрыть испуг, но ее подбородок задрожал, а на лбу появилась глубокая скорбная морщина. Сигурд мысленно улыбнулся – власть над ней оказалась приятной, теплой, как платок, что связала из козьей шерсти его старшая жена Юхти.

– Ты лжешь, – после долгого молчания неуверенно произнесла Гюда.

– Я лгу, Айша лжет. Посмотрим, кому поверит Бьерн, – кутаясь в тепло неожиданной власти, откликнулся Сигурд.

– Айша ничего ему не сказала, – не сдавалась княжна.

– Пока – нет, – согласился Сигурд. – Так ведь и я молчу. Пока...

От берега заплескали шаги, послышались оживленные голоса. Кормщик подскочил к противоположному от Сигурда борту, завопил, приветствуя возвращающихся приятелей. В ответ те дружно загомонили, вещая что-то о скучной битве и о том, что глупые варги блеяли, как овцы, умоляя о пощаде.

Тонкие пальцы княжны дотронулись до руки бонда. Они были холодными и сухими.

– Что ты хочешь, бонд? – В голубых глазах Гюды плескался вопрос, жег Сигурда, окрашивая его щеки никчемным бабьим румянцем. Зрачки княжны понимающе блеснули, темные ресницы опухлыми развевали тень под глазами.

– Ааа... – протянула она, отстранилась, улыбнулась, показывая ровный рядок зубов. – Тут я тебе не враг.

Поправляя узел волос на затылке, она подняла вверх руки, покосилась на залезающих на снелкар эрулов. Многие вернулись с трофеями – покрытыми кровью полушубками жертв, сапогами, снятыми с мертвецов, поясами, украшенными серебряными узорами варгов. Воины запихивали добычу в сундуки, вытирали потные лица, укладывали на место оружие. Арни Котел перебросил через борт на палубу отороченное золотыми и красными нитями седло, запыхтел, переваливаясь вслед за ним. Глядя, как он пытается засунуть седло в свой походный сундук, Гюда понизила голос:

– Ты жаждешь заполучить девку ярла, а я – самого ярла. Нам нет резона воевать между собой. А помогать – есть.

Настала очередь Сигурда изобразить недоумение. Гюда засмеялась, погрозила тонким пальчиком.

– Не надо притворства, ты все понимаешь, бонд. Мы оба заслужили того, чего жаждем...

Последним на снелкар взобрался Рагнар. Меч в широких ножнах высывался из-за его плеча обвитой ремнями рукоятью, влажные от пота космы прилипли ко лбу и вискам, на щеке мелкой россыпью засохли кровавые брызги, со штанов на палубу текла вода. Рукава рубашки тоже были мокрыми. Эрул, деловито вытер лицо, размазав кровь от подбородка до лба, заметил настороженный взгляд Сигурда, осклабился:

– Ты многое пропустил, бонд. Мы славно потестились.

Поддерживая хевдинга, эрулы загалдели. Гюда потупилась, скользнула мимо Сигурда

на свое привычное место на корме. Проходя, едва заметно коснулась локтем его рукава, прошелестела одними губами:

– Подумай, бонд. Мы оба заслужили награду по душе. Если ты не согласен – можешь все рассказать Бьерну.

Сигурд промолчал.

Молчал он и теперь, внимая перезвону колоколов и оглядывая большой город, о котором не раз слышал в Каупанге. Про Гаммабург часто говорили приходящие на торги в Каупанг ободрить и лютичи, иногда даны. Многие из рассказчиков носили на шее железные крестики и уверяли Сигурда, что в странах франков и саксов уже давно почитают нового доброго бога и что в капищах, называемых монастырями и церквями, его славят колокольным звоном, песнями и священным огнем, который на маленьких восковых палочках ставят пред рисованным Божиим ликом. Тогда Сигурд удивлялся, а теперь великий город саксов лежал пред его взором, и песнь колоколов плыла над его головой...

Рядом со снеккаром Красного, борт о борт, остановился драккар Бьерна. На носу корабля, рядом с изогнутой шеей деревянного дракона, застыл сам ярл, за его спиной сгруппировались воины, поодаль от них на корме сидела Айша. Болотница шевелила губами, будто шептала беззвучные заклинания, ее руки были прижаты к груди. Перевитые пестрой лентой волосы колдуньи открывали маленькие, слегка заостренные мочки ушей и словенские височные кольца, спускающиеся к плечам. Такие же кольца, сплетаясь в цепочку, рядами опоясывали ее шею, еще один ряд возлежал на бледном лбу. Вкрапления мелких красных камней по ободкам колец поблескивали на свету. Широкий рукав рубашки складками сполз к локтю ведьмы, запястье под ним обнимали три узких браслета и один широкий, с красным камнем посередине. И височные кольца, и браслеты, и другие украшения были сделаны из недорогого железа, мутного и темного. На тонкой, почти прозрачной коже колдуньи они казались слишком тяжелыми и очень уж древними. Если бы Айша была его женщиной, Сигурд дарил бы ей иные украшения, сделанные из чистого золота, изящные, легкие, как она сама. И камни он подобрал бы другие, более подходящие к ее кошачьим глазам – зеленые или желтые, дарящие спокойствие и радость.

Колокола смолкли. От замковых ворот по дороге, ведущей к пристани, проскакали несколько всадников в дорогих одеждах с остроконечными флажками на высоких древках. Затем из ворот показалась длинная процессия. Первым гордо выступал паренек с деревянным ларцом в руках. За ним топали два мужика с горнами и пара воинов, несущих герб правителя Гаммабурга графа Бернхара. Следом семенили богатые жители города, а за ними на кауrom жеребце гарцевал сам граф Бернхар, плотный, коренастый, с большим лицом и мясистым носом. Голову графа венчала обшитая мехом шапка, плечи укрывал короткий плащ. Подражая римскому обычаю, в нескольких шагах за крупом графского скакуна четверо рабов волокли носилки с женой графа – сухой, бледной женщиной, узколицей, остроносой и бесцветной, как старая холстина. Ее не могли освежить даже богатые одежды и украшения, щедро развешанные на ее лбу и плоской груди.

Под торжественный писк горнов граф подъехал к пристани, спешился, сурово глянул на жену. Она кивнула рабам, неохотно слезла с опущенных наземь носилок, встала подле мужа. Бернхар оказался ниже ее почти на голову, зато вдвое толще.

Ожидая приветственных слов правителя, горожане смолкли, над пристанью повисла тишина. Никто не говорил, никто не шевелился.словно подхваченная ветром, поднялась с колен маленькая колдунья Бьерна. Ухватившись рукой за парусный канат, замер на носу своего драккара рыжий Рагнар. Рядом с желтоглазым берсерком и вертким кормщиком Латьей изваянием застыл Бьерн.

В тишине хлопнул под порывом ветра спущенный парус, кто-то кашлянул. Бернхар неуверенно покосился на жену. Та рассматривала пришлецов, высоко задрав острый подбородок и подслеповато щуря маленькие глазки. Зацепившись взором за колдунью, поморщилась, скривила узкие губы, заметила Гюду, проползла завистливым взглядом по круглому лицу княжны, по ее пухлым плечам, густым пшеничным волосам, увязанным в

короткий хвост, и недовольно отвернулась.

Не дождавшись от жены никакой помощи, граф шагнул вперед. Конь двинулся было за хозяином, но один из пажей ухватил его под уздцы, заставив остановиться. К графу подскочил худощавый воин, лицо которого показалось Сигурду знакомым. Склонившись к уху правителя, воин что-то быстро зашептал, мотнул головой на корабль Рагнара.

Под навесом толстых, кустистых бровей глаз Бернхара было почти не видно. Его лицо было обращено к снейкару Рагнара, но на кого смотрел граф – на конунга или на кого-то из его людей, – оставалось загадкой.

– Твой человек предупредил меня о твоём приходе, король эрулов, – на северном языке басисто произнес граф.

Теперь Сигурд признал воина, который нашептывал Бернхару. Бонд видел этого человека на озере, среди хирдманнов Красного. Должно быть, ожидая Бьерна, Рагнар послал гонца, чтобы предупредить правителя Гаммабурга о появлении дружественного войска.

– Также он поведал нам, – граф обвел широким жестом столпившихся за его спиной вельмож, – о цели твоего приезда и о том, что ты пришел в мою вотчину с мирными намерениями. Я – граф Бернхар, потомок славного рода Бернхаров, рад приветствовать тебя и твоих воинов в городе Гаммабурге. Но моя власть не простирается столь далеко, чтоб осуществить твои планы. Лишь наш великодушный король Людовик может, одобрив твою миссию, обеспечить вам безопасный путь по Лабе до островов Фризии. Мой гонец уже поскакал к королю с просьбой помочь тебе в твоих начинаниях, но его путешествие займет не менее двух дней. А пока мы ждем ответа от короля, я прошу твоих людей быть гостями Гаммабурга, а тебя и близких тебе ярлов буду рад видеть в моем замке, где всех вас достойно примут.

Жена Бернхара почесала тощую шею, вздохнула. Тяжелая парча на груди явно мешала ей дышать.

– Ты хорошо говоришь, правитель Гаммабурга, – в отличие от Бернхара голос привыкшего к шуму боя Рагнара был отчетлив и резок. – Но зачем твои лучники целятся в моих хирдманнов из-за камней, а твои воины умело скрываются между мирными торговцами и мастерами?

Эрул вскинул руку с вытянутым указательным пальцем. Стоящий подле графа гонец конунга скользнул в толпу, вытолкнул из нее неброско одетого мужчину. Под его широкой рубахой угадывались очертания меча. Бернхар крикнул, запыхтел, ища оправданий. Выручил графа доселе скрывавшийся за спинами вельмож невысокий человек, одетый в длинную, до пят, серую рубаху из грубой шерсти, подпоясанную веревкой. Голова его была обрита, лишь на висках и затылке короткие темные волосы обрамляли лысину ровной каймой. Широкие рукава власяницы скрывали кисти рук, из-под складок подола выглядывали босые ступни. Одежда незнакомца показалась Сигурду гораздо более бедной, чем у большинства жителей Гаммабурга. Зато его лицо внушало почтение, – сурово сжатые губы выдавали сильную волю, а светлые глаза взирали на пришлых снисходительно и мягко, как взрослые иногда смотрят на маленьких детей.

– Ты зорек, Красный Рагнар, – певуче заговорил незнакомец. – Но разве твои воины оставят свое оружие, входя в город?

Над кораблями эрулов загудели недовольные шепотки. Само предположение о возможности лишиться оружия в чужом городе казалось оскорбительным.

– Ты шутишь, Ансгарий ⁴⁷? Мои хирдманны не расстаются с оружием даже на дружеских пирах и тингах. Таков наш обычай, – узнав незнакомца, Рагнар смягчил голос.

Сигурд впился глазами в того, о ком по всем северным странам шло множество слухов

⁴⁷ Ансгарий – реальная историческая личность, "легат севера", монах, миссионер, проповедник, епископ, впоследствии был причислен к лику святых. Несколько раз выезжал в Норвегию, Данию и Швецию, проповедовал христианскую веру, крестил язычников, по его инициативе были построены церкви в Хедебю и Бирке, основана Гамбургская кафедра. В этой книге описаны лишь немногие события из его жизни..

и рассказов. Когда-то, несколько лет назад, Ансгарий приходил в Свею, в торговый город Бирку. При нем не было оружия или воинов, его сопровождал единственный друг по имени Витгара, в его котомке лежало несколько свитков рун, рассказывающих о новом Боге. В Бирке, рядом с курганами Одина, Ансгарий и Витгар поставили крест, – большой, в три раза выше человеческого роста. Своим творением они восславили нового Бога. Узнав о кресте, Хейригер, херсир Бирки, приказал доставить к нему Ансгария и его друга. Все полагали, что Хейригер казнит нахальных саксов, но после долгой беседы с ними правитель Бирки повелел всем людям, что были в его подчинении, оказывать Ансгарию почет и уважение, а сам принял веру Ансгария и даже помог ему построить в Бирке церковь во имя Бога, погибшего на кресте. В то лето многие свеи приняли новую веру. Они окроплялись водой, одевали длинные белые рубашки и вешали на шею крест – знак Бога. Никто не знал, зачем они это делают. Правда, поговаривали, будто Ансгарий может излечить умирающих или сотворить из одной лепешки сотню.

Читать подсунутый под руку договор Рагнар не стал, макнул перо в кувшинчик, чиркнул им по пергаменту, почти не глядя, – сначала вниз, потом вверх. Отклонившись назад, полюбовался на свое творение, подумал, пририсовал еще черточку, щелкнул языком, оборачиваясь к своим кораблям.

– Отныне эта земля – земля наших друзей! – загремел над пристанью его голос. – Слава Одину!

Он победно вскинул руку. Его большой палец был измазан в чем-то черном.

– Слава Одину! – радостно взревело множество глоток.

С кораблей, будто горошины из стручка, на пристань посыпались эрулы. Мимо Сигурда проскочил толстый Арни, хлопнул его по плечу.

– Пошли, бонд! Поглядим, что это за Гаммабург.

Спрыгивая с борта, Сигурд покосился на корабль Бьерна.

Маленькой колдуньи там уже не было.

Вечером Рагнар отправился на пир в замок Бернхара. С ним ушли братья Юхо, Бьерн, желтоглазый Харек и толстый Арни. Перед уходом Красный конунг подвел к Сигурду княжну, толкнул ее навстречу бонду и приказал:

– Идите в монастырь, к Ансгарию. Там получите новую одежду и пищу. Там и переночуете.

Воины за спиной Красного конунга прятали ухмылки, Бьерн равнодушно глядел куда-то вдаль, его скальд Тортлав, не стесняясь, хохотал.

– Мне достаточно того, что я имею, – попытался возразить Сигурд. – Я не женщина, чтоб искать новую одежду или теплую постель.

– Ты – не женщина, ты – бонд, – согласился Рагнар.

Для пира он принарядился – нацепил поверх рубашки вышитый длинный плащ из синей тафты, надел кожаные сапоги и украшенный золотыми бляхами пояс.

– Когдато я был бондом, но теперь я – воин. – Язвительные взгляды мешали Сигурду говорить.

– Бонд всегда останется бондом, – заявил Рагнар. Протесты Сигурда его раздражали, Красный привык к повиновению. – Отведи женщину к Ансгарию, и хватит попусту трепать языком!

Резко отвернувшись, он мазнул по земле полами плаща и двинулся прочь. За ним поспешили его ярлы и хирдманны.

– Но я... – Сигурд рванулся было следом, но княжна схватила его за локоть, остановила.

– Не спеши, бонд. – Гюда подступила к Сигурду почти вплотную, запрокинула лицо так, что он увидел серые крапины в ее темных зрачках. – Днем в монастырь отнесли старого Кьятви...

– И что?

– С ним пошла ведьма.

Свистящий шепот княжны напоминал змеиное шипение. Бонду хотелось отстраниться от нее и брезгливо отряхнуться. Неожиданно мелькнула мысль, что лучше бы ему не вытаскивать княжну тогда из воды, пусть бы утонула.

– Айша в монастыре? – Сигурд мог поклясться всеми богами, что не хотел об этом спрашивать. Губы сами вытолкнули вопрос, раньше, чем он успел осознать смысл сказанного.

Княжна довольно заулыбалась:

– А я о чем говорю?

Щеки и уши Сигурда налились кровью.

Это было глупо. В Каупанге его ждали три жены, ласковые, послушные, хозяйственные. Он оставил их вовсе не из-за маленькой колдуньи Бьерна. Он вообще давно уже вышел из того возраста, когда из-за ласкового женского взгляда можно утратить разум.

– Она не нужна мне! – Сигурд ощущал себя неловким покупателем, пытающимся сбить цену на товар.

– Ха! – сказала Гюда.

Обеими руками она приподняла длинную юбку и, перескакивая через лужи, принялась взбираться по склону вверх, туда, где виднелась невысокая стена монастыря. Сумерки скрадывали ее фигуру, стирали, превращая в безликую серую тень.

Сигурд оглянулся на пристань. На берегу горели несколько костров, возле них чернели человеческие фигуры, изредка доносился невнятный гомон, смех. От костра к костру сновали дворовые собаки, готовые поживиться всем, что перепадет, махали хвостами, изредка перебрехивались. Сигурду подумалось, что он сам нынче, как эти псы, забыв свой дом, мечется в поисках ласковой руки и сытного куска, живет рядом с чужими людьми, ластится, гавкает, трусит...

– Идешь ты или нет? – услышал он звонкий голос Гюды.

Сигурд встряхнул головой. "Мы заслужили все то, чего жаждем", – вспомнилось вдруг.

– А почему – нет? – негромко сказал он.

– Что? – не расслышав, перепросила княжна.

– Говорю, почему нет? – Сигурд решительно переступил через мутную лужицу посреди дороги, в несколько шагов догнал Гюду. – Пошли. Поглядим, как живет этот Ансгарий.

Ансгарий жил небогато. Как и замок, монастырь еще возводился – вокруг главного здания лепились разные пристройки, вдоль стен стояли леса, – но, в отличие от замка, он был почти весь сложен из камня, только колокольня и крыша оставались деревянными.

Протиснувшись мимо служки-привратника в узкую и низкую арочную дверь ограды, Сигурд с княжной очутились на дворе монастыря, мощенном круглыми булыжниками. Справа от входа между булыжниками чернела проплешина земли, на ней возвышался куст, покрытый набухшими почками. Слева женщина в низко повязанном платке сыпала квохчущим курам зерно из подола. Ноги ее были отеками, на придерживающей подол руке не хватало двух пальцев.

Служка вытащил из крепления в стене горящий факел, шлепая по булыжникам босыми ступнями, повел гостей к двери, одна створка которой была распахнута настежь.

– Это Ингия, – заметив, что Сигурд не сводит глаз с согнувшейся в поклоне женщины, пояснил он. – Брат Ансгарий недавно выкупил ее у фризов, дал ей свободу и истинную веру. С тех пор Ингия посвящает себя трудам и молитвам.

От двери вниз, в сырое и полутемное помещение, вели пять каменных ступеней. Потолок нависал так низко, что Сигурду пришлось пригнуться, чтоб не удариться о притолоку. Когда он выпрямился, то увидел большую залу с длинным столом и скамьями подле стола. В дальнем конце помещения горел огонь, вдоль скамей стояли треноги с горячими углями, от которых по стенам тянулись следы копоти. Не достигая округлых сводов потолка, они сужались и таяли, сливаясь с серой каменной кладкой. Пол в зале тоже был серый, глиняный, тщательно выметенный. Вместо окон в двух углах залы под арками виднелись прорехи в стенах, сквозь них сочился холодный воздух со двора. В левой стене

Сигурд разглядел коридор, уводящий в крыло монастыря. В самом его начале в слабом блеске факела желтели деревянные ступени винтовой лестницы, поднимающиеся к колокольне.

– Подождите тут. – Служка подвел гостей к столу, указал на истертые до блеска людскими ногами лавки. – Я позову брата Ансгария.

Он воткнул факел в настенное крепление и поспешил скрыться в темноте коридора.

Гости сели. Сигурд положил руки на стол, замолчал, вслушиваясь в удаляющиеся шаги. Гюда тоже молчала. На миг шаги стихли, зала наполнилась гнетущей тишиной. Даже потрескивание углей в треногах не могло разрушить душной, сырой тяжести. Скосив глаза на княжну, Сигурд увидел проступившую на ее лбу испарину. Женщина торопливо утерла лоб маленькой пухлой ладошкой, вопросительно поглядела на бонда. Тот пожал плечами.

В глубине коридора послышался скрип открываемой двери, затем зашелестели чьи-то тихие голоса. Опять заскрипела дверь, и вновь зашлепали шаги. Сигурд потупился, принялся рассматривать свои лежащие на столе ладони. За долгое время работы на земле кожа на них потемнела, в трещины въелась грязь, которую не смогла вымыть морская вода или стереть шероховатая рукоять весла. Сигурд поковырял одну из трещин ногтем.

– Господь милостив к нам, если посылает добрых гостей в столь поздний час, – сказал кто-то. Сигурд оторвался от созерцания ладоней, уставился на пришедшего со служкой монаха. Тот был невысок, тонок в кости. Широкий ворот черной рясы подчеркивал чрезмерную худобу его шеи и лица. Из-за впалых щек нос казался слишком острым, глаза утопали в ямах глазниц. Казалось, что монах давно ничего не ел. По его жесту служка резво подскочил к очагу, покопался длинной ложкой в стоящем близ огня котле, загремел глиняными мисками, выуживая их из ящика в углу. Вскоре перед Сигурдом на столе истекла сладким запахом густая пшенная каша, а в простом кубке плескалась нечто, напоминающее пряный мед. Такое же угощение стояло перед Гюдой. Служка положил рядом с мисками деревянные ложки и, поклонившись, удалился в глубину коридора. Тощий монах присел на лавку по другую сторону стола, оперся об него локтями, устремил на гостей испытующий взгляд. Глаза у него были маленькие, темные и живые, как у лесного хорька.

Сигурд взял ложку, опустил ее в варево.

– Рагнар приказал мне найти Ансгария, – начал он.

– Брат Ансгарий читает молитвы во славу нашего Господа, сейчас его нельзя тревожить, – быстро, будто предугадав его вопрос, ответил монах. – Я готов заменить его в меру своих скудных сил. Меня называют братом Симоном, в честь апостола Симона, хотя в миру меня звали Гаутбертом.

Для Сигурда такое смешение имен оказалось слишком сложным. Он сунул в рот ложку каши, принялся жевать, одновременно стараясь разобраться, как правильно величать нового знакомого.

– Рагнар сказал, что здесь я смогу взять новую одежду, – так и не притронувшись к угощению, заговорила Гюда. Монах кивнул.

– Ингия даст ее тебе, после того как ты совершишь омовение.

В наступившей тишине ложка чересчур громко стучала о края миски. Сигурд отложил ее, утер рукавом губы.

– Я слышал, что Ансгарий бывал в северных странах, – решил продолжить разговор он.

– Брат Ансгарий – святой человек. Он отмечен Божьей благодатью, – охотно откликнулся монах. – Он побывал в разных землях, и везде, где ступала его нога, многие заблудшие души принимали Господа.

– И Хейригер из Бирки ⁴⁸?

– Хейригер и многие другие. Возможно, ты видел тех, кто последовал советам брата

⁴⁸ Реально существовавший человек, правитель шведского города Бирка в IX веке. Был крещен Ансгарием, повелел построить в Бирке церковь.

Ансгария и обрел веру?

– Нет, не видел. – Сигурду было приятно, что беседа становится более легкой. – Но о некоторых слышал. Они бывали у нас в Каупанге, говорили, что Ансгарий умеет совершать чудеса.

Несмотря на изможденный вид, улыбка Симона была открытой и добродушной.

– Господь дает ему силу, – сказал он. – Еще юношей, будучи учителем и проповедником в Корвейском монастыре, брат Ансгарий умел видеть то, что еще не свершилось ⁴⁹. Господь являлся ему и наставлял на путь, достойный его духа.

– То есть он видел своего Бога? – отпив из стоявшего подле плошки кубка, спросил Сигурд. В кубке оказался вовсе не мед, а нечто кислое, источающее пряный запах. – Когда видел? Во сне?

– Откровения настигали брата Ансгария во сне и во время бодрствования, – возразил монах. Он поднялся, мазнул по столу кисточками веревочного пояса, стал собирать опустевшие плошки.

– Благодарю тебя, Господи, за щедрую пищу. – Шурша одеянием, он понес плошки в угол, принялся споласкивать их в бадье с водой. Под плеск воды, не оборачиваясь к Сигурду, произнес: – Я провожу тебя в свою келью и уступлю свое ложе, а сам проведу ночь в молениях. А за тобой, женщина, придет Ингия. Она отведет тебя туда, где ты сможешь умыться и отдохнуть после долгого пути.

Ночь прошла спокойно, Пока Сигурд обустроивался на низкой деревянной лавке, брат Симон, стоя на коленях в дальнем углу кельи, шептал молитвы и воздевал руки к небу. Под его монотонный шепот Сигурд уснул. Ему снился Каупанг – зеленые летние луга за усадьбами, белые, как облака, стада овец в сочной зелени, солнце, ласкающее его щеки, стрекот кузнечиков. Он лежал в траве на спине, закинув руки за голову, как часто делал в детстве, и смотрел в чистое синее небо, где высоко-высоко черной точкой кружил ястреб. Ему было хорошо и покойно.

Разбудил его звон колоколов. Колокольная была прямо над кельями, звуки оглушали. Зажав ладонями уши, Сигурд сел на лавке, покосился в окошко, больше похожее на бойницу. Сочащийся из него свет делал келью не такой унылой. Натянув сапоги, Сигурд подошел к оконцу, привстал на цыпочки.

Ингия подметала монастырский двор. На ней была юбка из серой шерсти и белая простая рубашка. Голову закрывал островерхий чепец, губы шевелились – Ингия что-то напевала. Метла шваркала по сухой глине, поднимала пыль. Испуганные курицы шарахались от пыльных клубов, квохтали, распуская крылья, металась вдоль стены. У запертых ворот на низком чурбаке дремал служка-привратник. Он прислонился затылком к стене, в углу приоткрытого рта набухал и опадал пузырь слюны. Руки служки лежали на коленях, у безвольно вытянутых ног топтался петух – красно-черный, с синим отливом и загнутым набок гребешком.

Ингия перестала мести, зевнула, окинула петуха равнодушным взглядом, махнула метлой в его сторону. "Хозяин двора" захлопал крыльями и, высоко задирая когтистые лапы, отбежал к своим курочкам.

Сигурд потянулся, посмотрел на изображение, пред которым вчера вечером столь усердно бил поклоны брат Симон, провел пальцем по нарисованной щеке, ощутив приятную шероховатость. Глаза Бога взирали на бонда с грустью и пониманием.

– Доброго утра, господин Ансгарий, – долетел до Сигурда женский голос со двора. Бонд вернулся к оконцу.

Беспалая Ингия стояла, опершись на метлу, улыбалась кому-то. Ночью Сигурд не видел ее лица, но при свете дня она показалась ему хорошенькой. Ингия не была молода, она

⁴⁹ Эта история взята из жизнеописания святого Ансгария. Согласно монастырским записям, Ансгарий обладал даром предвидения. Так, он, например, увидел смерть одного из своих учеников еще до того, как узнал о ней.

приходилась где-то ровесницей Юхти, старшей жене бонда. Тонкие темно-русые пряди выбивались из-под ее чепца, завитком прикрывали розовое ухо.

Будто почуяв на себе чужой взгляд, она обернулась, открыв взгляду вторую половину лица. Ахнув, Сигурд отступил от окна. Щеку и глаз Ингии уродовал кривой багровый шрам, уходящий под чепец.

– И тебе здравствовать, Ингия. – Ансгарий подошел к ней, остановился. Вид у монаха был свежий и бодрый, глаза блестели, на щеках проступил румянец. – Как спалось тебе и нашей гостье?

– Вашими молитвами – хорошо, – откликнулась Ингия. – Ей не понравилось платье, которое я ей дала, но у меня не было другого.

Она виновато склонила голову. Утешая, монах прикоснулся к ее плечу:

– Не одежда красит человека, Ингия. Когда-нибудь она поймет это.

– Я знаю, господин. Я буду молиться за нее.

– Я не господин тебе, Ингия. Мы все равны пред Господом. А другая гостья?

– Она ночевала на конюшне. Сказала, что там ей будет лучше.

– С лошадьми лучше, чем с людьми? – Монах недовольно нахмурился, двинулся к воротам, где сонно потягивался служка. Ингия вновь принялась подметать. Ровные шаркающие звуки внесли в сырую келью тепло и спокойствие. Сигурд направился к двери, толкнув ее плечом, осторожно приоткрыл, выглянул наружу.

В полутьме коридора раскачивались две тени в длинных одеяниях – монахи спешили на заутреню. Подождав, пока они скроются из виду, Сигурд выскользнул из кельи.

Колокола перестали звонить, когда он пересек общую залу. Четверо одинаково серых и худых слуг убрали со стола остатки трапезы. Один из них заметил Сигурда, черпнул из котла что-то вроде жидкой похлебки, наполнил одну из плошек. Сигурд отрицательно взмахнул рукой. Слуга пожал плечами и, ничуть не расстроившись, слил варево обратно в котел.

Пересекая двор, Сигурд постарался не замечать Ингию – ему не хотелось видеть ее уродство. Будто почувствовав это, Ингия поспешила куда-то к деревянным пристройкам – то ли за дровами, то ли кормить скотину. Какое-то время бонд стоял, глядя на ее согнутую спину. Ему подумалось, что монастырь похож на обычную усадьбу – здесь тоже есть слуги, скотина, хозяйство, земли, даже управляющий. Только в усадьбе всех связывало кровное родство, а тут – вера. Кровная связь казалась Сигурду надежнее. Но все-таки тут, на земле, пусть и среди монахов, он ощущал себя гораздо лучше, чем в море с эрулами. Может, родичи были правы, уверяя, что он не годится для походов и войн?

Справа от него громынули ворота небольшой постройки, распахнулись, послышалось конское ржание. Из постройки на двор, взбрыкивая передними копытами и мотая головой, вылетел ярко-каурый, почти красный жеребец. Шкура коня лоснилась, гладкая грива шелковым водопадом струилась по шее, ноздри раздувались. Наметанным глазом Сигурд оценил стать и благородство коня – маленькую голову, крупные копыта, тонкие ноги при широких боках и крутом крупе. Жеребец прогарцевал круг по двору, остановился перед оторопевшим бондом, встряхнул гривой. У него было короткое светлое пятнышко под ухом – след старого шрама.

– Фррррр, – выдохнул жеребец, прижал уши и потянулся к бонду. Сигурд отступил.

– Не бойся. Он зол не на тебя.

Бонд повернулся на голос. Айша стояла в дверях конюшни. Ей дали свежую одежду, такую же серую и простую, как у всех в монастыре. Рубашка была слишком большой, и руки колдуньи прятались в широких, подвернутых в несколько слоев рукавах. Волосы она увязала каким-то необычным способом, так что, поднимаясь к затылку, они спадали за плечи вьющимися черными прядями. Из-за этого ее глаза казались еще более завораживающими, а губы – мягкими.

Во рту у Сигурда пересохло. Он попытался было сказать что-то вроде приветствия, но слова путались под тяжестью гулко бухающего сердца.

– Красавец, – глядя на коня, певуче произнесла колдунья.

Сигурд украдкой вытер вспотевшие ладони о штаны, кивнул. Айша не смотрела на него, улыбалась, наблюдая за конем. Бонд вдруг подумал, что иногда она почти так же восхищенно глядит на Бьерна – не видя, не слыша ничего вокруг, радуясь лишь могучей красоте своего избранника.

Колдунья выпростала руку из рукава, протянула кулачок к жеребцу, разжала пальцы. На ее ладони лежал кусочек соли. Губы колдуньи зашевелились, изо рта потекла напевная, непонятная Сигурду речь. Конь запрядал ушами, повернулся на звук, послушно направился к колдунье. Склонив голову, мягкими губами коснулся угощения. Айша потрепала его по шее, взъерошила мягкую гриву. Жеребец хрустел лакомством, кивал.

– Пойдем, – сказала колдунья и, повернувшись, скрылась в темноте конюшни.

Сигурд разбирался в лошадях. Жеребчик был холеный, с норовом, и ему явно нравилась свобода. Трое мужчин и ведро лучшего пойла навряд ли смогли бы загнать его в душный сумрак конюшни. А одно слово колдуньи – смогло. Опустив голову и понуро переставляя ноги, коняга поплелся внутрь. Его копыта ровно застучали о глиняный пол, перемежаясь со странными всхлипывающими звуками. Затем топот затих, и остались лишь всхлипы. Но доносились они не из конюшни – всхлипывала Ингия. Не добравшись до дальней пристройки, она застыла подле нее, привалилась плечом к стене и тряслась, прижимая к лицу дрожащие руки. Чепец сполз ей на ухо, ворот перекосялся, обнажая след ожога на плече.

Изредка Ингия отрывала руку от лица, поспешно крестилась, всхлипывала и шептала одну и ту же фразу.

– Спаси нас, Господи, – прислушавшись, разобрал Сигурд. – Огради от дочери адовой, ведьмы, сатанинской прислужницы... Спаси, Господи!

Днем за Сигурдом прислали толстого Арни. Почесываясь и приглаживая взлохмаченные после ночной пирушки волосы, он принес в монастырскую тишину запах медовухи, пота и вольности. Потрепав вышедшего к нему Сигурда по плечу, толстяк сообщил:

– Рагнар велел привести тебя. – Полез под рубаху, пятерней поскоблил бок. – Лучше бы я спал на земле, чем на их блохастых постелях! А эти, "серые", тоже спят на ворохе набитого перьями тряпья?

"Серыми" он называл монахов. Сигурд покачал головой:

– Нет. Они спят на голых досках.

– Фи! – презрительно сообщил Арни.

– Зачем я нужен Рагнару? – Теперь, когда Арни оказался слишком близко, к запаху медовухи примешался и крепкий луковый дух. Сигурд поморщился.

– Не переживай, – хихикнул эрул. – Просто графу нужна грамота, в которой будет сказано, что мы не станем тревожить его людей, если они не потревожат нас. Ну и еще, что мы заплатим за обиду. А взамен граф даст нам еду и другие вещи. Ты должен написать это рунами.

– Я должен написать закон или договор?

Арни фыркнул, скривился:

– Почему мне знать? Ночью Герд, Лют и Ори Бык слегка потрясли здешних торгашей, те побежали с жалобами к графу. Вот Бернхар и пристал к конунгу с этой грамотой.

– Почему Рагнар сам не напишет? – поинтересовался Сигурд.

– Он – воин, – объяснил толстяк.

Сигурд не сомневался, что почетное звание воина заменяло эрулам умение вести счет и чертить руны.

– А Бернхар?

– Его люди не умеют писать северные руны. А Бернхар хочет, чтоб все было написано. Как будто какая-то грамота может помешать нашему конунгу вершить свое право!

Арни насмехался, а Сигурд не понимал происходящего. Судя по всему, Рагнар

намеревался дать графу письменное обещание не нападать на крепость. Но ведь еще на пристани они подписали мирную грамоту. Зачем тогда второй договор, да еще на северном языке? И почему для составления столь важного обещания позвали именно Сигурда? Скальд Бьерна, как и сам ярл, наверняка мог начертать нужную бумагу. Может, Рагнар просто не доверял своим неожиданным соратникам? Или правитель Гаммабурга полагал, что рука руку моет? Но почему тогда он не пригласил Ансария? Настоятель Гаммабургского монастыря знал северные руны, он не раз бывал в Датской земле и в Свее.

Мысли Сигурда завертелись, как на больших торгах в Каупанге, когда для выгодной сделки приходилось что-то высчитывать, в чем-то разбираться, а где-то и додумывать. Сигурд любил пору торгов, его сделки всегда были удачными, многие даже считали, что к нему благоволят Фрейя или Локи. Воз можно, к его успехам имели отношение и богиня плодородия, и бог хитрости, однако в основном Сигурду помогала собственная башковитость.

– Ух ты! – довольный голос Арни вывел Сигурда из раздумий.

Проследив за указательным пальцем толстяка, бонд увидел Гюду. В чистой одежде, умытая и посвежевшая после сна, княжна лучилась теплой женской красотой. Ее округлое лицо, розовые щеки, пухлые губы и большие голубые глаза удивительно хорошо сочетались с ладной полненькой фигурой, покатыми плечами и крутыми бедрами. Склонившись над деревянной бадьей, Гюда принялась плескать на лицо пригоршни воды. Сверкающие капли сбегали по ее шее, мочили ворот голубой нарядной рубашки. Стоящая подле нее Ингия держала рушник, терпелив дожидаясь, пока княжна умоется. После утренней истории с конем Ингия никак не могла прийти в себя – вздрагивала, испуганно оглядывалась и то и дело крестилась.

Арни пихнул Сигурда кулаком в бок:

– Ты ведь недаром тогда в море не отпускал дочку конунга Гарды, а, бонд?

– Она тебе нравится? – усмехнулся Сигурд, ответно подтолкнул Арни. – Так забирай!

Толстяк ошалело захлопал белесыми ресницами, в его глазах мелькнул испуг, смешанный с удивлением.

– Ты что?! – оторопело произнес он. – Она же обещана Рагнаром твоему хевдингу.

– А у меня есть хевдинг? – окончательно сбивая эрула с толку, спросил Сигурд.

К подобным сложностям Арни не привык. Какое-то время он соображал, хмуро взирая на бонда, а потом сделал то, что всегда помогало решить проблему: не размахиваясь, врезал Сигурду кулаком в живот. Перед глазами бонда замельтешили разноцветные точки, дыхание перехватило. Согнувшись, он хватанул ртом воздух, коекак сглотнул набежавшую слюну.

– Язык твой – враг твой, – безмятежно заметил Арни, подцепил бонда пятерней под локоть, хохотнул и потащил прочь с монастырского двора.

– Пошли. Рагнар ждать не любит. Да не кряхти ты, отхаркаешься по дороге.

Он оказался прав – по дороге Сигурд отхаркался и даже отдышался.

Бернхар и Рагнар ждали его в крепости, в просторной зале, где на выложенном каменными плитами полу стоял стол с гнутыми ножками и две скамьи, гораздо короче обычных гостевых. Составление нужного договора не заняло много времени.

Делая вид, что проверяет написанное, Рагнар лениво осведомился о княжне и кивнул, услышав, что она жива и здорова. Убирая договор в принесенный слугой сундучок, граф посетовал на скардность монахов, и особенно отца Ансария, "который, имея богатства несметные, поскольку приходится родственником аббату Эбо, а тот, в свою очередь, не кто иной, как двоюродный брат короля Людовика, и все перечисленные жертвуют на богоугодные дела деньги и земли немалые, не хочет делить доходы с городом".

"А главное, не делится с ним, графом Бернхаром", – про себя добавил Сигурд.

Рагнар же сетования графа истолковал по-своему.

– Да чего его спрашивать? Давай поделим сами, – коротко предложил он Бернхару.

Правитель Гаммабурга побледнел, махнул рукой, спешно отсылая слугу, испуганно зыркнул на Сигурда, засутился.

– Нет-нет! Не надо! Он ведь не себе берет, тратит во славу Господа нашего. Нищим раздаст, на монастырские нужды...

– Не надо, так не надо, – пожал плечами Рагнар.

Ночью конунг хорошо повеселился, теперь ему досаждала головная боль и сухость во рту. Причитания графа вызывали раздражение. А еще надо было проверить снейкары, уговорить бойких до чужого добра хирдманнов, глянуть, чем занимаются люди Бьерна, – ярл мог попытаться забрать княжну и втихаря покинуть город. Хотя без разрешения короля саксов по Лабе ему не пройти. А если повернет обратно Шверинерзе его будут поджидать разъяренные варги. Теперь они хорошо подготовятся. Рагнар нарочно напал на их крепость, чтобы Бьерну не было дороги назад. Если ярл догадался об истинной причине нападения, то эрулам следует ждать ответной подлости – Бьерн никому и никогда не спускал обид. Нынче за ярлом нужен глаз да глаз. Избавиться бы от него, да нельзя – он родич Хорика Датчанина, не раз ходил по Лабе, знает все мели вдоль Фризских островов, и его люди слывут лучшими на севере воинами. Пока дочь конунга Гарды в руках Рагнара, самый сильный из морских ярлов будет на его стороне.

Сопение бонда оборвало думы Красного конунга. Сигурд пристально глядел ему в лицо, словно догадывался о чем-то. Рагнар поморщился, велел:

– Иди. Приглядывай за женщиной. Этой, как ее...

– Гюда, – сказал Сигурд. – Ее зовут Гюда.

Он почти бесшумно выскользнул за дверь, оставив Бернхара наедине с эрулом. Теперь он кое-что начинал понимать. Вернее, не понимать – лишь ощущать, предчувствовать.

Сигурд не знал, пригодятся ли ему эти предчувствия, но, как любой рачительный бонд, уже заготовил для них полочки в своей памяти. Кто знает, когда и как переплетутся нити норн.

Сигурд вернулся в монастырь к середине дня. Монахи уже отслужили обедню и разбрелись по кельям. На дворе Сигурд застал только двух слуг. Один, молодой, рыжеволосый, прыщавый, сидел на чурбаке у входа в хлев. У него меж ног стояла высокая бадья, подле чурбака лежала горкой гнилая репа. Рыжий вытаскивал ее, одну за другой, ловко рубил ножом, сбрасывая в бадью кожуру и гнилые куски. Мякоть он откладывал на постеленную рядышком тряпицу. Второй слуга возился около пристройки, что-то там перекладывал с места на место. Покосившись на Сигурда, он приветливо кивнул.

Идти в сырую пустую келью бонду не хотелось, тем более что на дворе распогодилось, сквозь завесу облаков проглянуло солнце, а теплый ветер дышал весной. Сигурд уселся на оставленную возле ворот скамеечку, где обычно сидел служка, запрокинул голову, зажмурился, подставляя лицо солнечным лучам.

– А правда, что у тебя на севере остались три жены? – потревожил его молодой голос.

Бонд открыл глаза. Спрашивал прыщавый слуга, тот, что резал репу. Он не останавливал работу и даже не смотрел на Сигурда. Сворачиваясь змеей, желтая кожа репы тянулась из его рук к бадье. Пальцы слуги были влажными и красными.

– Правда, – сказал Сигурд.

– И все с тобой живут? В одном доме?

– Со мной. А дом у них свой – женский.

Парнишка покачал головой:

– Не по-людски это как-то – три жены.

– Почему не по-людски?

Парень встряхнул рукой, кожа свернувшись клубком, сорвалась с его пальцев, плюхнулась в бадью. Поковыряв острым концом ножа репную мякоть, слуга пожал плечами:

– Не знаю. Просто неправильно это.

Сигурд усмехнулся:

– Правильно или нет – не тебе судить.

– Оно верно, – покорно согласился слуга. Вытащил еще одну репу из кучки. – А не ссорятся они? Ведь как-никак три бабы.

– Мои – не ссорятся, – сказал Сигурд. Солнце пробило в облаках основательную брешь, стало приятно согревать спину. – Живут дружно, как сестры.

– Забавно, – улыбнулся парень.

Какое-то время они молчали. Обрезки репы падали в бадью, Сигурд наслаждался тишиной и редким ранним теплом. Заметив на штанах застывшую грязь, бонд попытался отколотнуть ее ногтем.

– Водой затри. – Слуга выразительно указал подбородком на бадью у своих ног. Сигурд отмахнулся:

– Само сойдет.

– Оно верно, – вновь сказал парень, а Сигурд подумал, что, должно быть, это его любимое выражение.

– А то отнеси Ингии. Она почистит, – продолжил слуга.

– Откуда она? – спросил Сигурд.

– Кто? Ингия? – Нож соскользнул с гладкого бока репки, мазнул острием по пальцу слуги. Тот охнул, сунул палец в рот, принялся высасывать кровь. Его речь стала невнятной, Сигурд с трудом разбирал слова.

– Говорят, она родом из варгов. Два года назад даны взяли ее в плен, хотели надругаться. А она была гордая – выхватила факел и подпалила на себе одежду. Сгореть не сгорела, но красоту свою извела. Даны бросили ее умирать. Она уверяет, что тогда ей впервые явилась посланница ада. Та шла к ней вся в белом, хотела забрать ее в подземное царство сатаны. Ингия взмолилась о спасении, и Господь снизошел к ее мольбам, заговорив с ней. Его глас спугнул адскую дочь. А потом Господь сказал Ингии, что скоро мимо того места, где ее оставили, пройдут корабли фризков. Они подберут ее, и если она будет терпеливо сносить унижения и боль, уповая на Господа, то однажды святой человек вернет ей свободу. Все так и вышло – ее подобрали фризы, а спустя еще год выкупил отец Ансгарий. Он крестил ее и дал ей свободу. Но Ингия не захотела возвращаться к язычникам варгам, она предпочла служение Богу.

В Каупанге от заезжих торговцев, особенно западных и южных, Сигурду доводилось слышать подобные истории. Он не очень-то верил в их истинность – одинокому и больному человеку нередко может привидеться то, чего на самом деле вовсе нет. Потом они избавляются от боли и одиночества и начинают все валить на высшие силы.

– Ты в это веришь? – поинтересовался Сигурд у парня. Тот уже вынул палец изо рта и теперь рассматривал его, надеясь обнаружить следы пореза. Долго искать не пришлось – на подушечке пальца снова проступила кровь. Ругнувшись, слуга слизнул ее, вытер палец о штанину и огорченно поглядел на недочищенную гору репы:

– Не знаю. Отец Ансгарий будет ругаться.

Последнее относилось к репе.

– Суровый он? – спросил Сигурд.

– Когда как. Бывает – добрее человека не сыщешь, а бывает – озлится, аж страшно становится.

– Кричит?

– Наоборот. Говорить начинает тихо, внятно, каждое слово будто молоточком выстукивает. От этих молоточков на душе так жутко становится, что хочется бежать, куда глаза глядят. Вот и нынче осерчал на вашу девку, ту, что лицом на кошку похожа.

"На Айшу?" – про себя удивился Сигурд. Не замечая его озабоченности, парень продолжал:

– Она, глупая, сдуру из конюшни Ветра выпустила. А Ветер – не просто конь, его монастырю в подарок сам Людовик, король наш, преподнес. Для него Ветра здесь и берегут – холят, лелеют. Из конюшни его могут только сам Ансгарий да Симон выпускать. А тут – пришедшая девка распорядилась.

Парень замолчал, затем решительно оторвал клочок от подола рубашки и принялся обматывать палец.

– А дальше что? – Сигурд смотрел, как он пытается затянуть тряпичный узел на порезе, сопит, от старания высовывает кончик языка.

– Ингия видела, как она Ветра выпускала, рассказала о том отцу Ансгарию. Тот осерчал, отыскал девку, принялся ее ругать. Так сердито говорил, что у меня кровь в жилах стыла. А девка ваша стояла перед ним, рысьими зенками по сторонам зеркала, и хоть бы хны ей. А потом мягко так, певуче ответила: "Прости, если кого обидела, только коню этому в стойле не место. Имя у него верное, так и жить ему надо по имени! А иначе потеряешь коня". Сказала и пошла прочь. Отец Ансгарий к такому не привык. Стоял, в спину ей глядел, лишь губами жевал. Ингия к нему подскочила, принялась шептать что-то про адское отродье, про ведьму. Болтала, что девка ваша с той, адской, что ей привиделась, статью и лицом схожа, как две капли воды. Отец-настоятель ей не поверил. Отмахнулся да ушел к себе в келью. Так там уже почти полдня и сидит безвылазно. Должно быть, откровения ждет. Как же, дождется, коли сам впустил ведьму в святое место.

В голосе слуги послышалось злорадство. Похоже, в монастыре не все любили отца Ансгария, защитника бедных и убогих. А в крепости, среди графских родичей, его не любили еще больше.

Ночью Симон вновь молился. Иногда сквозь его монотонный шепот Сигурду в полусне чудился топот конских копыт и ржание, доносящееся со двора. Он просыпался, отрывал голову от лавки, вслушивался.

В углу бил поклоны брат Симон, пред изображением Бога потрескивала свеча, в маленьком оконце упивалась тишиной ночь. Никаких других звуков не было. Успокоившись, Сигурд ложился, закрывал глаза и опять слышал стук копыт.

Он промаялся всю ночь, а к рассвету слез с лавки и, переступив через заснувшего прямо на полу монаха, направился к конюшне.

На дворе было сыро и туманно. Утро еще не пробудило крикливого петуха, будоражащего криками весь монастырь, не выгнало из келий монахов, не распахнуло рукой смиренного служки наглухо запертые ворота. Проходя мимо пристройки, где спали Ингия с княжной, Сигурд остановился. Дверь в пристройку была приоткрыта, внутри раздавались женские голоса. Одна женщина что-то рассказывала, другая то ли хихикала, то ли всхлипывала. Сигурд попытался разобрать слова, однако женщины разговаривали слишком тихо.

Проскользнув мимо щели, из которой лилось ласковое тепло, бонд пересек двор, толкнул плечом дверь конюшни. В ноздри ему ударил пряный, жаркий аромат сена и лошадиного пота. В темноте, почуяв чужака, всхрапывали лошади, переминались, гулко стуча копытами. Привыкая к сумраку, Сигурд вытянул руку и нащупал балку стойла. Перебирая по ней руками, бонд медленно двинулся вперед. В темноте он различал очертания загонов, светлые пучки сена па полу, что-то белое справа от выстроившихся в ряд загородок.

– Айша! – Сигурд остановился в ожидании. Сердце у него в груди гулко отсчитывало удары, капля пота соскользнула на шею. Здесь, в духоте и темени, среди шорохов и шепотков невидимых глаз духов, имя колдуньи звучало зловеще.

Ответа не было.

Желание уйти настойчиво погнало бонда назад к дверям.

– Айша! – вновь позвал он.

Что-то легкое и прохладное коснулось его обнаженной до локтя руки.

Вздвогнув, бонд обернулся. Колдунья стояла прямо перед ним – худая, бледная, с распущенными черными волосами. Огромные кошачьи глаза испытующе взирали на бонда. Сигурд вдруг забыл, зачем пожаловал к ней. Слова, которые еще недавно так ловко укладывались у него в голове, не шли на язык. Словно кто-то перепутал их, превратив в мешанину никчемных звуков.

– Не бойся. – Голос колдуньи наполнил конюшню прохладой, сбросил с Сигурда невидимые путы.

– Я не боюсь, – прошептал он.

Ведьма повернулась к нему спиной. Длинные волосы взметнулись, одна из прядей скользнула по плечу Сигурда.

– Идем, – позвала она, и Сигурд пошел, так же послушно, как недавно шел за ней рыжий жеребец.

Тонкая фигурка проскользнула между двух длинных загонов, миновала третий и остановилась перед распахнутой дверью четвертого.

– Смотри. – Ведьма вытянула к двери худую руку.

Сигурд заглянул в пустое стойло. В кормушке лежала свежая охапка сена, на полу дымились куча навоза. Совсем недавно в этом стойле была лошадь. Догадка, пришедшая на ум бонду, окончательно развеяла его страхи.

– Ты его выпустила?! – воскликнул он.

Айша молча склонила голову набок, повернулась, показывая Сигурду левую щеку. Она была в чем-то измазана. Бонд потянулся к грязному пятну, осторожно провел по нему пальцем. Страх вернулся новым, непонятным ему чувством. Теперь он больше всего боялся разрушить понимание, молчанием связывающее его с маленькой белокожей женщиной Бьерна. Но Айша не отшатнулась, лишь закусил нижнюю губу, словно от боли. Сигурд почувствовал шероховатость неглубокой, но широкой ссадины, быстро убрал руку.

– Конь? – никогда еще в его голосе не было столько гнева. Останься рыжий жеребец в своем стойле, Сигурд, не задумываясь, ударил бы его.

– Нет, – колдунья печально улыбнулась. – На меня напал тот, кто его увел. Я даже не успела проснуться. А когда очнулась, коня уже не было. Ты видел, кто его увел?

– Нет.

Улыбка, на миг осветившая ее лицо, исчезла, глаза стали печальными.

– А ведь скажут, что это сделала я.

– Но... – попытался возразить Сигурд. Ему вдруг пришло в голову, что Айша вполне могла обвинить его в нападении и воровстве. Захотелось оправдаться, но он не знал как...

– Ты же подумал, что это я его выпустила? Так подумают и другие. А тем, кто не захочет так думать, помогут те, кто увел коня. Тише!.. – Она внезапно замолчала, приложила палец к губам, попятилась. Невольно Сигурд пригнулся, прячась за загородкой опустевшего стойла. Снаружи, за воротами конюшни, зашаркали чьи-то шаги.

– Хоть бы раз заперли, как положено, мать твою! – выругался кто-то. И тут же покаянно выдохнул – Прости меня, Господи.

В дверной щели промелькнул свет факела, скрипнули затворяемые чьей-то рукой створки. Стало совсем темно. Сквозь прелые тяжелые запахи до Сигурда долетел свежий травный аромат. Айша была совсем рядом, он чувствовал ее дыхание, биение ее сердца. Кровь ударила бонду в голову, зашумела в ушах.

– А что ты делал здесь, на конюшне? Зачем пришел? – Вопрос отрезвил Сигурда. Сдерживая стон разочарования, он впился ногтями в деревянную балку.

Все-таки Айша подозревала его...

– Хотел предупредить, – глухо пробормотал он. – Проверить...

Объяснения давались с трудом. Он шел к маленькой колдунье сказать, что здесь у нее слишком много врагов, что его томит неясное предчувствие беды и что история с рыжим конем не окончится просто так. Он хотел предупредить, что отец Ансгарий наверняка затаил обиду на осмелившуюся возражать ему гостью, что Ингия называет ее посланницей ада, Гюда ненавидит, а монахи считают ведьмой.

– Поздно, – коротко сказала колдунья, и Сигурду стало нечего объяснять.

Он тяжело сполз по стене, сел на корточки, сжал ладонями виски.

– Тебя обвинят в краже. Этот конь – подарок их короля. Монахи изгонят тебя, а люди графа поймают и накажут.

– Как в этих землях наказывают воров? – Она присела рядом, по-детски обхватила руками острые коленки. Теперь в ней совсем ничего не осталось от той ведьмы, которой боялись глупые бабы Каупанга.

– Не знаю. Отрубят руку. Убьют. Не знаю. – Мысли Сигурда метались пойманными в ловушку мышами, путались.

Кто мог выпустить проклятого жеребца? И куда он исчез, если его выпустили?

– Я погляжу на дворе. – Бонд стал подниматься.

Колдунья взглянула на него снизу вверх.

– Его там нет.

– Но куда еще он мог деться? Ворота монастыря заперты, их сторожит служка.

Она развела руки в стороны.

– Коня зовут Ветер. Смешно спрашивать, куда мог деться ветер.

Не понимая, шутит она или говорит серьезно, Сигурд нахмурился.

– Скоро сюда придут. – Ведьма поднялась, отряхнула юбку, принялась увязывать в пучок длинные волосы. Сигурду показалось, что она хочет остаться одна.

– Я останусь с тобой, расскажу людям, что случилось на самом деле, – возразил он.

– А ты знаешь, что случилось на самом деле? – Айша вытащила из-за пояса ленту, зажала ее в зубах, принялась собирать волосы на затылке. Затем, удерживая их одной рукой, другой потянула конец ленты, ловко завела его за ухо, обмотала волосы у корней, продолжила:

– Ты хороший человек, бонд. Я поняла это еще в Каупанге, когда ты помогал мне хоронить Финна. Но ты зря ушел из своего дома.

Затянув ленту узлом, она опустила руки, взглянула бонду в глаза.

– Я вижу ту, что стоит за твоим левым плечом. Она еще дремлет ⁵⁰. В Каупанге ты мог бы сделать еще очень много добрых дел.

Она вновь стала Белой колдуньей, которую Бьерн нашел в страшной вьюге, где не было ничего живого, лишь снег и ветер. От ее взгляда – пустого, словно пронизанного холодом, по спине Сигурда побежали мурашки.

– Я могу увезти тебя отсюда, – пристально глядя куда-то ей в переносицу, произнес бонд.

Он на самом деле был готов увезти ее. Утащить куда угодно, спрятать от людей, от завистливой княжны, от монахов, от графа, от Бьерна. "Мы заслужили то, что желаем! Подумай об этом, бонд", – прозвенели в голове слова Гюды.

– Вряд ли, – Айша вздохнула, отвернувшись. – Ты же сам сказал, что у ворот сидит служка.

– Он не выглядит сильным.

– Нет. – Она распахнула створку загона, приглашая Сигурда выйти. – Уходи, бонд. Моя жизнь – это моя жизнь. Я привыкла. А помогать мне опасно. Из тех, кто отваживался на это, уцелели немногие. Иди, бонд. Иди.

Она потихоньку дотолкала Сигурда до выхода, плечом подпихнула дверь. В конюшню брызнул свет, и тут же снаружи, взлетая на ограду, захлопал крыльями, завопил горластый петух.

– Иди! – Айша выпихнула Сигурда на двор. – Прощай, бонд.

Ладонью прикрывая глаза от света, он обернулся. В темной дыре щели лицо маленькой колдуньи белело неясным пятном.

– Я больше не бонд, – отчетливо сказал он пятну. – Меня зовут Сигурд!

Дверь захлопнулась.

Сигурд не вернулся в келью. Отойдя от конюшни на пару шагов, он остановился.

Петух разбудил монастырь, из пристроек выбирались заспанные слуги и рабы, спешили

⁵⁰ Согласно многим поверьям, за левым плечом человека стоит его смерть. До сих пор некоторые деревенские колдуны, с которыми доводилось общаться автору, измеряют длину жизни человека тем, насколько открыты глаза у "той, что стоит за левым плечом". Человеку ничего не угрожает, если ее глаза закрыты (она спит). Если они полуоткрыты (дремлет), то человек прожил почти половину жизни, если открыты широко – он скоро умрет.

по нужде за сарай, на ходу развязывая пояса на штанах. Некоторые, уже справив нужду, косились на серое, предвещающее дождь небо, морщились, недовольно кряхтя, направлялись к стоящему у стены корыту с водой, плескали на мятые лица пригоршни холодной влаги. Рыжий слуга, тот, что недавно чистил репу, заметив Сигурда, вразвалочку подошел к нему, ухмыльнулся.

– Кто рано встает, тому Бог подает? Так, викинги?

От парня пахло дымом очага и еще чем-то неприятно кислым.

– Не спалось, – коротко ответил Сигурд.

Он думал о ведьме, о том, что спустя совсем немного времени кто-нибудь откроет дверь конюшни, войдет внутрь и обнаружит пропажу. Он думал о словах Айши, похожих одновременно на предупреждение и угрозу, о слухах, ходящих о ней в Каупанге, о пропавшем жеребце. Айша сказала, что ее ударили, а потом увели коня, но никто никого не уводил, – конь просто исчез, обратился в пыль, в воздух, в ветер. Будь все иначе, служка у ворот непременно поднял бы шум.

– Оно и верно, – словно отвечая на невысказанные мысли бонда, произнес парень. Потянулся, зевнул. – Самому нынче худо спалось. Сперва раненый ваш, Къятви, все в бреду что-то шептал. Пока брат Матфей ему настоя не дал, заснуть не мог. А как он заснул, так мне не по себе стало, все звуки всякие мерещились, шорохи. Однажды, где-то в полночь, даже привиделось, будто женщина голая мимо двери прошла. Красивая такая – волосы длинные, грудь девичья, бедра гладкие. Да не просто прошла, а в щель заглянула, как бы проверить хотела, пусто ль в доме. Я дыхание затаил, глаза закрыл. Потом открыл и уразумел – видение это было, не более. Дьявольское искушение.

Парень явно был доволен тем, что не поддался на козни дьявола. Сигурд покосился на запертую дверь конюшни. Двор уже пробудился, даже Ингия вылезла из своей пристройки, но к конюшне никто не подходил, словно она была заколдована.

Ингия сняла висевший на распорке передник, встряхнула, принялась повязывать его поверх серой рубашки.

Грохнула щеколда на главных воротах – служка-привратник с трудом снял ее, прислонил к ограде. Из дверей монастыря вышел монах в длинном сером одеянии, подпоясанном веревкой, с корзинкой в руке. Шаркая ногами по сухой глине, он пересек двор, нырнул в курятник. Оттуда послышалось хлопанье крыльев, недовольное кудахтанье. Рябая курочка выскочила наружу, испуганно растопырив перья и пуша короткий хвост. Следом за ней вылез монах. К его плечу прилип клочок светлого пуха, из корзины выглядывали круглые бока яиц.

Сигурд вновь взглянул на конюшню. Там было тихо. Люди сновали мимо закрытых дверей, не обращая на них внимания.

– Ну, пора мне. Дел неуворот, – донесся до Сигурда голос рыжего слуги.

Двое монахов не спеша подошли к дверям конюшни. Один, повыше, ухватился рукой за створку, потянул на себя. Второй что-то сказал ему, оба заулыбались. Дверь отворилась, монахи, один за другим, вошли внутрь. Сигурд запомнил лицо высокого – гладкое, улыбающееся, с прямым носом и большим ртом. Он казался добрым человеком.

Пола его одеяния скрылась последней. Сигурд закусил губу, закрыл глаза. Звуки двора исчезли, растаяли, только сердце продолжало гулко биться о ребра.

– Раз, два, три... – Сигурд шевелил губами, отсчитывая удары.

Сквозь кокон тишины медленными, тягучими, будто сочащимися сквозь воду, звуками долетели чьи-то голоса. Кричали про пропажу коня, про козни дьявола, звали отца Ансгария, шептались о скором гневном короля. Какая-то женщина рыдала и иступленно молилась, кто-то говорил о Божьем провидении. Потом вспомнили о колдовстве.

Сигурд различал чужие речи глухо, как во сне. А затем звуки вернулись, рухнули на него оглушительным женским криком:

– Ведьма! Исчадь ада! Это она! Она виновата! Она всех нас изведет! Всех!!!

Бонд вздрогнул, оглянулся на крик.

Вопила Ингия. Она тискала передник на своем животе, корчилась, будто в коликах. За ее спиной неподвижным изваянием стояла княжна. Почуввав на себе чужой взгляд, Гюда вскинула голову, столкнулась глазами с Сигурдом, провела пальцами по щеке, будто убирая невидимую паутину.

Он вспомнил о шепотках, которые утром слышал подле пристройки, где она жила вместе с Ингией, о ненависти, которую княжна питала к болотной колдунье, о страхах Ингии и о красивой обнаженной женщине, примерещившейся рыжему слуге.

– Ты? – уставившись на княжну, тихо прошептал он. – Извести ее хочешь?

Над головами собравшихся зазвонили колокола. Запели, переключаясь меж собой, заполняя звоном небо и глуша людские речи.

Княжна улыбнулась.

– Ты! – надеясь пересилить колокольный призыв к Богу, выкрикнул Сигурд. Не успевший далеко отойти рыжий слуга удивленно воззрился на него.

– Она! – Сигурд вытянул руку, указывая на княжну, подскочил к парню, затряс его за рукав, пытаясь объяснить:

– Это она увела коня! Ее ты видел ночью!

Парень вырвал руку, испуганно отстранился.

– Нет, – отрицательно покачав головой, громко произнес он. – Я видел не ее.

Ансгарий не пожелал судить ведьму. Он даже не вышел из своей кельи. Посланный за ним монах застал отца Ансгария на полу, на коленях. Он читал молитвы.

– Прости, брат Ансгарий... – начал было монах, но Ансгарий оторвал от пола худую жилистую руку и сказал:

– Я все знаю. Исчез подарок Людовика. Нам грозит гнев короля.

Монах был наслышан о божественных видениях брата Ансгария. Помнил, что, будучи воспитателем в монастырской школе, много лет назад отец Ансгарий во сне увидел смерть одного из своих воспитанников. Ансгарий не выходил из кельи, когда мальчик поссорился со своим другом и, получив удар грифельной доской по голове, скончался. Когда весть принесли Ансгарию, он уже молился за усопшего⁵¹. Поэтому нынешнему прозрению отца-настоятеля монах не удивился. Осенил себя крестным знамением, поклонился, спросил:

– Что делать с колдуньей? Люди винят ее.

– Кто винит, тот пусть и судит, – Ансгарий возвел глаза к потолку. – Божий суд настигнет каждого в свое время.

Монах все понял правильно: ведьму даже не стали связывать, просто окружили и нестройной толпой повели к городской площади. Напрасно Сигурд пытался обвинить Гюду, напрасно говорил о своей ночной вылазке – его не слушали. Симон, возглавивший шествие, отмахнулся от него, посетовав: "Козни нечистого смутили твой разум!" Гюда открыто расхохоталась: "Ты спятил, бонд!" Раненый Къятви, которого бонд отыскал лежащим в одной из келий, молча выслушал его путанный рассказ, пожевал сухими губами и угрюмо произнес: "Нет, Гюда не стала бы этого делать". Все остальные попросту шарахались от бонда, как от умалишенного. Смирившись, Сигурд поплелся вместе со всеми на площадь. Пока шел, сомнения, роем кружившие в его голове, становились лишь сильнее. В самом деле, куда Гюда могла деть украденного коня, ведь его искали полдня и в монастыре, и в городе, и в деревнях вокруг города.

По пути толпа разрасталась – к монахам присоединялись любопытствующие бабы, ребятня и даже кое-кто из мастеровых, не занятых серьезной работой.

На площадь многократно возросшая толпа выплеснулась шарканьем множества ног и громким гулом. Узнавшие что к чему из слухов и сплетен, горожане окружили помост с позорным столбом посередине, к которому обычно привязывали преступников. Опираясь на руку одного из монахов, ведьма сама взобралась на помост, отряхнула испачканную по пути

⁵¹ Реальный исторический факт, взятый из жизнеописания святого Ансгария.

юбку, выпрямилась, обвела толпу спокойным взглядом. Бабы недовольно зашумели – колдунья им не нравилась:

- Наглая какая!
- И бледная, будто покойница.
- А зенки, зенки-то, как у кошки!
- Чертова девка, не иначе.

Женские голоса кружили над площадью, тянулись тонкими нитями к графской крепости, ползли к пристани, где стояли корабли.

Первыми на площади появились люди графа. Удивляться здесь было нечему – у правителя Гаммабурга в городе было много глаз и ушей. Конный отряд въехал в середину толпы, хлесткими ударами плетей разгоняя народ. Рядом с Бернхаром на гнедой кобыле гордо восседал его двоюродный брат в красной накидке и такой же красной шапке. Подле него на сером жеребце гарцевал рыжий Рагнар. Конунг эрулов заплел бороду в две косицы, забрал волосы под шапку, накинул на плечи короткий атласный плащ. Сам граф принарядиться не успел – на нем была та же рубаха, которую видел Сигурд во время подписания договора. Поверх рубахи Бернхар нацепил черную с желтым шитьем безрукавку, что совсем не подходило к его озабоченному лицу, серому от неожиданно свалившихся хлопот. Красные пятна на щеках Бернхара говорили об избыточных возлияниях, припухшие глаза – об отсутствии сна.

Не успели конники окружить ведьму, как с пристани, с противоположной от крепости стороны, послышались гортанные выкрики. Горожане поспешно прыснули в стороны. Сигурд вытянул шею.

- Прочь, вши заморские!

Свистнул боевой бич, кто-то завопил от боли. Толпа хлынула в разные стороны, освобождая проход для воинов Бьерна. Первым шел сам ярл, по правую руку от него поигрывал рукоятью бича желтоглазый Харек, по левую, кутаясь в длинный плащ, шагала мальчишка Рюрик.

Неторопливо, словно исполняя некий обряд, урмане окружили возвышение, на котором стояла ведьма. Желтоглазый берсерк встал напротив конников, переброшил бич в левую руку, правой взялся за рукоять боевого топора. Бьерн подступил к коню Рагнара, взглянул на эрула снизу вверх, мотнул головой в сторону Айши:

- Это – моя женщина. Я забираю ее.
- Ее обвиняют те, кто дал нам кров и пищу, – возразил Рагнар. – Ее будут судить.
- Она принадлежит мне, как принадлежит мне мой меч, – сказал Бьерн.

– Не спеши обнажать оружие, ярл. – Рагнар понял намек, склонился, дружески похлопал Бьерна по плечу. – Верное слово часто решает дело лучше верного меча. Дай мне сказать, а потом делай то, что велит тебе честь рода.

Бьерн отступил, однако ладонь с рукояти любимого клеветца не убрал. Ни один из его людей не двинулся с места.

Гул смолк. Какое-то время урмане и люди графа молча глазели друг на друга. Рядом с Сигурдом какой-то крестьянин в серой телогрее кашлянул и, зажав рот ладонью, испуганно смолк. Похоже, никто не знал, что следует сказать. Толстые пальцы правителя Гаммабурга перебирали поводья, кончик языка елозил по пухлой нижней губе, серые глаза бегали по сторонам, спотыкались о неподвижное лицо Красного Рагнара. Брат подпихнул графа в бок, тот слегка подал коня вперед.

- Что привело на площадь монахов и людей из города? – спросил он.
- Симон выступил ему навстречу:
- Этой ночью из монастыря исчез жеребец, подарок короля Людовика.
- Ветер? – нахмурился граф.

Симон кивнул, продолжил:

– Мы искали его везде – в самом монастыре и за его воротами, в городе и за городом. Но конь пропал. Многие винят в его пропаже эту женщину.

Монах указал на стоящую у столба Айшу. Она единственная не смотрела на него. Большие рысьи глаза колдуньи озирали нечто за головами собравшихся – то ли реку, прильнувшую к городу серой лентой, то ли поля за рекой, то ли дождливую муть неба над полями.

– И куда же она его дела? – насмешливо поинтересовался Рагнар. Голос эрула прозвучал громко и грубо. – Не съела же?

Айша бросила на него быстрый взгляд, края ее рта дрогнули в улыбке.

– Точно – ведьма, – толкая Сигурда в поясницу, прошептал стоящий рядом с ним крестьянин. Во рту крестьянина не хватало двух передних зубов, вытянутое лицо походило на крысиную мордочку. – Видишь, ничего не боится. Это потому, что надеется на помощь дьявола.

– А может, потому что не виновата? – оборвал его Сигурд.

– Пхи! – пренебрежительно то ли чихнул, то ли фыркнул мужичок. – Знаешь, скольких невинных здесь колесовали, пожгли да перевешали? Если посчитать – пальцев на руках не хватило бы!

– Грешно гостю глумиться над тем, чем дорожили хозяева, – между тем обратился к Рагнару Симон. Покорно сложил руки на животе, там, где виднелся узел веревочного пояса. – Сей конь дорог Гаммабургу как милость короля. Сей конь дорог королю как верность жителей Гаммабурга. Его пропажа оскорбит его величество.

– Кого оскорбит? – не поняв, шепотом поинтересовался у мужика Сигурд.

– Короля Людовика, – пояснил тот, сплюнул под ноги, тихо добавил: – Чтоб ему пусто было.

– Ведьма! – из толпы вырвалась Ингия, метнулась к постаменту. Ее схватили у самого возвышения оттащили от колдуньи.

– Ты лишила нас милости короля! – продолжала вопить Ингия. Пытаясь вырваться из рук державших, она извивалась всем телом. Обезображенная огнем щека дергалась, вторую щеку закрывали выбившиеся из под платка спутанные волосы, на губах пузырями лопалась слюна.

Сигурда замутило.

– А вот эта-то уж наверняка – ведьма. – Крестьянин вновь сплюнул. Плевком угодил Сигурду на сапог, бонда стало подташнивать еще сильнее. Кто-то из стражей ударил Ингию по лицу, она заткнулась, обвисла на чужих руках всклокоченной куклой.

– Тот, кто украл коня, лишил нас королевской милости, – глупо повторил за припадочной Бернхар. – Он достоин самого жестокого наказания.

Брат графа закивал, одобряя его слова. Конунг эрулов хмыкнул, перебриснул поводья в одну руку, соскочил на землю, вразвалочку подошел к возвышению. Харек заступил ему путь. Рагнар хмуро покосился на Бьерна. Тот кивнул, и берсерк пододвинулся, освобождая эрулу дорогу.

Рагнар оперся рукой о доски, одним прыжком очутился подле ведьмы.

– Верни им лошадь, и все закончится, – сказал, подцепив пальцами ее подбородок. – Тебя отпустят.

– Но я не могу, – не пытаюсь отвернуться, она дотронулась до ссадины на щеке. – Коня украл тот, кто ударил меня. Я не видела вора.

Рагнар отпустил ее, повернулся к графу, поковырялся ногтем меж зубов.

– Слышали, что она сказала?

На помощь растерявшемуся Бернхару пришел брат.

– Нельзя верить словам той, которую винят в колдовстве! – пискнул он. Кобыла под его тощим задом заплесала, он чуть не упал, вцепился в поводья. – Вчера она угрожала брату Ансгарию, говорила, что конь пропадет. Теперь он пропал.

Стоявший неподалеку Симон отступил от пританцовывающей лошади, забормотал:

– Это правда – конь исчез. И лишь эта женщина ночевала в конюшне. Человек, охранявший ворота, не видел, чтобы кто-то другой входил туда.

– А что он видел? – спросил Рагнар.

Эрул не жаждал ссоры или обвинения в том, что привез на святую землю Гаммабурга колдунью. Не для того он поставил свой знак под мирным договором, не для того исполосовал плетью рожу обидевшего горожан Ори Быка, самого преданного из своих хирдманнов.

– Ничего, – ответил монах. – Ведьма дьявольским заклинанием сделала коня невидимым. Или навела чары на стража, чтоб он не смог различить сатанинские деяния.

Толпа затаила дыхание, вслушиваясь в напевную речь монаха. Люди ощущали, как где-то рядом гуляло незримое зло. Холодком страха оно заползало под простые крестьянские рубахи, будоражило страшными видениями мысли горожан, проникало похотливыми желаниями в мечты засидевшихся без мужской ласки, перезрелых девок.

– Это как? – оборвав напряженную тишину, удивился эрул.

– Как истинная вера созидает добро, невозможное для неверующего, так козни сатаны могут вершить зло, недоступное добрым людям, – сообщил монах.

– Какие там козни! Дрых этот страж, как хорь на заморозке, – шепотом съязвил стоявший подле Сигурда крестьянин.

– Верно, зло, искушение.

Услышав знакомый голос, Сигурд вздрогнул, вытянул шею. Он не ожидал, что рыжий слуга вмешается в разговор властителей, однако тот уже стоял перед Рагнаром, мял в руках шапку, переминался с ноги на ногу.

– Видел я ее ночью. Голая шла по двору... Вернее, не шла – кралась, будто тать. А я, как только взглянул на нее, так мигом уснул.

Те, что стояли ближе и расслышали слова рыжего слуги, заохали, зашумели. Кто-то принялся креститься.

Понимая, что пропускают нечто важное, люди из задних рядов навалились на впереди стоящих. В давке кто-то громко выругался, запищал ребенок. Речь слуги полетела, передаваясь из уст в уста и обрастая новыми подробностями. Площадь забурилась, толпа надвинулась на окруживших помост урман. Харек потянул бич, Бьерн перехватил удобнее клевец, Рагнар зло зыркнул на графа. Опомнившись, правитель поднял руку, заверещал:

– Стойте, жители города Гаммабурга!

Стоять никто не собирался. За спиной Сигурда выкрикнули:

– Сучка дьявола! Бей ее!

Вслед за словами в колдунью полетел ком земли, шлепнулся на помост, рассыпался. В ответ свистнул бич берсерка, располосовал надвигающуюся толпу надвое. Толстая грудастая баба схватилась за плечо, у нее из-под пальцев брызнула кровь. Чернобородый мужик в кожаном переднике кузнеца подхватил ее, заметил кровь, побагровел:

– Ах ты, выродок!

Шагнул к Хареку. Тот жажнул бичом ему по роже. Кузнец закрыл ладонями лицо, упал. Забыв про собственную боль, грудастая баба рухнула подле него на колени, завывала. Теперь всем стало безразлично, куда и как исчез рыжий жеребец. Толпа почуяла кровь, закипела, задвигалась, выталкивая назад тех, кто слабее и трусливее.

Сигурд принялся пропихиваться к людям Бьерна. У него не было оружия, но он даже не подумал об этом. Бонд подчинялся древней силе, толкающей его навстречу драке.

На помост полетели камни. Маленькая колдунья присела на корточки, съежилась, закрыла голову руками. К ней одновременно запрыгнули Рюрик и Тортлав. Оба тонкие, юные, светловолосые, больше похожие на ангелов, что были нарисованы на картинках в монастыре, чем на воинов. Встали по обе стороны от колдуни, защищая от камней, набросили на нее плащ, вытащили мечи. О чем-то требовательно загудел голос Рагнара, но был заглушен ржанием лошадей. Брат графа, дергая поводья и сминая конем горожан, выбрался из толпы, поскакал к крепости. Ему навстречу уже бежали воины Бернхара, на ходу натягивая кольчуги, надевая шлемы. Лучники лезли на уступы в стене, брали на прицел оставшиеся у пристани корабли северян. Заполыхали огни – факельщики готовились

поджигать стрелы. Что-то повелительно выкрикнул Бьерн.

Услышав его, ведьма выпрямилась, прислонилась спиной к столбу, закрыла глаза. Ее губы зашевелились, выплескивая незнакомые Сигурду слова. Она говорила совсем негромко, однако непонятные, не имеющие никакого смысла, загадочные фразы тягучей патокой плыли над площадью, вливались в уши, глушили прочие звуки. Певучая речь набирала силу, нарастала, заставляла людей замирать на месте, застывать, словно изваяния, а ведьма уже шла по помосту навстречу толпе, широко разведя руки и шурша длинной юбкой. Сползший плащ волочился за ней тяжелым шлейфом. Первые ряды попятились.

– Господи, спаси нас! – всхлипнул кто-то.

– Господи! – вторя ему, зашелестели голоса.

– Господи!

Словно отзываясь на их мольбы, сменяя колдовскую песню Айши, в монастыре зазвонили колокола. Звон был необычный – гулкий, грозный.

Подле Сигурда очутился прежний крестьянин. Протиснулся, распахивая людей локтями, сорвал с башки шапку, принялся креститься. Люди вдруг замолчали, стали толкать Сигурда, сбиваясь в сторону. Бонд поднялся на носки, вытянул шею.

Рассекая толпу, как корабль послушную воду залива, к помосту шел настоятель Ансгарий. Рядом с ним ковылял Къятви. Лицо у старого урманина было бледным, с горячечными пятнами на щеках, мокрые от пота волосы прилипли ко лбу. Одной рукой Къятви придерживал на плечах дорожный корзень, а другой вел под уздцы недавнюю пропажу – рыжего жеребца, подарок короля Людовика Гаммабургу. Конь горделиво переступал точеными ногами, гнул шею, косился на людей хитрым черным глазом. Ветер взбивал гриву, мохнатые губы подергивались. Хотя на нем не было всадника, спину жеребца украшало грубое седло, совсем не подходящее под конскую статью. Справа от него покачивался колчан со стрелами, слева – пустой бурдюк. Под бурдюком на боку коня виднелся неглубокий порез, на шкуре вокруг него засохла кровавая корка.

Бернхар оторопело взирал на шествие. Люди, пропустив Ансгария и его спутников, молча смыкались за конским крупом. Рагнар что-то быстро шепнул на ухо Бьерну, ярл убрал клевец за пояс. Следуя примеру хевдинга желтоглазый берсерк спрятал бич.

Ведьма распахнула потемневшие глаза и, словно вмиг утратив силы, рухнула на колени. Рюрик присел возле нее на корточки, Тортлав продолжал стоять.

Ансгарий подошел к помосту, повернулся лицом к толпе. Сигурда вновь удивил его величественный вид. Несмотря на бедное одеяние и неброскую внешность, Ансгарий казался самым могущественным из всех собравшихся. Къятви подвел к нему жеребца, похлопал по холке. Ансгарий выпростал из рукава правую руку, простер ее вперед, словно желая благословить толпу.

– Господь вернул нам пропажу, – гулко проговорил он.

Народ зашумел. Несколько горожан из тех, что оказались ближе к коню, принялись громко переключаться, тыкать пальцами на колчан.

– Варги, – услышал Сигурд. – Это оружие варгов.

Коренастый грузный мужик, предводитель отряда лучников, которые охраняли крепостную стену, очутился перед настоятелем, указал на жеребца.

– Откуда ты его привел?

Вместо Ансгария ответил Къятви:

– Я встретил его у ограды монастыря. На нем уже не было седока. Должно быть, потеряв всадника, конь сам вернулся домой.

Лучник недоверчиво прищурился, обошел жеребца, заглянул ему под брюхо, подергал упряжь, словно проверяя ее на прочность, просунул палец в разрез на бурдюке.

– След боя?

– След убийства, – возразил Къятви. Провел рукой сверху вниз, показывая, как пеший рубит мечом сидящего на лошади всадника. – Тот, кто украл коня, был убит.

– Выходит, коня украл варг... Или варг убил того, кто украл коня, – лучник почесал

подбородок, воззрился на Бернхара. – Как бы там ни было, варги давно не появлялись на нашей земле. Что их привело?

Ища помощи, правитель Гаммабурга обернулся к брату, но тот растерянно смотрел на коня.

– Ты знаешь, что их привело, Бернхар! – неожиданно громко и внятно сказал Ансгарий. – Варги идут за теми, кому мы дали пристанище. Беда идет в город.

Подтверждая его слова, в монастыре, а затем и в церкви за стенами крепости вновь заговорили колокола. Завыли предвестием скорой смерти.

– Смотрите!

Головы дружно повернулись на крик. Высокий парень в лисьей шапке, вытянув длинную руку, указывал куда-то за крышу крепости, откуда медленно текли в небо черные клубы дыма.

– Варги, – обреченно прошептал мужичок подле Сигурда. Кто-то из женщин всхлипнул.

Мгновение над головами людей висела прозрачная до боли тишина, нарушаемая лишь тревожным гулом колоколов.

– Близо! Они уже близо! – Визг прорезал ее, подобно ножу, и люди заголосили, заметались, в панике давя друг друга. Боязнь скорого нападения погнала горожан к своим домам, к семьям. Им было уже все равно, кто украл коня из монастыря и зачем, страх лишил их рассудка. Сигурда пихали со всех сторон, мелькали перекошенные лица, разъявленные в крике рты, выпученные глаза.

– Господи всемогущий, спаси и сохрани мя, грешного, – шелестел у плеча бонда голос крестьянина.

Из шевелящейся орущей толпы выскочила Ингия, упала на колени перед Ансгарием, принялась целовать полу его одеяния.

– Покаяния прошу! Покаяния! – беснуясь вопила она. Темные волосы бывшей рабыни елозили по земле, спутывались колтунами у нее на плечах. Сигурда толкнули в спину, и он едва не наступил на распростертую в поклоне Ингию. Один из воинов графа заступил ему путь, прошипел:

– Куда прешь, нехристь?!

Сигурд отшатнулся.

Воины графа, отсекая толпу, окружали своего правителя плотным кольцом. Распоряжался ими все тот же коренастый лучник. Напуганный суматохой и криком, конь Бернхара пританцовывал, хлестал коротким хвостом по плечам воинов.

Ансгарий наклонился, поднял Ингию, перекрестил:

– Господь с нами, сестра моя.

Она зарыдала, уткнулась ему в грудь, принялась что-то бормотать, то и дело тыча пальцем в сторону помоста. О сидящей на нем ведьме и урманах все как-то забыли. Тем временем Тортлав уже помог колдунье подняться и под шумок тянул ее прочь. За ними, держась за меч, пятился Рюрик. Обступившие помост урмане, тесня обезумевших горожан, стягивались в тесную ватагу. Красный Рагнар оказался как раз между ними, людьми графа и серой стайкой монахов, скучившихся близ своего настоятеля. Огляделся, прикинул что к чему, запрыгнул в седло, дернул поводья, разворачивая коня. Опомнившийся наконец правитель Гаммабурга схватил его коня под уздцы:

– Варгам не нужен город, они идут за твоим войском.

– И что? – в ответ рявкнул эрул.

Ответ графа заглушило конское ржание – подарок короля взбрыкнул холеным крупом и, высоко задирая голову, готов был понестись прямо сквозь толпу, прочь от невыносимого для него шума.

– Уйди из города! Я сумею договориться с варгами! – долетел до Сигурда голос графа.

Рагнар засмеялся:

– Мы – твои гости, ты сам так нас называл. Разве достойно правителю гнать гостей?

– Христом Богом молю, уведи свое войско.

– Я не верю в твоего Бога! – Эрул вырвал поводья из рук графа, стукнул по лошадиным бокам пятками. – Лучше подумай, что еще ты можешь мне предложить.

Кто-то из стражников закричал, угодив под конские копыта. Мимо Сигурда проскользнул Кьятви, направился к урманам. Сигурд стал проталкиваться туда же.

Пока он выбирался из толчеи, Ансарий влез на помост, подоткнул длинное одеяние, молитвенно сложил руки перед грудью. Монахи окружили настоятеля. Они возвышались над обезумевшими людьми, неподвижные и бесстрастные, как каменные изваяния. Потом Ансарий заговорил:

– Господи наш, Иисус, Сын Божий, да святится имя Твое и да придет царствие Твое...

Будто круги по воде, излучаемое монахами спокойствие расходилось по толпе, унимало страхи, затыкало рты, смиряло души.

– Аминь.

– Аминь, – выдохнуло множество голосов.

Идти стало легче. Сигурд миновал толстую бабу, на плече которой кровила оставленная бичом Харека рана, ее чернобородого мужа, все еще державшегося за глаз. Другим глазом он умиленно взирал на Ансария.

Бонд нагнал урман недалеко от пристани. Рюрик первым заметил его, сурово глянул в лицо.

– А тебе что тут надо?

– Я с вами, – выдохнул Сигурд.

Рюрик открыл было рот, собираясь сказать что то резкое, однако обернувшийся Тортлав остановил мальчишку:

– Не трогай его. Пусть идет с нами, если хочет.

И Сигурд пошел с людьми Бьерна.

Остаток дня бонд провел на драккаре Бьерна. Поначалу на пристани было тесно от спешащих уйти по реке трусоватых рыбаков и торговцев, но к вечеру почти все разбрелись по домам. Пристань опустела, только несколько стражей прохаживались подле кораблей – блюли порядок. На закате за Бьерном явился гонец от графа. Передал, что Бернхар решил поддержать урман в предстоящей битве и что Рагнар зовет на совет всех своих ярлов. С ярлом отправились Рюрик и Харек. Прочие остались на корабле, подле своего оружия и своего скарба. На Сигурда не обращали внимания. Он приткнулся на корме, подложил под зад телогрею, сел на нее, оглядывая хирдманнов Бьерна.

После бури ярлу пришлось взять на корабль много лишних воинов, драккар был перегружен. Вещи и походные сундуки теснились один к другому, люди толкались между ними, задевая друг друга. Из-за тесноты тут и там вспыхивали мелкие стычки. Ссорились больше по мелочи – кто-то наступил кому-то на ногу, перебил в разговоре или помешал спать. Никто не говорил о варгах и возможном нападении на город, каждый занимался своим делом, не желая, чтоб его отвлекали. Тортлав сидел, скрестив ноги, около распаханного походного сундука и неуклюже латал порванную рубаху. Костяная игла не слушалась, нить ложилась неровно, заплатка норовила сползти наискось. Тортлав поругивался, однако работу не прекращал. Рядом с ним устроились еще несколько хирдманнов, бонд узнал среди них Хемминга Сакса. На носу драккара дремал под толстой медвежьей шкурой Кьятви.

За время болезни старик осунулся, из-под шкуры торчала его тощая рука с полусогнутыми пальцами. Иногда во сне пальцы подергивались, словно Кьятви пытался схватить воздух. Айша гладила его запястье, убирала со лба спутанные волосы, смачивала губы влажной тряпицей.

Продолжая латать рубашку, Тортлав негромко запел. Голос у скальда был глубокий, слова цеплялись одно за другое, сплетались в цепь. Слушая его рассказ о далеких временах и о жестоком конунге Ингьяльде Коварном, который убил двенадцать своих сородичей Ингилингов, Сигурд задремал.

Из серого тумана дремы его выдернул женский голос. Сигурд распахнул глаза,

поспешно схватил доставшийся в подарок от Хемминга нож.

– Ты можешь сходить в монастырь, Сигурд? – спросила Айша. – Отвести туда Къятви? Его имя на ее губах звучало непривычно.

– Да. – Бонд спрятал нож, встал, стараясь не глядеть ей в глаза, поднял с палубы полушубок, встряхнул, накинул на плечи.

Ночью похолодало, реку затянуло туманом, в темном небе проблескивали редкие звезды. Люди спали, для тепла приткнувшись друг к другу и накрывшись полотнищем паруса. Кто-то громко храпел, нарушая призрачную тишину ночи. На корме, возле двух зажатых в гнездах факелов дежурил Латья. Прохаживался вперед-назад, насвистывал сквозь зубы.

– Къятви очень слаб. – Айша доверчиво смотрела на него снизу вверх. – Береги его.

В ожидании провожатого старик привалился спиной к борту, кутался в шкуру. Поймав взгляд Сигурда, поковылял к нему, остановился за спиной Айши, настороженно вытянул тощую морщинистую шею.

– Ты быстро вернешься, – прошелестел он. – Очень быстро. Так отведешь меня?

Сигурду нравилось тут, в тесноте, рядом с людьми, которые говорили и делали простые вещи, а не били ночами поклоны пред деревянной расписной картиной. Но Айша просила.

– Да.

Колдунья обрадованно улыбнулась, сунула что-то мягкое в ладонь бонду, сжала его пальцы.

– Возьми. Это тебе.

– Мне? – Сигурд поднял руку к глазам. На ладони лежал маленький полотняный мешочек. Его горловину стягивал кожаный ремешок. Сквозь ткань сочился мягкий хвойный аромат.

– Это оберег, – сказала Айша. – Если ночью положишь его под голову, то к утру уйдут все печали, а если повяжешь на шею или проглотишь из него хоть немного, то даже самая сильная порча обойдет тебя стороной.

– Бери, – посоветовал Къятви. – Айша не каждому делает подарки.

– Бери, – повторила за ним колдунья.

Сигурд поднес мешочек к носу, потянул ноздрями хвойный запах. К нему примешивался легкий аромат мяты и еще каких-то цветов, знакомых, но неузнаваемых.

Что там? – потеряв мешочек в пальцах, поинтересовался Сигурд.

– Моя благодарность, – сказала Айша.

Он не понял, кинул на колдунью удивленный взгляд:

– За что?

– Ты верил мне. Ты помог мне.

Стыд плеснул на щеки Сигурда красными пятнами. Бонд надеялся, что в темноте их трудно увидеть, но все-таки потупился, принялся рассматривать палубу у себя под ногами.

– Я не помогал, – стискивая тряпичный подарок в ладони, вымолвил он.

Къятви то ли засмеялся, то ли закашлялся, Айша отвернулась.

Сигурду не нравилось, когда над ним смеялись. Особенно женщины. И еще он не любил недомолвок. А в этой истории с жеребцом и неожиданным нападением варгов их было очень много. Но мешочек грел его пальцы, запах хвои и мяты напоминал о домашнем тепле, цветочный аромат дарил надежду.

– Идем! – Сигурд оборвал никчемные мечты, повязал на шею ремешок с ароматным подарком, засунул его под ворот рубашки. Перебравшись через борт, съехал на зад по гладкому веслу в воду, стоя по колено в реке, подхватил сползающего следом Къятви. Оглядываться не стал – он знал, что маленькая колдунья не будет провожать их, замерев у борта, как обычно провожала Бьерна.

На берегу, недалеко от пристани, около костров и походных шатров бродили тени, слышались голоса. Сигурд с Къятви миновали стражу, затем – молчаливый, настороженный лагерь эрулов, пересекли площадь и вошли в сам город.

Ожидая нападения, Гаммабург опустел. Почти все жители ушли под защиту крепостных стен. Улицы были тихи, ночных путников сопровождало лишь редкое гавканье особо чутких дворовых собак. Изза облаков выполз ущербный месяц, осветил ограды, покатые крыши крестьянских мазанок, черные силуэты больших домин и далекую громаду крепости. Вдоль крепостной стены огоньками мелькали факелы, в их всполохах поблескивали шлемы воинов, наконечники копий. На сторожевой башне полыхал костер, в отблесках света виднелась фигура стражника.

Улица изогнулась, пропуская путников меж двух огороженных частоколом дворов, вывела на изрезанное ключьями мансов ⁵² поле. Через него к монастырю протянулась утоптанная тропа.

Издали казалось, что монастырь распластался на вершине холма, как большой ленивый кот, поджидающий свою добычу. В проеме под крышей тяжелым языком висел черный в лунном свете колокол. От него тянулись вниз нити канатов.

Сигурд напряженно всматривался в ночь, прислушивался к каждому шороху. Однако, кроме клубов дыма вдали за холмом и полями, ничто не предвещало вражеского нападения.

Взбираясь по тропе на холм, Кьятви замедлил шаг, тяжело запыхтел. Бонд остановился, поддержал старика. Тот благодарно кивнул.

Раньше, в море, Кьятви казался Сигурду более молодым, но болезнь изъела его, стерла с лица краски, покрыла его морщинами, истончила руки. Старик поправил сползшую с плеч шкуру, нагнулся, опираясь ладонями о колени.

– Ты забереешь княжну и уведешь ее на драккар, – устало произнес он. Усмехнулся, угадывая мысли Сигурда. – Удивлен, что Айша беспокоится о княжне? Нет, Айша боится не за нее... Она думает, что если Гюда вернется на драккар Бьерна, то ярл уйдет из Гаммабурга до начала битвы. Она чувствует большую беду и хочет уберечь своего ярла...

– А ты?

– Что – я?

Ты не пойдешь с нами? – Сигурд не понимал.

– Нет. Я слаб и буду обузой – как в бою, так и в пути. Я останусь в монастыре.

– Но...

– Айша знает, что я не вернусь. – Заметив на лице Сигурда смятение, старый воин покачал головой. – Нет, бонд, она вовсе не так жестока, как ты подумал. Она просто другая, не такая как мы.

– Значит, она на самом деле колдунья?

Кьятви выпрямился, его дыхание стало реже и спокойнее.

– Она – хвити. Так называл ее Финн. А Бьерн говорил, что она вышла из ворот Нифльхейма. Она увела в страну Асов берсерка Хаки и моего воспитанника – ярла Орма Белоголового. Я и сам был бы не против такой проводницы, но она сама выбирает, провожает лишь тех, кто достоин ее. Желтоглазый уверяет, что однажды она показала ему путь в иной мир, он шагнул за край и даже видел сияние Бельверста, но дойти до него не смог. Вернулся...

Приглашая Сигурда двигаться дальше, старик кивнул, поковылял вперед по тропе.

Машина монастыря вырастала из ночного неба, наползала на путников. На запертой калитке ограды висело круглое железное кольцо. Кьятви взялся за него, несколько раз громко постучал о гладкие доски. Никто не отозвался.

– Спят, наверное, – сказал Сигурд.

Старик постучал еще раз.

Собак в монастыре не держали, поэтому в ответ не раздалось ни звука. Кьятви нахмурился, покосился на Сигурда. Тот сбросил с плеча суму, которую Кьятви прихватил с собой с драккара, искал в каменной ограде щели понадежнее. Нашел одну, сунул в нее

⁵² Мансы – наделы земли (др. герм.).

ногу, подпрыгнул, подтянулся. В детстве он любил с мальчишками лазать по скалам у берега – искать гнездовья чаек и гагар. Навык остался – бонд легко вскарабкался на стену, перевалился через нее, прыгнул в монастырский двор.

Скамья, на которой обычно сидел привратник, пустовала. Оставленный на ней полушубок еще хранил тепло человеческого тела – сторож ушел совсем недавно.

Сигурд сбил с двери засов, толкнул створу.

– Должно быть, отлучился по нужде, – указывая на осиротевшую скамью, пояснил он Кьятви.

Старик помог ему вновь запереть ворота, огляделся.

Монастырь хранил молчание. Над маленьким двором нависали мрачные стены. На высоту человеческого роста они были выложены большими валунами, а еще выше – светлыми досками с резьбой. Дверь зияла чернотой, будто беззубый рот мертвеца. Справа к монастырю лепился сеновал, слева – пристройки для слуг и утвари. Хлев и конюшня стояли чуть на отшибе.

– Пошли, что ли? – Сигурд поглядел на Кьятви.

Старик задумчиво рассматривал полушубок привратника, беззвучно шевелил губами.

– Пошли! – вновь позвал Сигурд.

Глаза старика блеснули влажными каплями, рассеянно скользнули по лицу бонда.

– Ступай, найди княжну, – склоняясь к уху Сигурда, прошептал Кьятви и подтолкнул его к дверям.

Со стороны сеновала слышались какие-то шорохи, негромкий смех. Смеялась женщина.

Бонд уперся, вывернулся из-под руки старика.

– Иди-иди, – продолжал подпихивать его тот.

Торговля научила Сигурда думать очень быстро.

– Я не спешу, – он опустился на скамью, похлопал ладонью рядом с собой. – Садись. Ночь нынче теплая.

Подчиняясь его жесту, старик присел подле бонда, принялся всматриваться в темноту сеновала. Там торчала рукоять воткнутого в крутой бок снопа вил, белели на земле клочья сена.

В сене что-то зашевелилось. Вновь хихикнула женщина, в луче лунного света мелькнула голая нога, локоть, плечо.

Жар окатил Сигурда, разлился в паху – выскользнувшая из сенных завалов женщина была невероятно соблазнительной. Ее стройное, тонкое, с высокой грудью и круглыми бедрами тело казалось юным, почти девичьим. Распущенные волосы доставали до ягодиц, покрывали их шелковой завесой. Теперь Сигурд верил словам рыжего слуги – обнаженная женщина никак не могла быть Гюдой, у которой волосы были намного короче. Но и Айшей она не могла быть – ее они оставили на драккаре. Разве что ведьма умела летать.

Продолжая хихикать, женщина повернулась, протянула руку, помогая выбраться из сена кому-то еще. Наклонясь вперед, она что-то горячо зашептала, потом вытянула руки, обвила ими шею вылезшего из снопа мужчины. Не обращая внимания на ее ласки, тот подтягивал штаны, пытался завязать узел на поясе. Она ластилась к нему, мешала.

– Пошла прочь!

Не ожидая толчка, женщина упала на землю, ее лицо высветило голубым лунным сиянием.

– Ингия? – узнал Сигурд.

Сухая ладонь старика зажала рот бонда. Другой рукой, неожиданно сильной, Кьятви сбросил Сигурда на землю:

– Тихо!

Упав, Сигурд угодил локтем в теплую липкую лужу. Перед ним промелькнула скамья, свесившийся с нее рукав полушубка, а под ним...

Круглое, плоское, как у дохлой камбалы, лицо толстенького привратника взидало на

Сигурда широко открытыми мертвыми глазами. Рот был искривлен в невысказанной боли, горло рассекала длинная глубокая рана. Бедный служка был таким маленьким, что скамья скрывала его от чужих взглядов, поэтому Сигурд и не заметил его раньше.

– Приведи ту, вторую, – негромко приказал Ингии мужчина.

– Зачем? – Ингия подползла к нему, обняла руками его колени, запрокинула голову, словно ожидая поцелуя. – Я так долго ждала тебя! Вы послали к нам Стига, и я предала своего Бога. Я помогла Стигу, дала ему самую быструю лошадь, чтоб он быстрее привел тебя ко мне. Не моя вина, что по пути он не справился с простыми крестьянами и погиб. Но ты здесь, ты вернулся ко мне через столько лет. Помни, я помогла вам!

– Ты?! Да при чем тут ты, дура! – Мужчина склонился, накрутил волосы Ингии на кулак, оторвал ее от своих колен. – Приведи мне ту, другую женщину. Слышишь?

– Но зачем? Она плохая, некрасивая, – заныла Ингия. – Зачем она тебе?

– Я сказал, при...

Он осекся. В темном проеме монастырской двери появился худой высокий воин с факелом в руке. Отблески пламени прыгали по его обнаженной груди, высвечивали узор на плече – змея обвивала когти какой-то птицы с распластанными крыльями и острым изогнутым клювом. Воин вытянул руку с факелом перед собой, шагнул на двор. Ингия тонко пискнула и метнулась к своей пристройке. Скрывая ее, дверь глухо хлопнула, закачалась на старых петлях.

Къятви отвел руку от лица бонда, прошелестел:

– Так вот кто к нам заявился...

– Кто? – не выдержал Сигурд.

Он уже понял, что варги заняли монастырь, даже догадывался как. "Она родом из варгов", – рассказывал про Ингию рыжий служка. Кровь оказалась сильнее Бога – сначала Ингия соблазнила привратника и отдала наворопнику ⁵³ варгов Ветра, а потом, поняв, что сородичи уже близко, убила соблазненного парня и открыла ворота. Монахи не стали сражаться с находниками – ведь их Бог учил смирению, а не войне. Если варги не убили их, то, должно быть, теперь они, как и ранее, сидели в кельях и молились своему Богу.

Воин с факелом подошел к растерянному переминающемуся любовнику Ингии, осветил его лицо.

– Я приказал тебе охранять ворота.

Тот потупился, тихо произнес:

– Кто придет сюда ночью?

– Мы же пришли, – спокойно возразил его собеседник.

– Но Ингия раньше была моей женщиной. Очень давно. Она помогла нам, открыла ворота монастыря. Она хотела меня, как раньше. Пойми, Кораक्षा...

– Ты шел сюда за ней?

– Нет, – голос незадачливого сторожа окреп. – Но я не давал обета избегать женщин, как монахи, живущие здесь.

– В капище на Шверинерзе ты плакал, обнимая труп своего брата. Ты хотел только одного – найти убийц и забрать у них его чистую душу. А теперь тебе нужны женщины? – Кораक्षा укоризненно покачал головой, замолчал.

– Я не забыл брата! – выкрикнул его собеседник.

Кораक्षा отвел в сторону факел, сгреб бедолагу за грудки. Они были почти одного роста, но, несмотря на худобу и возраст, Кораक्षा выглядел сильнее.

– Это хорошо, Посвет, – прошипел он. – Утром мы двинемся на город. Мои слуги призовут твоего брата из мира тьмы, и он плечом к плечу встанет с тобой в битве. Ты должен быть сильным, чтоб помочь ему, а женщины отбирают у мужчин воинскую силу. Или ты хочешь подвести брата и вновь оставить его один на один с врагами?

⁵³ Наворопник – разведчик.

Улыбка сползла с лица Посвета, губы скривились.

– Я буду готов.

Коракша оттолкнул его, вытер ладонь о покрывающую плечи кожу.

– Вымойся. На тебе остался ее запах.

– Я буду готов, – повторил Посвет.

Коракша фыркнул, пошел к черной пасти монастырских дверей. Незадачливый любовник Ингии немного постоял, затем заторопился к бадье с водой, стянул с себя рубаху, спустил штаны, принялся пригоршнями плескать воду на голое тело. Даже издали Сигурд хорошо видел бугры мышц на его спине и изогнутый шрам под правой лопаткой.

Кьятви зашевелился. Медвежья шкура сползла с его плеч на землю, прикрыла застывшую лужу крови под ладонью Сигурда.

– Ты куда? – едва слышно прошептал бонд.

– Тшш. – Старик выудил из-за пояса широкий боевой нож, зажал его в зубах, встал на четвереньки.

Решение пришло само, без всякого усилия. Сигурд просто протянул руку и вынул нож из рта старика, потом бережно отстранил Кьятви, примерился.

От скамьи до бадьи с водой было шагов десять, не более.

Сигурд подобрался, приготовился.

Посвет нагнулся над бадьей, опустил в нее башку.

– Давай! – острый кулачок Кьятви толкнул бонда меж лопаток. Сигурд метнулся к белой в ночном свете спине варга.

Десять шагов показались ему одним. Замахиваясь, бонд увидел две родинки под шрамом на спине Посвета и волоски на его шее. Нож вошел точно меж родинок. Сигурд не ожидал, что он пойдет так тяжело, поэтому налег на оружие всем телом, прижал всхлипнувшего варга к бадье. Словно во сне он заметил сухую стариковскую руку, выныривающую из-за его плеча. В руке блестел еще один нож – поуже, с тонким лезвием.

– Вот дурак! Горло... Горло режь, – прошипел Кьятви. Ловко заведя нож сзади под подбородок Посвета, он рванул оружие на себя и в сторону. Посвет захрипел, забулькал, задержался.

Кьятви вытер нож о край его рубахи, поглядел на агонизирующего врага, потом на Сигурда, привалившегося к варгу животом, посоветовал:

– Да отпусти ты его – не убежит.

Сигурд отступил. Продолжая биться в агонии, Посвет сполз по краю бадьи к его ногам. На его шее зиял огромный кровавый разрез, плескал брызгами на покрытую редкими кучерявыми волосами грудь. Борода и рот тоже были в крови. Бонд отвернулся.

– В другой раз глотку режь, иначе всех на ноги поднимет, – безмятежно взирая на умирающего варга, Кьятви сунул нож за пояс, огляделся. – О княжне забудь. Беги на пристань, скажи нашим, что варги в монастыре. Пусть идут за Бьерном.

– А ты? – растерянно выдохнул Сигурд.

Кьятви улыбнулся:

– Я тут подожду. – Протянул руку, требовательно раскрыл ладонь. – А нож верни. Без него тебе и бежать будет легче.

Сигурда перехватили сразу за воротами. Два рослых воина в кольчугах и островерхих шапках, отороченных мехом, столкнулись с бондом грудь в грудь, едва он вышел на тропу, ведущую с холма в город. Сперва Сигурд не понял, кто они и зачем пришли в монастырь в столь поздний и опасный час. Затем, признав стражей Бернхара, прижал палец к губам, выразительно оглянулся на темные стены монастыря и заторопился с объяснениями:

– Тише! Там варги... Варги в монастыре!

Один из стражей, бородатый, крепкий, с большими руками и круглым лицом, схватил бонда за плечо:

– Откуда знаешь?

– Я был там, внутри...

Воины переглянулись. Бородатый кивнул своему молодому, еще безусому дружку. Тот обошел Сигурда, встал со спины.

– Много их? – поинтересовался бородатый.

– Не знаю. Я видел двоих. Одного Къятви убил, а другой, главный, ушел в дом.

– Къятви?..

– Это урман из хирда Бьерна. Монахи выхаживали его.

Бородатый недовольно отмахнулся:

– Я знаю, кто он! Я спрашиваю – куда он делся?

– Там, – Сигурд указал на ворота. – Он остался там.

– Хорошо.

Бородатый мотнул головой, обращаясь к своему приятелю. Сигурд не успел обернуться, чтобы посмотреть, о чем безмолвно договариваются саксы – бородатый прыгнул на него, обхватил, как дровосек колоду. Сзади через голову бонда перелетела веревочная петля, оцарапала подбородок, оплела шею, стиснула горло. Дышать стало нечем, голова закружилась. Сигурд захрипел, попытался вырваться, но бородач усмехнулся, обдавая запахом рыбы.

– Куда?! Слаб ты с воинами тягаться. – Презрительно сплюнул. – Бонд!

За спиной Сигурда, затягивая узел, завозился его молодой дружок, громко, ничуть не таясь, поинтересовался:

– Может, прибить его? Чего зазря валандаться?

– Зачем? – Бородатый пощупал петлю на шее Сигурда, попытался просунуть под нее палец. Тот влезал, полностью перекрывая бонду дыхание. Бородатый довольно причмокнул, вытащил палец, похвалил напарника: – Хорошо затянул.

– Как ты учил, – откликнулся тот. – И куда его теперь?

– Как куда? В монастырь. Пусть варги сами разбираются, что с ним делать. И с этим Къятви.

Молодой дернул веревку на себя. Захрипев, Сигурд рухнул на колени. Бородач пнул его под ребра, заставил подняться:

– Не дури, бонд. Топай!

Младший страж дернул петлю еще раз, и Сигурд покорно поплелся за ним к воротам, из которых только что выбрался. В боку, куда пришелся удар сапога, при каждом движении что-то щелкало, отзывалось болью в груди, отдавало в спину. Веревоочный обруч натирал кожу на шее. От бессилья и обиды бонду хотелось плакать. Сигурд не раз встречался с предательством, в торговые дни в Каупанге заезжие купцы то и дело норовили надуть друг друга или хозяев. Дружба или благодарность в это время становились просто словами, голыми и одинокими, как клик цапли в болоте. Но столь откровенно Сигурда не предавали ни разу.

Къятви не стал запирасть за ним ворота, лишь прикрыл створки. Бородач толкнул одну, протиснулся в узкую щель. За ним молодой воин впихнул на монастырский двор Сигурда. Тычком кулака в поясницу он бросил бонда на землю, наступил на край веревки, придавливая шею пленника к земле.

– Хорошо, – одобрил его действия бородач. Огляделся, присел на корточки перед Сигурдом. Бонд хотел плюнуть в наглые заплывшие жиром глазки, но мог видеть лишь обтянутые шерстяными штанами колени да сапоги из мятой кожи.

– Ну и где твой Къятви? – спросил бородач.

Бонд фыркнул. Он почему-то совсем не боялся – обида и злость были столь велики, что попросту вытеснили все остальное.

Бородач звучно вздохнул, замахнулся. Его огромная пятерня легла на щеку Сигурда, вдавила бонда лицом в грязь. Задыхаясь от боли и пыли, бонд принялся извиваться, как червяк. Злость стала сильнее, а страх просочился сквозь ненависть, потек в душу, громадными каплями размывая обиду.

– Не найдем его – отдадим варгам тебя! – Ладонь бородача соскользнула со щеки бонда. Сигурд оторвал лицо от земли, закашлялся.

– Эй, – окликнул бородача молодой воин. – Гляди, вон от бочонка идет след.

Сигурд уже давно увидел этот след и прекрасно понимал, куда делся старый урманин. Он оттащивал тело в укромный уголок, чтоб случайно вышедший по нужде варг не поднял шум при виде мертвяка. Наверное, Къятви надеялся, что люди Бьерна придут и помогут ему. Надеялся на Сигурда.

Бородач прошелся до бадейки, где ранее лежал убитый варг, согнулся, рассматривая след, приказал молодому:

– Стой тут. Если что – зови. – Затем мельком взглянул на пленника. – Этому землерою пикнуть не давай, чтоб не упредил своего дружка. Тот, дурак, думает, что спрятался до подмоги. Пусть думает...

– Сделаю, – пообещал молодой, пнул носком сапога плечо бонда. – Слышал, урод? Пикнешь – задавлю.

Сигурд попытался закричать, но звук застрял где-то между ноющими от удара ребрами и веревочной петлей на горле. Вместо крика из груди вырвался лишь вялый всхлип.

Бородач поправил вылезший из-под короткой кольчуги пояс, огладил бороду, бодро зашагал к дверям монастыря, исчез в черном провале.

Сигурд замер, надеясь на чудо. Он ждал звона мечей, предсмертного крика, но, казалось, тишина никогда не кончится.

Охраннику Сигурда надоело стоять столбом, он уселся на спину бонда, намотал конец веревки на руку, подергал, проверяя натяжение.

– Что, бонд, не предполагал такого, да? – Стражник не ждал ответа, говорил сам с собой, упиваясь собственной значимостью и силой. – Все вы, северные воры, одинаковы – сила есть, а ума и не надо. Ваши ярлы да конунги нынче пируют с нашим графом, уговариваются, как будут вести бой с варгами, а того не знают, что Бернхар сам позвал варгов. Как услышал, что вы разорили их крепость на острове, так и отослал к ним гонца. А ваш рыжий вожак поверил, будто тот за грамотой от короля поехал. Ха!.. Ты там не помер еще?

Молодой страж поелозил тощим задом, устраиваясь поудобнее на спине Сигурда, пихнул его кулаком между лопаток. От боли Сигурд застонал.

– Не помер, – довольно заметил стражник. – Бернхар варгов еще день тому назад ждал. Рыжему вашему мозги заливал, будто надо уговор подписать да все такое. А плевать он хотел на уговоры! Нам урмани тут не нужны, от вас одно разорение, хуже чумы. Варги – иное дело, они с нами по соседству миром уже который десяток лет живут. Мы их не трогаем, и они нас не трогают. Правда, Ансгарий о чем-то стал догадываться, приходил недавно к Бернхару, говорил, что нельзя гостей, вас то есть, лишать обещанного крова. Говорил, что будет за то всем нам Божья кара. Только Бернхару монахи не указ. Бог потом всех рассудит.

В глубине провала монастырских дверей забряцало железо, по двору заплясали неяркие всполохи. Первым наружу вышел уже знакомый Сигурду Кораक्षा, за ним – два варга в перетянутых поясами коротких шкурах и с факелами в руках. Последним из монастыря выскользнул борогатый воин Бернхара.

Кораक्षा неторопливо прошагал к бадье, от которой за пристройки тянулся темный след, провел рукой по ее краю. Затем поднес ладонь к носу, понюхал. Сев на корточки, осмотрел оставленный мертвяком след, взглянул на своих спутников:

– Найти его!

Как хорошо обученные пастушьи псы, те безмолвно скрылись в мешанине построек. Прежде чем уйти, воткнули факелы в землю подле бадьи. Кораक्षा не спеша направился к пленнику. Снизу он казался Сигурду невероятно громоздким, его необъятная тень закрывала небо. Сапоги варга замерли перед самым носом бонда – он даже умудрился разглядеть трещины на коже, там, где пятка сшивалась с носком.

– Поднимите его, – негромко приказал Коракша воинам Бернхара.

Веревка натянулась, но шея Сигурда уже не ощущала боли – горло одеревенело. Очутившись на ногах перед варгом, Сигурд уставился на знак змеи на его плече и подумал, что, наверное, даже хорошо, что на него надели петлю, – теперь он не скажет ничего лишнего. Он вообще ничего не сможет им сказать...

– Он бонд. – Бородач влез меж Сигурдом и Коракшей. – Он не воин. Вряд ли он мог убить твоего человека.

– Я вижу, – оборвал его Коракша. Заметил следы крови на щеках бонда, криво улыбнулся. – Но он пытался. За это я отправлю его в деревню духов... Потом, когда все закончится...

В темноте пристроек что-то зашуршало, зашевелилось. Один из посланных за Кьятви варгов вышел, держась за руку. Из-под его пальцев толчками плескала кровь, порванные на колене штаны обнажали длинную ссадину, светлые волосы прилипли ко лбу. Второй варг шел за ним следом, с мечом в руке. Другой рукой он тянул за собой нечто, похожее на тряпичный куль. С одной стороны куля вылезала из тряпичного месива и бессильно волочилась по земле человеческая голова.

– Кьятви... – хотел сказать Сигурд, но не смог.

Варги подошли. Один швырнул тело Кьятви под ноги своему хевдингу:

– Мы нашли его.

Раненый присел перед Кьятви, оторвал клоч от его рубахи, принялся деловито перетягивать свою разрубленную руку чуть выше раны.

Коракша взгляделся в заплывшее кровью лицо урманина, нахмурился:

– Он стар.

– Он – воин, – возразил тот, который приволок старика.

Кьятви застонал, зашевелился. Притащивший его варг ринулся было к нему, но Коракша поднял руку:

– Подожди.

Старый урманин сел, оперся на руку, поднял к врагам залитое кровью, опухшее лицо. На его шее виднелись порезы, нога была нелепо вывернута, из раны на бедре торчал обломок кости. Ладонью Кьятви коснулся глаз, провел по ним, будто собирался снять незримую пелену. На Сигурда взглянул блеклый затекший глаз. Блеснул живой каплей, устремился на Коракшу.

– Ааа, – хрипло прошелестел старик. – Выходит, это ты послал своих псов...

– Я знаю тебя? – удивился Коракша.

Урман попробовал засмеяться. Затрясся, выплевывая кашель со сгустками крови.

– Змея... – Его дрожащий палец указал на клеймо на плече варга. – Птица... Ты – старший среди друидов... Я долго жил, варг, и мне не надо знать твое имя, чтоб знать твою власть...

Коракша покосился на свое плечо, кивнул:

– Верно. Это ты убил моего воина'?

– Ну не бонд же, – откликнулся Кьятви. Вновь протер правый глаз, левый безнадежно затерялся в наплывшей на лицо огромной опухоли. Внимательно поглядел на бородача, заинтересовался.

– Это Бернхар позвал вас?

– Ты умен. Ты смел. Но ты умрешь.

– Меня трудно напугать смертью, варг. Я же сказал, что Один уже даровал мне слишком долгую жизнь. – Кьятви оторвал вторую руку от земли, принялся потирать бок, рядом с поясом. Должно быть, там была еще одна рана.

Коракша отодвинул в сторону Сигурда, выудил из складок своих широких штанин длинный нож, слегка изогнутый, с ребристым лезвием у рукояти и змеиным извивом острия. Похожие ножи в Каупанг на продажу привозили люди с острова Рэ. Они уверяли, будто такими ножами их жрецы отбирают у людей жизнь, а души отправляют Свентовиту. Только

этот нож был длиннее, и рукоять его показалась Сигурду более широкой и тяжелой.

– Друиды ценят сильные души. Твою я заберу себе, – подступая к Къятви, сказал Коракша.

Ладонь старика быстрее заползала по боку.

– Вряд ли...

Его пальцы на миг застыли, отыскав нечто под одеждой, затем блеснуло лезвие тонкого кинжала. Рука старика взметнулась в воздух, серебристая птица промелькнула мимо лица Сигурда, тонко свистнула, и тут же за его спиной то ли всхлипнул, то ли вскрикнул юный страж. Веревка на горле бонда задергалась и ослабла. Чужие пальцы сдавили его плечо, заскользили вниз по спине, сминая складки рубахи.

– Сынок! – взвыл бородач. Метнулся было к падающему сторожу Сигурда, но, передумал и одним прыжком налетел на Къятви. Варги не успели удержать его – меч бородача вырвался из ножен, рубанул воздух.

– Сдохни, тварь!

Лезвие сыто хлопнуло, разрубая человеческую плоть.

– К тебе, Один... иду... – Разрубленное почти пополам тело старика шлепнулось на землю. Бородач, выронив оружие, упал над поверженным врагом на колени, завывл. Затем на четвереньках пополз к неподвижно лежащему под ногами Сигурда сыну. Подполз, подхватил на колени его голову, принялся раскачиваться, бормоча и завывая что-то невнятное. Один из варгов поднял с земли нож старика, помахал, проверяя на легкость, сунул себе за пояс.

Коракша подступил к бородачу сзади, дотронулся до плеча. Сигурд оказался совсем рядом с ним. По спине бонда поползли мурашки, – от друида тянуло холодом, будто из лаза в погребную яму.

– Ты зря убил его, – равнодушно сказал бородачу Коракша.

Глаза бородатого воина были безумными, вряд ли он понимал, что говорит ему варг. Большие ладони все еще удерживали на коленях голову мертвого сына.

– Сапсан ⁵⁴ не возвращается домой без добычи. – Изогнутый нож Коракши прочертил ровную линию перед глазами бородача. Невольно тот проследил за движением лезвия, затем вновь тупо уставился на варга. "У оружия есть имя. Непонятное имя..." – проскользнуло в голове Сигурда.

– Ты заменишь добычу Сапсана. – Нож опустил на горло бородача, плавно прошел изогнутым острием от уха до уха. Беспомощно взирая на Коракшу, бородач рухнул вниз лицом, прямо на мертвое тело своего сына. Коракша вытер нож о штанину, убрал его. Закрыв глаза, словно приносясь или прислушиваясь к чему-то.

– Уберите со двора падаль. Бонда заприте с монахами, – по-прежнему на открывая глаз, произнес он. – Я чую запах удачи. Завтра утром мы спасем души тех, кто умер в капище Шверина. Одну мы уже вернули...

Монахи были заперты в подвале, рядом с бочонками, пропахшими квашеной капустой и плесенью. Подвал оказался тесным, монахи сидели гурьбой, плотно прижимаясь друг к другу плечами. Голова Ансария возвышалась над прочими.

Варг, приведший Сигурда, толкнул его внутрь. Захлопнул дверь, не дожидаясь, пока бонд скатится по склизким ступеням. Наступила темнота, наполненная шорохом одежд, тяжелым дыханием и молитвенными шепотками. Ансарий первым негромко произносил слова молитвы, нестройный хор голосов вторил ему, провозглашая в конце одно и то же слово:

– Аминь...

Ощупывая пол вокруг себя, Сигурд поднялся на колени, потер ушибленный локоть, покрутил головой, надеясь разобраться кто где. Затем вытянул вперед руку, коснулся чего-то

⁵⁴ Сапсан – хищная птица семейства соколиных, второе название – настоящий сокол.

мягкого и теплого. Прошептал:

– Ты кто?

– Брат Матфей, – откликнулся невидимка. – Убери пальцы от моего глаза.

Сигурд послушался. Перевернулся, сел на задницу, обхватил руками согнутые колени. Он ничего не мог поделать, оставалось лишь сидеть и ждать. Вспомнился Кьятви, его сморщенное лицо, блеклые по-стариковски глаза. Кьятви был стар, но разве кто-нибудь осмеливался назвать его стариком? Он был воином и умер как воин – с оружием в руках. Должно быть, теперь он шел по сияющему Бельверсту к жилищу Асов⁵⁵, и Хеймдалль отворял пред ним золотые ворота... А Сигурд был бондом и оставался им. Иначе не торчал бы в подвале вместе с покорными, как козы, монахами, ожидая своей участи...

– Бонд!

За собственными мыслями Сигурд не услышал оклика. Монахи попрежнему что-то бормотали, но Ансгарий уже не заводил первые слова. Его заменил Симон – бонд узнал знакомое бормотание.

– Бонд! – снова позвал голос в темноте.

Сигурд пошевелился, откликнулся:

– Я здесь.

Темнота задвигалась, закачалась тенями. Одна из теней приблизилась к бонду, склонилась. Белое пятно лица подплыло совсем близко.

– Ансгарий? – узнал Сигурд.

Настоятель подобрал полы длинного одеяния, присел подле урмана. От него пахло чем-то дымно-мятным. Монахи называли этот запах запахом ладана...

– Тебе нужно вернуться на пристань, – сказал Ансгарий. Предупреждая вопросы Сигурда, положил ладонь ему на колено. – Не говори – слушай. Хорошо?

– Хорошо, – глупо повторил Сигурд.

– Скоро варги успокоятся. Тогда мы уйдем из монастыря... Мы уйдем достаточно далеко, за городской вал, и тебе придется очень быстро бежать, чтоб успеть вернуться к началу боя. Когда ты увидишь своего хевдинга, ты скажешь ему, что Бернхар не выступит и не ударит в тыл варгам. Ты скажешь, что граф нарушил клятву гостеприимства, нарушил законы людские и божеские. Ты скажешь, что подмоги не будет, скажешь, что Господь не оставит мудрых, бегущих от зла, и что вам надо уходить...

– Но Рагнар...

– Рагнар еще не знает о предательстве. Он будет сдерживать напор варгов и ждать, когда из крепости на помощь ему выйдут люди Бернхара. Так было уговорено после схода на площади. Но Бернхар послал человека к варгам и пообещал, что не станет вмешиваться, если они не начнут разорять город. Когда Рагнар узнает, что остался один, он уйдет, и будет спасено много невинных жизней. Ты скажешь ему...

– Рагнар не уйдет, – забыв об обещании не перебивать, вновь возразил Сигурд. – Он нападет на предателя.

– Нет, не нападет. Я слышал, будто он подписал грамоту, в которой давал слово не нападать на крепость, если только люди из крепости не нападут на его людей первыми. Люди графа не выйдут из крепости, не нападут на Рагнара и тем самым не нарушат договор. Если же сам Рагнар нарушит его – во всех северных странах, где есть христиане, он станет ниддингом. Эрул вспыльчив, но умен, он не сделает подобной ошибки.

Бонд закусил губу. Все вставало на свои места: настойчивость графа в подписании договора, и его, Сигурда, в том участие... Бернхар обманул всех, даже Красного конунга. Если б тогда Сигурд мог знать...

– Все равно Рагнар не побежит от варгов, – успокаивая самого себя, сказал он. – Конунг эрулов слишком горд, чтоб бежать от равного войска.

⁵⁵ Из скандинавской мифологии: Бельверст – радужный мост в жилище Асов – небесных богов.

Бонд не лгал, называя войско варгов равным армии Рагнара. Пока его тащили через главную залу монастыря, он видел варгов, расположившихся на ночлег прямо на полу залы. Их было совсем немного, навскидку – около двух-трех сотен. Спали вповалку, накрывшись длинными плащами из шкур, положив друг на друга головы и обнимая свое оружие. Возможно, еще человек сто прятались в кельях или в пристройках, но все равно их было немногим больше, чем эрулов и урман.

– Ты плохо знаешь друидов, – вздохнул Ансгарий. – Они – дети ада. Варги призывают их, когда хотят справить обряд на человеческой крови. У каждого из них есть при себе обрядовый кинжал, забирающий души убитых. Эти души вселяются в тела друидов и живут там, давая им сатанинскую силу. Я слышал, что многие из друидов берут себе не только душу, но и жизнь убиенных врагов, и тогда у них становится много жизней и их почти невозможно убить. Кораксу убивали уже трижды. В последний раз Бернхар казнил его на городской площади шесть лет назад. Его повесили, и он болтался на виселице до полуночи. В полночь его тело исчезло вместе с петлей, а спустя год он пришел в Гаммабург со своими людьми и с петлей на шее. Он смеялся и называл Бернхара глупцом. После его ухода от неизвестной болезни умерло много людей. Аббат Эбо Реймский, и Гетти из Трира, и Дрого – епископ Меца ⁵⁶ пришли сюда и поняли, что эта земля не освящена, поэтому Господь не видит страданий живущих на ней. Тогда Людовик, с их согласия, повелел утвердить Гаммабургскую кафедру, епископ Дрого провел мою хитротонию ⁵⁷, а я решил воздвигнуть большую церковь в городе и монастырь близ города во славу Господа нашего Иисуса, чтоб освятить проклятое место. С тех пор как была построена церковь и заложен первый камень монастыря, варги не появлялись на земле Гаммабурга. Но теперь они здесь, в святых стенах...

История про повешенного Кораксу напоминала детскую страшилку, строительство монастыря Сигурда тоже не волновало, зато история о похищенных друидами душах заинтересовала.

– Они сказали, что должны вернуть души родичей, которых мы убили на Шверинерзе, – вспомнил он.

– Варги верят, что если кто-то был убит в капище Свентовита или в кругу возле капища, то его душа непременно переходит к его убийце. Тот будет пользоваться ею и заставлять ее делать черные дела, оставляя собственную душу чистой. Чтоб вернуть душу убитого в капище человека, надо найти убийцу и предать его смерти. Тогда пойманная им чужая душа вновь станет свободной. Так проповедуют их друиды...

Сигурд кивнул. Стали понятны странные речи Коракиши и его желание зарезать Кьятви. Гдето внутри обидой дрогнуло осознание собственной никчемности – Коракаша пожелал забрать душу Кьятви, но у него даже мысли не мелькнуло позариться на душу Сигурда...

– Ничего... Я еще им покажу... – прошептал бонд. Представил, как он добирается до кораблей, как рассказывает Бьерну и Рагнару о предательстве Бернхара, как тихо, почти бесшумно, драккары снимаются с якоря и тают в речной рассветной дымке. Перед глазами встало растерянное лицо Коракиши, приведшего свое войско на опустевшую пристань...

Кто-то из монахов зашевелился, ненароком зацепил невидимый в темноте бочонок. Тот упал, загрохотал по полу железным ободом. Действительность рухнула на Сигурда удушливым запахом квашеной капусты и молитвенными причитаниями монахов. Справа в плечо упирался каменный выступ стены – сырой и холодный. Холод проникал сквозь тонкую ткань рубахи, щекотал кожу.

– Пора, – сказал Ансгарий и повысил голос – Господь да откроет нам путь!

В животе у бонда зеплескался комок истеричного смеха, пополз вверх – в грудь, ближе

⁵⁶ Реальные исторические личности.

⁵⁷ Хитротония – посвящение в сан.

к горлу, губы расплзлись в бестолковой улыбке. Бонд узнал у настоятеля все – и про предателя Бернхара, и про обычаи варгов, даже нарисовал себе план, как обвести варгов вокруг пальца... Он забыл спросить лишь об одном – как монахи собираются выйти из наглухо запертого подвала. Оказалось – путь им должен был открыть их Бог! Сигурд слышал о всяких чудесах, сам многое повидал. На рынки Каупанга привозили и синих людей, чья кожа не оттиралась ничем, даже песком, и диковинных птиц с огромными яркими перьями на пышных хвостах, и чаши, сделанные из прозрачного, чистого, как родниковая вода, камня, который звенел и рассыпался при ударе на множество мелких, похожих на капли, осколков. Сигурд многое видел и слышал, он верил в могущество богов, создавших удивительные вещи, но ни один бог не имел силы раздвигать камни темницы.

– Да благословит и направит наши стопы Сын Божий, – продолжал Ансгарий.

Сигурд захихикал, зажимая рот ладонью: "Я-то размечтался, поверил... Дурак!" Он не хотел смеяться, на глаза наворачивались слезы, но смех лез наружу, раздирая его рот, выплескивая накопивший за день страх. Лишь теперь Сигурд осознал, что постоянно боялся. Боялся там, во дворе, когда понял, что попал в руки врагов, боялся, когда умирал Кьятви, боялся, пока шел через наполненную спящими телами залу... Даже тут, в темной сырости подвала, он все еще боялся...

– Да не усомнится душа моя, – услышал он голос настоятеля. – Не по своей воле, братья, покидаем святое место, оставляя его язычникам...

Он протянул руку над Сигурдом, коснулся стены:

– Господи Иисусе Христе, Сын Божий, дай мне веру праведную...

Край его широкого рукава зацепил макушку бонда, легко погладил волосы. Сигурд запрокинул лицо, надеясь различить в темноте лик настоятеля, и замер с открытым ртом. Звуки застряли в горле – там, где рука монаха касалась кладки, камни, скрежеща и потрескивая, расплзались в стороны, открывая узкую черную дыру.

– Великий Один! – Суетливо перебирая руками и ногами по полу, Сигурд пополз прочь от ожившей стены. Истерика прекратилась, словно ее и не было. Из дыры потянуло холодом, плесенью и затхлой водой.

– С Богом, братья, – произнес Ансгарий. Переступил через упершегося спиной в его колени бонда, подобрав полы одеяния, завязал подол вокруг пояса, встал на четвереньки, полез в дыру.

– С Богом. – Через бонда перешагнул еще один монах, судя по всему, тот самый Матфей, на которого Сигурд налетел при входе.

– С Богом...

– С Богом...

– С Богом... – Один за другим монахи опускались на колени и исчезали в провале стены.

Бонда колотила дрожь. Он хотел выйти, хотел вновь очутиться на свободе, но тело отказывалось вползать в ожившее нутро камня.

Живые камни бывали и в Норвегии, во всяком случае, так говорили люди. Внутри живых камней строили свои жилища тролли, внутри камня был великий путь в страну инеистых великанов и Асов и там же лежал путь в сказочную землю Танаксвиль, где жили ваны. Из живого камня была вылеплена Аудумла, и из камня же она вылизала все прочее на земле. Но любой смертный, вошедший в камень, более никогда не возвращался, как конунг Торгсиль из Эгила или конунг Ану из Халдира...⁵⁸

– Иди, бонд. – Чьи-то руки подтолкнули Сигурда к стене.

Сигурд уперся, замотал головой:

– Нет!

Погреб покинули почти все – остался лишь он да еще один монах, теперь

⁵⁸ Здесь упомянуты мифологические сюжеты и предания из скандинавских саг.

возвышающийся над ним тяжелой темной тенью.

– Иди, – повторил монах, присел рядом с Сигурдом на корточки, приблизил лицо. Его губы казались черными, шевелились, извиваясь на белом лице короткими толстыми червями: – Не надо бояться. Господь с нами.

– Нет. – От страха Сигурд едва дышал. – Вам открыл путь ваш Бог, он проведет вас сквозь камень. Но меня – нет... Камень поглотит меня.

– Камень? – переспросил монах, положил ладонь на плечо Сигурда. – Но там – не камень, бонд. Там, за стеной – подземный ход. Мы выкопали его своими руками, по руслу высохшей подземной реки.

Он вновь подтолкнул Сигурда к провалу. Бонд упрямо вывернулся:

– Ты лжешь! Я видел, как строят подземный ход, и видел, как трое мужчин скатывают камни, закрывающие вход в него. А здесь камень расступился от слабого прикосновения!

– Рычаг, – сказал монах.

– Что? – Короткий ответ заставил Сигурда сжаться. Монах собирался исчезнуть вслед за другими, оставив его здесь в одиночестве ждать милости или кары варгов...

– Рычаг, – пояснил монах. – Нажимаешь на него, и камни в кладке расходятся. Они сложены особым образом, поэтому почти не шумят при движении. Так строили еще древние иудеи. Так что тебе нечего пугаться, бонд.

– Но вы призываете на помощь своего Бога, когда входите туда, – возразил Сигурд. Объяснения подействовали – охватившая его дрожь стала утихать. Умом человека, долго прожившего на земле и знающего множество ее секретов, Сигурд понимал, что все рассказанное монахом возможно, но веры не было.

– Мы произносим имя Господа в начале любого дела, – успокоил его монах. – Если ты все еще боишься, то тоже можешь обратиться к нему. Господь никому не отказывает в своей благодати.

Сигурд перевернулся, встал на четвереньки, как раненая собака, и поковылял к провалу в стене. У самой дыры остановился, вслушиваясь в шорохи и крахтение где-то в глубине лаза.

– Вдохни поглубже, бонд, – услышал он за спиной наставления монаха. – Когда я закрою стену, дышать станет труднее. Тебе придется ползти не торопясь и думать о чем-нибудь хорошем.

– О вашем Боге? – принявываясь к истекающим из провала болотным запахам пробормотал Сигурд.

Монах почему-то обиделся.

– Не следует смеяться над чужой верой, – буркнул он. – В трудное время мы думаем о Боге, но ты можешь думать о чем угодно.

– О чем угодно... – повторил Сигурд. Закрыв глаза, на ощупь передвинулся ближе к дыре, ощутил под ладонями скользкую поверхность круглого булыжника. Вспомнил дом, тихую улыбку златовласой Гунны, заносчивый голос Снефрид, умный взгляд Юхти, облака, плывущие высоко над Каупангом, и волны, лижущие камни у берега...

– С Богом, – беззвучно шевельнул губами Сигурд и решительно пополз вперед.

Внутри было темно и душно. Давящая темнота облепила бонда со всех сторон, земля словно окутала его тело коконом. Поясницу ломило от желания выпрямиться, в груди от нехватки воздуха щемило. Однако стоило расправить плечи, как они упирались в земляную преграду, а глубокий вдох высасывал остатки жизни. Руки отекали и болели в локтях, истертые о камень колени сочились кровью.

Сигурд старался не думать о том, что будет, если выход из лаза завалило или если монах все же соврал и лаз – вовсе не лаз, а живое нутро камня. Он напряженно всматривался в темноту перед собой, но видел только слабые белесые пятна чьих-то пяток, то исчезающих, то вновь появляющихся перед самым его носом. Несколько раз подземный лаз поднимался выше, хотя теперь Сигурд не мог точно сказать, где верх, а где низ. Ему казалось, что лаз поднимался, поскольку становилось суше и на голову сыпалась сухая земляная пыль. Он

быстрее перебирал руками и ногами, забывая про боль в локтях и ободранные колени, но лаз вновь уходил вниз, под ладонями начинала жалобно чавкать влага, а из стен сочился запах грибной плесени. В такие мгновения страх нарастал, душил, сдавливал грудь. Иногда Сигурду хотелось лечь, сжаться с комок и лежать, тихонько скуля, как глупый потерявшийся щенок. А иногда, наоборот, возникало желание закричать и рвануться вперед, к свету и воздуху, сметая всех на своем пути.

– Боги, боги... – совершенно не понимая, что и зачем бормочет, шептал Сигурд. – Великий Один... Фрея, владычица земли... Помогите...

Боги не помогали, зато помогали мысли о Каупанге. Лишь здесь, под землей, в темноте и смятении, бонд понял, что лучшим в его жизни был этот неказистый кусок земли с ухоженными домиками, работающими, пропахшими навозом и сеном людьми, с отарами овец на зелени лугов и снежными колпаками на старых елях. Никакие воинские доблести, никакие геройские подвиги не могли заменить Сигурду Каупанга. "Шаг вперед сделает тебя искателем счастья, а шаг назад – счастливым", – стоя на берегу перед готовыми к отплытию кораблями сказала ему в Каупанге маленькая ведьма. Теперь Сигурд понимал, что она имела в виду. Слишком поздно понимал...

Досадуя, он потянулся рукой к пояснице, потер затекшее место. Локоть задел потолок, на спину посыпались сухие комья земли. Монах сзади что-то недовольно пробурчал. Почудилось, будто откуда-то пахнуло свежестью. Сигурд вытянул шею, сделал глубокий вдох. Голова закружилась, он привалился плечом к стене. Монах подпихнул его в зад, заставил вновь двигаться вперед. Лаз потихоньку сужался, время от времени Сигурд ударялся головой о выступы потолка. Неожиданно стало немного светлее, лаз расширился, резко пошел вниз. Под руками бонд почувствовал скользкую поверхность камня, уперся в нее ладонями, но, не сумев удержаться, поехал куда-то вниз.

– Бо... – пискнул Сигурд и замолчал, очутившись в большой, наполненной серым свечением пещере.

После долгой темноты пещерный сумрак казался ярким, как дневной свет. Удерживаясь одной рукой за стену, Сигурд встал на ноги. Охнув, разогнул спину, завертел головой, отыскивая источник света. Им оказалась дыра в потолке – небольшая и округлая. Из дыры в пещеру свешивались какие-то корни, к ним по стене вели выдолбленные в камне ступени. Поднимались, кругами опоясывая столпившихся внизу людей. Те растерянно озирались, крестились, отряхивали от земляной пыли рваную одежду, разглядывали истертые в кровь колени и локти.

Монах, который шел следом за Сигурдом, выполз из дыры на четвереньках, не поднимаясь, выдохнул:

– Господи, спасибо... – и рухнул лбом в согнутые руки.

К Сигурду подошел Ангарий. Вид у настоятеля был сердитый.

– Мы выбирались слишком долго. – Его голос гулом заметался по пещере, заполнил ее, отражаясь от стен. Ангарий вытянул палец, указывая на дыру – Светает. Варги уже идут в реке...

– Они вряд ли выйдут из монастыря до света, – возразил Сигурд.

Он часто слышал рассказы конунгов и ярлов о своих подвигах. Обычно все битвы в этих рассказах начинались или ночью, или на рассвете. Если варги не напали ночью, значит, они должны были дожидаться рассвета.

– Они уже идут, – вымолвил Ангарий. Взгляд монаха был устремлен куда-то в стену, словно он видел сквозь земляную толщу нечто такое, от чего не мог отвести взор. – Тебе надо спешить...

Он замолчал. Грудь настоятеля тяжело вздымалась под длинной рубахой.

– Я не знаю, где мы... – Сигурд не был уверен, что Ангарий слышит его, поэтому повторил громче: – Не знаю, куда идти, когда выберусь наружу...

– Иди вверх по реке, – отстраненно отозвался Ангарий.

– Ты не дашь мне провожатого?

– Нет. Ты – воин, у тебя быстрые ноги. Без провожатого ты доберешься скорее. А мы будем молиться за тебя.

В чем-то настоятель был прав. Только не в том, что Сигурд ощущал себя воином.

– Иди. – Ансгарий махнул рукой двум монахам, стоящим у начала лестницы.

Те расступились, остальные усталились на Сигурда. Множество глаз словно ощупывали бонда, пытались рассмотреть, а что же скрыто внутри у этого толстенького, коренастого урманина? Под их взглядами Сигурду стало неудобно. Он сгорбился, шагнул к ступеням. Отвыкшие ходить ноги подвели: левая подкосилась, он пошатнулся, ударился плечом о стену. Стало стыдно. Закусив губу, Сигурд вызывающе вскинул голову, оглядел монахов. Над его неуклюжестью никто не смеялся, даже не улыбался.

– Поначалу не торопись, почувствуй землю, – негромко посоветовал из-за плеча Сигурда тот монах, что уговаривал его войти в лаз. Коснулся локтя бонда, доверчиво сунулся губами к уху, прошептал: – С Богом. Я буду молиться за тебя...

Не оглядываясь, Сигурд доковылял до лестницы, шагнул на первую ступень. Затем на вторую... Третью...

Он старался не смотреть вниз, поднимался по каменным выступам и думал о том, что не имеет права подвести этих странных людей, которые ни на миг не усомнились в его отваге. Никто из них не предположил, что, выбравшись наружу, Сигурд может попросту сбежать. Они верили в него так же нерушимо, как верили ему жители Каупанга – толстый Даг, трусоватый Магнус, резчик Арни и дряхлеющий безумец Хьяти...

Очутившись на последней ступени, Сигурд несколько раз разогнул и согнул руки, покрутил плечами, разминая мышцы, прикинул на глазок расстояние до дыры. Длинные, на вид прочные корни какого-то дерева раскачивались перед лицом, словно приглашая зацепиться за них. Сигурд поймал один, подергал. Вниз посыпались комья земли, древесная труха. Корень легко сорвался, повис в руке дохлой змеей... Кто-то из монахов ахнул, кто-то забормотал молитву.

Сигурд выпустил корень, взмахнул руками, изо всех сил оттолкнулся от ступеньки. Он ни о чем не думал, просто всем своим существом тянулся к светлоте пятну над своей головой. Руки сами нашли опору, пальцы сами скрючились орлиными когтями, впиваясь во влажную, податливую мякоть земли. Сигурд навалился грудью на край ямы, заболтал ногами. Выбравшись, откатился в сторону, выдохнул...

Совсем недолго он лежал, глядя в мутное небо, слушая шелест веток над головой и ловя губами тяжелые дождевые капли. Ветер гулял в кроне старой ольхи, что росла прямо на речном откосе, возле лаза, гнул ее ветви, трепал кусты у ее подножия.

– Будет гроза... – прошептал Сигурд.

Звуки собственной речи вывели бонда из оцепенения. Он поднялся, сгибаясь под ударами ветра, подобрался к краю откоса, глянул вниз. Ветер гнал волны навстречу течению, – вода поднялась, грозя залить луга на далеком противоположном берегу.

– Вверх по реке... – сам себе сказал Сигурд, повернулся и побежал.

Он не успел. Не мог успеть – гроза застала его на полпути, обрушившись на спину грохочущими струями. Потом пошел град, такой сильный, что Сигурду пришлось снять рубашку и намотать ее себе на голову, чтоб град не повредил лицо. А когда вдали показался холм и едва различимая в дожде крепость, могучий бог помчался по небу в своей громадной колеснице, меча молнии, такие яркие и страшные, что Сигурд невольно замедлил шаг.

Город принял бонда молчанием. В дождевом сумраке Сигурда окружили мрачные дома, вылупились на него пустыми провалами ворот. Сигурд бежал, оскальзываясь и задыхаясь, путался в узких улицах, хватался руками за мокрые ограды. Пустота, мертвым кольцом сжавшая город, казалась незыблемой, как вечность, из которой нет выхода. В одной из луж Сигурд поскользнулся и упал. Он лежал, сглатывая залившуюся в рот грязь, сипел пересохшим горлом, слушал грозный хохот Тора и понимал, что опоздал.

Опоздал, потому что отсюда, с земли, сквозь щель в ограде, в блеске молнии он увидел пристань и маленькие смешные фигурки людей на ней. Люди бегали, сталкивались друг с

другом, махали мечами, вскидывали руки и падали. Некоторые поднимались вновь, а другие оставались лежать, и чужие ноги наступали на них, как на обычные камни. Несколько кораблей горели, вернее, дымились, выплевывая в дождь черные клубы дыма. Огонь лишь изредка появлялся под этими клубами и тут же исчезал, покоряясь водяным струям. Люди бултыхались в воде, рядом с кораблями. В свете молнии их головы казались черными, как и вода вокруг, зато земля и те, что сражались на ней, отливали синевой.

Сигурд встал, обогнул ограду, держась за нее, поглядел на крепость. Черная каменная громада молчаливо взидала на пристань. Ведущая к тяжелым воротам дорога была пуста, а сами ворота, украшенные железными накладками, посверкивали влажными бликами. Громогласный бог вновь метнул огненную стрелу, красно-синяя вспышка озарила высокую башню, блеснула на шлеме стража...

На пристани гулко запел рог. Брошенный с поля боя призыв заглушил даже раскаты грома, прокатился по пустой дороге, безответно ударился в мертвые ворота.

– Что же я... – Сигурд сорвался с места, побежал вниз с холма. Под ноги ему попадались трупы, бонд не рассматривал, свои это были или варги, перепрыгивал, мчался вперед. Он не слышал ни звона мечей, ни людских криков, просто бежал, зная, что только он может предупредить о предательстве. Он даже наметил себе цель – большой драккар Рагнара, недалеко от которого на берегу было больше всего людей. Один раз на Сигурда выскочил какой-то воин. Взмахнул мечом, искривил лицо в крике...

– Уйди! – Сигурд прыгнул вперед, прямо под острие пихнул нападающего плечом в грудь. Воин поскользнулся и упал, продолжая сжимать в руке ставшее никчемным оружие. Только тогда Сигурд сообразил, что лезет в гущу битвы безоружным. Он наклонился, схватил меч за крестовину рукояти и дернул его на себя. Тот, что бултыхался в грязи под его ногами, выкрикнул что-то непонятное, потянул оружие к себе. Влажная крестовина заскользила из пальцев бонда.

– Пусти! – Сигурд ударил варга ногой в лицо, другой ногой встал ему на грудь и резко рванул оружие к себе. Варг захрипел, глупо задрогал руками. Его пальцы разжались. Сигурд перехватил добытый меч поудобнее, деловито всадил острие в грудь противника. Оно хлопнуло от наслаждения, лезвие стало темным от крови. "Совсем как свинью забивать..." – промелькнуло в голове бонда.

В дождевой смуте появился еще один силуэт, шагнул к Сигурду. Бонд приготовился, поднял оружие, целясь в грудь врага. Затем поднял еще выше, метя в голову, – нападающий был мал ростом и худ. Вспышка молнии вырвала из сумрака его лицо – юное, почти детское, с невероятно светлыми глазами.

– А-а, это ты, бонд! – Лицо расплзлось в улыбке. Вода смывала с него следы крови, однако не могла стереть рану на лбу, которая сочилась красными струями, сбегаящими по переносице.

– Рюрик... – прошептал Сигурд.

Рюрик отмахнулся мечом от вылетевшей на него из дождя тени, крикнул:

– Харека видел?

– Нет. – Озираясь по сторонам и не смахивая струящейся по щекам воды, Сигурд встал ближе к мальчишке. – А где Бьерн?

– В палатах Одина.

– Где? – От неожиданности Сигурд чуть не опустил меч.

– Погиб! – рявкнул Рюрик. Чиркнул лезвием по спине не заметившего его варга, другой рукой всадил в бок оборачивающемуся врагу тонкий, похожий на узкую иглу, нож. Варг рухнул, но тут же закопошился, пытаясь вновь подняться на ноги.

– Недохнут, суки! – выругался Рюрик. Ударил варга мечом по шее. Та хрустнула, из раны плеснула кровь, но варг все еще продолжал шевелиться. Объяснять мальчишке, почему противники не умирают, времени не было. Сигурд лишь довершил начатое Рюриком: взмах меча, и голова варга отлетела в сторону.

– Ловко, – похвалил мальчишка. Заметив кого-то в дожде, собрался метнуться прочь.

Сигурд схватил его за плечо:

– погоди... Бернхар не придет!

– Не бойся, придет. – Рюрик оглянулся на молчащую крепость, усмехнулся. – Он просто выжидает. Так было сговорено.

– Он не придет!

Мальчишка недоверчиво хмыкнул. Забыв о битве, Сигурд бросил меч, обеими руками схватил парня за грудки, потянул к себе.

– Ты что, глухой?! – завопил он прямо в удивленное мальчишеское лицо. – Он уговорился с варгами! Он не придет! Будет сидеть со своим войском в крепости и трястись над своей шкурой! Понимаешь?! Не придет!

В глазах Рюрика промелькнуло беспокойство, размытые дождем струйки крови зигзагами побежали по сморщившейся переносице:

– Кто сказал?

– Ансарий. – Имя настоятеля выкатилось легко, освобождая душу Сигурда от давящего груза.

Все-таки он донес то, что должен был донести. Он смог...

Отпуская Рюрика, пальцы бонда разжались, ноги подкосились. Падая, Сигурд оперся на плечо мальчишки.

Урманин подхватил его под локоть, заставил выпрямиться.

– После будем отдыхать, бонд, – резко сказал он. – Нынче надо пробиваться к Рагнару, пусть трубят отступление. Одни мы не справимся. Пора уходить...

4. Тьма

Берег был чист, над рекой висел утренний туман. Колокола в монастыре не предупредили о приближении врагов, и крепость смолчала, не запалив костра на сигнальной вышке. Даже духи, которые обычно мешали Айше спать своими разговорами, на сей раз притихли, словно ожидая чего-то страшного.

Варги возникли на пустой пристани, словно выросли из тумана, – молчаливые, бесшумные. Урмане всполошились, принялись осыпать варгов стрелами...

Тогда и началась гроза. Разбушевавшийся Встречник взвыл, ударил по речной глади, смел туман, сбил стрелы. Небо разверзлось, выбрасывая на корабли жадную влагу и град, река покатила свои воды вспять, забилась волнами в слабые борта кораблей. Чужа недоброе, Айша попыталась удержать Бьерна от вылазки на берег, к варгам.

– Там друиды, – сказала она, схватив ярла за рукав.

Ее сердце разрывалось от боли, она чувствовала, что на берегу Бьерна поджидает сила, намного более страшная, чем вражеский меч, – тьма. Тьма, предсказанная Финном, тьма, обретшая жизнь на острове варгов...

Но ярл не стал ее слушать.

– Рагнар бросил своих людей в бой, – сказал он. – Нельзя разделять войско, нас слишком мало.

Если бы Айша умела плакать, она бы заплакала. Но она не умела, и Бьерн ушел, оставив с ней на корабле малую часть своего хирда...

Айша спрыгнула в воду, когда увидела, как он упал. До этого она сидела у борта, с головой накрывшись рогожей и наблюдая за разгоревшимся на берегу боем. Она следила не столько за битвой, сколько за Бьерном. Он был опытным воином, он научился сражаться раньше, чем говорить, его воспитывали как воина, и он побывал во многих битвах. Обычно Айша наслаждалась, глядя, как ловко играет в его руках острый клевец, и как он сам, став похожим на сильного хищного зверя, отыскивает себе новую жертву, а его заплетенные в косицы волосы змеями извиваются по плечам. Но на сей раз беда поджидала Бьерна не во вражеском мече или копье, она исходила от высокого светловолосого варга, который стоял на холме, поодаль от берега. За стеной дождя Айша видела его темную фигуру, застывшую,

словно изваяние, и его невероятно светлые волосы, казавшиеся голубыми при вспышках молнии. Когда в его руке что-то блеснуло, Айша сбросила рогожу и подбежала к борту.

– Нееет! – просительно вытянув руки, закричала она.

Она опоздала – священный кинжал-кровопийца уже покинул своего хозяина. Сверкнул чешуей, осиным жалом вонзился в шею ярла, прямо под ухом. Бьерн схватился за шею, нащупал рукоять чужого оружия. Друид вскинул руки к небу и запел, – Айша слышала, как он поет, уговаривая своего дружка-убийцу забрать силу и веру ярла. Бьерн стал оседать на землю, все еще сжимая в одной руке клевец, а другой держась за шею. Выдернуть оружие из раны у него не хватало сил. В груди у Айши что-то оборвалось. Битва, гроза, шум дождя и рев ветра – все куда-то исчезло, стало совсем тихо. Остался лишь упавший на землю Бьерн, друид на берегу и отчетливое понимание, что его песня должна прерваться, пока кинжал не выпил из ярла всю душу. Айша не помнила, как спрыгнула в воду и как доплыла до берега. Ей удалось выбраться на сушу, миновав плавающие на мелководье тела убитых, и добежать до Бьерна, уворачиваясь от ударов еще живых воинов.

Она опоздала и здесь, – Бьерн лежал на спине, глядя в изрыгающее воду небо и стискивая в холодных пальцах любимый клевец. Обтянутая змеиной кожей рукоять друидского кинжала торчала из его шеи, сыто блестела влажным боком.

Упав подле ярла, Айша обхватила ладонями его щеки, ощутила под пальцами холод смерти.

– Бьерн, – прошептала она. Поднялась на колени, вглядываясь в пустоту любимых глаз, позвала уже не шепотом, а стоном, идущим из колдовского нутра:

– Бьерн!

Его губы не шевельнулись, веки не дрогнули.

То, что пронзило Айшу, не было болью, – она даже не знала, как назвать подобное чувство. Все ее существо смялось, скомкалось, превращаясь в злое отчаяние. Сила, уже давно покинувшая ее, хлынула внутрь, забурлила презрением к смерти. На глаза вновь попала рукоять друидского ножа.

– Род мой пребудет во мне! – Айша схватилась за рукоять, потянула на себя. Кинжал сопротивлялся, не желая отпускать добычу.

– Сила земли моей, вера предков моих, душа матери, которой не знала... – Губы сами произносили нужные слова. Подчиняясь им, кинжал неохотно шевельнулся в ране. Айша рванула его к себе, кинжал чавкнул, оставляя жертву, кровь теплой струей плеснула болотнице на руки. На миг Айша вновь ощутила прикосновение Бьерна, в памяти промелькнули ночи, проведенные с ним, жар его тела, уверенность его рук, ласка слов...

Шатаясь, болотница поднялась на ноги. Кинжал в ее руке дрожал – Айша чувствовала, как в окровавленном лезвии, словно в темнице, бьется душа ее ярла. Она знала лишь один способ выпустить ее на свободу, поэтому пошла к друиду. Она шла сквозь битву, словно незримый пастень, и нежити кружили возле нее, обороняя невидимыми телами. Несколько раз на нее пытались напасть – болотница не видела кто и как, лишь ощущала неожиданные толчки чужой злобы, накатывающие с порывами ветра. Она не поворачивалась к врагам и не отводила глаз от друида. Враги исчезали, таяли за ее спиной, не принося ей никакого вреда, но Айша не оглядывалась посмотреть, кто отвел беду. Она должна была видеть только друида, потому что от ее ненависти он терял силу. Страх вползал в него медленно, вгрызаясь все глубже с каждым шагом Айши, и ей были приятны растерянность, постепенно наползающая на его холеное лицо, и сомнения, все чаще мелькающее в его глазах. Когда до друида оставалось не более пяти шагов, он вытащил меч.

– Кто ты? – По его щекам стекали струи дождя, ресницы слиплись, волосы на лбу сбились неряшливыми мокрыми клоچьями.

Айша шагнула к нему и подняла кинжал. Дождь смыл с лезвия кровь Бьерна, и железный убийца был готов принять новую жертву.

– Кто ты? – уже испуганно повторил друид. Меч в его узкой руке казался ненужным. Варг наверняка умел владеть оружием, но его сила была в ином.

– Жизнь за жизнь, – сказала Айша и метнула кинжал, почти не целясь, – этот убийца сам умел отыскивать добычу. Друид попытался уклониться, но лезвие вцепилось в его бок, меж рубахой и поясом, задрожало от нетерпения.

– Пей! – приказала ему Айша.

Кинжал затрепетал, впился в человеческую плоть. Морщась от боли, друид взмахнул мечом. Айша улыбнулась, закрыла глаза – она не боялась смерти.

– Берегись! – сильные руки обхватили ее за пояс, рванули куда-то назад, бросили на залитую дождем, пропахшую кровью и плесенью землю. Комья грязи плеснули в лицо, мир обрел запахи и звуки. Нежити исчезли. Стало холодно, одиноко и очень больно. От боли Айша не могла дышать, она свернулась в комок там же, где упала, стиснула руками прижатые к животу колени.

Над ней Харек бился с кем-то из варгов, подоспевших на помощь своему друиду. Вернее, несколько варгов бились с Хареком, пытаясь заставить его отступить от рухнувшего на колени друида. Харек не отступал. Он был ранен, из дыр в его одежде сочилась розовая, размытая дождем кровь.

На снелкаре Рагнара запел рог, призывая урман к отступлению, – эрул перестал ждать поддержки из крепости Бернхара. До битвы Рагнар договаривался с графом, что урмане примут бой и удержат варгов у пристани, а когда силы врага подтают, войско графа выйдет из крепости и ударит варгам в тыл. Но битва затянулась, а граф так и не появился.

Повинуясь призыву хевдинга, урмане стали отступать к своим кораблям, оставляя победу за варгами. Те преследовали их до кромки воды, однако дальше заходили немногие – там их уже могли достать стрелами с кораблей...

Айша не хотела возвращаться на корабль. Она не хотела ни думать, ни шевелиться. Без Бьерна ее жизнь потеряла смысл. Лежа в грязной луже под ногами все еще сражающегося Харека, Айша смотрела не на него и не на отступающих урман, а на друида, который пытался вытащить кинжал из своего бока. Болотнице нравилось видеть искаженный болью рот врага и его трясущиеся пальцы. Они постоянно соскальзывали с мокрой рукояти, не позволяя ему достать оружие из раны.

– Сдохни, – громко, чтоб услышал друид, сказала Айша. Или это произнесла проснувшаяся в ней хвिति?

Варг бросил на болотницу злой взгляд. Она засмеялась. Было странно смеяться вот так, без веселья, но ей нравилось пугать убийцу Бьерна. Она хотела, чтоб умирая, он унес за кромку ее смех.

– Ты... – прошептал друид. – Ты...

Его пальцы вновь сомкнулись на рукояти кинжала.

– Не получится, – сказала Айша.

Она надеялась увидеть отчаяние на его лице, но что-то ударило ее сзади, сильно и безжалостно. В основании шеи хрустнуло, изнутри в уши ворвался резкий хлюпающий звук, в глазах потемнело.

– Ты умрешь, – успела пообещать Айша, прежде чем мир стерся, превратившись в яркую разноцветную вспышку.

Из темноты ее вытащил голос Харека. Берсерк ругался, обзывая кого-то то трусливыми зайцами, то глупыми овцами, то скользкими жабами. Свет полез под закрытые веки болотницы, за ним следом просочилась боль. Айша застонала, скорчилась.

– Ведьма очнулась, – сказал незнакомый голос. Голос был молодой, легкий, как вешняя капель.

– Хорошо, – ответил ему другой, более взрослый. – Скажи Коракше.

Свистнула плетль, застучали копыта. Их торопливый стук затих вдали.

Свет упорно раздирал веки. Айша открыла глаза, прищурилась от брызнувших в них солнечных лучей. Она лежала на спине в какой-то телеге, над ней сияло голубым простором по-летнему высокое небо. Облака окутывали его далеко на горизонте белой бахромой.

Телегу потряхивало на ухабах, тело Айши подпрыгивало и перекатывалось бессильно, словно куль с мукой или пук соломы. Несколько раз перед болотницей промелькнуло лицо Харека с запекшейся кровью на щеках и его руки, обмотанные на запястьях ворсистой веревкой. Потом Харек исчезал, и Айша вновь оставалась один на один с небом. Она лежала, смотрела на пронизывающую зрачки синь и ждала смерти. Она знала, что последует за Бьерном, нужно было лишь немного подождать...

В скрип тележных колес и ругань Волка вновь вклинился стук копыт. Теперь он приближался.

– Стой! – закричал молодой, уже знакомый Айше голос. – Стой!

Телега остановилась. Над Айшей нависла лошадиная морда. На мохнатых губах белели пузырьки пены, рыжая шерсть на переносице лоснилась. Уздечка натянулась, разрывая углы лошадиного рта, и конскую морду сменило человеческое лицо. Всадник склонился над болотницей. Айша увидела голубые пустые глаза, две глубокие морщины, протянувшиеся от крыльев носа к углам рта, светлые волосы.

– Выжил-таки... – прошептала она.

Коракша нахмурился, протянул руку. Сопротивляться у Айши не было ни сил, ни желания. Она больше не могла ненавидеть убийцу Бьерна, она готовилась к переходу за край людского мира. Пальцы друида сомкнулись на вороте ее рубашки, подтащили болотницу к краю телеги.

– Оставь ее, сучий потрох! – где-то рядом возмутился Харек.

Друид мотнул головой в его сторону, послышался тупой звук удара. Харек смолк. Взгляд друида ползал по лицу Айши липкой мухой, выискивал в ней остатки желаний. Не найдя, Коракша оттолкнул пленницу. Болотница упала, ударилась о дно телеги. Связанные за спиной руки не почувствовали боли.

– Она будто дохлая, – сказал молодой голос. – Долго не проживет. Зачем она тебе, Коракша?

– Не мне, – возразил друид. – Духам.

– Но Сатин уже повез им в дар других пленников!

– Ведьма и воин-зверь – это ли не лучшие подарки для пожирателей тел?

– Она не доедет. Ты ведь знаешь, если ведьма зовет смерть, та всегда приходит, – с сомнением произнес молодой. Его речь текла мимо Айши, словно журчание ручья – без смысла, без связности. Просто слова, просто капли...

Теперь болотница лежала на боку, перед ней раскачивалась застрявшая в трещине тележного днища соломина. От дыхания Айши она колыхалась, кивала сломанным концом, будто поддакивая.

– Ты прав, Ратимор, но эта ведьма слишком молода. Смерть придет к ней не сразу, она проживет еще несколько дней. – Друид закашлялся, причмокнул, вытирая губы. – Но все же пришли к ней Шулигу, пусть приглядит.

Опять плеть влажно всхлипнула, опускаясь на конский бок...

– Пошел, пошел! – закричал возница.

Телега стронулась с места, затряслась. Соломинка перед Айшей заплясала, извиваясь ломким станом.

Айша закрыла глаза.

Время тянулось медленно, словно нить ленивой прядильщицы. Наматывало дни на сухое веретено ночей, одурманивая своей одинаковостью. Айша не знала, когда поднималось или заходило солнце, не чувствовала ни дождя, ни ветра. Голоса нежитей, что частенько врывались в ее дрему, сменялись голосами варгов, и наоборот.

Иногда Айшу поднимали, вытаскивали из телеги, куда-то волокли. Кто-то надавливал ей на живот, заставляя облегчить нутро, а затем вновь впихивал ее обратно, в телегу.

В один из дней ей развязали руки, и настойчивый голос Харека принялся вытягивать ее из серой пустоты, призывая ослабить веревки на его запястьях. Просьбы улетали вслед за временем, не затрагивая Айши.

Несколько раз ее зубы разжимали лезвием ножа, и тогда в ее горло втекало нечто сладкое и теплое. Однажды появился Коракша. Склонился, удивленно уставился в глаза болотнице, зашевелил губами.

Она не услышала слов и поняла, что смерть уже совсем близко. Той же ночью в ее уже ставшее привычным безвременье вполз голос Харека.

– Айша! – звал он. – Айша!

– Тише, – перебил его другой голос, женский. – Она умирает... Идем.

– Я не оставлю ее.

– Тогда оставишь меня...

Голоса сплетались в странном споре, тонули где-то между сном и явью. Потом Айшу подбросило куда-то вверх, затрясло. Она слышала громкое сопение, шум шагов, хруст ломающихся веток. Что-то тонкое и гибкое било ее по щекам, ее руки бессильно болтались, шлепая по чьей-то спине, перед ее глазами мелькали ноги Харека, покрытая свежей зеленью земля, черные кочки. Потом землю сменила хвоя и спины древесных корней...

Харек бежал долго. Когда стало чуть светлее, он остановился, сбросил Айшу на мягкий хвойный настил, сам рухнул рядом. Он тяжело дышал, и каждый его вздох сопровождался сипением. Сквозь его дыхание Айше послышался шум реки.

– Вода, – хрипло сказал Харек, поднялся и шатаясь побрел к реке. Его темная большая фигура исчезла меж древесных стволов. А над Айшей появилось круглое женское лицо – белое, с пухлыми щеками и маленьким ртом.

– Сучка! – прошипела женщина, всем телом наваливаясь на грудь болотнице. – Ты ведь слышишь меня, правда?

Айша молчала.

– Слышишь... – Женщина покусала нижнюю губу, ее узкие глаза сверкнули злобой. – Сдохнуть хочешь, так подымай! Нечего за собой других тянуть! Ишь, страдальца хренова...

Над головой женщины испуганно пискнула какая-то нечаянно проснувшаяся до свету птаха.

– Что пялишься? Иль не понимаешь? – Женщина протянула руки к лицу Айши, пальцами одной руки сдавила ей ноздри, другой плотно закрыла рот. – Не можешь сдохнуть сама, так я тебе помогу. Лучше – ты, чем Харек. Пока ты жива, он тебя не бросит... Знает, что с таким грузом далеко не уйдет, а не бросит... Ну, да я ему пособлю... И тебе заодно...

Она бормотала, продолжая зажимать рот и нос Айши. Дыхание болотницы замерло, грудь стало жечь, словно внутри нее кто-то запалил костер.

Айша не хотела жить, но ее тело принялось извиваться, пытаясь вылезти из-под чужой тяжести. Слабые руки потянулись к перекрывшей дыхание преграде.

– Ах ты, дрянь! – Почувствовав ее движение, пухлая женщина подогнула колени, переползла через болотницу, ногами прижала ее руки к бокам. – Нет уж. Хотела помереть, так помирай, нечего дрыгаться...

Жар из груди перетек в живот, добрался до бедер, стиснул их судорогой. В горле завертелся невидимый еж, выставил иглы. Айша уже не могла совладать с собственным телом – оно корчилось, как придавленный дождевой червяк. Лишенные движения руки бились о землю, царапали корни деревьев скрюченными пальцами. Ноги елозили по хвое, сгребали ее в неряшливые кучки. Голова моталась из стороны в сторону, норовя сбросить чужие ладони. Женщина над Айшей пыхтела, ее лицо налилось кровью. В какой-то миг ее пальцы соскользнули с Айшиного рта, болотница отчаянно глотнула воздух, выгнулась дугой, харкнула в пухлую бабью рожу. Та на миг отпустила пленницу. Царапая бока о землю, Айша перевернулась на живот, попыталась вырваться. Противница вцепилась ей в волосы, потянула назад. Затылок прострелило резкой болью, в глазах зарябило. Согнув ноги в коленях, Айша пятками ударила по рыхлой бабьей заднице. Угодила чуть выше – в поясницу. Женщина охнула и повалилась на бок.

– Вот гадина... – задыхаясь, прошептала она.

Силы у Айши кончились. Она лежала на спине хватала ртом чистый лесной воздух.

Освободившееся от тяжести тело наслаждалось свободой...

Женщина рядом с болотницей завозилась, села, опираясь рукой о землю. Другой рукой затолкала под темный платок выбившиеся светлые пряди, покосилась на Айшу:

– Теперь все сдохнем. Ты ведь сама-то не пойдешь, опять начнешь придуриваться: "Ох, у меня мужика убили..." Будто раньше не знала, что мужики на то и мужики, чтоб помирать на войне. Они сами эти войны придумывают, сами на них и мрут, словно мухи. А бабам из-за них на тот свет отправляться не дело. Я вот троих схоронила – и ничего, живу. А нынче улыбнулась судьба, так Харека встретила... Четвертого...

После платка настал черед рубашки. В борьбе она смялась, тесьма на воротах оторвалась, повисла свившимся хвостом. Женщина потерла ее между пальцев, поразмышляв, дернула от себя. Тесьма с треском оторвалась. Женщина заботливо засунула ее под пояс, назидательно сообщила:

– В хозяйстве все сгодится.

Отвернувшись от болотницы, она принялась отряхивать юбку.

Айша лежала, смотрела на ее согнутую спину, на ветви деревьев, кажущиеся совсем черными в предрассветных сумерках, вдыхала запах леса и прелой хвои. Она так давно ничего не видела и не чувствовала, что все казалось новым, непонятым.

– Ну, вот и все, – женщина довольно оглядела свою одежду.

– Ты кто? – Айша слишком долго не разговаривала, голос был чужим, квакающим.

– Вот так приехали! – возмутилась ее недавняя противница. – Будто не я все эти дни тебя поила, кормила, в отхожее место водила! Шулига я. Шулига!

"Но все же пришли к ней Шулигу. Пусть приглядит!" – подсказала память. И вдруг время, обезумев, рвануло назад, завертело перед глазами Айши прошедшие дни, отсчитывая с самых близких: нелепая бабья возня в рассветном лесу; бегущий с ней на плечах Харека; обоз варгов; телега; светловолосый друид с собственным кинжалом в боку; она сама, идущая сквозь битву, будто настоящая Белая Девка; холодные щеки Бьерна под ее ладонями...

– Бьерн... – прошептала болотница. Закрыла лицо ладонями, всхлипнула. – Бьерн!

Ее затрясло, мелко, словно в лихорадке. Изнутри наплыла невыносимая горечь, стянула обручем горло, резью ударила по глазам. Веки набрякли, став невероятно тяжелыми, слезная пелена застелила взгляд.

– Бьерн, – повторила Айша. Оторвала ладони от щек, подняла лицо к той, что недавно пыталась ее убить, зацепилась взглядом за ямочки на пухлых женских щеках. – Он... Он...

– Да ты скажи... – Шулига пододвинулась к болотнице, прикоснулась мягкими пальцами к ее волосам, провела ласково, будто утешая. – Скажи, не тушуйся... Все легче будет...

– Он...

Хвати отступила, оставляя в Айше обычную человеческую боль. Не договорив, Айша рухнула лицом в теплые бабьи коленки и заплакала...

Боль и нежелание жить ушли со слезами. Остаток ночи Айша проспала, прижимаясь к пухлому боку Шулиги, а утром, с первыми зачатками света, беглецы двинулись в путь. Первой шла Шулига – она хорошо знала здешние места, хоть по рождению была ободриткой, а не варгой. Ее отец, один из ободритских кнезов по имени Ист, выдал ее замуж за воина-варга, когда Шулиге не исполнилось и двенадцати лет. Муж-воин умер в первый же год ее замужества. Оставшись вдовой, Шулига присмотрела себе нового жениха – одного из озерных варгов.

– Он был высоким и красивым, – топая впереди Айши и отгоняя сломанной веткой весеннюю мошку, рассказывала Шулига. – Но главное – он был богатым. Имел свой дом, двух жен, лошадей и скотину в усадьбе...

Она вела путников через лес, без тропы, поэтому то и дело останавливалась, перебираясь через кочку или ствол поваленного дерева. Рассматривала кору на деревьях, терла ее пальцем, принюхивалась к ветру. Айша знала все эти способы нахождения пути, но после долгой, похожей на болезнь тоски она едва передвигала ноги. Внутри Айши было

пусто и холодно. В голове вертелось предсказание Финна. Все, что предрекал старик, сбывалось – и буря, и капище четырехликого бога, откуда начала свой путь тьма, и множество смертей... "Тьма поглотит живых, чтоб испытать ту, которая стала жить. Хвати не умеют жить, она пойдет на зов..." говорил Финн. Он был прав, жить без Бьерна Айша не могла, не умела. Шулига заставила ее. Какая сила привела ободритку на Айшин путь? "Выбор..." – предупреждал Финн. В появлении Шулиги был какой-то тайный смысл, знак. Ничто на свете не случайно. Но какой? Айша не знала...

Шагающий позади Харек натыкался на нее, недовольно сопел. Хареку сильно досталось в той битве в Гаммабурге, и если бы не Шулига, вряд ли бы Волк остался в живых. Ободритка выходила его, подняла на ноги и помогла бежать из плена. После случившегося Айшу не удивляла привязанность Харека к пухлой, коренастой и неприметной бабе, но что могла домашняя на вид ободритка найти в желтоглазом берсерке, оставалось загадкой.

Лес сгустился, стали попадаться редкие березы, потянулись вниз с пологого склона. Размякшая почва, покрытая жухлой прошлогодней травой, перегнившей за зиму, скользила под ногами. Спускаясь, Шулига хваталась за низкие кусты, с придыханием продолжала:

– Когда озерный женился на мне, пришлось избавиться от двух прежних его жен...

– Ты их убила? – Айша вспомнила цепкие пальцы ободритки на своем лице, но не ощутила ни злости, ни обиды. Знак судьбы, вот чем была Шулига... Не человек – знак...

– А что мне оставалось? – не оборачиваясь, Шулига пожала плечами. – Зачем мне муж, который делит добычу и ласки на трех жен?

Она поскользнулась, плюхнулась задом на землю, ругнулась, требовательно протянула руку:

– Помоги.

Айша помогла ей встать на ноги.

Для своей полноты Шулига была удивительно легкой. Встав на ноги, она приподняла юбку, выпростала из-под подола маленькую стопу в кожаном сапоге, попыталась покрутить ею, сморщилась от боли.

– Передохнем? – предложила Айша. Она очень устала, во рту стояла сухая горечь. Мысль о смерти Бьерна понемногу срасталась с ней, как срастается с деревом круглый гриб чага, становилась ее частью и уже не высасывала из нее жизнь. Да этой жизни уже и не было, только пустота...

– Спятила? – Шулига наступила на больную ногу, скривилась, однако двинулась вперед. – Варги наверняка ищут нас. Они хорошо читают следы, поэтому до заката нам надо прийти на земли духов...

– Куда? – еще в обозе Айша слышал о какой-то деревне духов, куда их везли варги.

– На земли духов, – терпеливо повторила Шулига. – Туда варги не сунутся. Они привозят пленников к оврагу, откуда начинается деревня духов, сталкивают вниз и убегает. Шибко боятся...

– Боятся чего?

– Ты же ведьма, сама должна знать.

Шулига покряхтывала от боли, но уверенно шла вниз по склону.

Прошлогоднюю траву сменил мох, редкие березы и осинки сгустились, запахло болотом. Айша потянула носом знакомый с детства запах. Подумалось о родном Приболотье, о Затони с ее могучими старыми осинами и сырыми кочками. Там дед Батаман учил Айшу языку кромки, тайным знакам и наговорам, песням трав и деревьев. Многих кромешников Айша видела своими глазами, например старую Букарицу, что пряла пряжу в их подвале, хотя дед называл ее обычной служанкой, или толстую Жмару, что заходила однажды на огонек, или Блазня, который явился ночью в грозу и долго о чем-то шептался с дедом в углу за очагом...

– Ты называешь духами тех, что живут за кромкой – поинтересовалась болотница у Шулиги.

– А почему мне знать, за кромкой они живут или нет, – откликнулась та. – Это вам,

колдуньям, положено знать, кто да что...

Айша споткнулась о вылезший из-под мха корень, чуть не упала. Харек подхватил ее сзади под локоть. Обернувшись, болотница взглянула в желтые глаза берсерка, попыталась благодарно улыбнуться. Улыбка не получилась. Харек потрепал ее по плечу:

– Надо идти.

– Недалеко уже, – поддакнула Шулига. Вытянула вперед руку, указательным пальцем ткнула за лошину, на поднимающийся вверх поросший сухими кривыми деревьями склон. – Как через овраг переберемся, так и начнутся их земли...

Какое-то время путники молчали, почти на четвереньках сползая по ставшему крутым спуску. Мох влажно чавкал под пальцами, ноги и низ одежды намокли. Из оврага тянуло гнилью. Этот запах уже не походил на запах родной болотистой Затони...

Айша поморщилась, догнала прихрамывающую Шулигу:

– Ты уже бывала здесь?

– Да. С друидами. А до того – третий муж приводил. Два раза.

– Зачем?

– Хотел ребеночка. В тот год варги отдали духам много пленников, думали, что духи станут добры к ним. Вот некоторые и шли к оврагу...

– Сюда?

– Почему – "сюда"? Просто к оврагу. Варги строят свои жилища у озера, на берегу, а чуть дальше от берега есть несколько оврагов, таких как этот. Они похожи на огромные круги. Внутри этих кругов и стоят деревни духов.

– Ведьмины круги, – вслух подумала Айша.

– Может, и так, – кивнула ободритка, оглянулась на Харека. В карих глазах Шулиги вспыхнул теплый лучик, на миг осветил усталое бабье лицо и исчез. – Только проку с этих кругов никому не было. Духи не дали мне ребенка, зато отобрали последнего мужа.

– Он умер? – Айша не понимала, кого ободритка столь упорно именует духами. Никто из известных ей кремешников не мог жить в ведьминых кругах и уж тем более – целыми деревнями. Даже домовые и дворовые нежити, обычно живущие тесно, словно родичи при одном дворе, не называли свои дома деревнями. К тому же обижать людей не входило в их привычки. Разве что в конце рюена мог пошуметь Волосатка, или в середине березозола бесился, сбрасывая старую шкуру, Дворовик ⁵⁹...

– Духи съели его. Как и двух первых, – равнодушно сказала Шулига.

Спуск наконец закончился, приведя путников в сырую и вонючую полутьму оврага. Дневной свет не добирался до гнилой овражной хляби, ноги Айши почти по щиколотку утопали в грязной жиже.

– Съели?

Вопроса болотницы Шулига не услышала, замерла, будто выученная на дичь псина, подняла вверх маленькую ладонь, призывая к молчанию. Айша затаила дыхание. Вокруг стояла тишина.

– Здесь живут мертвые духи, – склоняясь к Айше, прошелестела ей на ухо Шулига. – Они никого не едят, но могут убить...

Словно откликаясь на ее шепот, в темных кустах лошины что-то затрещало. Треск был далеким, глухим, но весьма отчетливым. "Выбор..." – пробормотал над ухом голос Финна.

– Нет... – Невольно рука Айши отыскивала руку ободритки, стиснула. Пальцы Шулиги дрожали.

Треск стал приближаться, в темноте оврага слышалось тяжелое дыхание, словно некто страшный, огромный и тяжелый выбирался из непроглядной тьмы нежитей.

Айша попятилась.

⁵⁹ Согласно поверьям древних славян, Волосатка (дух овина) был особенно активен в октябре (рюене). А Дворовой дух бесился, сбрасывая старую шкуру, 12 апреля, то есть в середине березозола

– Это они! Учуйли! – взвизгнула Шулига. Рванула руку болотницы, увлекая ее за собой. – Бежим!

Айша побежала. Перед ней мелькала спина Шулиги, подскакивала вверх-вниз выбившаяся из-под платка толстая короткая коса. По лицу болотницы хлестали ветки, одежда цеплялась за кусты. Кочки, как лягухи в дождь, прыгали под ноги, подставляясь скользкими спинами. На одной, не удержавшись, Айша взмахнула руками, грохнулась лицом вниз, задохнулась, больно ударившись грудью. Над ней зашуршали быстрые шаги. Тяжело дыша, склонилась Шулига, затрясла, принуждая подняться:

– Бежим, бежим...

Айша попыталась, оперлась на руки, приподняла голову и плечи...

Перед ней простирался склон, ведущий к землям духов. Ровный, покатый, всего в два десятка шагов. По его краю белел вымерзшими за зиму стеблями густой малинник. Светлый, почти прозрачный в сером, текущем сверху свете... Сухие стебли с хрустом расступились, высвободили из прозрачной белизны клыкастую морду с маленькими злыми глазками на косматом лбу.

Пальцы Шулиги отпустили княжну. Оглушительный визг ободритки разнесся по лесу, коснулся круглых ушей зверя. Могучая голова шевельнулась, малинник затрещал, высвобождая громадное, похожее на клочкастый валун, тело.

– Тьма... – шепнула Айша.

Она не могла пошевелиться, лишь наблюдала, как медленно, мотая лобастой башкой, тьма в обличье медведя выбирается на поляну. Зверь опустил морду совсем низко к земле, свалившаяся шкура на его плечах перекатывалась буграми. Тяжелые лапы вминались в землю, разрывая ее похожими на крюки когтями. С обвисшей на пузе шкуры капала грязь.

Круглые глаза медведя отыскивали болотницу. На миг Айша столкнулась с ним взглядом. В звериных зрачках не было ненависти или злобы – одна мертвая пустота. Он не жаждал добычи и не желал человеческой крови, по следам которой вышел из своей крошечной мглы, он просто выполнял свое предназначение.

Айша поднялась на четвереньки, вытянула к медведю сложенные в замок ладони, затем быстро расцепила пальцы, растопырила их, развела руки в стороны, словно подставляя зверю грудь.

– Уходи, – приказала она. – Если так надо – возьми меня и уходи!

Медведь раскрыл пасть и заурчал. От него мерзко воняло, особенно из пасти. Клыки были большими и желтыми, с черными налетами у десен. С шершавого даже на вид языка капала пена...

Впервые нежить не слушался древнего языка кромки.

– Уходи! – повторила Айша.

Клацая когтями, медведь вразвалочку пошел на болотницу.

Шулига перестала визжать.

Зверь ускорил шаги. Ему оставалось до Айши несколько локтей, не больше. Сокращая путь, он подобрался, готовясь к прыжку. Черные глаза блеснули в солнечном свете. Что-то тонко свистнуло, из малинника позади зверя вылетел короткий метательный топор. Раскрутился в воздухе, впился лезвием в шкуру на холке. Медведь взревел, встряхнулся, разворачиваясь к новому врагу. Топор выскользнул из неглубокой раны. Одним ударом мохнатая лапа вдавила его в землю.

– Давай, иди сюда, – выступив из малинника, Харек встал перед медведем. Его руки были пусты, единственное оружие лишь царапнуло зверюгу. Однако желтоглазый не собирався отступать.

Медведь зарычал. Харек оскалился и тоже зарычал.

Медведь шагнул к урманину. Харек тоже сделал шаг ему навстречу.

Подобного зверь не ожидал. Остановился, засопел, принюхиваясь, а затем, неожиданно сорвавшись с места, косыми прыжками пошел на врага. Харек расхохотался, присел, развел руки, готовясь к последней битве...

– Все, хватит! – вдруг зазвенело над головой Айши.

Кричала Шулига. Забыв о страхе и подвернутой ноге, она перескочила через стоящую на коленях болотницу и очутилась прямо позади взбешенного зверя, – низенькая, коренастая, похожая на древесный обрубок, обряженный в женскую одежду. В обеих руках Шулига стискивала увесистую корягу. Ободритка держала корягу наперевес, растопыренными сучьями вверх.

– Тебе что сказано, тварь?! – догнав зверя, заорала она. Взмахнула корягой, огрела медведя по рыхлому заду. – Пошел прочь! Прочь!

Медведь оглянулся. Размахнувшись еще раз, Кулига саданула корягой по большой звериной морде, рассекла острым сучком губу зверя, с нее закапала кровь.

– Так тебе! – дурным голосом сообщила медведю Шулига и, ловко перехватив корягу, другим концом ткнула зверя прямо в нос.

Медведь тонко и жалобно взвизгнул, мазнул по носу передней лапой, осел на задние.

– Ишь, удумал, мужика моего хватать! Прочь, рожа ненасытная!

Коряга вновь взметнулась вверх и опять опустилась на влажный черный нос. Зверь заскулил, попятился.

Пользуясь растерянностью медведя, Харек подхватил с земли топор. Метать оружие Волку не понадобилось, – заметив рядом с разошедшейся бабой нового противника, зверь резко развернулся и, поджав короткий хвост, длинными прыжками помчался прочь. Вломившись в спасительные заросли малинника, он совсем по-собачьи обиженно тявкнул...

Навсякий случай Харек сделал несколько шагов за ним, радостно вопя и потрясая топором. Шулига отбросила корягу прочь, отряхнула ладошки, повернулась к Айше. Лицо ободритки было красным, платок сполз с ее головы, в гладко забранных в косу русых волосах застряла ссыпавшаяся с коряги труха. Несколько волосков прилипли к потному лбу бабы, на щеке виднелась темная полоска грязи. Закатанные до локтей рукава широкой рубахи открывали пухлые розовые предплечья. "Будто стирать собралась, – мелькнуло у Айши в голове. – Иль корову на выпас..."

– Вот тварь упрямая! Гонишь его, гонишь, а он будто глухой! – подойдя к болотнице, раздосадованно сказала Шулига. У нее тряслись руки и губы, голос срывался на писк, плечи нервно подергивались, словно под одеждой ползала мокрица. Краска медленно сползала с шеи и щек ободритки, оставляя на них некрасивые красно-белые пятна.

Сзади к ней подошел Харек. Сунул топор за пояс, положил руку на округлое бабье плечо, ласково стиснул. Шулига быстро обернулась, сглотнула, стиснула пальцы в кулаки, стараясь унять дрожь. Снизу вверх посмотрела на урманина. Голос ободритки зазвучал мягче, стал по-бабьи заботливым:

– Ты-то как? Целый?

Берсерк улыбнулся. Шулига потянулась к нему, подняла руку, провела кончиками пальцев по щеке:

– Ты не бойся, я тебя всяким тварям не отдам. Пусть и не мечтают...

Невольно Айша хмыкнула и тотчас умолкла под грозным взглядом Харека.

Большой ладонью Волк поймал пухлую руку Шулиги, прижал к своей щеке.

– Я знаю, – сказал он. – Знаю...

Прежде чем двинуться дальше, они решили передохнуть. Харек выбрал ровное местечко у сухой ольхи, сел, положил на колени топор. Привалившись затылком к стволу, закрыл глаза. Шулига пристроилась у него под боком. Согнула ноги, задрала подол юбки, принялась стаскивать правый сапог.

– Помочь? – глядя на ее сморщенное от боли лицо, спросила Айша.

Шулига отрицательно помотала головой. Охнув, рывком сдернула обувь, размотала тряпицу, погладила пальцами синюю отекающую лодыжку:

– Подвернула, чтоб ее... Поморанки бы приложить... или капусты...

Ободритка знала толк в травах: поморанка могла за полдня унять боль, а капустный лист, оставленный на ночь, хорошо снимал отек. Однако под рукой ни того, ни другого не

было.

Айша присела на корточки, предложила:

– Хочешь – заговорю?

– Ты-то? – усмехнулась Шулига. Покачала головой, начала вновь обматывать ногу тряпицей. – Да что ты умеешь, ведьма хренова? Вон, даже медведя отогнать не смогла...

– Это был не простой медведь, – вспомнив холодный взгляд зверя, возразила Айша.

– Конечно, не простой. Разве простой на человека нападет? Всем охотникам ведомо: медведь – зверь тихий, трусоватый, на людей не налезает, от любого шума в лес бежит. А этот, как человечину учуял, вон как попер... Это оттого, что привык человечиною питаться. Видать, духи ему выбрасывают то, что сами не доели – кости, требуху, кишки всякие... Ну, будто собаке... – Шулига заткнула конец тряпицы за обмотку кряхтя, натянула сапог, хлопнула по нему ладонью. – Эх! А что до заговоров, так я в них не верю. На живом и без заговоров все заживет.

Она поерзала, удобнее устраиваясь возле Харека. Волк приоткрыл глаза, усмехнулся, облапил бабу за плечи, по-хозяйски привлек к себе. Круглое лицо ободритки расплылось от удовольствия, на пухлых щеках отчетливо проступили ямочки, глаза сузились, словно у сытой кошки. Как бы ненароком ее пальцы соскользнули на колени Волка, коснулись топора. Айша насторожилась, – берсерк никому не позволял прикасаться к своему оружию, и уж тем более – женщине. Однако он продолжал дремать, словно не заметил движения подруги.

– Зря ты так. – Айша скрестила ноги, подоткнув края юбки под зад, уселась напротив Шулиги. – Заговоры и заломы – великая сила.

– Как скажешь, – лениво согласилась та. Близость Харека смягчила ее. – Только медведь деру дал не от твоих заговоров, а от обычной коряги. Еще повезло, что старый он слишком, а дел с живыми людьми не имел. Мертвых-то, видать, жрал, так ведь они и не дрались. Вот он и опешил, бедолага, – не привык, чтоб еда с ним сражалась...

Ободритка хихикнула, ткнула Харека кулачком в бок:

– Слышь, Волк, а я ведь тоже испугалась. Давно уж так не пугалась...

Харек усмехнулся, не размыкая глаз.

Шулига замолчала, уставилась на свои руки, перебирающие складки на юбке.

Стало тихо. В тишине где-то далеко тяжело закликала зигзица, пошумел в ветвях деревьев усталый ветер, скользнул по лицу вечерней прохладой. Айша подумала о Хареке и Шулиге. О том, как они непохожи, и о том, что уже дважды Шулига не позволила ей стать добычей тьмы, что шла за ней по пятам. Затем – о Бьерне...

– Скоро стемнеет – сказала, чтоб не вспоминать.

– Это верно, – согласилась Шулига. В объятиях урманина ей было хорошо и тепло, она не слишком спешила продолжить путь. Однако, переборов усталость и негу, сняла со своего плеча тяжелую руку Волка, встряхнулась. – Надо идти.

Поднимаясь с земли, Айша впервые поинтересовалась:

– А куда мы идем?

Харек уже поджидал женщин в сторонке, потягивался, как большой лесной зверь. Топор торчал у него из-за пояса, в прорехе на боку виднелась нагноившаяся рана. Она не была глубокой, поэтому Харек не обращал на нее внимания. Почесал кожу рядом с краем раны, зевнул.

– Домой, – покосившись на него, ответила Шулига.

– Домой к кому? – не унималась Айша.

– Ко мне. – Ободритке надоели расспросы, на лбу появились недовольные морщинки, короткие светлые брови почти сошлись над переносицей. – К моему отцу, в мои родовые земли.

Словно почуяв ее раздражение, Харек бросил на нее быстрый взгляд. Оказалось достаточно, чтоб баба растаяла.

– Мне варги с их порядками вот уже где сидят, – сообщила она, проводя ребром ладони

по горлу. – Знаешь, как они меня называли?

Айша покачала головой.

– Избранная, – с горечью в голосе сказала Шулига. – Они считали, что если духи съели трех моих мужей, то я у них в особом почете. После того как духи забрали Байдака – моего последнего мужа – его родичи отвели меня к друидам. Те нарекли избранной, принялись повсюду таскать за собой, словно идола. Обычные люди от меня шарахались, будто от ахохи, бабы детей прятали... Надоело...

– Поэтому ты сбежала от них?

– Нет, из-за него, – не церемонясь, Шулига указала пальцем на Харека. – Чего мне одной-то бежать. Друиды меня и кормили, и поили, и любую блажь спускали. Я у Коракши просила Харека мне отдать, как подарок, да он уперся: "Отдам духам, и все тут!" А я что, дура, такого мужика отпускать?

– Но ведь он – берсерк.

– По тебе – берсерк, а по мне – мужик! – отрезала Шулига. – И вообще, кабы не он, тебя б с твоими расспросами тут вовсе не было. Помирала б в обозе у варгов, сохла по своему Бьерну...

Имя ярла в устах ободритки прозвучало грубо, как ругательство. У Айши защемило в груди.

– Не надо... – попросила она.

К ее удивлению, глуповатая на вид ободритка мгновенно поняла, в чем дело.

– Тогда и ты в мою жизнь не лезь, – сказала она. Не дожидаясь ответа Айши, направилась к берсерку, бросила через плечо:

– Пошли. Ночь тут сидеть нельзя – не варги, так звери сыщут. Двинем по темноте ближе к духам, там хоть варгов бояться не придется...

Идти пришлось совсем недолго – вскоре за деревьями, на самой вершине склона, показался редкий частокол. Он ничего не огораживал, казалось, кто-то просто ради шутки беспорядочно понатыкал среди леса толстые древесные колья. На некоторых что-то темнело. В закатном слабом свете Айша никак не могла разглядеть что.

К частоколу вели несколько тропок, змеями выющихся меж мшистых округлых холмиков. Ноздри зашекотал неприятный запах.

Айша подошла к одному из кольев поближе, запрокинула голову, пытаясь рассмотреть насаженный на его острие груз. Перед глазами заплескали надоедливые мошки. Болотница отмахнулась от них, приподнялась на цыпочки. Подошедшая к ней со спины ободритка подняла вверх палку, служившую ей посохом, спихнула груз с острия. Тот качнулся, накренился. На Айшу уставилась облезлая, наполовину обглоданная морда лесной рыси. На обнаженном до кости черепе уцелело несколько жалких клочков шерсти. Они сваялись липкими комьями, один свешивался на пустую глазницу. Нижняя челюсть с тонкими зубами торчала из раззявленной пасти зверя.

– Рысь, – определила Шулига. – Недавняя...

Потыкала палкой в мох, вытирая ее конец, затем указала на ближний кол:

– Там – волк, дальше – кабанчик, где-то рядом была тушка зайца...

– Охотничья приманка? – глядя, как Харек неторопливо обходит остальные колья и, подталкивая трупы животных обухом топора, сбрасывает их на землю, спросила Айша.

– Нет, это жертвы для духов. Их приносят варги, из тех, что посмелее, и решаются перейти через овраг. Рысь наверняка приволок кто-то из охотников. А кабанчика еще по зиме принес Ратимор – у него жена рожала, он боялся, что духи нападут на деревню и заберут младенца. Уж очень они охочи до молодого мяса... Вот он и прибежал к Коракше, просил, чтоб тот умаслил духов. Коракша приказал ему поймать кабанчика и принести в жертву на кольях. Ратимор три дня боялся, а потом сделал все, как велел Коракша. Духи не взяли кабанчика, но и на деревню не напали...

– Тут человек! – Харек остановился у дальнего кола.

Шулига подобрала юбку, неловко прихрамывая, поковыляла к нему. Ее посох глубоко

входил в землю, выковыривал из нее толстые куски мха. Айша поспешила следом.

Висящий на коле человек был обнажен и уже наполовину сгнил. Головы у него не было, вместо живота зияла глубокая, отвратительно воняющая дыра. Из дыры белесыми краями выпирали концы нижних ребер. Грудь превратилась в гниющее месиво. Одна нога, нелепо вывернутая, торчала в сторону, другая была обломана чуть выше колена. По ней и по тухлой слякоти под трупом ползали жирные белые черви. Айша зажала нос пальцами, отступила.

– Это Кули, – спокойно сообщила Шулига. – Ее привезли друиды. Она так кричала и извивалась, что им пришлось перерезать ей сухожилия на руках и ногах. Она была слишком старой, видишь, духи взяли только ее голову и совсем немного мяса...

– Ты знала ее?

– Конечно, знала. Я живу с варгами уже много лет, знаю почти всех на озере и близ него. Говорят, правда, что есть еще лесные варги, но их я не видела. Кули была больна и все равно бы умерла. Зачем было отдавать духам здоровых, если мы могли отдать Кули? Ладно, пошли отсюда...

Она направилась прочь от странного капища. Следуя за ней, Айша думала о нелепом обычае отдавать людей в дар нежитям и о том, что никогда еще в своей жизни ей не доводилось иметь дела с такими странными духами. Но что было хуже всего – она не слышала и не чувствовала их...

Запутавшись в собственных мыслях, болотница нагнала Шулигу, зашагала рядом:

– А почему ваши друиды не прогонят духов? Я видела Коракшу и чувствовала его силу. Неужели он не может оплести духов заговорами и заставить их убраться за кромку?

Шулига вздохнула, пожала плечами:

– Наверное, может. Но он никогда этого не сделает.

– Почему?

– Потому что духи дали ему вторую жизнь. После того как Бернхар повесил его на площади, шесть лет назад...

Деревья стали встречаться реже, мох из мягкого зеленого превратился в сухой серый, под ногами зашуршали ветки вереска. Наползающая на лес темнота скрадывала очертания кочек и кустов, превращая их в затаившихся, неизвестных Айше кромешников, воздух похолодал, наполнился тревожными вечерними всхлипами лесовиков. Айша прислушалась, однако разобрать их речи не смогла, – то ли лесовики были напуганы царящими в здешних местах духами, то ли просто еще не проснулись и мямлили спросонья нечто невнятное. За едва оперившимися древесными кронами тревожно закричал коршун. В черноте неба мелькнула его тень, описала круг и исчезла.

Харек остановился у небольшого, в человеческий рост холма, справа от которого выпирал бок поросшего мхом камня, а слева тянулись вверх две сросшиеся стволами ели. Пошуровал ногой по земле, отцепил от пояса два бурдюка с водой, бросил их на землю.

– Здесь, – коротко сказал он. Шулига с готовностью уселась на корточки, взяла один из бурдюков, развязала тесьму, припала губами к горлышку. Капли воды побежали по ее подбородку. Айша сглотнула, – лишь теперь она ощутила невыносимую сухость во рту. Напившись, Шулига протянула ей бурдюк. Вода была теплой и затхлой, однако Айша едва сумела оторваться от его горловины. Вытерла губы рукавом, все еще ощущая во рту привкус болотной тины, отдала бурдюк Хареку.

Волк пить не стал, поднес его к носу, понюхал, поморщился и, смочив рот одним глотком, ловко перетянул горловину. Отложив бурдюк в сторону, снял безрукавку, скатал в комок, улегся, сунул ее под голову. Шулига молча пристроилась рядом с ним. Что-то прошептала, касаясь губами его уха. Волк усмехнулся, приобнял ее за плечи...

Чувствуя себя лишней, Айша потопталась, отыскивая место для сна. Потом поставила бурдюки с водой ближе к камню и забралась в уголок, где холм срастался с валуном. Нагребла под голову старых веток и мха, свернулась калачиком. Она очень устала – все тело ныло, в ногах зудел осиный рой, жег кожу острыми жалами. Но голова оставалась ясной, и

спать не хотелось. Вспоминался то медведь с его неживым взглядом, то неведомая Кули, отданная в жертву духам... Айша думала о том, что пытается подсказать ей судьба, куда направить... Думала о Шулиге, о трех ее мужьях, о Хареке, об ушедших в монастырь Къятви и крепыше бонде... Она не желала думать лишь о предсказаниях Финна и о Бьерне. Первое обдавало холодом неминуемой беды, второе разрывало болью утраты.

Вертясь с боку на бок и протирая сырым мхом горящие щеки, болотница шепотом спела сама себе баюнную песню, потом поразмышляла о княжне, оставшейся в монастыре в Гаммабурге... Сон не шел.

Отчаявшись, болотница села, обняла руками колени, уставилась в ночную темноту леса. Там, за едва заметными тенями древесных стволов, шуршали неприметные глазу зверьки, шелестели чьи-то крылья, потрескивали под неосторожными лапами палые ветки. Удивительно, но привычные для болотницы голоса лесных нежитей молчали. Лишь изредка, словно пугаясь собственной смелости, жалобно всхлипывал одинокий женский голосок – то ли лешахи, то ли лесной девки, то ли обмени... Айша попыталась заговорить с ней, но, услышав заклинание, крошеница стихла и больше не бормотала. Зато зашевелился, застонал во сне Харек. Повернулся на бок, спиной к ободритке. Не просыпаясь, та прильнула к нему сзади, обхватила рукой за пояс. Другую руку сунула себе под щеку. Нечесанные волосы берсерка спутались с ее светлыми в ночной тьме волосами, переплелись. Когда-то Айша так же засыпала рядом с Бьерном... Обнимала его, чувствовала под ладонями жар его сильного тела, вдыхала его запах и не ведала, как была счастлива. Обижалась, что ярл не говорит ей ласковых слов, что не холит, как княжну, что не хочет назвать женой... Нынче не обижалась бы, сама отдала бы княжне, лишь бы был жив...

Изнутри полезла непрошенная боль. Айша закусила губу, растерла ладонями глаза, упрямо помотала головой.

– Хоть бы кто из вас пришел, поговорил... – обращаясь к лесным нежитям, прошептала она. – Тоже мне, родичи...

Уронила голову в колени.

– Не зови... Здесь всем больно... – тихо прошелестел из лесной глуши испуганный женский голосок.

Айша подняла голову, всмотрелась. Меж тенями деревьев маячило что-то белесое, похожее на полоску тумана.

– Пастенка ⁶⁰? – узнала Айша.

– Не смотри, – прошептал голос. – Я некрасивая...

Болотница послушно потупилась, принялась разглядывать собственные колени.

– Ты кто? – поинтересовалась пастенка.

– Человек.

– Нет, ты не человек! – Пастенка щелкнула веткой, прошуршала коготками по коре ели, уселась в ветвях над головой болотницы. – Ты – Белая. Это – твой путь. Без времени, без памяти, без боли...

– Я была человеком. Я жила, как человек.

– Ты хотела быть человеком, но не была, хотела жить, но не жила. Люди живут потому, что им дана жизнь, каждому своя. А ты жила чужой жизнью, – объяснила пастенка. – Ты – дитя Морены, этого не изменить...

Она не находила себе места – шелестела, перебираясь по ветвям то выше, то ниже:

– Ты плакала из-за мужчины? Из-за того, ради которого хотела стать человеком?

– Да.

– Глупая, – пискнула пастенка. – Мужчин много.

Соскользнула на верхушку валуна, прошуршала во мху, подбираясь поближе,

⁶⁰ То же самое, что пастень. Считалось, что иногда пастени могут общаться с людьми, приносить им разные вести.

заговорщицки шепнула:

– Уходи отсюда. Иначе нелюди придут и заберут тебя.

Пастенка боялась, ее голосок таял, подрагивал.

– Нежити, – поправила ее Айша.

– Нет. Нелюди, – повторила пастенка. Влажной прядью коснулась Айшиной шеи сзади, прильнула к уху, пояснила: – Люди, которые едят других людей. Они живут здесь. Люди думают, что они из нашего рода, что они нежити, а они просто нелюди...

– Это их здесь называют духами?

– Их. Уходи.

"Люди станут есть других людей", – вспомнила Айша предсказание Финна.

– Я не могу. – Она кивнула на спящих спутников.

– Фи... – презрительно фыркнула пастенка. Отпрянула от болотницы, вскарабкалась по камню вверх, перескочила на нижнюю ветку ели, запрыгала к вершине, стряхивая вниз сухую хвою.

– Оставь людей, – откуда-то издали донесся ее тонкий голос. – Ты – не они, ты можешь вернуться к своему роду, забыть обо всем. На кромке ты станешь сильнее, чем была прежде. Все забудешь...

– Я стану навьей?

– Может быть.

– А если я не хочу?

– Почему? Люди, звери, птицы и даже те, кто без имени, будут бояться и почитать тебя.

– У всех есть имена.

– Нет. У нелюдей – нет. Они ведь не люди, не нежити, не мертвецы. Они те, кто без имени. Ты вернешься?

Айша помолчала, шепнула:

– Не знаю...

– Глупая! – Пастенка засмеялась, оборвав смех, быстрой белкой метнулась на соседнее дерево, исчезла в ветвях. – Если не хочешь возвращаться, то учись жить. Не ради мужчины – ради жизни. Как человек. Тогда будет легче.

– Как?

Ответом была тишина.

– Слышишь? Как мне научиться?! – еще раз, чуть громче спросила Айша.

На ее плечо легла чужая рука. Сильные пальцы сдавили ключицу. Болотница оглянулась, уткнулась взглядом в заспанные глаза берсерка. Одной ладонью он стискивал ее плечо, другой опирался о землю.

– Тише, – сердито прошипел он. – Не шуми.

На его горле виднелась полоса шрама. Когда-то его оставил нож Айши... В те дни Волк ходил в походы не с Бьерном, а с Белоголовым Ормом. Вроде все это было совсем недавно, а кажется – так давно... "Все забудешь", – говорила пастенка...

– Ты вспоминаешь Белоголового, Волк? – спросила болотница.

Берсерк прищурился, отпустил ее плечо, потер пальцами смятую щеку:

– Нет.

– А Бьерна?

– Нет.

– Почему?

– Их здесь нет, – неохотно объяснил Харек. – Меня нет там. Зачем вспоминать?

– Говорят, что люди живут до тех пор, пока о них помнят, – сказала Айша.

– Люди живут до тех пор, пока они живут, – возразил Волк. Потянулся, зевнул, стараясь не потревожить спящую ободритку, улегся подле нее. Закрывая глаза, посоветовал:

– Спи. Поутру – долгий путь.

Айша легла на спину, сложила руки ладонями под затылок. Над ней нависло усеянное дырками звезд и исчерченное черными ветвями небо.

– Я была бы готова вернуться, пастенка... – тихо прошептала Айша. – Но я все помню...

5. Гаммабург

Ее звали Марго. Она была маленькой, худенькой и веселой, как весенняя птица. У нее были прямые светлые волосы – от отца, и голубые глаза – от матери. У двух ее сестер – Марии и Элисы – волосы были густые, темные и вьющиеся. Марго завидовала им: такие волосы легко укладывались в высокие прически, которые сестры делали для выхода на рыночную площадь или когда шли в гости к Гейнцам. Гейнцы тоже были сервами⁶¹, как семья Марго, но с позволения господина графа они держали лавку с тканями, а Ирма, старшая дочь Гейнца, однажды даже сшила рубашку для короля Людовика. Не нынешнего, конечно, Людовика, а старого короля, его отца. В Гаммабурге поговаривали, будто старый король и умер в этой рубашке, однако никто не знал, правда это или нет, а отец строго-настрого запрещал Марго болтать языком и распускать сплетни. Он так и говорил: "Перестань болтать языком и распускать сплетни!" Марго было всего семь лет, однако она уже знала, что словом "сплетни" называют всякие неправдивые рассказы, которые могут обидеть или оскорбить кого-нибудь из знакомых. Она не очень понимала, чем оскорбит семейство Гейнцев, если станет рассказывать своей лучшей подруге Агни про рубашку короля, но рука у отца была тяжелая, нрав – того тяжелее, поэтому Марго предпочитала помалкивать. Тем более что в последние дни крепость бурлила от шепотков и слухов без всякого участия Марго. Все говорили о битве, о сбежавших урманах, о друидах, об их вожаке – бессмертным Коракше, которого несколько лет назад Бернхар повесил на площади... Бой закончился два дня назад, урманы и варги ушли, но мать по-прежнему запрещала Марго выходить из крепости. Мать работала у графа на кухне, на работе ей позволяли оставлять младшую дочь при себе. В солнечное утро третьего после битвы дня она вновь поймала Марго у крепостной стены. Втащила обратно в крепость, проволокла длинными коридорами в кухонный зал.

– Пока воины графа не проверят как следует пристань и город, сиди здесь! – оставляя Марго меж винными бочонками, капустными кочанами и широкими столами, от которых пахло дохлыми курами, приказала мать.

– Но... – попыталась возмутиться Марго.

– Никаких "но"! – Мать вытерла руки о грязный передник, шлепнула ладонью по затылку дочери. – Сиди!

Она ушла. Какое-то время Марго честно сидела на лавке перед столом и разглаживала пальцами его истертую до блеска крышку. По коридору мимо подвала топали чьи-то ноги, доносились голоса. Дважды в подвал заходили люди. Один раз заглянул вечно недовольный пузатый дядька Лейб, потом три парня из города приволокли телячью тушку. Швырнули ее на стол. Телячьи копыта свешивались со стола; большие, подернутые пеленой смерти глаза теленка печально взирали на девочку. Самый грязный из парней, покосившись на Марго, усмехнулся:

– Что, жалко?

Марго кивнула.

– А ты не жалеешь. – Парень вытер перепачканные кровью руки о штаны. – Нынче у нас праздник, потому телка и забили.

Что за праздник, он не сказал, и глаза теленка от его слов не стали менее печальными.

Парни ушли, оставив Марго наедине с телком. Долго сидеть на одном месте она не могла. Поднявшись, Марго обошла стол, встала у телячьей тушки. Погладила ладошкой мохнатый лоб теленка, многозначительно повторила:

⁶¹ Сервы – зависимые, крепостные крестьяне.

– А ты не жалеешь. Ты – для праздника...

Теленок не ответил. Потыкав его пальцем в раздувшийся живот, Марго попинала носком сапога зеленый капустный кочан, стараясь продолбить в нем дырку, потом попрыгала по выложенному плитами полу, надеясь, что стук деревянных сапог привлечет хоть чье-нибудь внимание.

Не получилось.

Марго подошла к арке, ведущей в коридор, высунулась наружу. По коридору сновали люди, все больше знакомые – из графских слуг и рабов. Горожане, что два дня назад наводняли крепость, давно разошлись по домам – опасность ввязаться в битву миновала, но каждый беспокоился за свое добро, оставленное в городе. Отец Марго и обе ее сестры тоже ушли – надо ж было кому-то заниматься землей и скотиной.

Мимо девочки, шурша юбками, пробежала кухарка, розовощекая Арлета, оттолкнув девочку плечом, заглянула в кухонный зал, увидела тушу тельца, что-то довольно пробормотала.

– Арлета, – подергав ее за край юбки, позвала Марго.

Арлета бросила на девочку торопливый взгляд, пошлепала влажной ладонью по щеке:

– Погоди. Не до тебя, деточка... – и скрылась в темной тишине коридора.

Потоптавшись, Марго вернулась к тельцу. Заглянула ему в рот, поморщилась, увидев большие желтые зубы.

– Ничего-то ты не понимаешь... – сообщила она тельцу. Уселась на пол, поджав под себя ноги, разложила кругом широкую юбку. Ей нравилась эта юбка, зеленая, с белыми оборками по подолу и вышивкой на палец ниже пояса. Мать сделала ее из своего старого платья, поэтому ткань была слегка потертой, зато мягкой и приятной на ощупь. Любуясь юбкой, Марго расправила складки на ней, провела ногтем по вышивке.

– Подождите пока здесь, господин. Я извещу о вашем приходе, – проговорил у нее за спиной голос отца.

Марго испугалась, вскочила на ноги. Двое мужчин, появившиеся в проеме дверей, удивленно уставились на нее.

– Марго? Ты что тут делаешь? – грозно поинтересовался отец.

– Мама велела тут сидеть. – Марго быстро подбежала к стоявшему подле отца человеку в сером, похожем на монашеский плаще, преклонила колени, коснулась губами его руки. Кожа на руке незнакомца была холодной, как спинка жабы. Обругав себя за дурные мысли, Марго исподлобья взглянула на отца.

– Как тебя зовут, дитя? – напевно спросил незнакомец. Он был одет как монах и говорил как монах. Марго похвалила себя за догадливость: если он монах, то она правильно поцеловала ему руку. Но этот монах был каким-то странным. Марго редко бывала в монастыре, что возводился близ Гаммабурга, хотя мать водила ее в городскую церковь, и Марго знала отца-настоятеля Ансгария, худого Симона и Матфея, который причащал ее. Однако этого монаха она не помнила. Он был невысоким, плотным, с гладким лицом и маленьким мягким ртом. Его коротко стриженные седые волосы венчиком обрамляли гладкую лысину, короткие седые брови торчали двумя кустиками, навывкат, как у рыбы, глаза ощупывали девочку.

– Марго, – сказала Марго. – А тебя?

Отец ударил ее по щеке. От боли Марго вскрикнула, закусил губу.

– Простите ее, господин, – сказал отец. – Я могу проводить вас в другое место, чтоб она не докучала вам.

– Нет, не надо. Я подожду здесь, – вежливо отозвался "монах". Сложил руки на животе, склонил голову к плечу, разглядывая Марго. Затем небрежно бросил, обращаясь к ее отцу:

– Ступай.

Наверное, он был важным господином, поскольку отец тут же исчез. "Монах" вошел в подвал, потянул носом воздух, оглядел стены и маленькое оконце под потолком.

– Поддай мне скамью, Марго, – приказал он.

Скамья была тяжелой. Ухватившись двумя руками за ее край, Марго все-таки подтащила ее к гостю.

Тот уселся, вздохнул, положил руки на колени. Руки у него были маленькие, с короткими толстыми пальцами и ровными ногтями. Стараясь не докучать гостю, Марго уселась подальше от него, в угол, где лежали сваленные в кучу капустные кочаны. От скуки принялась ковырять один пальцем. Кочан оказался подмороженным – лист под пальцем ежился, скрипел. Молчание стало невыносимым.

– Это для праздника... – указывая на мертвого теленка, сказала Марго. Пододвинулась, чтоб край стола не закрывал от нее лицо гостя, вытянула шею. "Монах" проследил за ее пальцем, чинно кивнул:

– Я знаю.

– Мы прогнали викингов и варгов, – гордо поведала Марго.

"Монах" ничего не ответил. Его круглое лицо стало задумчивым, губы сжались в узкую полоску.

– Наш господин – герой. Он спас город! – Марго слышала, как эти слова говорили взрослые. Однако вместо восхищения ее обширными познаниями гость скривился:

– Многие считают иначе.

– Кто? – удивилась Марго.

– Я... – словно разговаривая сам с собой, сказал "монах".

Заинтересовавшись, Марго пододвинулась еще ближе к нему.

– Отец Ансгарий тоже ругает господина графа, – почти шепотом сообщила она. – Говорят, будто варги ночью захватили монастырь и всех монахов заперли в подвале, а отец Ансгарий раздвинул руками стены и вышел наружу.

Она показала, как Ансгарий подносит ладони к каменной кладке, шевелит пальцами, и камни медленно расползаются, открывая настоятелю путь к свободе. Несмотря на столь впечатляющую сцену, гость лишь скупой улыбнулся.

– Отец Ансгарий – святой человек, – сказал он.

– А ты? – вежливо спросила Марго.

– Я – нет, – откликнулся "монах".

По коридору застучали сапоги. Гость насторожился, выпрямил спину. Марго поднялась на ноги, прижала руки к груди.

В подвал вошли трое из стражи и их начальник. Все были в кольчугах, двое несли в руках длинные копья.

– В городе и монастыре все спокойно, господин Ардагар, – обратился к гостю начальник стражи. – Но господин граф будет рад предоставить вам кров, если вы передумаете и останетесь в крепости.

– Кров? – "монах" покачал головой. – Нет. Я хочу поговорить с отцом Ансгарием.

– Он в монастыре. Господин граф приказал проводить вас.

Трое стражников дружно шагнули вперед. "Монах" оглядел их серьезные лица, копья в крепких руках, натянутые поверх рубах кольчуги. Затем взгляд его рыбьих глаз переполз на застывшую в углу Марго.

– Не надо, – по лицу "монаха" пробежала язвительная усмешка. – Я слышал, будто воины графа предпочитают не покидать крепость...

Начальник стражи помрачнел, его пухлые губы обиженно выпятились вперед.

– Девочка проводит меня. – "Монах" подошел к оторопевшей Марго, положил руку ей на плечо. – Ты ведь знаешь дорогу к монастырю, дитя?

Марго хотела сказать, что мать наказывала ей оставаться здесь, в кухонной зале, что отец выпорет ее, узнав, что она осмелилась послушаться. Марго очень хотела отказать странному гостю. Но не смогла.

– Я провожу тебя, господин... – Она не запомнила имени незнакомца.

– Ардагар, – подсказал он.

– Господин Ардагар, – расплываясь в дурацкой улыбке, сказала Марго...

Стражники проводили их до ворот крепости.

Первые два дня после боя ворота не открывали. Но теперь они были распахнуты настежь. Возле них на вышке грыз сухую хлебную лепешку одинокий воин. Солнце припекало вовсю, воину было жарко. Он снял тяжелый нагрудник, отставил в сторонку щит и длинную пику. Равнодушно оглядел Ардагара и его спутницу, свесился с вышки, крикнул товарищам по оружию:

– Куда направляетесь?

– Никуда... – буркнул один из сопровождающих.

За воротами шумел веселый Гаммабург – скрипели телеги, стучали кузнечные и работные молоты, жужжали гончарные круги, постанывали топоры плотников... Гомонили, торгуясь и обсуждая новости, женщины, что-то выкрикивали в своей беззаботной суете ребятишки. Ардагар молча шагал рядом с Марго, поглядывал по сторонам.

– Там – торговая площадь, – Марго указала направо, затем повернулась, протянула руку в другую сторону: – А там – библиотека и школа...

– Господин позволил тебе пройти тривиум ⁶²? – заинтересовался "монах".

– Нет, но я могу написать свое имя, – гордо поведала Марго. – И еще имя Господа нашего и его апостолов...

Марго была дочерью серва, поэтому не ходила в школу, зато Агни – ходила. Агни научила подругу писать странные закорючки-буквы и складывать их в простые слова. А еще Марго умела считать до ста. Своим счетом она особенно гордилась.

– Я умею считать до ста. – Она вытянула перед собой обе руки, принялась загибать пальцы: – Один, два, три...

Дошла до десяти, затем, по одному, стала их разгибать:

– Десять и один, десять и два... два десятка...

На пяти десятках Марго устала.

– Пять десятков и один... – уныло вымолвила она и выжидательно покосилась на "монаха". Тот и не думал прерывать ее. Марго вздохнула, забубнила дальше: – Пять десятков и два...

Она завершила счет на полпути к монастырю. Язык у нее отяжелел, болтать не хотелось, поэтому остаток пути они прошли молча.

Привратник, сменивший убитого варгами, открыл им дверь, впустил на монастырский двор. Вопросительно взглянул на важного гостя.

– Мое имя Ардагар, я принес вести от архиепископа Эбо Рейнского, – сказал тот.

Марго знала архиепископа. Конечно, она сама никогда его не видела, но мать иногда говорила о нем. Мать рассказывала, что епископ был близким родственником старого короля и большим другом настоятеля Ансгария. А еще она говорила, что епископ, как и отец Ансгарий, когда-то ездил на север к викингам и многих из них обратил в веру Христову. "На кой им сдался этот север! – обычно ворчал, слыша речи матери, отец. – В своей земле порядка нет, а они все за море глядят, будто там медом мазано!" В чем-то он был прав – после смерти старого короля, Людовика Благочестивого, страна распалась. Его дети – Людовик, Карл и Лотарь, постоянно ссорились. Однако все они прислушивались к словам великого Северного легата, архиепископа Рейнского, Эбо. Мать Марго называла Рейнского архиепископа святым человеком. А отец говорил, что кабы он был родственником Благочестивому и владел властью Эбо, его тоже все бы слушали, и святость тут вовсе ни при чем. Тогда мать называла его язычником, и они ссорились. После ссоры отец уходил спать, а мать плакала и молилась, заставляя Марго и ее сестер "замаливать грехи отца"...

Пока Марго размышляла о святости архиепископа Рейнского, привратник увел ее спутника, оставив девочку одну возле ворот. От нечего делать Марго уселась на стоящую у стены лавку, стала разглядывать монастырский двор. Варги не осквернили Божьего места, –

⁶² Первая ступень обучения в древнегерманских (а до того в древнеримских) школах.

все пристройки остались целы, у конюшни разгуливал по загону молодой рыжий жеребец, меж двух пристроек квохтали и что-то склевывали с земли куры, в стойле устало мычала недавно отелившаяся корова. Несколько слуг в длинных серых одеждах, похожих на монашеские рясы, возились недалеко от хлева, два монаха неторопливо шествовали через двор к маленькой деревянной часовенке. Солнечные блики прыгали по их лицам, выбеливали щеки смешными пятнами. Хихикнув, Марго поболтала ногами, стараясь зацепить носками землю. Получилось – земляная пыль выбилась из-под носка, взвилась в воздух. Марго поймала рукой кружащиеся в солнечном свете пылинки, загадала желание.

Дверь одной из пристроек открылась, из нее выбрался долговязый тощий Симон, – Марго сразу его узнала. В одной руке Симон нес тяжелую бадью с водой, в другой – ворох тряпок. Тряпки свешивались до земли, путались в длинном одеянии монаха. Марго соскочила с лавки, подбежала к Симону, ловко подхватила выбившиеся концы. Тряпки были измазаны чем-то коричневым, похожим на засохшую кровь. Марго заправила концы тряпок обратно в общую кучу.

– Да пребудет с тобой милость Господня, – пробормотал Симон.

Он выглядел усталым – его обычно сухое лицо теперь напоминало обтянутый кожей череп, глаза ввалились, словно он не спал несколько ночей. Марго засеменила рядом с монахом.

– Я привела посланника Эбо Рейнского, – поведала она. – Это очень важный господин и его зовут Ардагар.

Симон повернул за конюшню, к "грязной" яме. Не доходя до нее пару шагов остановился, положил тряпки на землю, размахнувшись, выплеснул воду из бадьи в яму. Марго сгребла тряпки с земли, прижала к животу, вгляделась в невозмутимое лицо монаха.

– Он был у нас в крепости, господин граф даже хотел, чтобы он остался, – сказала она.

Симон промолчал. Перехватил бадью в другую руку, потопал обратно. Марго поспешила следом, стараясь не выронить тряпки и не наступить на вылезающие концы. Она то и дело косилась себе под ноги, поэтому не увидела, как монах остановился, – воткнулась головой ему в поясницу, охнула. Симон словно не заметил этого. Застыл с бадейкой посреди двора, уставился на шагающего навстречу настоятеля. Рядом с настоятелем шел Ардагар. На всякий случай Марго попятилась и спряталась за спину Симона. Затем, найдя укрытие понадежнее, вильнула за угол конюшни. Замерла там, прильнув спиной к стене и прислушиваясь к разговору.

– Как он? – приблизившись к Симону, спросил Ансгарий. – Лучше?

– Я неустанно молюсь за него, – неуверенно пробормотал Симон.

Марго поудобнее перехватила тряпичный куль, осторожно высунула голову из-за угла конюшни. Лицо настоятеля показалось ей озабоченным.

– Одними молитвами тут не поможешь. – Марго не видела Ардагара, но по голосу чувствовала, что гость сердился. – Он выживет?

– Все в руках Господа, – выдохнул Симон. Деловито поднял повыше пустую бадью, словно желая показать ее собеседникам. – Я делаю все, что в моих силах...

– Бог тебе в помощь! – Настоятель отпустил его плавным жестом ладони.

Симон поспешил к бочке с водой, зачерпнул из нее бадейкой, расплескивая влагу, засеменил в пристройку.

– Да, все в руках Господа, но трус Бернхар сделал все, чтобы Север отвернулся от истинной веры. – Ардагар повернулся к настоятелю, Марго увидела край его серого плаща и руки, сложенные на поясе.

– Бернхар спасал город от разорения, – мягко возразил Ансгарий. – Его не заботили вопросы веры...

Дверь в пристройку, где скрылся Симон, распахнулась, вновь выпустила тощего монаха. На сей раз он засеменил к дверям монастыря, нырнул под арочный свод, растворился в дверном сумраке.

– Бернхар нарушил дружественное соглашение. Не пройдет и месяца, как об этом

узнают в северных землях. В Бирке живет родня Красного Рагнара, вряд ли они стерпят подобное оскорбление. Эбо обеспокоен за христианскую миссию в Бирке, – донесся до Марго голос Ардагара.

– Херсир Бирки Хейригер обладает достаточной властью, чтоб удержать язычников от опрометчивых шагов, – попробовал успокоить гостя Ансгарий.

– Действия Бернхара – красная тряпка для любого викинга. Харальд Клак давно ищет повод напасть на Гаммабург. Эбо беспокоится за новый диоцез ⁶³. Карл счастлив, но когда Людовик обо всем узнает, он вряд ли будет в восторге... Гаммабургская кафедра окажется в опале у короля. – Короткие бледные пальцы Ардагара тискали край пояса. На миг замерли, из-за плеча Симона выглянуло круглое лицо, рыбы глаза недобро воззрились на не успевшую спрятаться за угол девочку:

– Что ты тут делаешь?

– Я... вот... – не зная, что ответить, Марго протянула монахам ворох окровавленных тряпок. Ардагар раздраженно отмахнулся:

– Убери их!

Марго быстро кивнула, огляделась. Она не имела ни малейшего представления, куда девать грязные тряпки. Но рыбы глаза Ардагара следили за ней, поэтому она бросилась к дверям той самой пристройки, из которой недавно вышел Симон. В конце концов, он же принес тряпки оттуда...

Марго мчалась через двор и чувствовала, как взгляд Ардагара прожигает ей спину. Спасаясь от него, девочка заскочила в пристройку, придерживая одной рукой тряпки, другой захлопнула за собой дверь. Задышавшись, опустилась на пол, ладошкой утерла со лба проступивший пот.

В пристройке было душно и жарко. Несмотря на теплый солнечный день, в очаге полыхал огонь, из стоящего на горячих углах котелка пахло разваренной фасолью. Одна из лавок у стены пустовала, другая была завалена какими-то одеялами.

Уложив принесенные тряпицы в угол, Марго приоткрыла дверь, прильнула глазом к щели. Настоятель все еще беседовал со странным гостем. Уходить они явно не собирались.

– Если придет Симон, скажу, что вернула сюда тряпки, – вслух успокоила себя Марго. Из-за недавних переживаний у нее пересохло в горле. Принесенная монахом вода стояла посреди пристройки, недалеко от очага. Вообще-то воду полагалось ставить ближе к входу, – у огня она согревалась и становилась невкусной, но Марго слишком хотела пить, чтобы размышлять над тем, куда и как лучше ставить воду. Отдышавшись, она бодро направилась к бадье. Миновала одну лавку, вторую, обогнула очаг и чуть не закричала от страха: за лавками, на разложенных прямо на полу шкурах, лежал человек. Не просто человекоубийца, вор, язычник...

Викинг...

Пить Марго расхотелось. Стоя перед полной бадьей, она смотрела на викинга и не могла сдвинуться с места. Она никогда еще не видела викингов – едва их корабли заходили в гавань Гаммабурга, мать приказывала девочке сидеть в крепости и не высовываться. Марго не видела даже данов, земли которых граничили с землями славного короля Людовика. Но почему-то девочка была уверена, что этот викинг не был даном. Он лежал на спине, раскинув руки. Его ноги прикрывал клетчатый плед из Фландрии, грудь и живот обматывали тряпки. Сквозь ткань проступали кровавые пятна. Глаза викинга были закрыты, на обритом до макушки лбу виднелись капли пота. Черные, заплетенные в множество тонких косиц волосы беспорядочно разметались вокруг его бледного лица. На широких скулах топорщилась щетина, запекшиеся губы были приоткрыты. Шею викинга опоясывало странное ожерелье, похожее на змею, сверху его оплетал кожаный ремешок. Что висело на ремешке, Марго не видела, – амулет завалился за спину викинга. От уха к шее тянулся

⁶³ Диоцез – округ или часть провинции (лат.).

глубокий порез. Края пореза запеклись свежей кровавой коркой, середина была умело зашита шелковой нитью. Даже израненный и неподвижный, викинг вселял страх.

Марго сглотнула застрявший в горле комок, попятилась к выходу. Под ноги угодила край оставленного на углях возле очага котла. Раскаленное железо опалило кожу. Марго вскрикнула, споткнулась и упала.

Викинг тяжело вздохнул, застонал. Боясь пошевелиться, Марго смотрела на него. Ресницы викинга дрогнули, приоткрылись...

Марго закричала. Никогда еще она не видела таких страшных глаз, – темных, мертвых, глядящих прямо на нее и в то же время в никуда. словно сама смерть смотрела на девочку глазами чужеземного воина.

– Уходи, – сказала ей смерть.

Не помня себя от ужаса Марго перевернулась на четвереньки и, не поднимаясь, по-собачьи перебирая руками и ногами, побежала к выходу. На пороге она все-таки выпрямилась, стрелой вылетела во двор, промчалась мимо настоятеля и его странного гостя, выскочила за монастырские ворота и побежала прочь от святых стен, за которыми теперь пряталась смерть...

Остаток дня Марго была тихой и неприметной, словно мышка. Ночью ее мучили кошмары, она просыпалась, вскакивала, испуганно таращилась в темные углы. Ей казалось, что там притаился страшный викинг и смотрит на нее из темноты холодными пустыми глазами. Один раз Марго даже заплакала, закрыв голову руками и уткнувшись носом в сбившееся одеяло.

Ближе к утру в клетушку, где спала Марго, вошла мать. Тяжело прошаркала к своей лавке, негромко вздыхая, сняла нарядную накидку. Лавка заскрипела под ее тяжестью.

Мать очень устала, прислуживая на графском пиру, поэтому Марго притворилась спящей. Так, притворяясь, она и заснула.

А утром, уже успокоившись и даже гордясь своей смелостью, рассказала о викинге старшей сестре Элисе. Ночью Элиса прислуживала пирующим, подносила к столам кувшины с питьем, поэтому мать позволила ей поспать подольше.

Новость ничуть не удивила Элису.

– Это, наверное, тот, о котором говорили вчера на празднике, – пожав плечами, сказала она.

– А что говорили? – поинтересовалась Марго.

После бессонной ночи ее щеки отекали, глаза покраснели, веки припухли. Даже руки не слушались – гребень, которым Марго расчесывала волосы, выskalывал из пальцев, путался в тонких прядях.

– Разное. – Элиса потянулась, зевнула. Закрывает глаза, причмокнула от удовольствия.

– Что "разное"? – Марго оставила попытки причесаться, кое-как разделила волосы на три пряди, принялась плести косу.

– Всякое, – сонно пробурчала Элиса. – Говорили, будто он какой-то там ярл, вроде нашего графа, что ли, и отец Ансгарий его опекает, как насадка цыпленка. Говорили, что он поправляется, а лучше бы помер. Еще говорили, что дней через десять Бернхару придется поехать к королю, объяснять что да как. Это из-за Ардагара...

– Ардагар – важный господин, – рассудительно подтвердила Марго.

Сестра разлепила веки, насмешливо покосилась на нее:

– Много ты знаешь! Никакой он не важный, у него и родни-то знатной нет. Архиепископ его из сирот взял. Выучил, вырастил...

– Но граф-то наш его боится! – возразила Марго. Она уже почти доплела косу, оставалось лишь перевязать ее лентой. Марго перекинула косу через плечо на грудь, затянула узелок.

– Теперь-то его все боятся, – согласилась Элиса. Повернулась на бок, спиной к Марго, подсунула ладошку под щеку. Уже засыпая, пробормотала: – Он где шепнет, где послушает, всех знает, все знает... Нужный он господин, а не важный...

На самом деле Марго не видела большой разницы между нужным и важным господином, однако спорить не стала. Слезла с лавки, подоткнула под бок Элисы край одеяла, заботливо погладила густые темные волосы сестры:

– Можно, я пойду погуляю?

– Только далеко не ходи.

На этот раз ее запретов Марго не требовалось она и не собиралась покидать надежный родной двор...

На вылазку в город она решила лишь спустя неделю. За неделю случилось многое – подход старый пес Нарзат, отец разбил рожу болтуну Лютеру, с которым соседствовал по мансе, а Элиса сшила себе новую рубашку с таким широким воротом, что в нем была видна почти вся грудь. Мать отругала ее, обозвала бесстыдницей и отобрала рубашку. Потом, смягчившись, дала старую монету и разрешила сходить на рыночную площадь, выбрать себе какую-нибудь безделушку по вкусу. Марго увязалась с сестрой.

День был не солнечный, однако безветренный, на рыночной площади шумели и толкались люди. Длинные ряды растянулись полукругом, примыкая один к другому, меж рядами шастали простые горожане, носились мальчишки. Гордо позвякивая оружием, рассекали толпу воины из крепости. Недолго думая, Элиса направилась к дому Гейнцев – за тканью.

– Куплю поярче, не шелку, так пестряди, – продираясь сквозь бурлящую и гомонящую людскую сутолоку, бормотала она. – Не только рубашку, еще и юбку сошью...

Марго была уверена, что ворот в новой рубашке сестры будет ничуть не уже прежнего. Но ширина ворота ее не волновала, куда интереснее было разглядывать людей вокруг, узнавать знакомые лица, чинно кивать в ответ на приветственные возгласы.

У дома Гейнцев покупателей почти не было, только какая-то женщина, судя по одежде деревенская, да высокий угрюмый мужик то ли ее муж, то ли брат. Мужик переминался перед разложенными на широкой лавке тканями, сопел и косо поглядывал на спутницу. Та вздыхала, щупала ткани, бродила от одного тюка к другому. Старшая дочка Гейнцев, Ирма, вертелась вокруг покупателей, расхваливала товар. Появление Элисы ее обрадовало. Оставив унылую парочку перед бледно-голубым свертком ткани, она обняла Элису, расплылась в улыбке.

– Какая ты стала красавица! Верно, от женихов отбоя нет?

Она говорила это каждый раз, когда встречала Элису или Марию. Марго она просто не замечала.

– Да что ты... – притворно засмущалась Элиса. Будучи белокожей, она легко краснела. Вот и теперь на ее щеках проступили розовые пятна. – Я за тканью пришла, хочу рубашку пошить...

Ирма продолжала улыбаться, но ее зрачки стали неподвижными, словно окаменели.

– Чем платить будешь? – быстро поинтересовалась она.

Элиса полезла за пояс, выудила монету. Ирма расслабилась, потянулась губами к уху Элисы:

– Пойдем, покажу тебе кое-что... Не для всех держим, но тебе...

Подхватив разомлевшую от лести Элису под локоть, она потянула ее в полутьму дома. Уже скрываясь в дверном проеме, оглянувшись, окинула недоверчивым взглядом забытых покупателей бросила:

– Марго, пригляди тут пока...

Марго вовсе не хотела приглядывать за товаром Гейнцев, однако деваться было некуда. Она сдвинула тюк с серой шерстью в сторону, присела на освободившийся уголок лавки. Деревенская баба подошла к ней, придирчиво оглядев, предложила:

– Две несušки – и по рукам?

Торговаться Марго умела не хуже Ирмы. Какую ткань и сколько собиралась купить баба, она не знала, но две несušки показались ей смешной ценой.

– Три, – отрезала она.

Тетка насупилась, вернулась к долговязому. Они принялись о чем-то шептаться. Почувствовав себя гораздо увереннее, Марго по-хозяйски оглядела весь товар. Ткани были отменные – старик Гейнц знал толк в выделке и краске.

Долговязый и его баба заинтересовались зеленой, как летняя листва, пестрядью. Оттягивали край тюка, разглядывали на свет, о чем-то спорили. Товар им нравился, цена – нет. Марго уже собиралась слезть с лавки и пойти поболтать с ними – все интереснее, чем просто глазеть на улицу, – когда позади послышался шорох шагов. Обрадовавшись скорому возвращению сестры, девочка соскочила с лавки, повернулась:

– Элиса, ты...

Не договорив, она осеклась, попятилась. Из дома вышла вовсе не Элиса, а сам старик Гейнц – горбатый, морщинистый, с трясущейся головой и слезящимися красными глазами, утопающими в складках век. Справа от Гейнца шагал недавний знакомец Марго Ардагар. На нем был все тот же серый плащ, перетянутый веревочным поясом. Следом за Ардагаром семенил слуга из монастыря.

– Он не обычный викинг, он – ярл... Его род берет начало от Ингилингов, его отец в родстве с Хориком Датским и норвежским королем Хальфданом, – на ходу объяснял Гейнцу Ардагар.

Старик кивнул, широко открыл рот, словно собирался кричать. Но вместо крика из его горла выползли шуршащие, как опавшая листва, звуки.

– Что? – не расслышав, склонился к нему Ардагар. Морщинистое лицо Гейнца побагровело, жилы на шее вздулись.

– Северные люди любят яркие цвета, – прохрипел он. – Золото, серебро, красный... Какой цвет нравится этому викингу, господин?

– Ему все равно, – сказал Ардагар.

– Он что – умер? – язвительно прохрипел Гейнц. Захихикал, затрясся, словно в кашле. – Только мертвому все равно, в какой одежде ходить...

– Он потерял больше, чем жизнь, – спокойно объяснил Ардагар.

– Нет ничего большего, чем жизнь. – Гейнц ускорил шаги. Заметив Марго, отодвинул ее палкой в сторону, зашагал вдоль лавки с тканями, постукивая концом палки по тюкам. – Гляди, вот синяя шерсть, лучшая шерсть от Данвирка до Фландрии, вот зеленый ситец, самый легкий и яркий в землях Каролингов ⁶⁴, а вот красная ткань, редкая, как слезы мужчины... Выбирай...

Они остановились недалеко от долгоязого мужика и его женщины. Понимая, что новый покупатель не им чета, те боязливо отошли в сторонку, ожидая окончания разговора.

Первый испуг от неожиданной встречи прошел, Марго подобралась поближе к Ардагару:

– Доброго дня, господин.

Ардагар окинул девочку мимолетным взглядом, признал. Углы его рта подернулись в улыбке:

– А-а, маленькая Марго!

Марго польстило, что он запомнил ее имя. "Нужный господин", – всплыли в голове слова сестры. Захотелось сделать что-нибудь хорошее, чем-нибудь порадовать человека, запомнившего ее.

– Я бы выбрала синее и красное. – Марго отвернулась и уставилась в землю, словно разговаривала не с Ардагаром, а сама с собой.

– Синее? – раздалось за спиной.

Марго еще никогда не было так неловко. Ей нравилось советовать "нужному" господину, но при этом почему-то было стыдно, будто она не советовала, а воровала. Ее щеки горели, а губы едва разлеплялись.

– Да, синее... как море... Он же с моря...

⁶⁴ Каролинги – королевская династия, правящая во Франции и Германии.

– А почему красное?

– Кровь... Викинги любят кровь. – Ответ сам выскочил из Марго. От неожиданности она повернулась к Ардагару, извиняясь заглянула ему в лицо: – Прости, господин.

– Море и кровь? – Он задумчиво перебирал в пальцах края веревочного пояса. – А что... Ему это может понравиться...

Толстые пальцы потянулись к лицу Марго, взяли ее за подбородок, потянули вверх.

– Ты умная девочка. Очень умная. – Рыбьи глаза Ардагара сузились, маленький рот расплылся в улыбке. – Только пугливая. И слишком быстро бегаешь.

Он намекал на ее бегство из монастыря. Оправдываться Марго не собиралась, но намек показался обидным. Пока она придумывала достойный ответ, в глубине дома послышались женские голоса. Марго узнала восторженное попискивание Элисы – похоже, сестра сговорила о покупке и была очень довольна собой.

Старый Гейнц вытянул шею, прислушиваясь. Засуетился, порываясь вернуться в дом. Пальцы Ардагара соскользнули с подбородка девочки.

– Ты слышал, что мне надо? – Он повернулся к старику.

– Да, господин. Пойдем, я отберу для тебя лучшее... – Тюкая посохом по земле, Гейнц направился к дому. Следом потянулись Ардагар и слуга. Все трое скрылись внутри. Женские голоса тут же смолкли...

Кто-то тронул Марго за плечо. Девочка обернулась. Перед ней стояла женщина долговязого. Платок на ее голове сполз на сторону, открывая грязное ухо и свисающий из-за него клоч седых волос. Лишь теперь Марго заметила мелкие морщинки в углах глаз и рта покупательницы, ввешуюся в ее кожу серую земляную пыль, усталую тяжесть век.

– Мы согласны, – неуверенно пробормотала женщина.

Не понимая, Марго насупилась.

– Три несущки, – пояснила женщина.

Ее большие руки, словно не находя себе места, без устали оглаживали истертую ткань передника. Из-под обтрепанного, забрызганного грязью подола выглядывали деревянные башмаки с разбитыми в мочало носами. "То ли брат, то ли муж" бессловесной палкой торчал за ее плечом, уныло озирает дом Гейнцев.

– По рукам? – скрипуче спросил он.

Марго подумала, что вовсе не нанималась следить за товаром Гейнцев, и если те и окажутся в убытке, то в том не будет ее вины. Ирма могла бы сначала продать ткань женщине с долговязым мужиком, а уж потом рассыпаться в льстивых речах перед Элисой...

– Так что, по рукам? – повторил долговязый.

– По рукам, – решительно заявила Марго.

За выходку в доме Гейнцев Марго досталось и от матери, и от отца. После отцовских побоев у нее на спине расплылись огромные синяки, а на скуле – ссадина размером с указательный палец. Из-за синяков Марго два дня еле слезала с лавки. Все ее тело ныло, руки дрожали, а голова была тяжелой и горячей. Потом боль стала понемногу проходить. А на третий день после случившегося мать разбудила Марго очень рано.

– Поднимайся, – сказала она.

С трудом разлепив веки, Марго уселась на лавке. Посидев, вновь попыталась забраться под одеяло. Она хотела спать.

– Поднимайся. – Мать встряхнула ее за плечо, бросила на колени верхнюю одежду. – Нам пора.

Понимая, что доспать не удастся, Марго протерла глаза, осмотрелась. Рядом с ней, стянув на себя почти все одеяло, спала Элиса. пышные волосы сестры разметались вокруг лица темным пушистым облаком. Губы Элисы были приоткрыты, при каждом вздохе она негромко всхрапывала. Отец сидел на лавке напротив, скрестив на полу босые ступни. На его щеках виднелись красные полосы от подушки, всклокоченная борода топорщилась в разные стороны. Сонно покачиваясь на постели, отец исподлобья рассматривал Марго. Глаза у него

были опухшие и красные.

– Поспеши, – поторопила Марго мать.

Девочка слезла с лавки, натянула брошенную матерью одежду.

– Волосы приberi, чучело. – Отец потянулся, встал на ноги. Неторопливо подошел к Марго, протянул руку. У него были длинные и сильные пальцы. Отец сгреб волосы Марго на затылке, заставил дочь запрокинуть голову.

– Добегалась-таки... – глухо сказал он. Взмахнул кулаком, сунул его под нос дочери. – Гляди, хоть теперь не балуй. Заступников не будет!

От его руки пахло перегноем, на костяшках пальцев виднелись круглые кожистые наросты, похожие на мозоли. Уставившись на эти наросты, Марго послушно закивала. Отец разжал пальцы.

Марго впиалась взглядом в его темное, мятое со сна лицо, зашевелила губами, беззвучно повторяя его слова. Отец сморгнул, серпнул носом, утер его рукавом, поморщился. В серых, спрятанных под кустистыми бровями глазах промелькнуло недовольство. Марго присела, вжала голову в плечи, прикрыла ее согнутыми руками:

– Не надо... Не бей...

На полу перед собой она видела босые ступни отца – широкие, плоские, с грязными длинными ногтями и светлыми волосками на большом пальце.

– Тьфу, дура! С ней по-хорошему, а она... – Ноги шевельнулись, поворачиваясь к Марго растрескавшимся пятками.

Марго осторожно высунулась из-под локтя. Увидев поросшую белесыми волосами спину отца, выдохнула, опустила руки. Наказывать ее не собирались, но зачем тогда разбудили так рано? Почему мать отворачивалась, стараясь не сталкиваться с ней взглядом, а обычно немногословный отец, все объяснявший кулаками, надумал учить ее жизни "по-хорошему"?

Отец согнулся над бадьей с водой, плеснул пригоршню на лицо, растер обеими ладонями. Покряхтывая от удовольствия, выпрямился, требовательно протянул руку. Мать сунула ему вышитое синими волнами полотенце.

– Фррр... – Вытираясь, отец оглянулся на послушно заплетающую волосы Марго. После умывания он подобрел, лицо разгладилось. – И что он в тебе нашел? За такие деньги мог любую взять. Чтоб было и на что поглядеть, и что пощупать...

Довольно хихикнул, бросил влажное полотенце матери:

– Эх, твое семя, вся в тебя – тишком, молчком, а нашла теплое место!

– Разве нам или ей оттого хуже будет? – Мать заботливо уложила полотенце на сундук в углу. Слово убеждая себя и мужа, принялась рассуждать: – Человек он, по слухам, хороший, зазря не обидит. В Реймсе у него большой дом, слуги... Гейнцы говорят, он щедрый, а в доме подолгу не сидит, поэтому его люди сами себе хозяева. Да и архиепископ к нему благоволит. Разве архиепископ дурного человека возвысит? А тут-то что? Господин граф нас не балует, а у нас и без нее две дочери. С ними еще намаемся, куда третью-то? Слава Богу, господин граф не противился, отпустил...

Отец почесал бок, оставляя на светлой коже следы от ногтей, ухмыльнулся:

– Чего ж не отпустить, если не задарма...

Подошел к матери сзади, обхватил за талию. Потянул к себе, замычал:

– Ты ведь тоже не задарма отпустила, а змея? Не задарма ведь?..

– погоди ты, не до того... – Мать вырвалась, склонилась над сундуком, вытащила из него тряпичный узелок. С боков узелка болтались увязанные бечевкой сапоги из телячьей кожи. Позапрошлой осенью их носила Элиса. Потом они стали Элисе малы, и мать спрятала их в сундук со словами: "Еще пригодятся".

– Держи, – мать протянула узелок Марго.

Девочка взяла, удивленно уставилась на сапоги, потом перевела взгляд на мать. После объятий отца та покраснелась, даже похорошела. Шагнула к Марго, неловко обхватила ее обеими руками, притянула к теплой, пахнущей очажным дымом груди. Ткнулась губами

куда-то в макушку дочери, затем отпихнула от себя, быстро перекрестила:

– Ну, пошли, дочка. С Богом...

Ни к неожиданным ласкам матери, ни к наполнившим ее глаза слезам Марго не привыкла. Внутри зашевелилось предчувствие чего-то страшного и неотвратимого. Марго повернулась к отцу. Он уже надел рубашку и теперь приглаживал огромной пятерней светлые волосы. Наткнулся на вопросительный взгляд дочери, нахмурился:

– Чего стоишь? Не слышишь, что мать сказала?

Марго отступила к двери. Предчувствие стало наливаться тяжестью, свело судорогой ноги. Прижимая к груди узелок с вещами, Марго облизнула пересохшие губы, прошептала:

– Я не хочу.

– А тебя не спрашивают. – Отец надел на голову ленточный обруч, стянул концы в узел на затылке. – Господин Ардагар тебя ждет. Так что иди с матерью и не хнычь, пока она проводить может. Не то одну отправим.

– Куда? – сглатывая слезы, спросила Марго.

Все знакомое ей с рождения изменилось, как по колдовскому умыслу: суровый отец стал добрым; кислый запах, постоянно царивший в доме – приятным, жесткая лавка – мягкой. Даже узелок, который Марго сжимала в руках, согревал ее, а старые изношенные сапоги Элисы казались лучшими сапогами на всем белом свете...

– В монастырь, куда ж еще? – хмыкнул отец. – А там уж – куда новый господин прикажет...

– Идем, дочка, идем. – Ласковые материнские руки подпихнули Марго к дверям.

Она все еще не понимала, сделала несколько шагов, остановилась.

– Я больше не буду, – прошептала она.

Если бы ей разрешили остаться, она и вправду никогда больше не стала бы шалить или убегать со двора без разрешения. Она научилась бы принимать наказания без слез и жалоб. Она стала бы работать в поле, молиться каждый день по многу-многу раз и перестала бы "болтать языком и разносить сплетни". Она могла бы даже вообще не разговаривать и молчала бы весь остаток жизни, выполняя все-все, что захотели бы родители...

– Иди уже! – отмахнулся отец. Отвернулся.

Что-то рядом глухо застучало. Марго поглядела, откуда идет звук. Один сапожок, выскользнув из ее рук, раскачивался на бечевке, бился каблуком о косяк, словно просился обратно, домой.

Руки Марго задрожали. Мать положила ладонь ей на плечо, потянула за собой, в сумрак дремлющего двора:

– Идем...

Марго вытерла сползающую по щеке соленую влагу, двинулась за ней. Она уже знала, что не вернется, чувствовала это, но все-таки еще на что-то надеясь, спросила у материнской спины:

– Я ведь еще вернусь к вам? Вернусь, правда?

Мать промолчала, даже не оглянулась. И тогда Марго заплакала. Не остановилась, не повернула назад и даже не сбавила шаг – просто шла следом за предавшей ее матерью и плакала, захлебываясь навалившимся на нее горем.

6. Нейстрия

В Каупанге люди говорили, что горестные дни текут медленно, как мед из широкого кувшина, а радостные проносятся весенним ураганом. Покинув родную усадьбу, Сигурд понял, что это – вранье. Горе, как и радость, мчали быстрокрылыми ласточками по его судьбе, вспарывали душу острыми крыльями, сменяли друг друга, путаясь в нескончаемом полете. Казалось, совсем недавно корабли Рагнара покинули Гаммабург, совсем недавно хирд Бьерна лишился своего хевдинга и многих других достойных воинов, но дни утекли вдаль, как утекли берега широкой Лабы и все вернулось на свои места. Словно никогда не

было на драккаре молчаливого Бьерна, мудрого Къятви, желтоглазого смельчака Харека, загадочной словенской колдуньи или светлоликой дочери альдожского князя...

Возле берегов Фризии Рюрик стал хевдингом над людьми Бьерна. Мальчишка занял место погибшего ярла по праву родства, как-никак он был приемным сыном конунга Гейрстадира, а более знатных воинов в хирде не осталось. К тому же большая часть уцелевших на драккаре хирдманнов и так была в его власти. Остальные, то ли оглушенные горем, то ли опасаясь стычки, безропотно принесли ему клятву верности спустя два дня после боя с варгами. Сигурд тоже. В общем-то бонду было безразлично, кто возглавит осиротевший хирд Бьерна. Мальчишка Рюрик был не хуже и не лучше других. Сигурд полагал, что по малолетству решения за нового хевдинга все равно будут принимать более опытные воины, такие как Латья, Тортлав или Гримли из Вестфольда, посланный Олавом Гейрстрада для охраны своего воспитанника. К удивлению Сигурда, за все время пути мальчишка ни разу не попросил у них помощи или совета. Если ему советовали, он слушал, однако решение продолжить поход с войском Рагнара в земли франков принял сам.

– Мы покинули Каупанг тремя драккарами, на каждом из которых было по сорок воинов и богатые дары для конунга Альдоги, – сказал он. – Теперь у нас нет богатств, трех драккаров и мало воинов. Наше возвращение домой будет позорным. Разве кто-нибудь из нас заслуживает позора?

Позора никто не заслуживал, это признали все без исключения.

– В городах франков мы добудем золото и славу, – продолжал Рюрик.

Он стоял возле мачты, в тот день ветер помогал кораблям и гребцы могли отдохнуть. Они сидели и смотрели на тонкую мальчишескую фигурку, на его белые, как снег, длинные волосы и плещущееся за его спиной полотнище паруса. В тот день они не думали о тех, кто навсегда остался на берегах Лабы, или о тех, кто лег на морское дно в суровых водах Меркленбургской бухты. Хирдманны думали о своих родных, оставленных в далекой северной земле, и о том, кем им хотелось бы вернуться: неизвестными трусами или смельчаками с богатой добычей. Поэтому, когда Рюрик спросил:

– Кто пойдет за мной? – все вскочили в едином порыве и стали кричать, славя нового хевдинга. Молчали лишь двое – Сигурд и Латья.

Сигурда все реже называли бондом, но он никак не мог ощутить себя воином, жадным до битв, добычи и славы. Резня в Шверине, стычка с варгами в Гаммабурге, поспешные наскоки на усадьбы по берегам Лабы и нападение Трира на береговую деревню во Фландрии были полны крови, боли, злости. Славы в них не было. Сигурд понимал, что в предстоящем походе ее тоже не будет. Он больше не жаждал походов и битв. Он заметил, что и кормщик нарочно отвернулся и стал смотреть на море, когда хирдманны по одному стали подходить к Рюрику, признавая его новым хевдингом. А когда все принесли мальчишке клятву верности и сам Сигурд, преклонив колено, пообещал положить за него жизнь, если потребуется, Латья даже не сошел со своего места. Рюрик сам подошел к нему.

– Ты отказываешься признать мою власть? – спросил он.

– Нет, – ответил Латья. – Я был подвластен тебе, твоему роду и твоему кровному отцу еще много лет назад в Альдоге. Время не может изменить кровь и род.

– Тогда почему ты не приносишь мне клятву верности? – Щеки Рюрика порозовели, губы обиженно сжались.

– Мое сердце родилось с ней, – ответил Латья. – Но мои губы произносили ее для другого хевдинга.

Кормщик был невысоким, худым и жилистым. Его глаза всего на три пальца возвышались над макушкой мальчишки-хевдинга. Тот исподлобья воззрился на него, помрачнел.

– Бьерн мертв.

– Для меня Бьерн жив, – возразил Латья. Все смолкли, лишь ветер бился в парус, волны гладили борта драккара и чайки вопили над высокой мачтой. Латья медленно поднял руку и кулаком постучал себя в грудь. – Вот здесь...

Он стоял перед разозлившимся мальчишкой и глядел куда-то поверх его головы, далеко в море, где волны облизывали друг друга темными пенистыми языками.

Гримли вытащил из ножен меч. Тортлав метнулся меж ним и упрямым вендом, чтоб упредить кровопролитие. Сигурд поднялся с сундука, стиснул кулаки. Рюрик закусил губу, нахмурился, а потом неожиданно шагнул к Латье, положил руку на его плечо.

– Твоя верность мертвому ярлу похвальна, хоть и забавна. – Мальчишке было обидно, но он сумел выдавить улыбку на бледных, иссохшихся губах. – Бьерн заслужил подобную верность, и моя печаль по нему так же велика, как твоя. К тому же клятва, данная сердцем, не хуже клятвы, данной словами. Ты будешь в моем хирде кормщиком, как раньше был им в хирде Бьерна. Но скажи, если так пожелают Боги, отдашь ли ты без раздумий свою жизнь в обмен на мою? И пусть мудрый Один станет свидетелем твоих слов.

– Отдам, – кивнул Латья.

Гримли убрал меч, Сигурд разжал кулаки, а Тортлав, рассмеявшись, потрепал Латью по плечу и сказал:

– Молодой хевдинг хитер как лис. Он сам произнес слова клятвы, но Один слышал твой ответ...

С того дня Рюрик стал владельцем драккара Бьерна и хевдингом его хирда...

А спустя еще день к войску Рагнара присоединились пять кораблей Харальда Клака, нынешнего правителя Фризских островов. Конунги быстро договорились о том, как поделят добычу в случае удачного похода, после чего в войско эрулов влились новые соратники-даны и фризы. Хевдингом над ними Харальд поставил своего дальнего родича – седого, высокого, похожего на корявое старое дерево ярла по имени Трир. Когдато давно в бою Трир потерял два пальца на левой руке, однако не стал от этого менее отважным. Перед битвой он привязывал к покалеченной руке кривой кинжал с зазубренным лезвием, похожий на крабью клешню, поэтому на островах его называли Трир Клешня.

Возле побережья Фландрии Клешня отстал от войска и тремя драккарами напал на маленькую береговую деревушку. Добычи он не взял, но перед смертью один из тамошних вилланов ⁶⁵ рассказал Триру, будто от кого-то из своих более удачливых и богатых сородичей слышал, что Лотарь собирается начать войну против своего брата Карла Лысого и многие из баронов Карла готовы перейти на сторону Лотаря. Клешня это известие порадовало, однако фландрийца от смерти не уберегло, – на свой корабль Клешня явился, таща в руке его отрезанную голову. Триру понравилась мысль насадить голову на пику и закрепить вместо факела на носу своего корабля. В проливе у берегов Англии поднялся ветер, и голову бедолаги виллана смыло в море. Не сильно расстроившись, Трир пообещал заметить ее другой, более значимой – баронской или графской. На заявления Клешни Рюрик ответил, что наличие вражеской головы на борту корабля еще не говорит о наличии головы у его хевдинга. Трир обиделся и даже попытался вызвать мальчишку на поединок, но возможную ссору прервал подоспевший Рагнар.

– Недостойно тем, кто в скором бою станет братьями, драться из-за обидного слова, – сказал он.

Хевдинги его послушали: помирились, пожали друг другу руки.

Сигурду казалось, что все это случилось очень давно, он утратил счет дням, сменявшим друг друга, как облака на небе. словно в базарной толчее, в их спешке сипели весла, мелькали дома незнакомых усадеб и городов. Руки немели от гребли, а по ночам ноющей болью ломило усталую поясницу. После выходки Трира с головой фландрийца и бури, снесшей ее в море, бонд перестал задумываться, куда и зачем стремится их драккар. Его душа покрылась коркой безразличия. Остались лишь обрывки странных, дотянувшихся откуда-то издалека снов: теплый и беззаботный Каупанг, сияющая улыбка маленькой

⁶⁵ Во Франции, Италии, Германии IX века вилланы – это лично свободные, но зависимые от феодала крестьяне.

ведьмы, окровавленное лицо Къятви, расходящиеся под руками монаха камни... Приходя из прошлого, сны навещали Сигурда, когда он, скорчившись после гребли под плащом из телячьей кожи, жевал сухую и твердую, как щепа, рыбину, или когда лежал без сна, накрывшись тем же плащом и взирая в усеянное звездами небо. Иногда, предаваясь воспоминаниям, он засыпал, и воспоминания обрывались. Их заглушали хриплые голоса хирдманнов, плеск волн и скрип старых уключин.

Этим утром его разбудил Тортлав. Лицо у скальда было веселое, серые глаза радостно блестели. Не ведая причины его радости, Сигурд отбросил плащ:

– Что случилось?

– Случилось? – Скальд широко улыбнулся, выпрямился, развел руки в стороны, словно показывая бонду весь мир. – Смотри, Сигурд! Вот земля, призванная дать нам богатство и славу!

Сигурд и хотел бы, но ничего не смог увидеть из-за спин хирдманнов. Немногие еще гребли, большинство же толпились у бортов. Те, которые, как Сигурд, просыпались после отдыха, тут же вскакивали, тянули шеи, будто видели нечто удивительно прекрасное.

Бонд поднялся, растолкал плечами прильнувших к бортам воинов, сонно заморгал. Больше не было внешнего моря и одиноких каменистых прибрежных островков. Снеккары Рагнара шли вдоль плоских, покрытых едва пробивающейся из-под земли травой берегов. Справа от драккара Рюрика, плавно покачиваясь на спокойной воде, двигался головной корабль самого Рагнара. Слева под громкое уханье кормчего налегали на весла хирдманны Трира.

К Сигурду подошел Тортлав, коснулся борта, мечтательно окинул взглядом ровную полосу полей.

– Сена, – певуче произнес он. – Сена – великая река франков...

– Нейстрия ⁶⁶, – поправил его кто-то из хирдманов. – Страна франков...

– Нейстрия, – устало повторил Сигурд.

Друзья волков
В веселье Скегуль
Добыли славу,
Когда в Нейстрии
Даятель злата
Искал сокровищ...⁶⁷

Так пел Тортлав о походе по Сене. А Сигурд сложил другую вису. Она была не столь красива, как виса Тортлава, но разве можно сравнивать скальда с бондом в умении слагать слова? Сигурд никому не рассказал свою вису, но он-то знал, что она гораздо правдивее, чем песня скальда. Она звучала так:

В потехе брани,
Под плач и стоны,
Волкам подобна,
Питалась кровью
Несчастных франков
Рагнара стая...

⁶⁶ Нейстрия – древнее название части Франции (в устье Сены и чуть севернее).

⁶⁷ Автор подражает скальдической поэзии викингов, используя кеннинги – образные сравнения. Друзья волков – воины, веселье Скегуль – битва (Скегуль – имя одной из валькирий), даятель злата – конунг. В переводе весь стих звучит так: "Воины в битве добыли славу, когда во Франции конунг искал сокровища".

Сигурд не солгал ни строчки. В крови, дыму, звоне мечей он стал забывать о страхе и боли. В маленьком замке, недалеко от Руана, ему разрубили руку, но кость не задела. Гримли Вестфольдец помог ему перевязать рану взятой в том же бою тканью. Сигурд плохо помнил тот бой, он терялся среди многих других, мелких и больших стычек...

В том же замке Рюрик, кроме прочей добычи, взял себе женщину. Она была невысокая, даже ниже своего пленителя, смуглая, с узкими запястьями и щиколотками, тонкой длинной шеей и точеным лицом. У нее были густые русые волосы, зеленые глаза и широкие скулы. Рюрик приволок ее на драккар, бросил к тюкам с добычей, предупредил всех:

– Моя.

Никто не пытался спорить, а Латья даже улыбнулся.

– Пришла пора мальчику стать мужчиной, – подтолкнув локтем сидящего рядом Сигурда, шепнул он.

Мужчиной Рюрик стал той же ночью. Сигурд слышал, как он возился на корме, подминая под себя смуглую пленницу. Та не кричала и не пыталась вырваться, наоборот, поддавалась ему, притворно постанывая, словно от удовольствия. Наутро на ее руке Сигурд заметил витой браслет, добытый Рюриком в одной из битв. Сидя у тюков с добычей, смуглянка раглядывала его, подставляя запястье под скудные лучи солнца. Однажды луч, скользя по железу, солнечным пятном коснулся лица стоявшего недалеко от пленницы Рюрика. Молодой хевдинг разговаривал с Латией, блеск заставил его зажмуриться. Он раздраженно повернулся, но ничего не сказал, заметив блуждающую на губах пленницы лукавую улыбку.

А к середине дня они подошли к Руану – большому городу франков, что стоял в нескольких днях пути от побережья. Перед тем как приблизиться к береговым укреплениям города, Рюрик приказал остановиться.

– Руан – большой город, в нем много золота и серебра, – сказал он.

Хирдманны восторженно закричали, затрясли оружием, раззадоривая друг друга перед предстоящей битвой. Дождавшись, когда их радость поутихнет, Рюрик продолжил:

– Но мы не станем нападать на этот город.

Воины озадаченно смолкли.

– Почему? – наконец отважился спросить кто-то из наиболее любопытных.

– Маркграф⁶⁸ Руана сбежал, вместо него над городом встал Готфрид – друг и родич Трира Клешни. Он без боя даст нам кров, пищу и оружие.

– Мы не нуждаемся в подачках и сами можем взять все, что ты назвал! – возмутился молодой Дорин. Он был не намного старше Рюрика. Горячность и зависть толкали парня на глупые речи и глупые дела. Он, единственный из хирдманнов, весь день норовил при случае задеть или ударить женщину Рюрика, и он же теперь восставал против решения своего хевдинга.

– Можем, – согласился Рюрик. – Но Готфрид – вассал короля Карла. Он лучше других знает, когда и как нам следует напасть на главный город короля, где богатств больше, чем во всех прочих городах, где люди едят из золотой посуды, а серебром набивают огромные сундуки. Друзьям Готфрид даст добрый совет, врагам – худой.

– Он предаст нас, как предал Бернхар! Или ты уже забыл о Гаммабурге, хевдинг? – не унимался Дорин.

Глядя на него, Сигурд подумал, что Бьерн даже не удостоил бы наглеца ответом, просто кивнул Хареку, и тот тихо и незаметно приструнил выскочку. С желтоглазым берсерком мало кто пытался спорить. Хотя спорить с самим Бьерном обычно боялись еще больше. Или ярл просто не давал повода для споров...

С тех пор все изменилось – молодой хевдинг взял с людей клятву, но еще не заслужил

⁶⁸ Маркграф – правитель

уважения. В нем не было сдержанности опытного воина, хитрости свободного ярла или хозяйственности хорошего бонда. Даже успехи на земле франков большинство приписывало не ему, а конунгу эрулов.

"Сейчас вспылит, начнет говорить, что помнит Гаммабург, что сумеет избежать прошлых ошибок, что..." – Сигурд вздохнул, потрогал пальцем повязку на плече. Проступившая сквозь ткань кровь засохла коркой, с обеих сторон повязки растеклось сизое пятно опухоли. Рана не нагнаивалась и не была опасной, опухоль уже спадала. Потыкав вокруг повязки пальцем, Сигурд подумал, что все-таки надо бы показать рану Гримли – тот неплохо разбирался в них, даже умел подлечивать...

– Ты забыл, скольких мы потеряли из-за предательства Бернхара? – прервал размышления Сигурда визгливый голос Дорина.

– Нет, не забыл... – предворя ответ Рюрика, почти беззвучно прошептал бонд, но Рюрику заговорил совсем иначе.

– Что ж, – сказал он. – Если ты полагаешь, что богатства Руана стоят королевских богатств, боишься друзей больше, чем врагов, а норны столь щедро одарили тебя глупостью, тогда иди, сражайся...

Дорин удивленно захлопал глазами:

– Куда идти?

– В Руан. Сражаться.

– Один?

– Один.

Кто-то из хирдманнов хихикнул, кто-то, кажется Латья, одобрительно крякнул.

Страх погнал отважного
За добычей друга,
Чтобы в сече глупой
Меньше взять, чем много...

– насмешливо сообщил Тортлав.

Сигурд засмеялся. Смеялся не он один, – почти весь хирд дружно хохотал над издевательской висой скальда. Дорин что-то кричал, пытаясь урезонить соратников, но его никто не слушал. Белое лицо парня покрывалось пятнами стыда, длинные руки судорожно мяти подол рубахи.

Рюрику спрыгнул с носового возвышения, подошел к Дорину вплотную.

– Иди, – вновь повторил он, оглянувшись на Гримли.

Вестфольдец нырнул за спины хирдманнов, сорвал с борта щит Дорина, потащил его к парню. Поняв задумку хевдинга, воины обрадовались. Им уже давно не доводилось участвовать в хорошей шутке. С дальних скамей спешно передавали из рук в руки сундук Дорина и его обернутый в тряпицу тяжелый меч.

Гримли подал щит Рюрику. Тот размахнулся, швырнул его под ноги оторопевшему Дорину. Щит упал умбоном вниз, закрутился, словно юла.

– Иди! – рявкнул Рюрику.

Дорин растерянно взирал на крутящийся у его ног щит. Кто-то сунул ему в руки сундук и сверток с мечом.

– Но... – Парень прижал сундук и сверток к груди.

Рюрику откинул со лба светлую челку, поморщился:

– Я согласился с твоим желанием, а ты опять недоволен, Дорин, сын Торпа?

Я говорил о другом, – начал оправдываться тот. – Моим желанием было...

– Ты меняешь свои желания, как женщина!

Рюрику открыто оскорбил парня. Дорину оставалось или вызвать хевдинга на поединок, или стерпеть обиду и стать посмешищем. Странное поведение Рюрика смяло его – он кусал губы, озирался, беззвучно открывал и закрывал рот, подобно рыбе, вытащенной на берег.

Ожидая продолжения шутки, хирдманны тесно обступили его и хевдинга. Некоторые переговаривались, хихикали, другие заинтересованно помалкивали.

Чувствуя, что Дорин проиграл битву, Сигурд даже не поднялся со своего места. Вытянул в проход меж гребными скамьями ноги, откинулся спиной к борту.

– Твой хевдинг очень умен. – Пленница Рюрика зашуршала юбками, подбираясь поближе к оставшемуся в одиночестве бонду. Села на палубу перед ним, опасливо заглянула снизу вверх ему в глаза. – Бог наделил его умом и отвагой великого короля!

Сигурд усмехнулся.

– Поэтому ночью ты столь охотно отдалась ему, приняв бесчестье?

Она накрутила на палец длинную русую прядь, склонила голову к плечу. Это движение напомнило Сигурду Айшу. Многие видели, как болотница умерла, пытаясь отомстить за своего ярла. Говорили, что она зарезала Коракшу его же кинжалом и что Харек, выручая ее, угодил в ловушку. Желтоглазый сражался над ее бездыханным телом, пока не упал под топорами варгов...

"А куда делась Гюда? Живет с бесчестьем, как пленница Рюрика, или погибла, следуя за Айшей и Бьерном даже в смерти?" – промелькнуло в голове бонда.

– Для меня честь сделать мужчиной будущего короля. – Голос смуглой франкийки развеял раздумья Сигурда. Вблизи она не выглядела такой юной, как ему казалось раньше. В зеленых глазах читалась грусть, а легкость разговора с мужчиной выдавала замужнюю женщину.

Сигурд встряхнулся, фыркнул:

– Не лги. Ты просто пытаешься сохранить жизнь.

Губы пленницы слегка раздвинулись, блеснул ровный ряд мелких белых зубов.

– Бог дал нам ее. Дар Божий надо беречь.

– Твой муж не сберег?

Сигурду хотелось обидеть ее, наказать за мимолетное сходство с Айшей. Словно она порочила светлую память о маленькой колдунье.

Про мужа он угадал, – улыбка исчезла с ее лица, темные ресницы опухлыми закрыли зелень глаз.

– Бог дал, Бог взял, – хрипло сказала она.

Собиралась продолжить, но о чем-то загомонили окружившие Рюрика и Дорина воины, и франкийка осеклась, вытягиваясь всем телом в их сторону.

Хирдманны расступились, пропуская понурого Дорина. Парень прижимал к животу походный сундук и сверток с мечом. Осыпаясь насмешками, он поплелся к своему месту, поставил сундук, склонился, усаживаясь. От Сигурда его отделял лишь проход меж гребными скамьями. Лицо у парнишки было расстроенное, нижняя губа мелко тряслась. Длинными, по-мальчишески тонкими пальцами он теребил ткань свертка, на тощей шее под кожей гулял острый кадык.

– Забудь, – негромко посоветовал ему Сигурд. Парень вскинул на бонда затравленный взгляд.

– Забудь, – повторил Сигурд. – Руан или Париж – какая тебе разница?

Дорин вздохнул и отвернулся.

В Руане они стояли всего два дня. Дольше было нельзя: Готфрид, впустивший своих бывших соплеменников в город, предупредил, что сбежавший маркграф наверняка пойдет к королю, а тот не преминет выставить против Рагнара большое войско.

– У Карла достаточно неприятностей с братьями. Людовик помалкивает, но Лотарь грозит из Бретани скорой войной. Бароны из Пуатье и Клермона поддержат его. Но, даже готовясь к войне с братом, Карл вряд ли позволит вам дойти до Парижа ⁶⁹, – сказал

⁶⁹ Здесь описана реальная историческая ситуация, сложившаяся во владениях Карла Лысого к моменту нападения на его земли викингов под предводительством Рагнара.

Готфрид.

Выслушав его, Рагнар решил, не останавливаясь ни для грабежа, ни для отдыха, быстрым ходом добраться до королевского города. Наскоком взять его и уйти столь же спешно, пока Карл не успел опомниться. Но на обратном пути ему вновь предстояло миновать Руан...

– Окажешь ли ты мне столь же достойный прием? – перед отплытием поинтересовался он у Готфрида.

Бывший дан почесал указательным пальцем широкий и плоский нос, улыбнулся, показывая эрулу зияющие пустоты на месте передних зубов:

– Я приму победителей, но прогоню побежденных.

Готфрид намекал, что не станет ссориться с королем, если тот окажется более могущественным, чем Рагнар, а в случае удачи эрулов он хотел бы получить свою долю королевских богатств.

Рагнар понял.

– Тогда жди, – коротко сказал он.

Корабли снялись с якоря и покинули притихший испуганный Руан, но к середине следующего дня их нагнал посланный Готфридом человек. Подхлестывая пегую кобылку, он скакал по берегу, размахивая куском красной ткани, привязанным к длинной палке. К берегу подошла одна из шнек, и вскоре новость, привезенная гонцом, обошла всех: впереди, в половине дня пути, народников поджидало войско короля Карла.

– Он быстр, – уважительно отозвался о короле Рагнар и приказал хевдингам и кормчим собраться на совет.

Место для совета отыскиали лишь к вечеру – на небольшом острове, высоком, тихом, заросшем крепкими старыми дубами.

Перед тем как сойти на берег, Рюрик выбрал тех, кто должен был отправиться с ним.

– Латья, – сказал он. – Гримли...

Обвел взглядом взволнованных предчувствием близкой битвы хирдманнов, ткнул пальцем в сторону бонда:

– Сигурд!

В это время, пользуясь случайным отдыхом, Сигурд болтал с Инги Горбуном о короле Карле и оружейной лавке в Руане, где бонду приглянулся меч с изображением крадущейся кошки на рукояти. Горбун тоже видел этот меч, но ему оружие показалось чересчур коротким.

– Я привык к своему мечу, Горбун... – объясняя свой отказ от покупки, говорил Сигурд. Горбатым Инги не был, его отличал высокий рост, но кличку он получил еще в детстве, когда, стесняясь своей долговязости, сутулил плечи и горбил спину.

Слова Рюрика прервали объяснение Сигурда. Инги хохотнул, подтолкнул бонда в плечо:

– Гляди, и без нового меча ты стал важным человеком.

Плохо понимая, почему Рюрик назвал его имя, Сигурд поднялся. Подобрал полы длинной безрукавки, пообещал Инги:

– После договорим...

Один за другим воины перелезли через борт, прыгнули в воду. Холод охватил ноги Сигурда до самых бедер, расплзся влагой по коже. От других кораблей к берегу, помогая себе руками, пробирались люди Трира.

Далеко от реки уходить не стали – нашли удобную поляну под старым дубом, запалили два факела. Рагнар встал меж факелов, спиной к стволу, начал:

– Король франков Карл решил остановить воинов Одина...

Пока он важно произносил ничего не значащие и уже давно известные Сигурду речи, бонд рассматривал остров. В безветрии вечера в слабом факельном свете он был тихим и

прекрасным, как девушка, уже готовая стать женой. Могучие дубы росли близко к реке, цеплялись корнями за земляные откосы, словно щупальцами удерживали на них большие круглые камни. Высокие, одетые ранней листвой кроны, будто зеленые пригоршни, прикрывали путников от зорких глаз Асов. В просвете кустов темнели, перекатывались бликами спокойные воды Сены, на них черными тенями покачивались драккары. А за ними, за тихим шепотом реки ровными полями стелились далекие берега... Казалось, что и они, и то войско, о котором говорил Рагнар, – просто выдумка, обман, подобный колдовству лесного тролля...

– ...По обоим берегам... – долетело до Сигурда.

Голос Красного конунга разрушил очарование. Стоящий недалеко от Сигурда Латья довольно причмокнул, Гримли рассмеялся.

– Гонец сказал, что войско на левом берегу меньше, им управляют молодые хевдинги – сыновья тех, что встали на правом, – поведал Красный.

Все зашумели, заглушая потрескивание факелов.

– Если мы нападём на войско с левого берега, нам в спину ударит войско с правого, – перекрыл общий гомон громкий голос Трира.

Клешня выступил из круга, подошел к Рагнару. По привычке убрал за спину искалеченную руку – без привязанной "клешни" она выглядела уродливо-беспомощной.

– Ты сказал, там узкое место. Стрелы покосят много наших людей, – обращаясь к эрулу, продолжил Трир.

– Что ты хочешь?

– Будем ждать здесь, пока Карл не уведет войско. – Клешня пожал плечами. – Его торопят война с Лотарем и предательство баронов. Он не сможет долго держать войско здесь.

Слова Трира уgomонили собравшихся. Крики и шум перетекли в шепотки – люди обсуждали замысел дана.

– Глупо... – негромко пробормотал Латья.

Покосился на Сигурда, осекся. Скользнул к Рюрику, принялся что-то нашептывать ему на ухо. Молодой хевдинг слушал, кивал. Затем вскинул руку. Из-за невысокого роста его жест заметили не сразу. Потом Рагнар кашлянул, указал на мальчишку:

– Воспитанник Олава Гейрстадира хочет сказать.

В сумраке лица обернувшихся к Рюрику казались круглыми белыми пятнами.

"Словно лепешки из белой муки", – подумал Сигурд.

– Король не станет ждать, он нападет на нас и погонит. Если же не нападет, то время будет на его стороне, а не на нашей. – Звонкий голос мальчишки поднимался вверх, рвался к небу. – Мы – на его земле, он – на своей. Кому спокойнее ждать?

Хевдинги молчали.

Рюрик покачал головой:

– Слова Трира говорят о незнании. Бароны Нейстрии союзны с Карлом. Если дать им время, они вскоре соберут против нас большое войско. Будет славная битва, но она не поможет нам добыть богатства Парижа. Ждать нельзя. Но нападать самим тоже нельзя. Я слышал, что многие из баронов имеют боевые корабли и что в войске Карла они тоже есть. Если так, то нападать с реки на левый берег, зная, что в спину ударят корабли и стрелы с правого – неверно...

Он рассуждал как опытный хевдинг, но его слова не нравились ни эрулу, ни дану. Сдерживая недовольство, Красный повторил:

– Что ты хочешь?

Рюрик задумался, поковырял носком сапога землю.

Пока он размышлял, Сигурд подумал, что о кораблях и баронах Рюрику наверняка рассказала его женщина. В Руане она упросила Рюрика купить ей оберег – мешочек на красной веревочке. Она присмотрела этот оберег на шее у какой-то старухи, долго говорила с ней, а потом то ли лаской, то ли нытьем выпросила его за одну серебряную монету. Тогда

Рюрик впервые назвал ее Эрной, что на северном языке означало "затейница". Она не спорила с новым именем, ластилась к Рюрику, многое ему рассказывала о стране франков и вроде ничего не держала за душой, но Сигурд чувствовал в ней что-то потаенное, неприятное. Бонду не нравилось, как по утрам она, просыпаясь, воровато выбиралась из-под старой шкуры, как она улыбалась, глядя на берег, и как постоянно гладила пальцами висящий на шее оберег. Но она оставалась первой женщиной Рюрика...

– Легко рассказывать о возможных бедах, не говоря, как их избежать, – насмешливо сказал Трир.

Мысли бонда плавно переплыли на предсказанные Рюриком беды. В голове Сигурда возникла картинка вроде тех, что иногда рисовал Тортлав: река, по обоим берегам – вражеское войско, у берегов – корабли короля, и меж ними, словно в волчьей пасти – драккары... Вот если бы драккаров не было...

– Надо напасть с суши, – сказал Сигурд.

От вперившихся в него внимательных взглядов бонду стало жарко. Ладони вспотели, кровь ударила в голову.

– Что ты сказал, бонд? – устало переспросил кто-то.

Звонкий голос Рюрика перебил его:

– Он сказал, что мы должны оставить корабли здесь, а сами сойти на левый берег и напасть на "малое" войско Карла. На то, что стоит на левом берегу...

Мысленно Сигурд вознес хвалу Богам и своему юному хевдингу, – все взоры вновь устремились на мальчишку.

– Нам нельзя оставлять корабли, – задумчиво возразил Рагнар.

– Тогда пусть корабли с частью людей идут по реке и затевают бой, а другая часть людей пойдет сушей и ударит врагу в спину, – предложил Рюрик.

Убрал со лба светлую челку, облизнул губы. Он нервничал, хотя старался этого не показывать.

– Разделение губит войско, – Рагнар не сопротивлялся, просто размышлял вслух.

Трир отошел от него, приблизился к своим кормщикам. Собравшись в кружок, они принялись о чем-то совещаться.

– Хотя... – Рагнар сцепил кисти рук в замок, хрустнул пальцами. – Мне по душе слова воспитанника Олава. Кто еще думает, как я?

Думали многие. Последними руки подняли люди Трира. Клешня разумно решил не спорить с конунгом эрулов – он оставался в меньшинстве. Красный довольно выдохнул, выдернул из земли факел, осветил лица собравшихся:

– Тогда мы выступим на рассвете, дети Одина. Пусть каждый хевдинг возьмет с малого корабля десяток воинов, а с большого – два десятка и сойдет с ними на берег. Я пойду с теми, кто двинется по суше, а Трир поведет в бой корабли. Сила наших мечей и воля великого Одина решат нашу участь!

Хевдинги зашумели, разбредаясь к своим кораблям. Латья и Гримли, обступив Рюрика, принялись что-то горячо обсуждать, а Сигурд подумал, что зря не взял в оружейной лавке в Руане новый меч. Деньги-то у него были... А то у старого совсем поизносились рукоять, к тому же она была слишком широкой для небольшой ладони бонда...

Этот день Сигурд запомнил надолго. Было темно, они шли вслед за посланцем Готфрида, растянувшись длинной и широкой цепью. Иногда – по колено в воде, иногда – продираясь сквозь заросли кустов. В сапогах хлюпала вода, от волнения было зябко, тяжелый щит давил на плечо. При каждом шаге меч подпрыгивал и бил Сигурда по ноге. Сначала бонд чувствовал боль от ударов, но потом бедро словно одеревенело, и он уже ничего не чувствовал, даже усталости, – ноги шагали сами по себе. Перед ним в сумраке маячила спина Тортлава, справа сопел Гримли, слева текла Сена. Никто не разговаривал, но доспехи бряцали так громко, что скрежет расползался над рекой, смешиваясь с плеском воды, треском ломающихся веток и шумным дыханием сотен воинов.

Они шли быстро, не замедляя шага ни на подъемах, где берег взбирался вверх смятыми травными откосами, ни на спусках, где ноги вязли в илистом дне а болотина плотоядно чавкала жадной глиной. Они были похожи на проклятых богами мертвецов, неотвратимо шагающих к возмездию, и оружие, покачивающееся у них на поясах, возбужденно вздрагивало при каждом шаге, ожидая сладкой человеческой крови. А по водной глади, еле слышно перебирая веслами, ползли черные драккары. С берега они казались огромными и страшными, как тени хтонских чудовищ.

Вскоре река повернула, суша под ногами отвердела, полого отклонилась, и далеко впереди Сигурд увидел яркие глаза походных костров. Бонд ожидал, что Рагнар остановит войско, чтоб обдумать нападение, но вместо этого он неожиданно громко заорал, подавая команду драккарам. Тут же река выплюнула на берег множество горящих стрел, и на стенах походных шатров франков заплясали искры веселого Локи ⁷⁰. Передние ряды эрулов запели призыв к одноглазому богу. Вторя своим владельцам, засвистели, вырываясь из узких ножен, клинки, серебряными всполохами взметнулись в небо. От первого ряда назад, к замыкающим, покатила волна крика и звона оружия, всколыхнула армию Рагнара, привела в движение, хлынула на лагерь франков, заставив Сигурда сорваться в бег. Бонд тоже закричал, убивая криком страх, жалость, сомнения. Вместе со всеми он побежал на франков, где полыхали шатры, суетились людские фигуры, а факелы расплескивали свет, озаряя метательные машины, обвисшие флаги на длинных палках и мечущихся в суматохе лошадей...

Сигурд не помнил, когда и как перед ним очутился первый враг. Бонд не видел его лица, да и не хотел видеть. Лицо предполагает человека, а здесь была просто фигура с оружием в руках и в блестящем шлеме, почему-то сползающем набок. Ухватившись за меч двумя руками, бонд на выпад с размаху ударил туда, где под шлемом виднелась бледная полоска – шея франка. Враг упал, захрипел, корчась и заплескивая кровью сапоги Сигурда. Когда-то бонда мучило от подобного зрелища, внутри просыпались жалость и вина. Но это было очень давно.

Не дожидаясь смерти франка, Сигурд перешагнул через него и побежал дальше. Около его уха просвистела то ли стрела, то ли метко брошенный кинжал, но не попал, канул в возню, бряцанье доспехов, стоны и крики, окружившие бонда со всех сторон. В какой-то миг Сигурд очутился перед еще не затухшими угольями костра. Взгляд зацепил валяющийся в углях прокопченный железный котел, вытекающее из него желтое варево. Подумалось что-то про "не успели поесть".

– Не спи, бонд! – крикнул рядом чей-то знакомый голос. Подсказал: – Слева!

Сигурд оттолкнул котел ногой, перепрыгнул через костер и вонзил острие меча в живот какому-то воину. В отличие от первого этот франк был без доспехов, Сигурду показалось, что в его плече уже торчал чей-то нож, но разбираться было некогда. "В бою нельзя искать, где чужие, где свои. Битва не поединок, где все решают хитрость и ум! – еще в северном море учил его Гримли. – В битве, пока разбираешься что к чему, можешь потерять голову. Доверься воле богов, слушай свое тело. Тогда глаза сами отыщут тех, кого ты назовешь врагами, и отделят их от прочих, как семена гречихи от шелухи".

Гримли дал дельный совет, – благодаря ему Сигурду стало намного проще сражаться. Не надо было думать, вникать, рассчитывать, – глаза и руки сами делали свою работу. Как нынче с франками – быстро, жарко и до тошноты не страшно...

А затем все закончилось. Уцелевшие франки стали бросать оружие. Некоторые пытались убежать от смерти – освободившись от тяжести доспехов, рассыпавшись по склону холма, они мчались прочь от своего недавнего лагеря. Стрелы и ножи народников, словно злые птицы, клевали их в спины, роняли на землю. Пятеро или шестеро франков оседлали лошадей и, крича то ли от страха, то ли от обиды, вырвались из кольца боя. Ошалевшие от

⁷⁰ Локи – одно из древнескандинавских имен огня.

запаха крови и дыма, лошади взбрыкивали, плясали на месте, не слушались. Две понесли, вскидывая крупы и хлеща по бокам растрепанными хвостами. Люди Трира побежали за ними, улюлюкая и потрясая оружием. Кто-то бросил им вслед зажженный факел.

Еще одна лошадь, закусив удила, описала полукруг по холму и внесла седока обратно в разоренный лагерь. Он пинал ее пятками по круглым бокам, дергал удила. Лошадь мотала головой и мчала его прямо на Сигурда. На разорванных удилами губах кобылы висели белые клочья пены. В паре шагов от Сигурда она поднялась на дыбы, перебирая передними ногами в воздухе. Сигурд взмахнул мечом, прочертил острием сверху вниз по брюху одуревшей скотины. Меч едва пропорол кожу, зато от боли кобыла заржала, опустилась на четыре ноги и шарахнулась в сторону, сбросив своего седока под ноги Сигурду. Отведенный после удара меч бонда описал дугу, рассек бок упавшего франка. Тот подрыгал ногами, покорчился немного и затих. С его смертью в уши Сигурда вползла непривычная тишина. Исчезли воинственные крики, лязг оружия... Пахло дымом. Насыщаясь добычей, трещал огонь. Примирившись со своей бедой, стонали раненые. Кто-то, сопротивляясь боли, визжал недобитым поросем – непрерывно и жалостливо.

– Все... Кончилось... – Сигурд выронил меч, плюхнулся на задницу, зачерпнув в горсть прохладной земли, протер ею пылающий лоб. Земля посыпалась за ворот рубахи, кожу передернуло мурашками. Сигурд засмеялся, огляделся.

У берега полыхали два корабля франков. Блики пламени прыгали по водной ряби, выхватывали из черноты безжизненно плавающие на мелководе тела – руки, лица, спины. Выжившие ползком выбирались на сушу, устало падали на земную твердь, выплевывали из нутра воду вперемешку со рвотой...

Справа от бонда, скорчившись и обхватив обеими руками разрубленный бок, лежал недавний враг. Мертвый, тихий...

Сигурд запрокинул лицо к небу, глубоко вздохнул. День обещал выдаться ясным – небо наливалось чистой сияющей синевой.

– Благодарю тебя, Один... – выдохнул Сигурд.

Откуда-то появился Гримли. Присел на корточки, заглянул бонду в глаза:

– Славный был бой. – Сплюнул, растер плевков носком сапога: – Что сидишь? Ранен?

До этого Сигурд не чувствовал ни боли, ни усталости. Но теперь с трудом сумел поднять руку, чтобы ощупать старую рану и бегло проверить новые. На ноге оказалась царапина и ныла скула, больше ничего. Повязка, соскочив с плеча, дала выход крови, уже поджившая рана сочилась влажным теплом.

– Нет. Ты видел кого из наших? – Сигурд вяло мотнул головой в сторону реки.

На щеках и лбу Гримли засохла кровавая корка. Когда он пытался улыбаться, корка противно сморщивалась.

– Хевдинг цел. С ним Тортлав, Латья, Инги, Стейкель...

– А Дорин?

Гримли устался на свои сапоги, ткнул обух топора в землю меж ними, покрутил рукоять в ладонях:

– Ушел к Хель...

Бонд догадывался об участии молодого задиры, потому и спросил. Догадывался и от чьей руки погиб Дорин. Кивнул:

– Рюрик?

– Он сын конунга, воспитанник конунга, – почему-то стал оправдываться Гримли. Отвел взгляд в сторону. – Когда-нибудь он сам станет конунгом!

– Я понимаю, – сказал Сигурд.

Все конунги и ярлы, которых он знал, поднимались на чьей-то крови. Хорошо, если это была кровь врагов или случайных соперников, но большинство предпочитали убивать родичей. В Руане Дорин посягнул на власть Рюрика. Конунг не должен прощать подобное. Особенно молодой конунг, который еще не окреп. Рюрик поступил верно, под шумок избавившись от неугодного хирдманна. А уж Тортлав снимет с него вину, распишет смерть

Дорина как кару богов. Иначе для чего были бы нужны скальды? Так устроен мир – конунги убивают, а скальды превращают убийства в подвиги...

– Пойдем. – Сигурд поднял меч, опершись на руку, встал, стряхнул с ладоней смешанные с пеплом сухие травинки. – Отыщем наших.

– Пошли, – согласился Гримли.

Искать пришлось недолго – драккар Рюрика оказался самым ближним к разоренному лагерю франков. Сам Рюрик стоял на берегу в окружении своих людей. Шесть плененных франков были тут же, неподалеку – понурые, грязные, с отчаянием в глазах.

Поглядывали на драккар, где к борту льнула одинокая женская фигурка наложницы Рюрика Эрны. Не замечая ее интереса к пленникам, мальчишка о чем-то спорил с Латьей.

Гримли и Сигурд сбросили добычу ⁷¹ толстяку Ауну, подле которого уже громоздилась куча одежд с яркими узорами, оружия, кувшинов, чаш и прочего хлама, подошли послушать.

Речь шла о пленниках. Рассуждали, куда их деть и надо ли вообще оставлять в живых, – на правом берегу еще оставалось войско Карла, а в битве от каждого раба можно ждать неприятностей. С другой стороны, каждый раб стоил денег...

Среди пленных Сигурд выделил троих познатнее, в красивых, хоть и рваных рубашках, с украшениями на пальцах, гладкой кожей и пухлыми губами. У одного были светлые вьющиеся волосы, у двух других – обритые головы. Поражение оглушило их – лица выражали полное безразличие.

– Нам не нужны эти рабы, – терпеливо убеждал кормщика Рюрик. – В Париже мы возьмем других.

– До Парижа еще надо добраться, – возражал Латья.

В двух шагах от спорщиков чистил меч невозмутимый Тортлав. Втыкал лезвие в речной песок, вытаскивал его, поворачивал, рассматривая в слабом свете утра. Сигурд подошел к нему, мотнул головой в сторону спорящих:

– Давно они так?

– А... – Скальд отмахнулся, провел пальцем по краю лезвия. Отдернул руку, сунул меч в ножны, забросил на спину. – Жаль, Бьерн с Волком не видели нашей славной победы.

– Может, и видели, – Сигурд указал на небо.

Скальд рассмеялся:

– У тебя душа скальда, ум бонда и сердце воина, Сигурд из Каупанга!

Из-за холма показался светлый солнечный круг, вернее, яркая опояска этого круга. Лучик света запутался в волосах скальда.

– Когда-нибудь я сочиню длинную песню, – задумчиво произнес Тортлав. – В ней я расскажу о нашем походе, о маленькой хвिति, позвавшей за собой в земли Асов лучших потомков Ингилингов, о тебе, о молодом сыне двух конунгов, о городе короля франков... Я о многом расскажу...

– Но вряд ли в твоей песне будет много правды, – сказал Сигурд.

Тортлав покосился на него, печально кивнул:

– Да, бонд. Зато это будет хорошая песня. Я сложу ее для тебя.

– Если доживешь, – сказал Сигурд.

– Если доживу... – эхом отозвался скальд.

Ночью северяне праздновали победу. В устрашение войску франков жгли костры на берегу, пели песни, хвалились собственной отвагой. Сигурд тоже пытался веселиться – пил добытое в бою кислое вино франков, хохотал над шутками Красного Рагнара, бил себя кулаком в грудь, доказывая, что сразил не меньше двух десятков врагов. Два десятка было даже маловато – остальные уверяли, что уложили не меньше трех, а то и четырех.

⁷¹ По пути заскочили в пару уцелевших шатров

Ночью – гуляли, а к утру подсчитали всех пленников, захваченных в бою. Оказалось больше сотни. Тащить их за собой в Париж не было никакого смысла. Пленников согнали всех вместе, затем выстроили перед бывшим лагерем, плечом к плечу. Шестеро, плененных людьми Рюрика, оказались в самой середке. Один, тот, у которого были светлые волосы, выглядел хуже других. Из раны на его бедре все еще текла кровь, лицо стало совсем белым, губы утратили цвет, глаза горячечно блестели. Он едва стоял на ногах, двое бритоголовых поддерживали его под руки, чтоб не упал. Дышал он трудно, всхлипывая при каждом вдохе, словно у него в горле стояла какая-то преграда.

Проходя мимо цепи пленных франков Рагнар остановился напротив него, ткнул пальцем в грудь:

– Как тебя называют?

Светловолосый поднял на него пустой взгляд, облизнул губы, попытался что-то ответить. Вместо слов из его горла вырвались бессвязные хрипы.

– Ленард, – вместо него произнес один из бритоголовых.

Рагнар запустил пальцы в бороду, прищурился:

– Он был твоим хевдингом?

– Да.

Похоже, бритоголовый неплохо знал северный язык.

– Он умирает, – сообщил ему Рагнар.

– Да, – вновь согласился бритоголовый. Поудобнее подхватил под локоть своего "хевдинга", шмыгнул носом: – Ты позволишь нам достойно похоронить его?

– Нет. – Рагнар еще раз оглядел светловолосого Ленарда, затем перевел взгляд на его слугу. – Но я могу сделать достойной его смерть...

Бритоголовый молча кивнул.

Когда Красный конунг перерезал горло светловолосому Ленарду, бритоголовый осторожно уложил мертвеца на землю, присел рядом, провел ладонью по его волосам, словно приглаживая.

– Он был не только твоим хевдингом, но и твоим другом? – спросил Рагнар.

– Молочным братом. – Бритоголовый нашарил на земле под ногами эрула два камушка, закрыл Ленарду глаза, уложил камушки на веки, прошептал что-то. Потом выпрямился, отряхнул ладони о разорванные у колен штаны: – Они отомстят за нас.

Он говорил о той части войска, что стояла на правом берегу. Два длинных шатра с яркими флагами, конница, метательные машины, лучники и копьеносцы...

Рагнар пожал плечами:

– Теперь наши силы равны.

– Ты не сможешь стоять здесь вечно. Но, пока они ждут там, ты не сможешь уйти по реке. Что же ты будешь делать?

– Сделаю так, чтоб они боялись меня.

Протянув руку, эрул указал на клочок острова, высовывающийся из-за речного мыса...

Сигурд стоял недалеко от Рагнара и слышал все его слова, но что затеял Красный конунг, понял, лишь когда один из драккаров Трира направился к острову. Вскоре над рекой зазвучал стук топоров, эрулы, выкатив на берег моток крепкой пеньки, принялись нарезать ее длинными кусками, увязывать концы петлями.

Потом пленных погрузили на два корабля и повезли на остров. Клешня поехал с ними, а Рагнар и Рюрик остались со своими людьми на берегу. Они вышли на самую кромку берега. Без оружия, без похвальбы и насмешек. Стояли и молчали. А на другом берегу в таком же молчании застыло войско франков. Было тихо-тихо. Затем франки дружно ахнули. Потом еще раз. И еще...

Из-за мыса показалось шнека Трира, подошла к берегу. Из нее выскочил Карли, сын Кальва. Придерживая болтающийся на поясе топор побежал к Рагнару. Волосы Карли были растрепаны, лицо покраснело.

– Почти все, – коротко сказал он. – Трир говорит – пора...

Рагнар взмахнул рукой, и все побежали к кораблям.

Сигурд привычно взобрался на драккар, сел на свой походный сундук, взялся за рукоять весла.

– Долго копаешься, – укоризненно сказал сидящий у борта Гримли. Приподнял весельную рукоять, покачал, прилаживая к руке. – Возьмись-ка поближе.

Сигурд переменил хват, приготовился.

Латя крикнул, весла чиркнули лопастями по илистому дну, столкнули корабль, понесли его к середине реки.

– Прямо! – закричал Рюрик. – Прямо! Ровными рядами, словно подчиняясь руке великого Одина, драккары двинулись к правому берегу. Узкие, увенчанные драконьими мордами носы кораблей устремились на войско неприятеля. Там больше не молчали, – сквозь плеск весел Сигурд расслышал крики ужаса, проклятия, мольбы и даже плач. Вытянув шею, бонд попытался рассмотреть франков, но из-за корабельного носа ему удалось увидеть лишь небольшую группку людей, стоящих на коленях у кромки воды. Один из них то и дело воздевал к небу длинные руки...

Не снижая хода, драккар миновал середину реки. Вражеский берег приближался, напознал разноцветными одеждами франкских воинов. Они выстроились ровной линией, в несколько рядов. Первыми стояли копейщики, оцетинясь острыми копьями, прикрывали длинными щитами затаившихся позади них лучников. Над головами воинов плескались в небесной сини притороченные к высоким шестам шелковые флаги. Цветные, яркие, с вышитыми на гладкой материи гербами владельцев. Драккары шли прямо на них, но франки не нападали.

"Я сделаю так, чтоб они боялись..." – вспомнил Сигурд слова Рагнара.

Красный эрул добился своего – франки словно оцепенели, наблюдая за летящими на них черными кораблями...

– Иии-ух! – Взмывали над водой сотни весел, играли блестящими брызгами, из-под оскалов драконьих морд струилась белая пена.

– Во славу великого Одина! – загудел над кораблями клич Рагнара.

– К бою! – вторя ему, зазвенел голос Рюрика.

С щитовой доски взметнулись щиты, на носовых надстройках припали на колено лучники, нацелили жала стрел на растерянных франков. Эрулы взревели боевым кличем северных берсерков...

И франки дрогнули. Испуганным бабьим визгом на разные лады заголосили боевые дудки. Ряды выстроившихся у берега воинов рассыпались, оставляя у воды лишь самых смелых. Но и те вскоре побежали, унося на длинных шестах свои красивые флаги...

– Труссы! – расхохотался Гримли. Пихнул плечом Сигурда, обернулся к нему потным, веселым лицом. – Гляди, как бегут! Словно зайцы!

– Поворачиваем, – перебивая его, прозвучал приказ Рюрика.

Мальчишка стоял на носу драккара, ухмылялся. Солнце блестело на золотой вышивке его нового плаща, освещало и без того светлые волосы.

– Левый борт – табань! – рявкнул Латя.

Сигурд и Гримли послушно опустили весло в воду, налегли на рукоять. Драккар сбавил ход, нехотя накренился на бок, повернулся, открывая взглядам гребцов маленький остров. Тот самый остров, куда Трир отвез пленных франков и на который так долго смотрели франки с правого берега.

– Могучая Бравиль ⁷²... – выдохнул Гримли.

А Сигурд не смог произнести и этого. Просто молча уставился на остров, за один миг забыв все слова. Два драккара Трира и шнека уже покинули островную отмель, оставляя за

⁷² Бравиль – в скандинавской мифологии: мать богов.

собой белесый пенный след. Волны раскачивали пенную полоску, несли ее к берегу. Оттуда, с суши, таращились на чужеземные корабли крепкие дубки, осиротело торчали голыми, обтесанными добела, нижними сучьями. Под сучьями возвышались горки срубленных веток, белели россыпи щепок. А вместо веток на сучьях раскачивались трупы. Почти сразу Сигурд увидел бритоголового пленника, – он висел на ближнем к воде дереве, рядом со своим таким же бритоголовым товарищем. Под их тяжестью сук согнулся, ноги повешенных почти дотягивались до земли. Люди Трира не побрезговали – сняли сапоги с обоих франков. Босые ступни мертвецов торчали из узких штанин... Должно быть, из-за гибкости сука бритоголовые оказались только вдвоем, – на других деревьях висельников было по пять, а то и по шесть на каждом суку. Болтались мешковатыми чучелами, безвольно свесив вдоль тел слишком длинные руки.

Не смущаясь близости живых людей, над островком уже кружилось воронье. Каркали, взмахивая черными крыльями, спускались к мертвецам, погребальными камнями рассаживались на сучьях над головами висельников.

– Вперед, баловни Ньерда! Не спать!

От крика Латыи бонд опомнился, отвел взгляд от острова. Вдвоем с Гримли они оттянули весло назад, опустили его, вновь оттянули... Знакомый труд позволял не думать об увиденном.

Сигурд не осуждал Рагнара или Трира – они воспользовались пленными вполне разумно. Бессмысленная, на первый взгляд, жестокость смяла оставшееся войско Карла, сломила дух еще готовых сражаться франков, а заодно избавила эрулов и данов от лишней возни с живым грузом. Хевдинги поступили правильно. Но все-таки на душе у бонда было погано. И не у него одного, – налегая на рукоять весла, Гримли озадаченно шевелил губами, тяжело сопел, старался не смотреть на плывущий мимо остров висельников. Водил взглядом по палубе, по спинам впереди сидящих...

Сигурд хотел было что-нибудь сказать, но воронье карканье мешало придумать слова. А еще мешал звук, раздающийся совсем рядом, – то ли всхлипывания, то ли кашель, словно кто-то душил в себе рыдания...

Сигурд оглянулся и увидел Эрну. Наложница Рюрика стояла на коленях недалеко от свернутого паруса, низко опустив голову. Ее русые, вьющиеся кольцами волосы касались палубных досок, худые плечи вздрагивали, из-под серой ткани рубашки выпирали острые лопатки, из-под подола выглядывали розовые гладкие пятки. Она казалась совсем маленькой и незащищенной. Вспомнилось, как она пристально смотрела на пленников, покусывала губы, сплетала и расплетала пальцы, наблюдая, как их сажают на корабли и увозят к островку...

Оглядевшись по сторонам, Сигурд склонился к женщине, негромко, чтоб не услышали хирдманны, прошептал:

– Ничего не поделаешь. Это – война...

Услышав его голос, Эрна приподнялась на руках. Из-под растрепанной челки показался овал лица, полные, будто припухшие губы. Блестящие глаза женщины остановились на лице бонда. Слез в них не было. Маленький рот приоткрылся, показывая ряд ровных мелких зубов.

Не отводя взгляда от Сигурда, Эрна хихикнула.

– Нет, неверно... Это – власть! – Вслепую, кончиками пальцев она отыскала оберег на груди, затеребила его, сминая мягкую ткань мешочка. Затем облизнулась, сухо, отрывисто засмеялась:

– Это – моя власть... Моя – над ними... Над всеми ними...

7. Без имени

Поутру Шулига едва смогла встать на больную ногу. Ее лодыжка отекала, красная с синим опухоль расплзлась от пальцев почти до колена. Лицо ободритки покрывал пот, волосы на лбу слиплись, глаза лихорадочно блестели. Приложив ладонь к ее лбу, Айша

ощутила под пальцами дыхание Огней – старшей и самой опасной из всех сестер-лихорадок. Кое-как уговорив Шулигу остаться на месте, Айша подошла к Хареку, потянулась к его уху. Чтоб не услышала ободритка, прошептала:

– В ней сидит Огня. В ноге, под кожей.

Харек дотронулся до висящего на поясе ножа, вопросительно взглянул на болотницу. Айша покачала головой:

– Нет. Можно разрезать нарыв, но у меня нет трав для припарок и отваров. Пока я буду собирать их, пройдет слишком много времени, Огня съест ее жизнь.

Харек задумался. После плена и долгих дней пути берсерк мало походил на воина, которым был когда-то, – его волосы стали серыми от грязи, щеки ввалились, на потрескавшихся губах запеклась кровь. Он хромал, одной рукой опираясь на толстую палку, а другую не снимал с рукояти тяжелого ножа, что висел на поясе. Одежда урманина стала грязной и рваной, из дыры на правом сапоге торчали опухшие пальцы.

– Попробуй успеть, – сказал он.

Айша покачала головой. Харек был для нее больше, чем другом, но лесные травы никогда не собирались по весне. Да и необходимости в них нынче не было. Сгодились бы сало, паутина, луковица... Люди обычно держат такие вещи под рукой.

"Там живут нелюди... Те, что едят других людей... Не духи..." – всплыло в памяти.

Она подошла к Шулиге, присела на корточки, заглянула в осунувшееся лицо ободритки:

– Я хочу пойти в деревню духов...

– Зачем? – нахмурилась Шулига.

Айша молча прикоснулась к ее ноге, надавила пальцем на синюшный отек. От пальца остался след – темное, почти черное пятно. Шулига огорченно засопела. Бросила беглый взгляд на Харека:

– Он уйдет с тобой?

– Нет. Он думает, что я пошла за травами. Но я могу не вернуться.

– Мы не станем слишком долго ждать, – пообещала Шулига. Усмехнулась, окатила Айшу презрительным взглядом. – Ты поступаешь очень глупо. Думаешь, духи пощадят тебя, раз ты ведьма?

Благодарности она не испытывала. Болотница сделала выбор по своей воле, ее никто не просил. Значит, и благодарить ее было не за что.

– Я не ведьма, – сказала Айша. – Я человек.

– Тогда почему? – удивилась Шулига.

– Что "почему"?

– Почему ты идешь туда?

– Потому что я не ведьма.

Ободритка засмеялась, утерла с лица пот, промокнула влажную шею подолом юбки:

– Ты странная. Но, как скажешь...

Берсерк проводил Айшу до вершины холма.

– Вниз не спускайся. – Указал на затаившуюся в лесной глуши деревню.

Она приютилась под холмом – тихая, неприметная, обнесенная высоким частоколом. Ворота в городье были приоткрыты, к ним из еловой чащи тянулась натоптанная тропа. С холма, сквозь кроны обступивших деревню елей, Айша разглядела длинные, крытые ветками дома. В прогалинах белел чисто выметенный двор.

Харек ушел.

Сначала болотница направилась в сторону от усадьбы духов, но, едва спина берсерка скрылась за деревьями, повернула назад и, прихватываясь руками за землю, принялась спускаться.

В нескольких шагах от ворот она расслышала глухой стук. Стало по-бабьи страшно – до мурашек на коже и застрявшего в горле визга.

– Ничего... – попробовала успокоить саму себя Айша. – Все правильно...

Приоткрытая створа поддалась под ее ладонью, бесшумно отползла в сторону, открывая пустой двор с далекими постройками, одинокую тощую кобылку, мирно жующую сено из кормушки, колоду для дров, грудой сваленные подле нее полешки... За колодой возвышался журавль колодца. С его клюва спускалась веревка с ведром. Ведро раскачивалось, ударялось краем о колодезную опалубку.

Айша шагнула в ворота, скользнула к колодцу, схватила рукой веревку. Стук прекратился. Лошадь подняла голову над кормушкой, косясь на незнакомую гостью. Затем тряхнула гривой, фыркнула и, отыскав свисающий клоч сена, радостно потянула его на себя.

Болотница перегнулась через опалубку, заглянула в темное колодезное нутро. Из него на болотницу уставилось немигающее водяное око.

– Покоя тебе, – шепотом пожелала Айша колодезнику.

Ее шепот обласкал влажные стены. Колодезник печально вздохнул, перевернулся в своем узком логове, тронул воду легкой рябью. Из влажного колодезного горла к болотнице протянулась незримая рука, коснулась лица, погладила щеку:

– Девочка моя...

Холод обнял Айшу нежным коконом, повлек к воде. Она перегнулась через край опалубки, за ее спиной что-то шевельнулось, зашуршало. Невидимая рука отдернулась, ледяной кокон раскололся, освобождая тело и мысли, вздохнул:

– Не время...

Айша удержалась на краю опалубки, медленно повернулась.

Их было двое. Две женщины. Обе худые, невысокие, со впалыми щеками и серыми волосами, заплетенными на висках в косицы. Одна из женщин была в рубашке до колен, другая – в длинной юбке. Рубаху ей заменяли клочки меха, перевитые конским волосом. Начинаясь от макушки, они переплетались с волосами, гроздьями свисали на грудь незнакомки, высохшее лицо, прогалину меж грудями и впалый живот. На животе покачивалось вдетое в пуп железное колечко, на груди темнели свежие синяки. Такие же синяки украшали ноги второй женщины. На одной коленке виднелась едва подсохшая ссадина.

Держась за руки, обе женщины пытливо рассматривали Айшу. Болотница выпрямилась, вытянула к ним руки, повернула раскрытыми ладонями вверх. Та, что носила меховые клочки, склонила голову к плечу, нахмурилась, взирая на маленькие ладошки болотницы. Вторая переступила с ноги на ногу и, будто глуздырь, сунула в рот большой палец.

– Айша, – болотница приложила правую руку к груди.

Вспомнила древнее приветствие, певуче заговорила на старом языке нежитей, обещая хозяевам, что не навредит их жилищу, не затеет против них зла, не принесет с собой дурные помыслы...

Женщины слушали, молчали. Одна продолжала сосать палец, а вторая озадаченно взирала на гостью, покусывая губы и сосредоточенно наморщив лоб. Не дослушав, шагнула к Айше. Ее рука поднялась, брякнув костяными браслетами на запястье, коснулась груди болотницы. Большой рот приоткрылся.

– Кайра! – ткнув Айшу пальцем в грудь, каркнула женщина.

Пальцы у нее были грязные, с обломанными ногтями. На тыльной стороне ладони виднелись порезы и царапины, словно она недавно дралась с дикой кошкой.

– Айша, – возразила болотница.

Осторожно прикоснулась к чужой руке, мягко согнула ее, указывая на саму незнакомку:

– Кайра.

Та вырвала руку, тряхнула головой. Меховые клочки запрыгали по ее плечам, открывая длинные высохшие груди с темными сосками. Губы раздвинулись, обнажая ряд желтых, обточенных до остроты зубов.

– Кайррра, – постучав кулачком в грудь, рыкнула она. Присела, выгнула спину,

по-кошачьи зашипела. Перестав шипеть, вопросительно воззрилась на болотницу. Ее подруга равнодушно подошла к колодцу, качнула ведро. Оно вновь уныло застучало о стены. Обойдя Айшу, женщина в рубашке уселась на опалубку, внимательно рассматривая качающееся ведро. Ее губы беззвучно шевелились.

"Меховая" вновь изогнулась дугой, зашипела.

– Не надо, – Айша выбросила к ней ладонь с растопыренными в стороны пальцами. – Я поняла. Кайра – кошка... Ты говоришь, что я кошка...

Коснулась уголков глаз:

– Кайра?

Многие, даже Бьерн, говорили, что у нее кошачьи глаза.

– Кайра, – кивнула незнакомка. Постучала себя по груди: – Коракша!

– Кто?! – Громкий возглас Айши напугал вторую женщину. Она съежилась, подобрала ноги, закрыла голову руками.

– Коракша... – растерянно повторила "меховая". Она огорчилась, в карих глазах промелькнула обида. Разведя руки в стороны и размахивая ими, словно крыльями, она обежала колодец, каркнула, широко открывая рот. Объяснила:

– Коракша.

Затем, подскочив к своей молчаливой спутнице, сдернула ее с опалубки, подтащила к Айше, толкнула на землю, постучала по всклоченной макушке:

– Тая – коракша!

Айша поняла: их обеих называли воронами, на языке этих людей – коракшами. Между тем новая знакомица осмелела. Длинные цепкие пальцы схватили болотницу за локоть, потащили вниз, призывая сесть. Не сопротивляясь, она опустилась на землю. Коракша плюхнулась рядом. От нее жутко воняло – то ли гнилью, то ли прелым жиром.

– Кайра... – она коснулась кончиком пальца Айшиного плеча, затем быстро показала двумя пальцами другой руки бегущего человека.

– Коракша... – палец переместился к ее глазам. Она покрутила головой, делая вид, что вглядывается. Затем, изобразив, словно только что увидела "бегущего человека", выпучила глаза, отшатнулась, замахала руками, словно крыльями:

– Каррр, карррр, карррр!

Айша кивнула. Все становилось на свои места. Эти две женщины-вороны должны были охранять деревню, предупреждая о появлении чужих. Но чужими здесь считали людей, а болотница казалась им кошкой или нелюдью из рода Кошки. Для столь странного домысла было две причины. Во-первых, люди никогда не входили в деревню духов по доброй воле, а Айша вошла, значит, она не человек. Во-вторых, ее глаза походили на кошачьи, и она знала древний язык духов, который был известен лишь зверям и нежитям. Поднимать тревогу из-за приبلудной кошки было глупо. Во всяком случае, так решили обе охранницы...

Оставалось непонятным лишь, где попрятались остальные жители.

Сидя напротив госты, коракша перебирала комочки меха, выжидая, смотря на Айшу. Болотнице вспомнился рассказ про другого Коракшу, того, который стал убийцей ее Бьерна, про то, как духи дали ему новую жизнь. Должно быть, свое имя он тоже получил в одной из таких деревень. Перед глазами болотницы возникло его лицо – жесткие круглые глаза, широкие скулы, острый нос. Он на самом деле напоминал ворона...

Вторая женщина поднялась, пошла к воротам. Подойдя, слегка прикрыла створы, села на задницу, согнув колени и привалившись к одной из створок спиной. Вылезшее из облаков солнце мазнуло лучом ее по лицу, задрожало блеском в волосах. Женщина поморщилась.

Сидящая подле Айши коракша поднесла к губам раскрытую ладонь, выставив пальцы к небу, дунула, словно пытаясь загасить солнце.

– Мартри, вурды, айсы, ухути... – перечисляя, она обводила рукой деревенские дома. Взгляд Айши следил за ее пальцами, наткнулся на выставленные у домов колья.

"Мартри..." – с кола, подле самой большой и на вид самой крепкой избы с двумя поднимающимися над землей венцами на болотницу взирал пустыми глазницами череп

медведя.

"Вурды..." – с другого кола, у другой избы, скалился череп волка.

"Айсы..." – изба лис.

"Ухути..." – совы...

Все – ночные жители леса, те, что появляются, когда гаснет солнце...

Так вот куда запропастились жители деревни! Айша улыбнулась, перехватила руку коракши, опустила ее. Потом дотронулась до темного синяка на ее оголившемся плече, вопросительно приподняла брови.

– Мартри, – коракша развела руки, показывая огромного медведя. Потом принялась медленно сводить их вместе, приговаривая: – Вурды, айсы, ухути...

Оставив между ладонями совсем крошечный зазор, вздохнула:

– Коракша...

Обреченно пожала плечами. Помолчала, потом, вспомнив что-то, повеселела, хлопнула в ладоши, двумя пальцами показала нечто совсем маленькое:

– Аии.

Болотница не понимала.

– Аии, – коракша развеселилась, оскалила обточенные зубы, постучала по ним ногтем. – Аии...

Видя, что пришедшая "кошка" не может догадаться, вскочила, схватила ее за руку, потащила за собой, куда-то за избы.

Они миновали большую "медвежью" избу, проскользнули мимо "волчьей", из приоткрытой двери которой раздавался громкий мужской храп, завернули за "лисью".

После широкого и чистого деревенского двора открывшийся перед Айшей круглый дворик выглядел маленьким и грязным. Откуда-то жутко пахло гнилым мясом, над стоящим посреди дворика железным чаном кружились мухи. Садись на края, ползали по ним, налезая друг на друга и поблескивая на солнце синими крыльями. Чан был пуст, но в засохшей по его краям корке Айша признала кровь. В углу двора, там, где задняя стена "лисьего" дома утопала в старых лопухах, валялись похожие на колья палки с отточенными концами, рваные лохмотья одежды, чей-то сапог с ободраным голенищем...

Болотницу замутило. Она остановилась, вырвала руку. Коракша отпустила ее, разбрасывая босыми ногами попадающиеся по пути еловые ветки, устилавшие часть двора, подбежала к большому, выструганному из дерева кругу. Круг лежал посреди двора, недалеко от чана. Вцепившись в его край обеими руками, коракша оттащила его в сторону и победоносно ткнула пальцем в разверзшуюся под ним яму:

– Аии!

Болотница подошла.

Яма оказалась неглубокой, немного выше человеческого роста. Ее края сочились влагой, стекающие по ним капли собирались на дне в мутную лужу. Посреди этой лужи копошилось что-то живое. Шевелилось, плескало водой, вдавливалось в стену, прикрываясь рванными тряпками, некогда служившими одеждой. Белый овал лица выскользнул из мокрых тряпок, мазнул безумным взглядом по болотнице и коракше, отворил дыру рта:

– Ааа-иии-аа.

Ноги Айши налились тяжестью, в груди что-то сжалось.

– Гюда?!

Она отступила от края ямы, отвернулась, стиснула ладонями виски. Коракша заинтересованно заглянула ей в глаза. Довольно улыбнулась:

– Аии!

Айша не знала, что делать. Стояла у края ямы, смотрела на жалкое, безумное создание, которое недавно было Гюдой, и молчала. Коракша вертелась вокруг нее, подпрыгивала, махала руками – чему-то радовалась. Гроздь меховых клочков прыгали по ее плечам, путались в волосах.

Айша присела у ямы на корточки, позвала:

– Гюда!

Бывшая княжна не слышала. Она больше не скулила. Забившись в угол, сжалась в комок, прикрыла голову руками.

Развеселившаяся коракша пробежала за спиной болотницы, громыхнула чаном. Гюда вздрогнула, запрокинула вверх испуганное лицо. Она осунулась, в волосах появились седые пряди, под глазами залегли глубокие синяки, веки покраснели. Выглянувшая из-под спутанных волос мочка уха была коричневой от запекшейся крови.

Блестящие глаза Гюды обежали край ямы, наткнулись на болотницу. Измазанное грязью лицо сморщилось, губы скривились, задрожали. На миг во взгляде промелькнуло что-то осознанное...

За спиной Айши коракша уселась перед чаном, смахнула с него жирных синих мух, принялась скрести по краю ногтем. Скрежет напугал Гюду. Княжна тонко заскулила, заметалась, расплескивая воду под ногами.

– Шшш! – обернувшись, цыкнула на коракшу болотница.

Испытанный недавно страх исчез. Пастенка оказалась права: жители деревни не были духами. Но людьми они себя не считали. Нелюди... Обычные звери в человеческом обличье. Обычных зверей Айша никогда не боялась. Уж тем более ворон...

– Га? – оставив свое занятие, поинтересовалась коракша. Подхватила в ладонь отодранную с котла кровяную корку, сунула в рот. Зачмокала, заулыбалась.

Айша отвернулась. Склонившись над пропахшей сыростью утробой ямы, протянула пленнице руку:

– Вылезай!

Гюда пискнула, бросилась к противоположной стене. Огромные ввалившиеся глаза княжны уставились на протянутую руку.

Позади болотницы коракша вновь принялась старательно скрести котел. Не обращая на нее внимания, Айша передвинулась ближе к обезумевшей пленнице, не убирая руки, заговорила, стараясь, чтобы голос звучал мягко и ласково:

– Ну, что ты? Иди сюда... Иди... Не надо бояться... Все будет хорошо...

Княжна не шевелилась. Над головой Айши, разогревшись под весенними лучами солнца, жужжали мухи, за спиной скрежетал о железо крепкий ноготь коракши. Рубаха болотницы на груди и под мышками взмокла от пота. Одна особо назойливая муха уселась на щеку Айши, засемила влажными лапками к переносице. Та смахнула ее, забормотала, вновь обращаясь к пленнице:

– Идем... Идем домой...

Гюда молча теребила в пальцах подол рубашки, вслушивалась. Мокрые кончики волос облепили ее шею, закрывая красный след от удавки. Губы шевельнулись, вспоминая давно забытые слова.

– Домой... – осипший голос змеей прошуршал по влажной стене, утонул в грязной луже под ногами.

– Домой, – согласилась Айша. – Домой...

Гюда шагнула к ней, осторожно, приседая и горбя плечи, потянулась к руке болотницы. Айша замерла.

Пальцы княжны коснулись ее запястья – мокрые, холодные. Ощупали. Словно боясь ошибиться, пробежали легкими паучками по кисти до самых ногтей, затем скользнули обратно и вдруг мертвой хваткой стиснули запястье.

– Домой! – взвизгнула Гюда и дернула Айшу вниз. Болотница вцепилась свободной рукой в тяжелую крышку ямы, уперлась, чтоб не рухнуть в яму.

Коракша перестала отскребать чан, уставилась на Айшу.

– Ммм-ррр, – промычала болотница. Изловчилась, плюхнулась на живот, второй рукой схватила княжну за нечесанные космы на макушке, потащила к себе.

Обезумевшая пленница не чувствовала боли – ее тело рвалось к свободе, к свету, который разливался там, наверху, откуда к ней протянулась теплая живая рука.

Оскальзываясь ногами на влажной стене и помогая себе свободной рукой, Гюда принялась карабкаться вверх. В какой-то миг перед ее взглядом возник край ямы, жухлая трава, еловые ветки на плоской земле. Мелькнула чья-то юбка, ноги...

Глотая воздух широко раскрытым ртом, Гюда рванулась вперед, почуяла под животом сухую землю и, разжав пальцы, быстро поползла прочь от ямы, на дне которой в грязной луже уже много дней лежало мертвое тело Ингии. Ингию не съели, как других спутников Гюды, заброшенных варгами сюда, в усадьбу. Гюда плохо понимала, как все случилось и как надежные монастырские стены сменили холодные откосы ямы. Но она помнила, как по ночам люди в звериных шкурах, завывая, окружали яму и, беспорядочно тыкая в темноту длинными копьями, насаживали на них перепуганных пленников. Цепляли одного, тащили вверх... Потом яму закрывали, и Гюда больше ничего не видела, только слышала шарканье множества ног, хруст разламываемых костей, треск кожи и отчаянные вопли разрываемого заживо человека... А потом люди-звери начинали драться меж собой, рыча, огрызаясь, взвизгивая... Ингии повезло, – однажды, в темноте, копье пронзило ее грудь, и она упала в лужу. Этого никто не заметил – все метались, прячась от копий, топтали упавшую женщину. Ингия утонула... Потом она несколько раз всплывала – распухшая и синяя. Днем Гюда нарочно топила ее останки, – чтоб не забрали нелюди, а ночью вынимала ее из воды, прижималась к стене спиной и прикрывалась распухшим телом Ингии от копий. Когда копье входило в мертвую женщину, ее тело шипело, выпуская из раны воздух...

Чья-то рука вцепилась в ногу уползающей княжны, дернула ее обратно.

– Стой... погоди...

Голос показался Гюде знакомым. Но вслушиваться было некогда, а обратно в яму Гюда не хотела. Поэтому она собрала все силы, перевернулась и метнулась к той, что держала ее за ногу. Перед лицом княжны промелькнуло бледное, узкое лицо, кошачьи глаза... Что-то тяжелое ударило ее по голове. В затылке загудело, разноцветные точки слились в водоворот, закружили княжну, поволокли ее куда-то в темноту...

– Ты? – Опуская руку, коракша вопросительно взглянула на болотницу. Из ее сжатых пальцев на землю вывалился увесистый камень. Упал рядом с распростертой княжной. Айша выдохнула, кивнула. Она не ожидала от княжны попытки напасть. Хорошо, что коракша вовремя тюкнула ее камнем по голове...

Уловив во взгляде гостьи одобрение, коракша подволокла к обеспамятевшей пленнице чан, подскочила к задней стене избы, склонилась над копьями. Принялась деловито перебирать их, отыскивая поострее. Нашла, бросила перед Айшей, вновь вопросительно воззрилась на болотницу.

– И не думай, – сквозь зубы пробормотала Айша.

Она не боялась, но все ее тело колотил непонятный озноб. При этом руки дрожали, словно в горячке, щеки полыхали огнем, а сердце билось так быстро, что удары едва поспевали друг за другом.

Перешагнув через брошенное к ее ногам копье, болотница подхватила обмякшую княжну за руки, кое-как втянула ее к себе на спину. Несмотря на худобу, княжна оказалась тяжелой – Айша гнулась под ее тяжестью. Пошатываясь, сделала первый шаг.

Позади возмущенно зарокотала коракша. Негромко, но упрямо.

Пришлось остановиться, сбросить живую ношу на землю.

Коракша была вне себя от негодования – до нее стало доходить, что пришедшая "кошка" намеревается просто-напросто стащить чужую добычу. И что она не собирается делиться... Карие глаза коракши сверкали, нахмуренный лоб разрезали две глубокие морщины, губы сжались, а меховые клочки недовольно приплясывали на покатых плечах. Рот коракши был приоткрыт, она издавала негромкие квохчущие звуки.

– Ладно... – Айша подняла с земли брошенное копье, покачала в руке. Копье было увесистое, без наконечника, зато с отточенным концом и тяжелым древком.

Коракша умолкла.

Айша повернулась к княжне, взяла копье ближе к острию. Краем глаза увидела сбоку

движение, услышала шорох, – коракша тянула чан ближе к жертве.

Болотница подняла копые повыше, занесла руку. Коракша оставила чан, замерла, вытягивая шею и облизываясь. Не опуская копыя, болотница резко развернулась. Тяжелые конец древка ударил коракшу по шее, хрустнул, разломился. В карих глазах женщины-вороны отобразилось непонимание, ее голова странно мотнулась к плечу, горло дернулось, пытаясь выдавить хоть какой-то звук. Так, дергая горлом и беззвучно раскрывая рот, она и осела к ногам болотницы, рядом с недавней пленницей.

Айша знала, что спустя недолгое время коракша придет в себя. Тогда...

Она не хотела думать, что будет тогда. Она вообще ни о чем не хотела думать. Втянула на закорки постанывающую княжну, протащила ее через молчаливый двор.

Вторая коракша по-прежнему сидела у ворот. Айша с княжной на плечах ее смутила. Отсутствие ушедшей с Айшей подружки смутило еще больше. Вытащив палец изо рта, она озабоченно пошарила взглядом по двору, затем встала, пошла вдоль забора, заглядывая в каждую ямку или закуток. Не дожидаясь, пока она отыщет свою подругу и поднимет шум, Айша выскользнула за ворота, побежала. Ноги княжны волочились за ней по земле, мешали. В груди kloкотало дыхание, спина взопрела, пот проступал на лбу и струйками стекал на глаза.

Свернув с тропы, Айша стала карабкаться вверх по склону. Она уже не различала дороги – просто ломилась напрямую, наугад огибая возникающие из пелены перед глазами древесные стволы. Дважды она упала. Упав в третий раз, не стала вновь взваливать княжну на спину. Просто схватила ее за руки и потащила за собой, проламываясь сквозь мелкие кусты...

Лишь теперь до болотницы стало доходить, какую глупость она сделала. Рано или поздно коракши поднимут на ноги всю деревню. Звери могут простить многое, но кражу добычи – никогда... Они пойдут по следу любого обидчика, посмеявшегося хозяйничать в их угодьях, а уж тем более в их собственной норе... А Гюда? Да что Гюда?! От нее ведь почти ничего не осталось, лишь жалкая тень прежней княжны. Страх пережитого будет идти за ней по пятам до самой смерти, будет мучить ее ночами, преследовать днем, напоминать о себе чужими голосами... Ее душа так же высохла, как и ее тело. Несчастный комок страха и безумия, почти мертвый, – вот что Айша взялась спасать, не подумав об участии тех, кто ждал ее на вершине холма. Но бросить Гюду теперь тоже было бы неправильно...

От бессилия и собственной глупости хотелось выть.

– Дура... – рывками волоча за собой живую ношу, бормотала болотница. Споткнулась о спрятавшийся под мшистой кочкой пенек, упала на колени, разжала руки, закрыла лицо ладонями.

– Дура! Дура! Дура! – Слова получались глухими, таяли в плотно сжатых пальцах.

– Дура, – утвердительно произнес над ее головой хриловатый женский голос.

Айша подняла взгляд. В нескольких шагах от нее, опираясь на палку, стояла Шулига. Рогатина палки упиралась в под мышку ободритки, два обрезанных сучка приподнимались над плечом. Вид у Шулиги был недовольный. Подле нее, возвышаясь над подругой почти на голову, стоял Харек. Рассматривал лежащую без движения княжну, щурил желтые глаза.

– Ну, и кто этот – ткнув концом палки в спину княжны, поинтересовалась Шулига.

– Княжна, – вместо Айши равнодушно, словно совсем не удивляясь неожиданной находке, произнес берсерк. Почесал пятерней серые от грязи волосы, усмехнулся. – Дочь князя Альдоги...

Что делать со спасенной княжной, никто толком не знал. Как умела, Айша рассказала о деревне, о людях-зверях, о коракшах, не менее безумных, чем Гюда. Умолчала лишь о колодезнике.

Безумие княжны ничуть не напугало Харека. Недолго думая, он скрутил ей руки за спиной. Затем, подумав, затолкал в рот клоч мха:

– Так!

– Нет, не так! – возмутилась Шулига. – Хватит с нас одной дуры. Вторую я за собой не потащу!

Первой душой она называла Айшу. Несколько дней назад в планы ободритки входило спасение из плена приглянувшегося ей Харека, а вовсе не бестолковой маленькой ведьмачки, которая жаждала умереть. Но если с Айшей она в конце концов смирилась, то мириться с появлением еще одной спутницы явно не собиралась.

Пока Айша лежала на спине переводила дух, ободритка донимала Волка. Поддерживающая ее палка глухо постукивала по земле рядом с головой княжны, сминала мох.

– Смотри, какая тощая. Она все одно сдохнет...

Харек молчал.

– По ее следу пойдут духи... – По привычке ободритка именovala нелюдей духами. – А если оставим ее здесь, они не станут гнаться за нами!

Харек молчал.

– Ее надо оставить тут! Иначе они догонят нас и убьют. Ты хочешь умереть из-за этой... – замявшись, Шулига подыскала нужное слово, брякнула: – ...бледной жабы?!

Харек молчал.

– Что ты молчишь?! Тебе все равно?! Или она тебе важнее, чем я?!

Доводов у Шулиги становилось все меньше. Им на смену пришел гнев.

– Ладно, коли таки – наоравшись в досталь, угрюмо заявила она. Проковыляла куда-то, затем вернулась, направилась к княжне. Та уже очухалась – извивалась змеей, стараясь освободить руки.

Шулига пнула ее в бок, заставила перевернуться на спину:

– Я сказала, что ее с собой не потащу, значит, не потащу! Здесь сдохнет.

Костыль упал в мох рядом с Айшей, в руках у ободритки глухо щелкнула ременная петля. Айша вскочила. Поздно – незаметным, плавным движением Харек скользнул к ободритке, раскрытой ладонью ударил ее по щеке. Ударил не сильно, но низенькая Шулига шлепнулась на задницу, пискнула, схватилась за щеку. В серых глазах блеснуло негодование. Заранее зная, что будет дальше, Айша вновь рухнула наземь. Нужно было собраться с силами...

– Помолчи, – сказал Шулиге Харек. – Бьерн заботился о ней. Я чту память Бьерна.

Шулига всхлипнула, передразнила:

– "Бьерн... Бьерн..."! Одну взяли – "Бьерн". Другую – "Бьерн". А я как же?

Плакать она не умела, но, имея опыт совместной жизни с тремя мужьями, научилась понимать выгоду слез.

– Не любишь ты меня...

Подождав ответа, продолжила – влажно, с придыханием:

– Все бьешь меня... Ругаешь... А за что? Я и сама-то еле хожу, куда ж такая обуза? Оставь ты ее... Оставь...

Голос ободритки задрожал, наполнился горечью:

– Вот нагонят нас к ночи, что я буду делать? С такой ногой не убежать мне никуда, не спрятаться... Страшно мне... А ты... Ты...

Всхлипывания стали чаще.

Харек поднял брошенную рогатину, подошел к ободритке, присел, положил рогатину ей на колени:

– Надо идти.

Шулига перестала серпать носом, вздохнула, смирилась с неизбежностью:

– Надо.

Схватившись за руку берсерка, встала на ноги, сунула костыль под мышку. Деловито окликнула Айшу:

– Эй, ведьма! Хорошо спать!

Подниматься болотнице не хотелось, – ноги у нее дрожали, кожа горела, а мох был

прохладным и мягким. Айша надеялась, что до заката нелюди не покинут своей деревни. Но до заката лучше было бы уйти подальше от их логова...

Шулига подскакала к притихшей Гюде. Не стесняясь, с размаха ударила ее костью по плечу:

– Вставай, ты, язва!

К удивлению Айши, княжна послушно закопошилась, принялась подниматься. Связанные за спиной руки мешали ей. Харек подхватил ее за ворот рубашки, рывком вздернул на ноги. Гюда замычала, забрыкалась.

– Оставь ты ее! – брезгливо сказала Шулига. – Не такая уж она и безумная, чтоб тут сидеть. Сама за нами потопает...

Всмотрелась в глаза княжны:

– Давай. Шагай... – И поковыляла прочь.

За ней, припадая на правую ногу, заскользил Харек. Следом двинулась Айша.

Пройдя с сотню шагов, болотница не удержалась – обернулась. Нелепо раскачиваясь и спотыкаясь на каждой кочке, княжна плелась за своими спасителями. Из-за скрученных за спиной рук ее плечи выпирали вперед, зеленый клочок мха высывался изо рта, ноздри раздувались. Бессмысленно преданный взгляд впился в коренастую фигуру ободритки.

"Как собачонка за хозяйкой", – подумала Айша. Внутри шевельнулась бестолковая человеческая ревность: "А ведь спасла-то ее я!"

Вылезший из земли корень подвернулся болотнице под ноги, цапнул за носок сапога. Нелепо взмахнув руками, Айша шлепнулась лицом вниз, ударилась лбом обо что-то твердое. На лбу тут же вздулась шишка.

– Чтоб тебя! – непонятно на кого выругалась болотница.

Встала, догнала Харека, зашагала рядом с ним.

Больше она не оборачивалась...

Около полудня они вышли к озеру. А нелюдей Айша почуяла ближе к вечеру, когда солнце стало уходить за верхушки елей, отражаясь в спокойной воде озера красными бликами. Шулига уверяла, что там, на другой стороне озера, начинались земли ободритов – ее родные земли.

– Кабы лодку... – Она тоскливо косилась на темную, едва различимую за водной преградой полосу противоположного берега.

За день они ушли далеко от деревни духов и очень устали. У Айши ныла спина и зудели ноги, словно под кожей копошились невидимые мураши, ободритка при каждом шаге морщилась, уже не в силах скрывать боль, а княжна отставала, даже когда Харек привязал ее на длинную веревку к своему поясу. О преследователях никто не вспоминал, а если и вспоминали, то не говорили. Но к вечеру в шорохе прибрежных камышей и в спокойном шуме леса Айша ощутила странную настороженность. Привычные шепотки речных и лесных духов стихли, словно устыдились чего-то, одинокая выпь принялась кликать на помощь свою родную сестрицу Кикимору, а в пении ветра послышалось чужое жаркое дыхание.

Нелюди окружали свою добычу.

Пока они были осторожны, скрываясь за кустами и деревьями, не подходя слишком близко. Они ждали темноты, жадно втягивали ноздрями запах намеченных жертв, слизывали слюну с запекшихся в беге губ. Айша знала, что они бежали, – их дыхание было частым и прерывистым, как у волков, преследующих сильного подранка.

Кто-то из нелюдей оступился, зацепил плечом острый сучок, тонко тявкнул.

– Слышишь? – Айша дернула берсерка за рукав.

– Что?

– Нелюди... Здесь.

Харек прислушался:

– Нет. Ты ошиблась.

Айша не стала спорить. Желтоглазый доверял себе больше, чем кому бы то ни было. Он все равно не поверил бы.

Пока он возился, подтаскивая ближе веревку, к концу которой, словно телок, была привязана княжна, Айша нагнала Шулигу. Ободритка была все еще зла – даже долгий и утомительный переход не сломил ее упрямого нрава. Опираясь на костыль, она молча ковыляла вперед, сосредоточенно серпала носом, косилась на озеро.

– Они здесь, – коротко сказала Айша.

– И что теперь? – угрюмо фыркнула ободритка. – Сядем и начнем плакать?

Остановилась, подняла костыль, концом указала на противоположный берег:

– Два дня пути. Ты умеешь летать, ведьма?

Айша отрицательно покачала головой. Шулига опустила костыль, вытерла пот с лица, поправила сбившийся в сторону ворот рубашки:

– Я тоже. Но моя душа может летать. И прежде чем уйти в ирий, она обязательно полетит туда, домой. Поглядит на братьев, на сестру. Когда меня отдавали за первого мужа, сестра еще маленькая была, а нынче, небось, уже невестится...

Раньше ободритка не говорила ни о родичах, ни о душе. Ее волновали еда, питье, Харек, все, что можно было потрогать руками или из чего она могла извлечь выгоду. Но никак не душа...

– Ты сама придешь туда через два дня, – сказала Айша. – В свой дом. Вместе со своим мужчиной. Еще и сестру замуж отдать успеешь.

Шулига горько улыбнулась, бросила быстрый взгляд на Харека сморгнула, отвернулась:

– Нет.

– Что, тоже слышишь их?

– Не я. Мой страх. – Она приложила ладонь к животу, погладила его, словно утешая боль.

– Тебе нечего бояться. Харек очень силен в бою, – попыталась успокоить ее Айша. – Я много раз видела, как он сражается.

Лицо Шулиги разгладилось, глаза вновь похолодели:

– Я за спиной своего мужика прятаться не буду. Чай, сама не чурка безрукая!

Айша вспомнила медведя, который вышел на них возле деревни нелюдей, корягу в руках ободритки, ее раскрасневшееся в гнев лицо. Кивнула:

– Это уж точно...

И они пошли дальше. По пути Айша старалась не слушать нелюдей, не замечать наползающей на озеро темноты, которая бесшумно скрадывала сперва дальние деревья, а потом облила чернотой ближние и превратила кусты на берегу в безликие чудища. Сами того не замечая, путники скучились, и даже Гюда засеменила быстрее, стараясь держаться ближе к своим спасителям. Шулига упорно смотрела себе под ноги, Харек вытащил из-за пояса топор.

Внутри Айши затаилось смятение. Свернулось клубком, как сытый кот, обмахнуло кончиком пушистого хвоста хитрую морду, зажмурило черные бездонные глаза, притворилось спящим. Однако Айша ощущала его монотонное урчание, его сжимающиеся на сердце когти. Вряд ли это был страх, скорее новое чувство походило на нетерпение. Взгляд болотницы ползал по земле, отыскивая то тяжелую палку, то увесистый камень. Пальцы разжимались, тянулись за оружием, способным защитить человеческое тело, а душа рвалась к затаившимся в кустах нелюдям, кричала, зная о своем могуществе:

– Где вы?! Ну, где же вы?! Выходите!!!

Они не вышли. Когда последний солнечный луч скользнул по озерной ряби и исчез в камышах, уступив место ровному лунному сиянию, завyli вожаки родов. Вой напугал ночную тишину, заглушил плеск рыбы в камышах, дотянулся до остановившихся путников. Шулигу трясла дрожь – Айша ощущала ее, прижавшись к ободритке боком. Гюда заметалась на веревке, словно молодая щучка, угодившая на жерлицу. Харек подтащил ее к себе,

схватил за ворот рубахи. Потом отвязал от пояса конец веревки, сунул в руки Айше, приказал:

– К воде. Всех.

Прижимаясь друг к другу, женщины попятились к озеру. Вязкий берег зачавкал под ногами, вода обняла усталые ступни. Вой стих, наполнив ночь густой, тягостной тишиной. Гюда унялась, прильнула к болотнице. Ее безумный взгляд метался по черноте обступивших заводь кустов. Айша намотала на кулак сдерживающую княжну веревку, облизнула пересохшие губы. Слабые волны гладили ее щиколотки, ветер ласковыми пальцами перебирал оборванные края одежды, касался шеи и щек, играл в волосах. Справа от Айши глубоко и сипло дышала Шулига, слева – часто, будто собака, – Гюда. Кляп изо рта княжны давно вытащили, однако она словно утратила дар речи, лишь изредка невнятно мычала или тихо попискивала.

Луна на миг задернула круглое око прозрачным веком облака, а потом вынырнула во всей красе, яркая и умытая, как девка после бани. Плеснула желтизной на длинный, уходящий в озеро, плес, окутала дымкой невысокую березку на нем, проползла светом по заводи, коснулась кустов. Они зашевелились, расступились. Харек гортанно закричал, вскинул над головой топор, присел, готовясь к битве. Обступившие его заросли наполнились рычанием, ожили, двинулись вперед, и тогда Айша увидела тех, кого варги именовали духами.

Их было много, и они не походили ни на духов, ни на людей. Мохнатые звериные шкуры закрывали их тела почти до пяток. Шкуры были цельными, с лапами, украшенными острыми когтями, с оскаленными мордами, в пасти которых бледными пятнами угадывались людские лица, с хвостами, волочащимися по земле. Руки нелюдей прятались под покровом мохнатых лап, согнутые спины выгибались хребтами неведомых чудищ. Они двигались быстрыми скачками, опираясь на руки, рыча, повизгивая, и окружали Харека тесной живой стеной. Берсерк стоял к ним лицом, перекрывая путь к женщинам. Не двигался – искал в гуще врагов вожака.

– Серый! – не выдержав, крикнула ему Айша. – Серый слева!

Она давно заметила самого сильного среди нелюдей. Он не напирал, подобно остальным, наоборот, старался держаться чуть сбоку, примеряясь к горлу противника. Он принадлежал к роду Медведей, но шкура на нем была очень старой, истертой, выгоревшей, и в лунном свете казалась серой, а не коричневой, как у остальных.

Харек развернулся влево, взмахнул топором.

Вожак оторвал от земли руки, выпрямился.

Шулига охнула, навалилась на болотницу, Гюда рванулась глубже в воду.

Остолбев, Айша смотрела, как спина нелюдя разгибается, поднимая оскаленную медвежью морду все выше и выше над головой берсерка. Громадные плечи развернулись, шкура разошлась в стороны, открывая обнаженную грудь, увешанную рядами черных бус. Длинные огромные ручищи выскользнули из-под медвежьих лап.

Айша ошиблась, решив, что у нелюдей нет оружия, – оно у них было. Во всяком случае, у этого было точно: в каждой его руке белело что-то длинное, узкое и изогнутое, похожее то ли на огромный зуб, то ли на гигантский коготь. Макушка Харека едва доставала до подбородка нелюдя, а сам берсерк вдруг стал маленьким и беспомощным перед наступающим на него исполином. Даже его боевой топор выглядел игрушкой рядом со странным оружием нелюдя.

– Мамочка моя... – выдохнула Шулига.

Она не испугалась настоящего медведя, но этого уродливого, не похожего ни на зверя, ни на человека, – боялась.

Харек взвыл, прыгнул вперед. Топор описал дугу, рухнул на грудь нелюдя. Тот успел подсунуть под лезвие один из своих "когтей". Чиркнув по костяному острию, топор соскользнул вниз. "Медведь" радостно заревел, сгреб Харека обеими руками, словно заключая в объятия. Что-то захрустело, нелюди принялись кружить около вожака, ожидая

скорой добычи. Стоящих в воде женщин они словно не замечали.

"Медведь" хрюкнул, качнулся, оторвал своего противника от земли. В складках шкуры мелькнули ноги Харека, край его рубахи, нелепо развернутая рука.

– Нет, нет, нет, – глухо, будто заговаривая нелюдя, забормотала Шулига. Повернулась к Айше, вцепилась в рубашку болотницы:

– Что ты стоишь? Ты же ведьма! Ты же была в их логове! Сделай что-нибудь!

– Я не могу, – прошептала Айша.

– Лжешь!

Ободритка плюнула ей в лицо.

Айша вытерла плевков ладонью, попыталась объяснить:

– Они – никто, пустота, те, у кого нет имен. Древние знания не помогут... Невозможно заклинать тех, у кого нет имени...

Шулига ее не слушала. Стояла, прижимая к груди обеими руками свой костыль, приоткрыв рот смотрела, как громадный нелюдь сминает тело ее мужчины, как довольно урчит, сдавливая его. Харек отчаянно сопротивлялся, беспомощно дрыгал руками и ногами. Он выронил топор и никак не мог дотянуться до заткнутого за пояс ножа.

Губы Шулиги шевелились, по щекам расползались красные пятна.

– Не надо. – Айша прикоснулась к ее локтю.

Ободритка отдернула руку:

– Уйди!

Другой рукой перехватила костыль посередине, занесла его над головой, будто копье.

– Эй, ты! Пусти его! Пусти! Ты, тварь!

Палка взметнулась в воздух. "Медведь" заметил ее, пригнулся. Пользуясь заминкой Харек выскользнул из кольца его рук, подхватил с земли топор. Присел, попятился, держа топор наизготовку. Сбоку на него налетел какой-то нелюдь в шкуре волка. Почти не глядя, берсерк ударил по скрытой под шкурой голове обухом топора. Нелюдь завизжал, рухнул на землю. Елозя на спине, он принялся руками рвать собственную башку. Некоторые из его собратьев, те, что стояли ближе, кинулись к нему, прижали к земле, рыча и огрызаясь друг на друга. Из-под шкур вынырнули почти такие же, как у "Медведя", когти, замелькали, оросили берег кровью. Визг стих, вместо него до Айши донеслось сытое ворчание. Сразу несколько нелюдей вцепились в тело мертвого сородича, принялись дергать его в разные стороны, словно щенки старую тряпку. Голова убитого моталась по земле, сгребая в разъявленную волчью пасть песок и ил. Откуда-то из темноты появились ранее невидимые "лисы". Заходили по краю берега, повизгивая и припадая к окровавленной земле. Ждали своего куска.

"Медведь" вновь двинулся на берсерка. Его рев напугал свору, "лисы" метнулись в сторону кустов, "волки" поволокли добычу подальше от схватки. Нападать на Харека они побаивались, но ворчали и скалились по-прежнему.

Харек вновь замахнулся топором.

– Нет, не то... Не то делаешь... – прошептала болотница. Словно услышав ее, из другой руки берсерка вырвался нож. Сверкнул в темноте лунным осколком, юркнул под шкуру "Медведя", впился в мягкий живот. Нелюдь замер, недоумевающее склонил голову, разглядывая рану.

Топор Харека лег острием ему на шею, туда, где под шкурой угадывался бугор позвоночника. Что-то громко хрустнуло, медведь неуклюже взмахнул руками, его голова быстро-быстро затряслась, словно стрекозиное крыло.

Харек отскочил от падающей туши, победно взвыл. Нелюди попятились к кустам. Двое или трое из рода Волков опасливо, бочком обходя победителя, приблизились к поверженному вожаку. Один дотронулся до него, перевернул на спину. Рукоять Харекова ножа влажно заблестела в лунном свете. Смелчак провел по ней пальцем, затем понюхал, сунул палец в рот... Взвизгнул, прижался животом к земле и вдруг пополз к берсерку, просительно подвывая. Харек пнул его ногой под ребра. Нелюдь увернулся, отполз,

поскуливая на безопасном расстоянии. Его собратья расселись вокруг, то плотоядно взирая на тело бывшего вожака, то поглядывая на Харека.

Берсерк убил самого сильного в стае, значит, сам стал самым сильным. Все было просто и разумно. Оставалось лишь ждать, когда новый вожак начнет делить свою добычу...

Но Харек ничего не собирался делить.

– Прочь! – размахивая топором, он двинулся на притихших нелюдей. – Пошли пр-р-рочь!

Наиболее трусливые сразу шмыгнули в кусты, те, что посмелее, уходили неохотно, оборачиваясь, порывая, изредка угрожая новому вожаку скрытым под шкурами оружием. Харек провожал их взглядом. "Медведь" сильно помял его – правая нога берсерка то и дело подламывалась в колене, на боку растекалось кровавое пятно. Рука, в которой он сжимал оружие, казалась странно изломанной у плеча, сквозь ткань рубашки торчала вывороченная из сустава кость...

Когда-то давно Айша узнала от Бьерна о "бессилии берсерков". Оказалось, что самые могучие воины Севера были самыми уязвимыми. Они могли сражаться очень долго, не чувствуя ни боли, ни усталости, однако после битвы силы оставляли их, словно мгновенно покидая тело. Они падали и засыпали так быстро и так крепко, что иногда хирдманны не могли их разбудить, и хевдингам приходилось ждать их пробуждения день или два. Бывало и так, что берсерки не просыпались. Умирили во сне от ран или от истощения. Харек не был настоящим, родовым берсерком – его долго учили, чтоб он мог в бою забывать о своем человеческом теле. Он оказался хорошим учеником. Но вместе с силой он получил и слабость. Так говорил Бьерн...

Обиженные повизгивания нелюдей стихли за стеной леса.

– Только не падай... Не падай...

Оправдывая опасения Айши, Харек выронил топор и стал медленно оседать на землю. Упал на колени, покачался, удерживая равновесие, потом погрузился одной рукой в ил...

– Милый! – Прежде чем болотница успела что-либо сообразить, Шулига отпихнула ее и кинулась к берсерку.

От холодной воды ее нога одеревенела и не ощущала боли. Рассыпая вокруг себя серебристые брызги, помогая себе руками, ободритка подбежала к берегу, плюхнулась на колени подле Харека, подхватила его под плечи...

Айша тоже двинулась к берегу, волоча за собой упирающуюся Гюду. Та мычала, пыталась оцарапать руку болотницы, тыкала пальцем вперед, указывая на неподвижное тело "Медведя".

– Он умер. Нечего бояться. Он умер...

Уговаривая княжну, Айша не увидела, как поверженный Хареком нелюдь тяжело заворочался, перекатился на бок, поднял сжимающую костяной нож руку. Болотница видела только, как этот нож опустился прямо на спину занятой Хареком ободритки...

Шулига даже не вскрикнула. И крови почти не было. Длинный коготь вошел в ее спину чуть ниже шеи, словно в воду, – мягко, неспешно, без обычного хруста. Сжимающие его пальцы разжались, выпустили округлую обточенную рукоять. "Медведь" заскреб землю под собой, выгнулся, упираясь в нее пятками и плечами и замер, – вытянутый и неподвижный.

Шулига тоже не двигалась. Она будто не заметила нападения: не изменила позы, не упала, по-прежнему склонясь над Хареком и удерживая на коленях его голову.

Волоча за собой Гюду, болотница обошла ободритку, присела, заглянула ей в лицо.

Никогда еще Шулига не была так красива. Ее губы были приоткрыты, как у удивленного ребенка, широко распахнутые глаза отливали зеленью, в растрепанных волосах сияла лунная пыль. Обеими ладонями ободритка бережно, будто великий дар, сжимала голову берсерка. Костяной коготь пронзил Шулигу насквозь, – из ее груди высовывалось зазубренное острие. С него медленными тягучими каплями стекала кровь. Падала на лоб Харека, скатываясь к его губам, оставляя извилистый след.

Только Харек уже ничего не чувствовал.

Нелюди не вернулись. Харек проспал всю ночь и еще день. Пока он спал, Айша вправила ему кость на плече, наложила повязку на рану в боку и прикрутила к покалеченной ноге сухую палку, – чтоб срослась кость.

К полудню ей пришлось развязать княжну, – оставлять тело ободритки ночью в лесу, на съедение диким зверям, она не хотела, а вырыть могилу в одиночку – не могла.

– Копай, – распутав веревку на тощих запястьях княжны, сказала она.

Принялась разгребать руками землю под выбранной заранее невысокой елью. Старая сухая хвоя впивалась болотнице под ногти, острые камешки царапали кожу.

Айша не очень-то надеялась на помощь блажной, поэтому удивилась, увидев ее опустившиеся в яму ладони. Худые пальцы княжны робко царапнули землю, выковыряли какой-то корешок, отбросили прочь.

– Так, – одобрительно сказала Айша. – Все так...

Они копали почти до темноты. Затем Айша подтащила Шулигу к вырытой яме, уложила туда, словно в колыбель, закрыла ободритке глаза, присыпав веки землей. Прочитала над мертвой прощальную песню, вспомнила какие-то слова из молитвы, которую случайно слышала в Гаммабурге. На всякий случай произнесла и их. На душе у болотницы застыла толстая корка льда. Она не ощущала горя или боли потери, должно быть, все ее горе унес с собой Бьерн.

– Если увидишь моего ярла, скажи, что я помню его, – шепнула, склонившись к уху мертвой ободритки. Обернувшись к сидящей под елью Гюде, велела – Засыпай...

Засыпав могилу землей, Айша подтащила поближе несколько камней, которые нашла неподалеку. Один за другим накатывала их на свежий холмик. Землю могли раскопать голодные по весне звери, а камни должны были сохранить последнее убежище ободритки от их когтей и зубов.

Потом болотница подошла к распластавшемуся на земле Хареку, села подле него, обняла руками колени, уткнулась в них подбородком. Рядом пристроилась Гюда, – привалилась горячим боком, засопела тихонько.

– Видишь, как все вышло... – чтоб не слушать угнетающий, по-летнему веселый разговор леса, произнесла Айша. – Мои родичи берегут меня, ведут меня, дают мне спутников, чтоб вовремя остановить или уберечь от непоправимой ошибки. Они хотят, чтоб я вернулась. Ведь я Белая, мне не место среди людей. Если я вернусь, то стану очень сильной и очень злой. Я забуду о боли, о Бьерне, о тебе и Хареке. Все забуду... А я не хочу. Хочу – человеком, чтоб больно, чтоб помнить... У людей хрупкая жизнь, очень хрупкая... Но у меня и такой нет...

Гюда слушала, посапывала. Еловые ветки покачивались над головой болотницы, понимающе шуршали иглами. В беспомощности тихо постанывал Харек, верно, все еще защищал свою женщину от нелюдей. Или впрямь вел ее через кромку в лучший мир, туда, откуда однажды пытался вернуть своего хевдинга, Белоголового Орма...

Княжна пошевелилась, негромко хрюкнула. Не понимая, смеется она или плачет, Айша обернулась. Тело княжны странно подергивалось, в горле перекачивался булькающий комок. Схватившись руками за живот, Гюда вдруг вскочила, отбежала за ствол дерева. Послышался кашель, плеск... Потом зашуршала хвоя под ее шагами. Пряча глаза, Гюда выскользнула из-за ели, вытерла тыльной стороной ладони рот, присела на корточки в отдалении от болотницы.

– Великие боги! – Оставив Харека, Айша подошла к ней, задержала в ладонях ее изможденное лицо. – Ты все еще носишь ребенка Орма?

Болотница полагала, что после плена и деревни нелюдей нутро Гюды само избавится от плода, как это не раз случалось у оголодавших и испуганных рабынь. Но жизнь, растущая внутри княжны, оказалась сильнее ее самой, – цеплялась за высохшее тело матери, наперекор голоду и безумию. Точно так же, как память болотницы упрямо цеплялась за Бьерна...

Айша коснулась плеча бывшей соперницы:

– Знаешь, если у тебя будет сын, он непременно станет князем. Он слишком сильный, чтоб стать кем-то другим.

– Человеком...

Айша не сразу разобрала глухой, kloкочущий клекот, вырвавшийся из губ Гюды. Смолкла, ожидая. Потом переспросила:

– Что?

– Не надо... князем. – Гюда говорила по-словенски трудно, как будто вспоминая давно забытый язык. – Человеком.

– Человеком, – повторила Айша. Подперла кулаками подбородок, вздохнула. – Человеком...

И все-таки они дошли до родных мест Шулиги. На этом настоял Харек, а Айша, вспомнив предсмертные слова ободритки, не стала возражать.

После смерти Шулиги в берсерке ничего не изменилось. Айша сама рассказала ему страшную новость. Думала, желтоглазый сорвется, осерчает, примется в гнев крушить ни в чем не повинные кусты, но Харек молча выслушал ее, потом встал и ушел. Его не было всю ночь. Утром он принес добытого где-то зайца, бросил женщинам, приказал:

– Надо поесть. – Взглянул на Айшу: – Где она?

Пока Гюда освеживала тушку, болотница отвела Волка к могиле. Постояла рядом с ним, глядя на каменистый холмик.

– Ты видел ее там, за краем, когда спал? – спросила Айша.

Берсерк передернул плечами, отрезал:

– Нет.

Повернулся и ушел. Даже не произнес прощальных слов.

Айша знала, что он соврал, но не понимала почему. А потом перестала над этим думать – у каждого своя жизнь, свои мысли в голове, своя ложь и своя правда...

Небольшая деревня, где родилась Шулига, стояла на речной излучине, почти на берегу моря. Как любой, кто живет на большом торговом пути, жители деревни отнеслись к гостям спокойно – привыкли. Большинство здесь занимались рыбным промыслом, возле каждого второго дома сушились рыболовные сети, а в речных камышах дожидались своих хозяев рыбацкие лодки, – короткие, широкие, с плоским днищем, не снимающейся мачтой и тремя парами весел. Меж лодками, крикая и подергивая хвостиками, важно шлепали по мелководью пухлятые домашние утки, копались клювами в речной ряске. За ними с визгом гонялись босоногие мальчишки, без портов, в длинных рубашках, мокрые, счастливые и беззаботные.

Харек поймал одного из мальчишек за рукав, выдернул из ватаги:

– Где дом кнеза Иста?

– Там, – паренек махнул рукой куда-то в сторону. Заинтересованно оглядел Харека и его спутниц. – Вы на свадьбу?

– Нет, – отрезал Харек.

– Тогда – пусти! – Паренек вывернулся, чуть не порвав ворот рубахи, и помчался догонять своих.

Харек присел у берега, плеснул на лицо воды, фыркнул, встряхнулся, разбрасывая вокруг светлые брызги. Испуганные криквы ринулись в стороны от шумного гостя, забили по воде крыльями, недовольно загорланили.

– Идем, – повернувшись к женщинам, сказал берсерк.

Дом Иста, отца Шулиги, оказался широким и круглым, издали напоминая перевернутую вверх днищем плошку. Он весь, начиная от нижних бревен и до верхушки крыши, был обмазан светлой глиной, смешанной с мелким речным песком, ракушками и камнями. На крыше поверх глины лежали сплетенные меж собой ивовые прутья. Вокруг дома, огораживая небольшой двор с двумя деревянными пристройками, высился частокол. Вдоль частокола потянулась гряда камней, тесно пригнанных друг к другу. Проход меж камней оказался с северной стороны, ворота в частоколе – с южной, дальней от реки и моря.

На дворе два крепких парня тесали сосновое бревно. Топоры мерно отсекали желтые завитки стружки, пахло смолой и хвоей. Рыжеволосая девчонка-подросток сгребала срубленные ветви в охапку, тащила их к одной из пристроек, там сваливала в большую кучу. Она первая заметила гостей, прервала работу, подскочила к старшему из парней, потянула его за подол рубахи.

– Чего еще? – недовольно огрызнулся тот.

Девчонка протянула руку, указывая на пришлых. У нее и у парней, что тесали дерево, были одинаковые серые глаза и белесые, совсем незаметные брови.

Парень с размаха всадил топор в смоляную древесину, вытер потные руки о рубашку, направился к Хареку. Айша и Гюда молча ожидали за спиной берсерка.

Подойдя, парень бегло оглядел потрепанную одежду желтоглазого, уважительно покосился на топор и нож на его поясе, зацепился взглядом за оберег на шее и, вопреки всем обычаям, назвал:

– Гурт, сын Иста.

Признав в Хареке северянина, он назвал себя на северный манер, по имени отца. Обернулся к поджидающей подле другого парня девчонке, мотнул головой на распахнутую дверь дома. Девочка быстро юркнула внутрь.

– Что привело воина из фьордов в наши земли? – спросил Гурт.

Воинами из фьордов называли только урман. Айша удивилась, как быстро парень определил в желтоглазом берсерке воина и урманина.

Харек не ответил. Молча полез куда-то за пазуху, выудил оттуда маленькую деревянную фигурку на кожаном гайтане, протянул парню:

– Отдай это отцу.

Гайтан обвивал сильные пальцы Харека, фигурка раскачивалась, кружилась, словно нарочно подставляя солнцу темные бока.

– Что это? – удивился Гурт.

– Он знает. – Харек вложил оберег в ладонь опешившего парня, развернулся и пошел прочь со двора. Айша поспешила за ним, а Гюда осталась, бестолково таращась на круглый дом. Она нагнала Айшу, лишь когда та огибала каменную загороды.

Запыхавшись, княжна сбавила шаг, засеменила рядом, то и дело косясь на болотницу.

– Плачут. – Она махнула рукой в сторону Шулигиного дома, возмущенно повторила: – Там – плачут.

Болотница постаралась не обращать внимания ни на нее, ни на доносившийся со двора горестный женский вопль. Он тонкой нитью потянулся над рекой, коснулся спины Харека. Волк ускорил шаг, но крик вился над головами путников, вползал в уши. Грудь берсерка заходила ходуном, будто он очень быстро и долго бежал, веки у самых глаз покраснели, взгляд стал злым, колючим, как снег в грудене.

– Надо вернуться. – Айша чувствовала, что крик тянет ее обратно на незнакомый двор, точно пойманную на крючок рыбину.

– Нет, – сказал Харек.

Гюда обогнала его, склонила голову, прислушиваясь к разговору.

Она понемногу приходила в себя, хотя по ночам кричала, а поутру ее тошнило и после рвоты она долго плакала, отбиваясь от пытающейся успокоить ее болотницы. Ее живот еще не был замечен, но наметанный взгляд мог уловить под грязной тканью юбки едва различимую округлость. Подобно всем беременным, Гюда часто прикрывала ее руками, то ли поддерживая, то ли успокаивая своего еще не родившегося ребенка. И теперь – сложила руки на животе, беспокойно озираясь.

Сзади застучали быстрые шаги. Изза поворота выскочила растрепанная рыжеволосая девчонка, обвела недавних гостей ошалелым взглядом:

– Погодите!

Айша остановилась, потянула Харека за рукав. Он покачал головой, не собираясь останавливаться. Девчонка кинулась перед ним, принялась пятиться, заступая путь и

бормоча так быстро, что Айша едва различала слова:

– Просим вас... Отец кланяется...

Волк смотрел на нее, словно на камень, упрямо шел вперед.

– Надо вернуться, – повторила Айша.

Рыжеволосая посланница вытянула руки перед собой, уперлась ладонями в грудь берсерка. Неожиданно она стала чем-то похожа на Шулигу: то же упрямство, те же широкие скулы, плоский короткий нос, маленький рот и серые глаза, почти без ресниц. На заголившихся худых руках виднелся след ожога, корежил белую кожу от плеча до локтя. Заметив взгляд болотницы, девчонка закусил губу, тряхнула головой, отбрасывая с глаз рыжую челку и вдруг твердо и резко, совсем как Шулига, произнесла:

– Не пуцу! Нельзя так! Не по-человечески это!

"...На сестру поглядит. Когда меня замуж отдавали, она еще маленькая была, а нынче, верно, уже невестится..." – вспомнились Айше слова Шулиги.

Какое-то время все молчали. В тишине Айша слышала лишь свое сердце и прерывистое дыхание девчонки. Харек остановился, его пальцы сжались в кулаки, скрылись за спиной, словно он боялся ударить девочку, и Айша вдруг поняла, почему он не хочет остаться в родном доме Шулиги. Он боялся. Бесстрашный желтоглазый берсерк, наводивший ужас на самых отважных из детей Одина, боялся, что дом Шулиги напомнит ему о той, которую он потерял, что в теплых стенах его горе выплеснется наружу захватит с головой, сделает слабым и беззащитным. Что боль, скрытая глубоко внутри, станет невыносимой, и он, не замечавший ран, не справится с нею...

Когда-то Айша тоже так думала...

Она отодвинула девчонку от Харека, потянулась к нему, обвила руками крепкую шею, коснулась губами уха.

– Не смей, – выдохнула почти беззвучно. – Это – тоже битва. Твоя.

Мельком углядела дрогнувшие губы берсерка, отлепилась от него и пошла назад, в странный круглый дом, где некогда бегала такая же смешная и упрямая девочка, как та, что заставила их вернуться. Прежнюю звали Шулигой...

8. Викинг

В первые дни разлуки с близкими Марго ослепла и оглохла от горя. Страх притупился, и она даже не испугалась, когда Ардагар подвел ее к дверям той пристройки, за которой скрывался черноволосый викинг.

– Я – твой господин, – сказал Ардагар, – но ты будешь служить моему другу день и ночь и сделаешь все, что он пожелает. Ты поняла?

Марго поняла. Она даже обрадовалась – быстрая смерть избавила б ее от боли. По словам матери, викинги умели только убивать.

Но мать солгала. Прошел первый месяц весны, Марго уже почти два десятка дней ухаживала за викингом, а он вовсе не пытался ее убить. Он просто не замечал ее. Его раны понемногу зажили, он все чаще выходил за монастырский двор, садился, привалившись спиной к стене, и долго смотрел куда-то за поля и даже за далекую полосу леса. А вернувшись домой, молча съедал то, что приносила с обеденного стола Марго, отдирав присохшие к телу повязки, мазал раны вонючей мазью, добытой монахами, и заваливался спать. Он мало говорил, вернее, он вообще не говорил с Марго. Куда больше с ней общались монахи. Рассказывали, как варги захватили монастырь, как предательница Ингия открыла им ворота, как варги забрали женщину по имени Гюда и вместе с Ингией и многими другими рабами увезли ее в дар своим языческим идолам. Монахи рассказывали и о том, кому прислуживала Марго. Они говорили, что выбрали викинга на поле боя, среди мертвецов, что в том бою он потерял многих друзей, а оставшиеся в живых бросили его, спасая свои шкуры. Болтали, что колдунья, которая пришла с викингом, была его женщиной и что она пыталась убить бессмертного Коракшу, но погибла сама...

Монахи много о чем болтали.

А викинг молчал.

Иногда к нему заходили Ансгарий и Ардагар. Склоняясь, чтобы не задеть головой низкую притолку, они вступали в пристройку, придвигали ближе к огню чурбаки, садились, заводили неспешный разговор.

Поначалу Марго выгоняли. Но потом перестали, и она, приютившись в темном уголке возле двери, слушала, как они разговаривают о какой-то северной миссии, о неведомом городе Бирке, о конунге данов. Марго почти ничего не понимала, улавливала лишь, что ее новый господин Ардагар и отец Ансгарий собираются поехать на север, к конунгу данов, чтобы заручиться его дружбой и увериться в его добрых намерениях. А еще они хотели построить церковь в Хедебю, чтоб крестить там данов. Ансгарий говорил, что Бьерну, – так он называл викинга, – следует присоединиться к миссии на север.

– Отрекшийся от Бога язычник Клак ⁷³ по наущению Лотаря вынашивает недобрые мысли. Ходят слухи, что он собирает войско, дабы, по его словам, "отмстить за друга и брата"... – склоняясь головой к молчаливо слушающему викингу, нашептывал Ардагар.

В доме было тихо, его шепот доносился до угла, где пряталась Марго. От очага исходил слабый желтый свет, согнутые на чурбаках фигуры отбрасывали на стены длинные черные тени. Тени шевелились, перешептывались.

А викинг молчал.

– Хорик Датчанин приходится родичем тебе и твоему отцу, ты дружен со многими его ярлами. Под твоей защитой наша миссия будет в безопасности... – продолжал Ардагар. – Клак не станет затевать нападение на Гаммабург, если это будет грозить войной с Датчанином.

В полутьме лицо Ардагара становилось красным, отчетливее провисали мешки под глазами, а тонкие волосы на голове казались сальными. Зато лицо Ансгария, наоборот, обретало резкость и решительность. Его губы шевелились:

– Господь дал нам силы вынести тебя с поля боя, Господь оставил тебе жизнь, помоги же и ты восславить Его милость, спасти невинные души...

А викинг молчал.

Потом гости уходили, оставляя Марго наедине с викингом.

В первые ночи Марго выходила во двор и ложилась спать у дверей, но однажды, намаявшись за день, заснула на полу в доме. В ту ночь ей снилась мать. Она вплетала ей в волосы красивую красную ленту и напевала что-то очень печальное. Руки матери гладили голову Марго, от материнского передника пахло квашеной капустой, но Марго было одиноко, как никогда. Она выдернула из волос ленту, бросила ее матери и побежала прочь от нее со всех ног. Она бежала, бежала, бежала и... проснулась.

Не было ни матери, ни красной ленты. Был чужой узкий дом, слабое потрескивание углей в очаге и спящий на подстилке возле очага незнакомый мужчина. На его теле красными буграми вздувались шрамы, из приоткрытого во сне рта вырывалось хриплое дыхание, на высоком лбу плясали отблески пламени, а черные волосы змеями вились вокруг его головы, заползали на шею, прикасались к темным от солнца и ветра плечам. От него исходил жар сильнее, чем жар очага, и он был гораздо более одинок, чем сама Марго.

После той ночи Марго стала спать в доме. Она больше не боялась викинга, даже жалела его. Он казался ей похожим на того странного зверя, которого однажды привез в Гаммабург торговец с юга. Он вез зверя в подарок королю. Зверь напоминал рысь, только был намного крупнее, и шкура у него была вся в желто-черную полоску. Зверь медленно ходил по клетке, сделанной из железа, хлестал себя хвостом по полосатым бокам и пристально разглядывал столпившихся вокруг клетки людей. Он не ел мясо, которое приносил ему торговец, а в его

⁷³ Согласно историческим источникам, датский конунг Харальд Клак был крещен во время правления Людовика Благочестивого, однако после его смерти отрекся от христианской веры, за что получил в дар от короля Лотаря земли во Фризии.

холодных глазах Марго видела тоску и презрение. Подружка Марго Агни боялась зверя, рассуждала о его когтях и о том, что его ловили сразу двадцать охотников и десять из них он убил, а Марго думала, что, будь ее воля, она непременно выпустила бы зверя на свободу... Потом клетку со зверем погрузили на большую телегу и увезли к королю. Почти так же, как теперь пытались увезти куда-то темноволосого викинга...

На исходе месяца к Марго пришла Элиса. Викинга не было дома, и Марго в одиночестве зашивала порванную юбку, когда дверь распахнулась и сунувшаяся в щель голова Матфея прошипела:

– Выйди на двор. Сестра пришла.

Воткнув иглу в повешенную на стену тряпицу, Марго вышла на двор.

Было уже поздно, солнце уползло за стену, обливая стены монастыря слабым красноватым сиянием. Элиса в нарядном платке стояла посреди двора, озираясь по сторонам, теребила в руках небольшой сверток. Заметив Марго, она повеселела, шагнула навстречу.

– Вот, – протянула она сверток сестре. – Мать послала.

– Спасибо, – сказала Марго.

Сверток был легким, от него исходил запах свежей выпечки. Марго показалось, что сестра похудела и стала ниже ростом.

– Как ты? – спросила Элиса.

– Хорошо. – Марго не знала, о чем говорить. Переминалась с ноги на ногу, рассматривала носки своих сапог. Тех самых, которые когда-то сунула ей с собой мать.

– Новый господин не обижает? – допытывалась сестра.

– Нет.

На одном сапоге, чуть сбоку от шва, засох комочек светлой серой грязи. Марго сковырнула его каблуком другого сапожка, растерла в пыль, сравнивая с землей.

– А как вы там? – наконец глупо спросила она.

Сестра обрадовалась.

– Хорошо. Очень хорошо! Господин граф уехал, работы в крепости стало меньше...

– Все ли здоровы? – помогла ей Марго.

– Все. Все, Божьей милостью! – Сестра кинула взгляд на крест, венчающий крышу монастырской часовни, перекрестилась.

На ней была новая рубашка и материна юбка, немного ушитая по бокам. В том узелке, который мать дала Марго с собой, отводя ее к новому господину, тоже была рубашка. Три дня Марго рыдала по ночам, зарываясь в нее лицом, а на четвертый выбросила в огонь...

– Ладно, – сказала Марго. – Пойду я.

– Что, уже? – удивилась Элиса.

Марго пожала плечами:

– Дел много.

Она проводила сестру до ворот, даже вышла за ней следом. Постояла, глядя, как обтянутая нарядной тканью спина Элисы скрывается за холмом. Потом присела у стены на корточки, развязала сверток. Внутри лежало несколько лепешек, платок из синей пестряди и завернутая в тряпочку монетка.

Марго отложила в сторону платок, отломала кусок лепешки. Сунула ее в рот, прижала к груди тряпочку и заплакала.

Она сидела, скорчившись под монастырским забором, маленькая, жалкая, жевала сухую лепешку и плакала. Слезы застилали ей глаза, поэтому она не сразу увидела викинга. А когда увидела, было уже поздно – он возвышался прямо над ней. Снизу он казался совсем огромным, его плечи закрывали заходящее солнце, тень скрывала лицо, оставляя на виду лишь змеи косиц и блестящие влажные глаза. Он был похож на неведомого языческого бога, которых, конечно же, не было, – ведь Бог был один. Но он все равно походил на другого, незнакомого Марго, бога...

– Я не сказала... – Сама не зная почему, вдруг стала объяснять ему Марго.

Поперхнулась лепешкой, закашлялась, пробормотала сквозь кашель: – Я... Вот, она мне...

Викинг молчал.

Марго никак не могла растолковать ему, что ей больно из-за собственной жестокости, из-за неумения сказать сестре, как она любит ее и мать, как скучает, как хочет хоть раз обнять их, почувствовать рядом тепло родного тела...

Трясущимися руками она протянула викингу тряпицу:

– Вот, мне мама...

Упоминание о матери сдавило сердце. Монета вывалилась, покатилась викингу под ноги. Он наклонился, поднял ее. Потом, ни слова не говоря, сел рядом с Марго. Облокотился на согнутые колени, уставился в темнеющие поля. Всхлипывая, девочка ощущала сбоку его горячее плечо.

Они сидели молча, бок о бок, пока Марго не перестала плакать.

Стало совсем темно, в вечерней тишине разнеслось гроыхание колотушки, – собираясь запирать ворота, привратник предупреждал об этом всю округу.

– Иногда тяжело сказать о своей любви, – по-прежнему глядя куда-то в темноту, глухо вымолвил викинг. – Но тяжелее, если больше некого любить.

От слез щеки Марго опухли и горели. Она попробовала представить, что мать, Элиса, отец, все, кого она любила, вдруг исчезли. Что больше некому собрать для нее сверток с лепешками и монеткой в тряпице, и некому принести ей этот сверток, а ей больше не о ком думать, когда становится совсем одиноко... Марго решила, что викинг прав, – это намного хуже.

– Можешь любить меня, – стараясь не смотреть на викинга, предложила она.

– Возьми... – сказал он и положил ей на колени подобранную монетку.

На другой день к Бьерну пришел Ардагар.

Марго чистила котел на дворе, когда увидела, как он быстрыми шагами направляется к их дому. Бросив котел, Марго нырнула внутрь, разглядела в сумраке викинга, предупредила:

– Господин Ардагар идет!

– Криклива ты слишком... – Ардагар отодвинул ее с приступки, вошел в избу. Вид у него был довольный. Подбрав полы длинного одеяния, он прошел внутрь дома. Марго услужливо подтащила к гостю чурбачок, привычно попятилась в угол.

С утра Бьерн был не в духе. Он ничего не говорил, но Марго ощущала его недовольство. Ей казалось, что викинга рассердил вчерашний разговор, и девочка старалась загладить свою непонятную вину. Встав чуть свет, она вымела весь дом, вытрясла на дворе половые плетенки, сварила кашу из сладкой репки. Бьерн ее стараний не замечал, глядел в огонь, хмурился. Гостю он тоже не обрадовался.

– Король и епископ Рейнский благословляют миссию к Хорику, – начал Ардагар, и Марго поняла, что он снова будет уговаривать викинга пойти в земли данов. – Посланец привез дары для конунга и деньги на поход. Я купил выносливых лошадей и нанял воинов для сопровождения...

Бьерн молча покачал головой, словно не одобрял речи Ардагара. Тот заелозил задом по неустойчивому чурбачку. Чурбачок пошатнулся, чуть не упал.

– Ты волен поступать по своему разумению, – восстановив равновесие, вновь заговорил Ардагар. – Но я могу хорошо заплатить тебе, если ты согласишься пойти с нами...

Не дождавшись ответа, он протянул руку, коснулся обнаженного плеча викинга. Тот резко отшатнулся. Черные косицы взметнулись, рассыпались по его спине и плечам, темные глаза обожгли Ардагара холодом. Гость поспешно отдернул руку, не зная, куда ее деть, спрятал в складки одежды.

– Послушай, сын Горма. – Лицо Ардагара блестело от пота, маленькие глаза хитро щурились. – Ты можешь убить меня за такие слова, но все-таки я скажу тебе правду...

Он волновался. Марго видела бисеринки пота, украсившие кожу над его верхней губой и сжатую в кулак руку под одеждой. Но голос Ардагара оставался по-прежнему тихим и вкрадчивым:

– Ансгарий говорит о Божьем промысле, но я полагаю, что, как бы он ни старался, ты не примешь крещение и не встанешь за ним на крестном ходе. В тебе кровь твоих языческих богов, ты потомок Ингилингов, и у тебя свой путь. Молиться и жить в отшельничестве – удел монахов, пестовать утрату – удел женщин, ходить в походы – удел морского ярла. Или ты думаешь, что сможешь всю оставшуюся жизнь просидеть тут, как мышь в норе? Нет, не сможешь. И ты знаешь об этом. Иначе не хранил бы под постелью свой клевец...

Викинг быстро повернул голову, всмотрелся в темноту, где затаилась Марго. К щекам девочки прилила кровь, сердце бешено заколотилось, – ведь это она рассказала монахам о клевце. Тогда она не знала, что странный топор с острым железным клювом вместо обушка называется "клевец". Просто однажды, перебирая постель Бьерна, Марго наткнулась на крепкую деревянную рукоять с костяными вставками в дереве. Рукоять была украшена резьбой, у навершия ее оплетали кожаные ремни, а посередине дерево стерлось и стало совсем гладким. Марго потянула рукоять к себе и вытащила диковинный топор. Когда она разглядела блестящее лезвие с зазубринами по краю, ей стало страшно, совсем как тогда, когда она впервые увидела раненого Бьерна. Испугавшись, Марго быстро засунула топор обратно, меж двух толстых шкур, на которых спал викинг. О находке она рассказала Матфею и Симону. Больше никому...

– Правда-правда, никому-никому... – корчась под пристальным взглядом викинга, Марго перекрестилась, поднесла сложенные пальцы к губам, закусила ногти.

Бьерн отвернулся. Потянулся к очагу, покопался в углях короткой обгорелой палкой. Он был без рубахи, его спина перекатывалась буграми мышц, от лопатки вверх под волосы уходил красный выпуклый шрам.

– Ты хочешь просить помощи у врага, – негромко заговорил Бьерн.

У Марго на душе потеплело. Со вчерашнего вечера ей нравился его голос – спокойный, ровный, мягкий, как лапы того полосатого зверя, которого напоминал ей викинг.

Бьерн поднял палку, задул разгорающийся на конце уголек, положил палку у своих ног:

– Хорик не станет защищать город Людовика от Клака. Хорик – родич Клаку.

– Но он изгнал Клака из своих земель, – возразил Ардагар.

Марго уселась поудобнее, положила голову на скрещенные руки. Разговор мог затянуться, как это часто случалось, но уходить Марго не хотелось. Правда, беспокоила мысль об оставленном на дворе без присмотра котле, но Марго удачно отгоняла ее прочь.

– Теперь оба датских конунга успокоились, получив надель. Если Клак вздумает мстить Гаммабургу за нанесенную Рагнару обиду, то какое до того дело Хорику?

– Хорик принял крещение Христово, долг христианина...

– Брось! Клак тоже был крещен вашими монахами, но когда Лотарь предложил ему Фризию, он быстро забыл о вашем Боге...

Под монотонный спор мужчин Марго стала задремывать. В углу было тепло, сухо, за спиной девочки со стены свисали сушеные травы для отпугивания злых духов. От травок пахло пылью и покоем.

Засыпая, Марго размышляла над разговором Ансгария и викинга о данах, о неведомых Ингилингах, чьим потомком был викинг, и о богах, чья кровь текла в его жилах. До сих пор Марго ни разу не видела человека, в котором была бы кровь Бога. Даже отец Ансгарий, несмотря на всю свою доброту и святость, не мог похвастаться родством с Господом. Хотя, возможно, языческие боги, – которые были вовсе не богами, а заблуждением, как говорил отец Ансгарий, – могли порождать людей. Ведь родила же Дева Мария Иисуса? Почему же какое-нибудь "языческое заблуждение" не могло породить человека?

Тяжелые шаги прервали дрему Марго. Она вовремя вжалась в стену – Арадагар перешагнул через приступку, вышел во двор, громко хлопнул за собой дверь.

Протирая глаза, Марго вытянула шею. Бьерн попрежнему сидел у огня. На его коленях лежал клевец, большие ладони задумчиво ласкали острое лезвие. Выбравшись из укрытия, Марго осторожно подошла ближе к викингу.

– Я не говорила ему... про клевец... – почти шепотом сообщила она спине Бьерна.

Тот оглянулся:

– Но у тебя длинный язык.

– Знаю, – горестно вздохнув, Марго подступила совсем близко к викингу, присела на корточки. Посмотрела, как его пальцы оглаживают блестящее железо, как резко проступили две морщины на его лбу, догадалась:

– Ты поедешь с ним?

Мотнула головой на дверь.

– Да, – ответил викинг.

После сна у Марго затекла правая нога, под кожей бегали мурашки, больно щипались. Девочка высунула ногу из-под юбки, растерла ее ладонями:

– А я?

– Останешься здесь. С Ансгарием.

Бьерн взял клевец за рукоять, покачал его вверх-вниз, словно собираясь метнуть оружие в стену напротив.

Марго скрестила ноги под юбкой, локтем оперлась на опустевший чурбачок:

– Ты скажешь конунгу данов Хорику, чтоб он защитил нас от Клака?

Викинг покосился на нее:

– Длинный язык и чуткие уши. Плохое соседство.

Марго вдруг поняла, что привыкла к нему. Привыкла к его молчанию, к его хмурому лицу, к бесшумным шагам, к запаху и к шрамам на его теле.

Они разговаривали всего второй раз, но где-то внутри, в самой глубине своей души, Марго знала, что он понимает ее гораздо лучше, чем все монахи, с которыми она часто и подолгу болтала во дворе. Ей не хотелось, чтоб он уходил.

– Я буду молиться за тебя, – прошептала Марго. И, чтоб не слышать его ответа, – ведь он не верил в ее Бога и ее молитвы, – быстро спросила: – Когда ты уходишь?

– Завтра, – сказал он.

Утром они уехали – Бьерн, Ардагар и два монаха. Бьерн отказался от воинов, которых хотел взять с собой Ардагар.

– Много людей – много шума, – сказал он.

– Но... – попытался возразить Ардагар.

– Нет, – сказал Бьерн, и Ардагар замолчал.

Провожать уезжающих вышли лишь Марго и отец Ансгарий.

Было очень рано, еще даже не светало. Приведенные Ардагаром лошади нетерпеливо переступали ногами у ворот монастыря. Двое монахов держали их под уздцы. Один, потолще и пониже, испуганно поглядывал на доставшегося ему крупного каурого жеребца. Судя по всему, он плохо ездил верхом.

Ардагар опустился на колени перед отцом Ансгарием, подставил макушку под его ладонь. Ансгарий прошептал молитву, перекрестил поднявшегося гостя:

– С Богом.

Все трое пошли к лошадям. Марго стояла в дверях опустевшего дома, смотрела им вслед. Никто не обернулся, не помахал ей рукой, не сказал, как жить дальше.

Ардагар влез на лошадь, вырвал уздечку из рук испуганного монаха:

– Пора.

Ему досталась невысокая серая лошадка с куцым хвостом. Она не казалась резвой, зато наверняка была вынослива и послушна.

К Бьерну подвели Ветра. О подарке короля знал весь город, и то, что отец Ансгарий решил отдать его викингу, говорило о важности затеянного дела. Но Марго не думала ни о жеребце, ни о деле, которое погнало викинга в путь. Ей было зябко и одиноко. И еще она не знала, что делать дальше.

Бьерн потрепал Ветра по шее, провел пальцами по переносице жеребца. В его движении Марго почудилось что-то нежное и печальное. "Колдунья! – вспомнила она. – Ее чуть не казнили из-за пропажи Ветра".

Неужели болтовня монахов о том, что колдунья была любимой женщиной Бьерна, могла оказаться правдой?

Бьерн махом запрыгнул в седло, потянул уздечку на себя, заставляя Ветра пятиться, приседая на задние ноги. Почувяв сильного наездника, жеребец послушно отступил. Потом, подчиняясь его воле, повернулся к монастырским строениям задом, трусцой пошел к воротам. Викинг не оглянулся и ничего не сказал Марго на прощание, но на всякий случай она перекрестила его спину и круп Ветра.

Всадники скрылись за оградой, привратник запер ворота, задвинул щеколду. Шаркая ногами по двору, отец Ансгарий направился к маленькой часовне. У него был усталый вид: утром он должен был пойти в городскую церковь, чтоб сказать людям, что Бог всегда будет любить и оберегать их. А потом надлежало навестить семейство гончарного мастера, у которого болела жена, рассудить крестьян, недавно подравшихся на церковном поле из-за наделов, вернуться к обедне в монастырь, а после обедни пойти в крепость, где в отсутствие Бернхара, который отправился с податями к королю, заправлял его корыстолюбивый и глупый братец...

Взгляд Ансгария полз по земле, изредка проскальзывал по стенам монастыря. Цеплялся за потрескавшийся камень фундамента – "надо бы заменить", за червоточины в срубе – "неужели опять муравьи?", за двери пристро...

В распахнутых настежь дверях пристройки стояла девочка. Ансгарий знал, что ее недавно купил Ардагар для ухода за раненым ярлом. Девочка была худенькой и чумазой. Она грустно смотрела на запертые створы ворот, ковыряла пальцем в носу. Ансгарий вспомнил, что ее зовут Марго и она из семьи графских сервов. Кажется, недавно к ней приходила сестра...

Ансгарий остановился перед девочкой, коснулся ладонью ее волос:

– Пока твой господин в отъезде, ты можешь вернуться к своей семье.

Девочка потупилась, отрицательно покачала головой:

– Меня там не ждут.

Ансгарий задумался. Ардагар купил девочку, после его отъезда и до его возвращения она становилась принадлежностью его господина – архиепископа Эбо Рейнского. Но не отправлять же дуреху в Рейн...

– Хорошо, – вздохнул Ансгарий. – Ты будешь жить здесь, пока не вернется твой господин. Будешь убирать двор.

Раньше, до нападения варгов, двор убирала Ингия...

"Бог ей судья..." – отогнав плохие воспоминания, Ансгарий погладил девочку по голове, пошел дальше.

Сегодня ему предстояло слишком много дел...

9. Золото королей

Самый большой город франков стоял на острове посреди Сены. Остров назывался Ситэ и походил на огромный зеленый корабль. В тот день, когда войско Рагнара подошло к острову, там звонили колокола и жители в нарядных одеждах шли в церковь.

– Праздник, – сказала Эрна, – Пасхальное воскресенье.

– Праздник? – ухмыльнулся Рюрик, потрепал Эрну по голове. – В праздник надо веселиться. Мы славно повеселимся.

Они и впрямь славно повеселились в городе на реке.

После их веселья он больше не походил на зеленый корабль, величаво разрезающий носом воды Сены. Он стал похож на громадное воронье гнездо, случайно упавшее в речную воду. Ворота города повисли, косо наклонясь к земле, на улицах вповалку лежали убитые и раненые, из распахнутых дверей домов валили клубы черного дыма, а сорванные колокола церкви молчаливо таранились на разграбленный город черными жерлами. Сигурд видел женщин в разорванной одежде, с отчаянием и ужасом в глазах, видел детей, насаженных на

пики, словно приманка для неведомого зверя, видел монахов, распластавшихся на ступенях своего храма, раскинувших руки в стороны и похожих на мертвых черных птиц...

Кровь и боль – вот каким оказался главный город франков. Наверное, Тортлав написал бы вису о славной победе детей Тора и Одина, но Тортлав навеки замолчал под руинами большого богатого дома. Люди говорили, что он умер, как настоящий воин – с мечом в руке...

– Победа! Слава Одину!

Победители праздновали.

Жгли костры на улицах, насиловали девочек, наслаждаясь их криками, и пили забродивший виноградный сок из больших бочонков. А у Сигурда на душе было тошно. Он достойно сражался и обошелся без ран, хотя в бою дважды прикрыл спину Гримли Вестфольдцу, а это всегда опасно. Ему было чем хвалиться у полыхающего огня, и он мог взять любую из женщин, пригнанных эрулами для утех прямо на торговую площадь. Но ему не хотелось ни женщин, ни вина, ни похвальбы. Он и сам не знал, когда вдруг ощутил горечь от своей победы. Просто, оказавшись чуть в стороне от угасающей битвы, он заметил Рюрика, отбивающегося от двух рослых противников, Гримли, вытаскивающего из дома визжащую девчонку, Латью, бегущего куда-то сквозь дым, Трира Клешню – охрипшего, красного с притороченным к обрубку мечом, и понял, что все это – не для него. Что он никогда не сможет наслаждаться битвой так, как эти люди, что кровь всегда будет вызывать у него отвращение, смерть – сожаление, а в каждом враге он будет видеть человека... И сколько бы противников ни полегло под его мечом, потом, после боя, ему будет совестно за каждую загубленную жизнь, и тут не поможет никакое бахвальство или слава. В родном Каупанге, принимая только что рожденного теленка, Сигурд был куда больше горд собой, нежели тут, в поверженном городе франков...

Викинги, как их называли здесь, победили, но Сигурд не чувствовал себя победителем. Уже второй день эрулы Рагнара, даны Трира и норманны Рюрика праздновали победу – разжигали костры на берегу, принимали дары от испуганных городских богатеев, молящих об одном – не громить их жилища, и наслаждались юными телами франкских девственниц. Они не думали об оставленных на улицах мертвецах, о крысах, что целыми стаями бегали от дома к дому и выгрызали у мертвых животы, обнажая белые палки костей, или об испуганных горожанах, робко выбирающихся на улицы лишь для того, чтоб найти своих погибших родичей и унести домой их изуродованные тела.

Победители праздновали.

На кораблях оставались немногие, в основном раненые, те, что смотрели за пленниками, или те, кто отсыпался, устав от веселья. Сигурд не мог найти себе места ни на корабле, ни в городе. Под вечер он уходил с драккара, садился у городской стены, рядом с проломом, оставленным метательной машиной, и издали наблюдал за веселящимися у костров воинами.

Здесь было на удивление тихо и чисто. В укрытие, созданное упавшими со стены крупными обломками, не дотягивалась городская вонь, не доносились громкие крики победителей, а трава у подножия стены оставалась яркой, зеленой, не тронутой ни пожаром, ни людской кровью.

Сигурд забирался в пролом меж камней, усаживался на один из обломков, смотрел на скачущие у огня темные фигурки и думал о Каупанге. Он уже поклялся себе, что если могучая Фрея простит ему предательство и позволит вернуться домой, то он непременно отнесет в ее капище самый богатый дар. Теленка, а может быть, целую корову. Он скажет, что совершил глупость, попросит у богини прощения и пообещает, что впредь никакая колдунья, даже самая прекрасная, не смутит его дух и не заставит покинуть родную землю...

В первый вечер Сигурда в его убежище никто не беспокоил, даже любопытные крысы не заглядывали, но нынче под чужими шагами закрипел песок, на Сигурда упала длинная тень. Гость не таился, значит, был из своих. Оторвавшись от раздумий, бонд поднял взгляд. Над ним стоял Рюрик. Его глаза, шалые, светлые до прозрачности, казались огромными на

темном, обветренном лице. В руках юный хевдинг сжимал тяжелый для себя меч, на его груди болтался амулет на коротком ремешке. Отросшие за время похода волосы рассыпались по плечам, на огрубевших щеках виднелся едва заметный пух. Мальчик становился мужчиной.

Под серьезным взглядом хевдинга Сигурд поднялся. Рюрик был ниже его, но, не желая задирать голову, отступил на шаг.

– Ты не радуешься нашей удаче, бонд, – хевдинг не спрашивал, просто подтверждал увиденное.

– Бонду трудно по достоинству оценить воинские забавы, – уклончиво ответил Сигурд.

Мальчишка был молод, горяч, однако бонд уже не раз убеждался в его цепком уме и хитрости. С юным хевдингом надо было держаться настороже, любое слово могло оказаться ошибочным.

– Чего ж тут оценивать? – удивился Рюрик. Воткнул меч острием в землю, облокотился на крестовину, испытующе воззрился на бонда. – Мы захватили самый большой город франков, на поясе Красного Рагнара висит замок от его ворот, король Карл прислал к нам гонцов с просьбой не идти далее в его земли и 7000 фунтов серебра. А добычи, взятой здесь, хватит не на одну, а на две или три зимы. Ты не умеешь ценить воинские доблести, бонд, но вряд ли ты не умеешь считать...

Про 7000 фунтов серебра Сигурд услышал впервые. Добыча и впрямь оказалась куда большей, чем он предполагал.

– Рагнар согласился взять деньги и покинуть город? – поинтересовался он.

– Красный не глуп. Он взял серебро за обещание. За два дня мы заберем из города все, что сможем погрузить на корабли, и уйдем домой. – Рюрик прищурился, убрал упавшую на лоб светлую челку. – Что тебя беспокоит, бонд?

Сигурд не знал. Все складывалось удачно: король франков объявил о своем бессилии, обратный путь обещал быть легким, в Рейне их ждал радушный прием, а уж оттуда до моря было совсем близко, день, не более...

Размышляя, бонд скользил взглядом по виднеющимся в проломе стены разрушенным домам, сломанным дверям, костру, в котором полыхали чьи-то вещи, трупам, возле которых, поджигая хвосты и повизгивая от страха, вертелись оголодавшие собаки.

– Ты прав, хевдинг. – Он сунул меч в ножны, развел руками. – Мы добыли все, чего хотели. Женщины, слава, богатство – разве не за тем мы шли в этот город?

Говоря, он вытер вспотевшую шею, наткнулся пальцами на мешочек, некогда подаренный ему маленькой колдуньей. После смерти Айши бонд берег ее подарок, хотя саму колдунью вспоминал редко, лишь иногда в ночи ему чудился ее певучий голос или в памяти всплывало бледное тонкое лицо с кошачьими глазами.

Смяв мешочек в руке, Сигурд подумал, что Рюрик уже наверняка не помнит ее, Бьерна, Къятви и других, утраченных в долгом пути. Вряд ли он помнит даже свою сестру Гюду. У хевдингов короткая память, и погибших друзей успешно заменяют новые...

– Ты хитер, как Локи, бонд, – вымолвил мальчишка. Недобро улыбнулся: – Ты говоришь не то, что думаешь, а то, что я хочу слышать. Твои мысли отличны от твоих слов, а твои слова отличны от твоих дел. Ты сражаешься, как воин, но не радуешься победам. Ты думаешь, как бонд, но не радуешься добыче. Ты говоришь, как друг, но разве друзья прячут правду?

"Великая Фрейя, избавь меня от него!" – мысленно взмолился Сигурд. Уцепился взглядом за женскую фигуру, крадущуюся вдоль разрушенной городской стены и старательно вглядывающуюся в столпившихся у огня воинов, ушел от неприятного разговора.

– Женщины франков отважны, если сами ищут себе мужчин среди победителей...

Рюрик обернулся.

Женщина у стены остановилась, закружилась, махая руками, словно отбиваясь от осинового роя, затем, пригнувшись, вновь двинулась дальше. Она была в темной юбке и

светлой рубашке с круглым воротом. Голову женщины закрывала косынка то ли синего, то ли черного цвета. Она то и дело поправляла косынку и рубашку, на ее запястье что-то блестело...

– Эрна? – узнал Сигурд. Осекся, покосился на хевдинга.

После победы над франками мальчишка проводил со своей женщиной мало времени. Сигурд постоянно видел ее на драккаре – похудевшую, мрачную, с неприятным злым блеском в глазах и дрожащими руками. Она почти не разговаривала и больше не радовалась украшениям, а, сгорбившись, сидела на корме и куталась в теплый плед. Гримли сказал Сигурду, что Рюрик избил ее, – вестфольдец не видел, как это случилось и когда, но видел на ее плече огромный синяк и слышал, как она плакала...

– Что ей тут надо? – наблюдая за неуверенными движениями женщины, спросил Сигурд.

Эрна пошатнулась, упала на колени. Потом поднялась, задирая юбку, перелезла через рухнувшую балку аблама, затопталась на месте, будто не зная, куда идти...

Пальцы Рюрика сомкнулись на крестовине меча, костяшки побелели.

Словно почуяв его гнев, Эрна повернулась к нему. Даже издали Сигурд заметил безумие, искажившее ее лицо. Эрна радостно вскрикнула, бросилась к молодому хевдингу. Рубашка на ее груди была разорвана, в прорехе болтались полные груди. Одна казалась темной, почти черной, от покрывшего ее синяка. Однако на побои это не походило.

– Пожар! – на бегу закричала Эрна. Схватила за рваные края рубашки, раздернула их, полностью обнажив грудь. Теперь Сигурд увидел, что вся ее кожа покрыта синюшными пятнами. Местами пятна вздулись и полопались, выворачивая наружу покрытое гноем мясо.

Воины у костра слышали крик Эрны, многие уже смотрели на нее, указывали пальцами то на нее, то на Рюрика. Щеки мальчишки налились багровым румянцем.

– Сука... – прошипел он. Поднял меч, шагнул навстречу Эрне.

Зря, – не добежав с десятков шагов, она вдруг остановилась. Ее ноги подкосились, тело стало мягким, как тесто, поползло вниз.

Сигурд кинулся к упавшей женщине.

Лежа на земле, она казалась безобразной – худой, мокрой от пота, с кровавыми трещинами в углах рта и синими пятнами на теле. Ее грудь тяжело вздымалась, быстрое дыхание сбивалось, захлебывалось лающими всхлипами. Взгляд метался, проскакивая мимо Сигурда.

Рюрик присел рядом с Сигурдом, растерянно покосился на бонда:

– Что с ней?

Бонд пожал плечами.

Сухая рука Эрны поднялась, тонкие пальцы ухватились за одежду Рюрика, потянули его к себе. Губы разомкнулись, расширяя кровавые трещины.

– Пожар, – шепнула Эрна. – Горит...

Ее пальцы разжались, рука бессильно упала, грудь вздрогнула в мощном всхлипе и замерла...

Эрны не стало. Мертвая, полуголая, с задравшейся до колен юбкой, она лежала перед Сигурдом, уставясь в небо широко распахнутыми глазами. Из пятен на коже сочилась какая-то жижа, у основания шеи вздулись две твердые на вид шишки.

Хирдманны окружили ее плотным кольцом. Стояли, смотрели, молчали. Потом Рюрик выпрямился, стянул в себя рубаху, набросил на грудь и лицо Эрны. Молча зашагал к драккару. Меч волочился за ним, острием вспарывая землю.

– Отчего она умерла? – сунулся к Сигурду какой-то молодой воин из людей Трира. Сморгнул белесыми ресницами, переспросил:

– Отчего она умерла?

Сигурд пожал плечами. Он не знал.

Никто так и не узнал, отчего умерла Эрна. Она была наложницей, но Рюрик все же

приказал похоронить ее как жену. Он сам поджег ее погребальный костер, а когда огонь сожрал ее тело, отбросил факел и приказал:

– Все. Уходим.

Из-за похорон Эрны они покинули остров посреди Сены последними. Встроились в хвост длинной вереницы кораблей, поставили парус. Дул попутный ветер, мимо скользили покрытые лугами и невысокими рощами берега и зеленые острова, не ведающие о битвах. Деревни и маленькие крепости при их появлении становились безмолвными и тихими. Однако высаживаться никто не собирался – от наваленной в квартердеки и на палубу добычи корабли осели слишком низко, большего груза они бы уже не вынесли.

На острове, где были повешены люди из войска Карла, висельников уже сняли, вдоль берега растянулись несколько холмов, увенчанных крестами. За островом три драккара и шнека Клешни повернули к берегу. Не понимая, в чем дело, Рюрик приказал остановиться.

С кораблей Трира на шнеку сгрузили обернутые в погребальные покрывала тела. Два – с одного и по одному – с двух других. Подпрыгивая на волнах, шнека бодро двинулась к берегу. Латья помахал рукой, приказывая гребцам подогнать драккар ближе к печально застывшим кораблям Трира.

– Что это? – Рюрик перегнулся через борт, указал на шнеки.

Услышав его, Трир спрыгнул с возвышения в носовой части, держась руками за канаты, подошел к корме. Он выглядел усталым. Несмотря на прохладный ветреный день, по его лицу катился пот, глаза лихорадочно блестели. На шее, чуть ниже уха, виднелось темное пятно.

– Хель забрала в свои чертоги Стейна, Ятмунда и Торгейра! – крикнул Трир. Развернулся, ткнул пальцем куда-то на палубу своего корабля. – Она хочет призвать еще Эцура и Хаварда...

Он утер рукавом пот со лба, неожиданно засмеялся, скаля желтые зубы.

Сигурд толкнул локтем сидящего рядом Гримли, мотнул подбородком на датского ярла, прошептал:

– Пятно...

Вестфольдец оказался глазастым:

– Как у наложницы Рюрика...

Медленно поднялся с походного сундука, подошел к Латье. Что-то зашептал ему на ухо, то и дело кивая в сторону удаляющейся шнеки.

– В путь! – не дослушав, Латья отстранил его, рывкнул еще громче: – В путь, дети Одина!

Гримли сел рядом с Сигурдом, отдышался, взялся за весло:

– Я знаю эту болезнь. Однажды я видел похожую в Согне, в усадьбе конунга Хальфдана Черного. Тогда от нее умерли жена конунга, ее отец – Харальд Золотая Борода, сын Хальфдана – Харальд. Ему тогда исполнилось десять лет. Болезнь убивала всех, и Хальфдан обратился за помощью к колдуну. Колдун сказал, что эта болезнь живет в людях и в вещах, которые брали люди, в их воде и пище. Она живет даже в крысах и собаках, которые бегают рядом с людьми. Он сказал, что конунгу надо сжечь в усадьбе всех, даже собак и коров.

– И он сжег? – вытягивая на себя упирающееся весло, Сигурд разогнулся, бросил короткий взгляд на уходящие за корму корабли Трира.

– Сжег, – кивнул Гримли.

– А болезнь?

– Сгорела вместе с усадьбой...

Драккар летел, подгоняемый гребцами и течением. Рюрик о чем-то вполголоса толковал с Латьей, Кнут, сын Биргира, затянул песню о конунге Ауне, который отдавал Одину своих сыновей, выпрашивая у одноглазого бога ⁷⁴ долгую жизнь. За каждого сына

⁷⁴ Согласно скандинавской мифологии, бог Один отдал один глаз в уплату за разрешение испытать из

Один дарил старику десять лет жизни. Аун отдал ему восемь сыновей и стал совсем старым. Его руки уже не удерживали пиршественный рог, и жены кормили его из рожка, как маленького, но Аун все еще хотел жить. Он задумал принести в жертву Одноглазому своего последнего, девятого, сына, а заодно Упсаллу и все земли, что прилегали к ней. Но свеи не позволили ему этого, и тогда Аун умер.

Сигурд уже не раз слышал эту песню, а свеи, приходившие в Каупанг со своими товарами, уверяли, что могут показать курган, где захоронен конунг Аун...

Река плавно повела влево, изогнулась.

– Смотрите! – закричал кто-то.

Весла замерли, течение развернуло драккар бортом к волне, закачало. Парус всплеснул и забился, словно в судорогах. Но никто не обратил на него внимания. Все смотрели вперед, на выстроившиеся в ряд возле берега корабли эрулов.

– Великий Один, сбереги детей твоих... – прошептал Гримли, а у Сигурда сдавило грудь и сердце сжалось, словно кто-то невидимый стиснул его в огромной ладони.

Корабли Рагнара качались на волнах черными воронами, а с них на берег в полной тишине спускали обмотанные полотнищами тела.

Одно, второе, третье...

Укладывали на берегу, все удлиняя и удлиняя погребальный ряд.

Головной драккар Красного конунга стоял чуть поодаль от прочих. На нем, единственном, не были спущены сходни.

– Предатель... – прошептал позади Сигурда Маркус, высокий, с маленькой головой и длинными, как две жерди, ногами воин из Вика.

– Кто? – хором удивились Сигурд и Гримли. Обернулись, не сговариваясь.

– Убить... Убить всех...

Голос Маркуса дрожал, на щеках проступали пятна румянца. Волосы на висках воина слиплись от пота, а из ворота на груди проглядывал край темного, похожего на синяк, пятна. Большие руки Маркуса подергивались, глаза блестели. Неожиданно он вскочил с сундука и захохотал, запрокидывая голову и нелепо встряхивая длинными руками.

– О, Боги! – сказал Сигурд.

– Боги тут не помогут. Самим надо, – откликнулся Гримли и вытащил меч...

За шесть дней пришлось убить восьмерых хирдманнов. Болезнь вползала в их тела одинаково – их охватывал нестерпимый жар, который изливался постоянным потом, кожа покрывалась синими пятнами, губы сохли и трескались, в головах зарождалось безумие. Одни принимались смеяться и плясать, выкрикивая какие-то невнятные слова, другие стонали и плакали жалуясь на боль и огонь, разгорающийся в их животах. Двое пытались разорвать кожу на груди, чтоб вытащить оттуда болезнь, а один сам прыгнул за борт, испугавшись хлопнувшего над головой паруса.

Теперь мертвецов уже не хоронили – просто выбрасывали за борт, надеясь на милость великого Ньерда. За шесть дней юный хевдинг похудел и осунулся, его лицо приобрело землистый оттенок, а речь уже не была столь уверенной, как раньше.

Корабли эрулов виднелись недалеко от драккара Рюрика, но близко не подходили. То ли опасались болезни, то ли просто не было нужды. Иногда Сигурд замечал, как с них в воду сбрасывают тела мертвых. Раздавался тихий всплеск, волны всхлипывали над своей добычей и проглатывали ее, признательно облизывая черные борта. В одну из ночей Сигурд увидел на воде огонь. Испугавшись, что безумие поглотило и его, бонд вцепился в мешочек, подаренный Аишей, вытаращился на пламя. Остальные тоже собрались подле борта, – глазели на пылающую воду, переговаривались.

На рассвете они обнаружили останки одного из снечкаров Рагнара. Корабль догорал, уйдя кормой под воду и вздымая к небу искусно вырезанную из дерева змеиную морду.

– Если болезнь погубит еще пятерых в хирде, мы сделаем то же самое, – сказал Рюрик.

Все согласились. На самом деле умирать всем вместе от неведомой хвори было ничуть не лучше, чем попытаться сбежать от нее поодиночке, прыгнув в холодные воды моря, а ее саму спалить вместе с кораблем.

В тот день заболели четверо. Их тела отправили Ньерду.

Ночью никто не спал. Ждали пятого.

Совсем рядом были острова Фризии, Сигурд часто видел их в туманной дымке, темные, величаво плывущие мимо, но гребцов осталось мало, страх и усталость сковали руки, и драккар просто дрейфовал, подчиняясь воле прибрежных волн.

Ночью чайки, кружившие над головами хирдманнов, утомонились, расселись на выступах береговых скал, освобождая место звездам и лунной дорожке, расчертившей спокойное море надвое. Сигурд смотрел на звезды и вспоминал. Он хотел вспомнить все, что пережил, все, что увидел и понял за свою не самую долгую жизнь. Он не сомневался, что к утру непременно появится роковой пятый. Он вспоминал Каупанг, верного толстяка Дага, своих ласковых жен. Вспоминал отважного Къятви, песенника Тортлава, желтоглазого Харека, молчаливого Бьерна, надменную Гюду, маленькую колдунью Айшу... Звезды плыли перед его глазами, превращались в знакомые лица, взирали с высоты на его беспомощность. В памяти звучали голоса. Грубые, насмешливые, ласковые... Иногда, перебивая их, в уши пролезали иные, настоящие, голоса – некоторые из хирдманнов обращались к Богам. Кто – с последним словом, кто – с просьбой. Сигурд старался не слушать их. По привычке теребил подаренный Айшей оберег, погружался в воспоминания... От мешочка приятно пахло травами, мятой, хвоей...

"Бери, Айша не каждому делает подарки..." – пробубнил голос Къятви.

На самом деле колдунья не была щедрой на дары. Такие травяные мешочки Сигурд видел лишь у немногих в хирде. У Волка, Бьерна, Рюрика...

У Рюрика?

Сигурд сел, сдвинул мягкую ткань мешочка.

"Если ночью положишь его под голову, то к утру уйдут все печали, а если повяжешь на шею или проглотишь из него хоть немного, то даже самая сильная порча обойдет тебя стороной", – вспомнилось напутствие Айши.

А ведь однажды Сигурду померещилось, что юный хевдинг тоже заболел... Это было пять дней назад, еще на реке Сене. Мальчишка стал красным, по его лицу тек пот. Он постоянно пил, его глаза ввалились, а руки дрожали, когда он подносил ко рту флягу с водой... Но спустя день Рюрик стал прежним. Может, из-за колдовского оберега на его шее?

"Даже самая сильная порча..."

– Гримли! – Сигурд потряс за плечо сидящего рядом вестфольдца.

Тот не обратил на него внимания, продолжал бубнить что-то себе под нос.

– Гримли! – Сигурд дернул сильнее.

Вестфольдец оглянулся. Полоснул бонда безумным взором, потом протянул руку, вцепился в ворот рубахи Сигурда. Забормотал, обдавая жаром:

– Видишь огонь? Видишь?!

Его подбородок дрожал, на лбу и щеках блестели капельки пота.

– Видишь?! – попытался выкрикнуть он.

Сигурд ладонью заткнул рот вестфольдца, надавил на грудь бедняги всем телом, завалил его на палубу. Сорвал со своей шеи заветный мешочек. Терять было нечего – если болезнь переходила из тела в тело, то Гримли уже отдал ему свою хворобу. А если не отдал, то утром Рюрик прикажет поджечь драккар и вряд ли кто-то вплавь доберется до берега...

Зубами Сигурд раздергал горловину Айшиного подарка, положил мешочек на палубу возле колена, посплюнвив палец, сунул его внутрь. На пальце темными крошками осела травная пыль.

– Помоги мне, милостивая Эйр⁷⁵, – прошептал Сигурд и сунул в рот вестфольдцу

⁷⁵ Эйр – богиня врачевания у древних скандинавов.

испачканный в колдовском снадобье палец.

Недолго думая, Гримли впился в него зубами.

– Ах, ты! – От боли Сигурд подскочил, со всего размаха ударил вестфольдца кулаком по лицу. Тот хрюкнул, обмяк. Его челюсти разжались. Сигурд вытащил палец.

Кожа на кости была прокушена, из нее текла кровь. Бонд вытер ее краем рубахи, покосился на Гримли. Вестфольдец лежал на спине, не двигался. Только дышал тяжело, как загнанная лошадь. На всякий случай бонд посыпал рану травкой из Айшиного мешочка, обмотал оторванной от рубашки тряпицей. Подтащил Гримли поближе, сел на палубу, откинул голову к борту, закрыл глаза. Затем, подумав, вытащил из ножен меч, положил на колени, обеими руками сжал лезвие.

Засыпать с оружием в руках было надежнее. Во всяком случае, Сигурду так казалось...

Его разбудил недовольный голос Гримли. Памятуя о ночном бреде вестфольдца, Сигурд схватился за меч, вскочил, занеся клинок над головой. Сидящий на палубе у его ног Гримли сморгнул, удивился:

– Ты чего?

Потом побледнел:

– Ты...

– Нет. – Сигурд увидел его порозовевшие щеки, смятую кожу на шее, ясный взгляд. Опустил меч, засмеялся:

– Нет! Нет! Нет!

Его громкие возгласы разбудили остальных. Обессилев от борьбы с неведомой хворью, хирдманны не спешили подниматься. Сидели, горестно взирая на Сигурда. Рюрик встал, направился к Латье. Тот спал у рулевого весла, с головой накрывшись франкским цветастым пледом. Рюрик присел подле кормщика, сдернул плед с его головы, что-то негромко сказал. Сигурду было все равно – что. Корабль качался на волнах, влекомый коварными дочерьми Ньерда, над головой бонда кружились чайки, печально выкрикивая имена погибших, а ему хотелось смеяться и танцевать от радости. Он опустил на корточки, обхватил Гримли за плечи, затряс:

– Я вспомнил! Понимаешь? Вспомнил!

Гримли не понимал. После ночной болезни у него под глазами остались темные круги, трещины на губах и слабость. Он попытался отстраниться, ощупал взглядом лицо и шею Сигурда. Догадавшись, что он ищет, бонд сорвал рубашку:

– Нет, видишь! Ничего нет. И у тебя тоже! Он потянулся к вороту рубахи Гримли. Вестфольдец ловко вскочил, отпрыгнул:

– Не подходи!

Метнул быстрый взгляд куда-то на корму, облизнул сухие губы, взялся одной рукой за борт, нащупывая другой нож на поясе:

– Прости...

Увидев блеск клинка, бонд опомнился, отступил. Сдерживая нахлынувшее ощущение счастья, опустил руки, заговорил, стараясь, чтоб голос не дрожал и не срывался на крик:

– Ты не понимаешь. Я не болен. Моя кожа без следов болезни, мое тело не горит, и мой рассудок не покинул меня. Колдунья Бьерна помогла мне найти средство...

Гримли не слушал, смотрел куда-то за спину бонда. Сигурд обернулся.

В двух шагах от него стоял Рюрик. В руке мальчишка сжимал боевой топор, перекрывая путь к корме. Двое хирдманнов подбирались к бонду со стороны носовой палубы и другого борта. На корме Латья готовил факел. Огонь уже занимался на смоляной голове факела, шипел, похрустывал. Трое уцелевших воинов подтаскивали ближе к кормщику тюки одежды, взятой в земле франков. Одежда должна была помочь запалить корабль...

– Нет! – Сигурд метнулся к оставленному на палубе мечу, но Гримли опередил его, ногой отшвырнув оружие в сторону. Меч заскользил по палубным доскам, заскрежетал

тяжелой рукоятью.

– Будь осторожен, Гримли, – негромко сказал Рюрик. – Больные безумцы бывают очень сильны...

– Я не безумен! И не болен! – Сигурду не было страшно, только обидно. Он отыскал лекарство, оружие против неведомой хвори, а те, кого он жаждал спасти, хотели убить его, даже не выслушав.

Один из хирдманнов поднял меч. Рюрик отвел назад руку с топором, примерился. Времени не осталось, радость и обида улетучились, зато тело обрело невиданную легкость. Сигурд сорвал с шеи мешочек Айши, бросил на палубу к ногам юного хевдинга:

– Лекарство! Это – лекарство!

По привычке присел, уклоняясь от удара меча. Лезвие свистнуло над его головой, чиркнуло по одному из шпангоутов. В светлых глазах Рюрика мелькнуло что-то похожее на удивление, но рука уже выпускала топорщице. Ожидая боли, Сигурд закрыл глаза, сжался. Под сомкнутыми веками замельтешили лица, дома, луга Каупанга, кресты христианских капищ, какието овцы, пещера с монахами...

Бонд не увидел, как в последний миг Рюрик подправил вылетающее оружие кончиками пальцев. Рассекая воздух, топор ушел в сторону, выбил щепу из борта и грохнулся на палубу, рядом с отброшенным мечом бонда.

– Лекарство? – спросил Рюрик.

Сигурд открыл глаза. Все четверо нападающих застыли, вопросительно глядя на юного хевдинга. Но он не атаковал.

Гримли осторожно убрал нож.

– Айша дала его, – теперь Сигурд говорил медленно, не спеша, как на торгах, когда делал вид, что вовсе не интересуется нужным ему товаром. – В Гаммабурге она дала мне этот мешочек с травами и сказала, что если привязать его на грудь или съесть хоть немного, то никакая хворь не сможет войти в мое тело. Я носил этот мешочек на шее, привык к нему и забыл о ее словах. Но ночью Гримли заболел...

– Я?! – возмутился вестфольдец.

Рюрик нахмурился, и Гримли смолк.

– У него был жар, он странно говорил...

– А ты – не странно? – вновь вякнул вестфольдец.

Сигурд постарался не обращать на него внимания, протянул руку к Рюрику, показывая обмотанный тряпицей палец:

– Я обмакнул палец в это зелье и сунул в рот Гримли. Он не понимал, что я делаю, он был болен.

Вестфольдец фыркал, то ли плюясь, то ли возмущаясь возведенной напраслиной.

– Он прокусил мне палец, и тогда я ударил его по голове... – говорил Сигурд.

Его слушали немногие – на корме, за спиной Рюрика, Латья оживленно с кем-то пререкался, затем взмахнул факелом. Вырвавшись из пальцев кормщика, факел упал на ворох тряпья, пламя расплзлось огненными языками, лизнуло новую пищу, обласкало ее мягкими щупальцами. Уцелевшие воины принялись сбрасывать в огонь свою одежду – без нее было легче добраться до берега. Так было решено еще вчера...

– О, Боги! – выдохнул Сигурд.

– Туши!!! – заорал Рюрик, ринулся к пламени, выхватил их него лоскут темной ткани, швырнул за борт. – Туши, чтоб ты расперло!

Такого ругательства Сигурд никогда еще не слышал. Но Латья, похоже, слышал – подскочил к костру, принялся ногами разбрасывать горящие тряпки, топтать уже разгоревшееся пламя. Вслед за хевдингом спасать корабль кинулись и остальные. Гримли отпихнул Сигурда, протопал к огню, начал пинать тряпки, норовя вышвырнуть их за борт. Вестфольдец не столько тушил пожар, сколько вымещал злость на оговорившего его приятеля...

Пока Сигурд подбирал с палубы колдовской мешочек с травами, огонь уже затушили.

Покряхтывая и сетуя на прожорливого Локи, хирдманны сгребли в кучу серый пепел.

Сигурд пробрался за спиной упорно не замечающего его Гримли, тронул за плечо Рюрика. Тот отмахнулся.

– Куда спешил? – выговаривал он кормщику.

– Так ведь ты сам сказал... – пытался оправдаться Латья.

– Я сказал – готовь огонь, но не говорил жечь!

Мальчишка сердился, кормщик – тоже. Последний сдался быстрее. Развернулся боком к Рюрику, сцедил слюну за борт, пробормотал:

– А-а, на тебя не угодишь! – И гордо направился прочь.

Рюрик оглянулся на поджидающего его Сигурда. Ожидая расспросов, бонд шагнул вперед.

– Гримли! – позвал мальчишка.

Вестфольдец подошел – насупленный, сердитый, измазанный сажей.

– Покажи голову, – потребовал Рюрик.

Гримли угрюмо зыркнул на Сигурда, нагнулся. Тонкие пальцы мальчишки провели по его волосам ото лба к затылку, возле макушки замерли, надавили. Гримли охнул, дернулся. Совсем помрачнел.

– Сними рубаху, – велел Рюрик.

Подошедшие хирдманны обступили его. Кто-то, утешая Гримли, поддакнул:

– Покажи нам знаки своей воинской доблести...

Любой мог бы гордиться такими шрамами, какие имел Гримли Вестфольдец. Все они, от маленьких, белесых, до больших – в ладонь длинной, были на груди и на боках воина. Спину украшал лишь один – круглый, от копья. А рядом с ним, чуть ниже, виднелась отметина болезни. Только синевы в пятне уже почти не было, оно напоминало обычную сыпь, какая бывает от ожога крапивой, только серую, а не красную.

Рюрик провел по пятну пальцем, хирдманны зашептались.

– Чего? Чего там? – пытаюсь рассмотреть оставленный болезнью след, Гримли завертелся, выгибая шею и плечи.

– Ничего. – Рюрик повернулся к Сигурду. – Я не верил тебе, бонд, но, похоже, твоя память спасет мой корабль и моих людей. Я – твой должник...

Ругаясь, Гримли натянул рубаху, воины обступили его. Кто-то, поболтливее, уже рассказывал вестфольдцу о пятне на его спине. Как всегда, преувеличивал.

Сжимая в пальцах колдовской мешочек, бонд отошел в сторону, облокотился на борт. Внизу радостно всплескивали темными ладонями волны, звали к себе.

– Не время еще... – Сигурд чувствовал усталость, будто совсем не спал. Может, его настигли отблески страха за свою жизнь, а может, наоборот, навалилось спокойствие, столь долгожданное и столь неожиданное.

Позади Сигурда забухали тяжелые шаги. Гримли налег на борт пузом, привалился к плечу бонда. Смотреть на Сигурда он не хотел.

– Наврал ты все, – угрюмо-примирительно буркнул он.

– Наврал, – послушно согласился Сигурд.

Спорить было незачем, – вестфольдец знал правду, просто не хотел ее признавать.

– Вот и хорошо, – удовлетворенно сообщил он. Посмотрел на небо, вздохнул, пихнул Сигурда кулаком в бок:

– Что, еще поживем во славу Одина, а?

– Поживем, – сказал Сигурд.

Снеккары Рагнара оставили их, повернув назад, к берегам Англии.

– Там у Красного есть родичи, – провожая взглядом тающие в тумане корабли эрулов, сказал Рюрик.

За те два дня, что они шли мимо Фризских островов, на драккаре заболели и были

излечены колдовским зельем еще трое. Мешочек Сигурда стал совсем легким. Зато выжившие теперь относились к бонду с почтением. А Гримли, хоть и дулся, как мышь на крупу, то норовил подсунуть бонду одеяло потеплее, то греб за двоих, а то, делая вид, что не хочет пить, отдавал свою воду. Запасы пресной воды подходили к концу, пить хотелось все время. Вначале Сигурд отказывался от уступок Гримли, но потом сдался и уже сам перестал замечать, что пьет чужую воду или спит под чужим одеялом.

Дважды Латья предлагал Рюрику причалить к какому-нибудь из островов и там отдохнуть. От моря, от болезни, от усталости. Рюрик не соглашался.

– Ты видишь здесь корабли Трира Клешни? – спрашивал он кормщика. И сам отвечал: – Я не вижу. Мы уходили из Фризии вместе с Триром, а вернулись одни, ослабевшие и с богатой добычей. Что сделает с нами Клак?

Латья пожимал плечами. Он прекрасно знал ответ. Узнав о гибели родича, бывший конунг Дании, а ныне властитель Фризских островов, объявит, что Трира, без сомнения, предали и убили бывшие соратники. Потом он казнит этих соратников и приберет к рукам все добытое ими в стране франков. Клак поступал так и за меньшую долю. Даже Красный Рагнар, друг и сородич Клака, не решился высадиться на его земли, что уж говорить о вестфольдцах...

– Но нам нужно остановиться, – твердил Латья. – Нас мало, люди устали, воды нет...

– Мы остановимся, – обещал Рюрик.

– Где?

– В Рибе ⁷⁶. Нынче время торговли, в Рибе будет множество кораблей из разных земель. У нас есть товары, есть бонд, умеющий торговать. В Рибе на торжище мы наберем новый хирд, добудем еду и оружие, сменяем товары на золото. Так будет лучше всего...

– Но конунг Хорик...

– Датский конунг – враг Рагнару. Но Рагнара с нами нет, а мы идем с миром. Хорик не станет затевать ссору.

Мысленно Сигурд соглашался с хевдингом. Хорик Датчанин слыл разумным конунгом. В Каупанге многие торговцы говорили Сигурду, что ни сам Датчанин, ни его ярлы никогда не станут наживать себе врагов там, где можно занять друзей. Хорик часто воевал с соседями, однако, отдыхая от воинских походов, он умело лавировал между миром и войной, избегая ненужных ссор и умудряясь мириться даже со своим заклятым врагом Людовиком Саксонским. В эти недолгие месяцы затишья города данов расцветали. Здесь появлялись торговцы из самых разных краев, и мало кто из торговых или военных херсиров, приходящих в Каупанг, не сообщал Сигурду об успешной сделке, совершенной где-нибудь в Лимфьорде, Рибе или Хедебю, соседствующем с землями ободритов...

В Рибе они пришли в хмурый серый день. Был дождь. В широкой гавани стояло пять или шесть судов. Все небольшие, с десятью – пятнадцатью парами весел.

Драккар Рюрика пристроился справа от ободритской лоды, на палубе которой, позевывая и прикрывая голову от дождя куском цветастой ткани, стоял маленький хлипкий паренек, почти ровесник Рюрика. На своего сверстника он покосился со скучающим видом, зевнул и отвернулся.

Хирдманны спустили на берег два гребных весла, по ним скатили бочку с вином и три больших, свернутых в тюки ковра с диковинной франкской вышивкой. Ковры были плотные, обвязанные крепкой пенькой. Мальчишку-ободрита они заинтересовали. Вытянув тощую шею, он прильнул к борту:

– Ковры?

– Ковры. – Разговаривать с ободритом, кроме Сигурда, желающих не нашлось.

– Откуда? – спросил паренек.

– Из земель франков, из Парижа.

⁷⁶ Рибе – большой торговый город в древней Дании.

Сигурд был уверен, что ни о Париже, ни о земле франков мальчишка никогда не слышал. Однако тот понимающе кивнул:

– Далеко... – Оглядел спускающихся на берег воинов. – Маловато вас для такого похода.

– Было больше, – резко сказал Сигурд.

Паренек нахмурился, принялся разглядывать дорогу, ведущую к городу.

Стояло раннее утро, дорога была почти безлюдна. Окружающее ее поле переливалось шелком травы, в выдолбленной тележными колесами колее блестела вода.

– А ты-то сам откуда? – спросил парня Сигурд.

– Из Рерика.

О Рерике Сигурд слышал. Когдато Рерик был самым большим городом ободритов. Он стоял на берегу залива Шлее. Это было очень давно. Все торговцы, что появлялись в Каупанге, уверяли, что много лет назад король данов по имени Готфрид разрушил Рерик, и теперь там остались лишь руины.

– Я слышал... – начал Сигурд.

– Знаю, так все говорят, – перебил парнишка. Снял с головы кусок промокшей ткани, встряхнул ее, сбрасывая капли, вновь прикрыл макушку. – Болтают себе, а мы ничего, живем. Хотя города нынче нет, одна усадьба...

– Усадьба твоего херсира?

– Почему херсира? – обиделся парень. – Родича.

– И как называют твоего родича? – улыбнулся Сигурд.

– Иствелл, сын Иста!

Парень гордо расправил плечи, его круглое лицо порозовело от удовольствия. Он явно гордился своим родичем, хотя Сигурд не понимал, в чем была причина гордости. Имени Иста или Иствелла он ранее не слышал.

А что кораблей-то так мало? – Бонд обвел широким жестом гавань.

– Было больше, – откликнулся мальчишка. Лукаво покосился на Сигурда, проверяя, уловил ли тот насмешку, продолжил: – Ушли все, как только явился Хорик со своими людьми.

– Конунг Хорик Датчанин, сын Готфрида?

– Он самый. Приехал, созвал ярлов... Вот и Иствелла позвал. Сказал, что нужно держать совет. Только от его советов торговля не ширится. Многие испугались, уехали...

– Давно?

– Дней пять тому. – Мальчишка глянул на покрикивающего на воинов Рюрика, прищурился. – Он чего у тебя – хевдинг?

– Хевдинг, – подтвердил Сигурд. Предугадывая вопрос, сказал: – Его зовут Рюрик. Он сын конунга Олава из Вестфольда.

Имя Олава парнишке ни о чем не говорило. Он поежился, опять стряхнул воду с тканного покрывала, заметил:

– Он – тоже на совет?

– Нет, торговать.

– Нынче много не наторгуешь. – Ободрит пригляделся к уложенным на берегу коврам, понизил голос, будто открывая Сигурду страшную тайну: – Ты, если хочешь эти ковры продать, обратись к Иствеллу. У его младшей сестры скоро свадьба, ему всякие там ковры да безделушки для подарков нужны. Может, купит.

– А что взамен даст?

Парень пожал плечами:

– Мы рабов привезли. Трех мужчин и бабу. Еще – меха.

Ничего из названного Сигурда не интересовало. Однако отказываться от торгов сразу было неудобно. Да и не принято.

– Ладно, – сказал он. – Поговорю с твоим родичем. Где искать-то его?

– Там, – парень махнул рукой в сторону города. – Конунг со своими людьми в большом

доме, а остальные в том, что поменьше, в северной усадьбе. Как мимо большой усадьбы пройдешь, так поверни налево и топай вдоль каменной изгороди. Она одна такая – увидишь. А если не увидишь, то...

– Увижу.

Сигурд перескочил через борт, расставив руки в стороны, сбежал по веслам на берег.

Изгородь, о которой говорил парнишка, на самом деле оказалась единственной во всем городе. Но найти ее было непросто: сперва пришлось пересечь почти пустую торговую площадь, на которой одиноко темнели мокрые от дождя телеги. Груз на телегах был укрыт полотнищами, под теми же полотнищами, поддерживая их над головами, сидели нахохлившиеся, сонные торговцы. Будто птицы встряхивались, заметив топающих мимо воинов, провожали их настороженными взглядами.

Большая усадьба начиналась в ста шагах от торговой площади. Ее окружала высокая ограда из тесаных кольев, связанных ивовыми прутьями. За оградой под дождем мокли низкие дома с покатыми, крытыми соломой, крышами. В центре двора чуть выше прочих поднимался главный дом. После красивых громадных домов франков он казался обычной землянкой. Проходя мимо, Сигурд подумал о том, что, верно, его собственный дом в Каупанге, которым он раньше гордился, теперь будет казаться ему маленьким и неприглядным.

За большой усадьбой деревянная ограда окончилась, уступив место каменному валу – по пояс Сигурду, зато добротно уложенному. Этот вал окружал другую усадьбу, поменьше, хотя избы в ней мало чем отличались от тех, что были в большой. В центре ограды виднелся проход, выводящий на двор. У распахнутых ворот хлева рабыня чистила скребком удивительно красивого рыжего жеребца. Лошадиная шкура лоснилась от влаги, рабыня что-то напевала себе под нос.

Она не услышала шагов подошедших воинов, поэтому на приветствие Сигурда взвизгнула и выронила скребок. Почуввав ее испуг, жеребец запрядал ушами, нервно переступил с ноги на ногу.

– Я ищу Иствелла, сына Иста, – сказал Сигурд на северном наречии.

Рабыня молча указал пальцем на дом.

– Он здесь? Позови, – велел Сигурд.

Рабыня попятилась, замычала. Затем открыла рот, показывая бонду обрубков языка. Она была немая.

– Тьфу! – выругался бонд.

Услышав его гневный возглас рабыня бросилась наутек, скрылась в избе.

Бонд обернулся к Гримли:

– Пойдем?

Вестфольдец его не слышал – восторженно глазел на жеребца, похлопывал ладонью по влажному крупу. Обошел коня вокруг, прихватив за гриву, потянул к себе, потрепал за ушами.

– Хорош даже для конунга. Чей же такой?

– Мой.

Забыв о жеребце, Гримли замер. Его рот беззвучно открывался и закрывался, будто вестфольдец стал нем, как недавняя рабыня. Сигурд от неожиданности присел, едва не шлепнулся на сбитое в плотный стожок сено, что лежало под навесом.

– Мой, – повторил знакомый голос.

– Бьерн? – прошептал Гримли.

– Ярл... – выдохнул Сигурд.

Он знал, что этого не может быть, что Бьерн погиб на берегу реки Лабы, вместе со своим преданным берсерком и своей женщиной. Но второго Бьерна тоже никак не могло быть. А тот, что был, не выглядел мертвым. За его плечом маячил силуэт пухленькой рабыни, а рядом с ним стоял невысокий человек в длинном сером плаще, неподвижный и безмолвный, словно тень.

– Иногда Боги возвращают тех, с кем уже давно простился, – словно повторяя вслух мысли Сигурда, сказал Бьерн, а человек в сером плаще добавил:

– Пути Господни неисповедимы...

Человека в сером плаще звали Ардагар, он был посланцем архиепископа города Рейна господина Эбо. Так он сам себя назвал. По его словам, они с Бьерном пришли к Хорику за помощью.

Ардагар говорил за двоих, ярл предпочитал помалкивать.

После столь неожиданной встречи Сигурд отправился за Рюриком. К его удивлению, новость не изумила юного хевдинга. Он сказал почти так же, как Бьерн:

– Боги могут вернуть даже мертвых...

Как выяснилось потом, от смерти Бьерна спасли не боги, а монахи. Ардагар охотно рассказал, как они подобрали ярла на берегу после сражения, как принесли в монастырь, как отстояли у требующего его выдачи Бернхара, как выходили и поставили на ноги. Половину случившегося Ардагар пересказывал с чужих слов – он ссылаясь на имена монахов, поведавших ему то или это...

После истории о чудесном спасении ярла пошли разговоры о делах.

Хевдинги сидели в длинном доме, на широкой лавке подле затухшего очага. В этом доме жили люди Иствелла и Бьерна. Свой новый хирд Бьерн набрал в лесных селениях недалеко от Датского Вала.

– Живущие на военных путях, между двумя властителями, опытни в воинском умении, – объяснил его выбор Ардагар.

Иствелл, которого пытался отыскать Сигурд, оказался крепким, сероглазым мужиком с короткими русыми волосами и конопушками на плоском лице. Ободрит привел в Рибе больше чем четыре десятка своих людей. Лодья, стоящая в гавани, была лишь одной из трех, явившихся с ободритом. Оглаживая бороду, Иствелл внимательно слушал рассказ Ардагара. Слышал он его не впервые, однако не перебивал.

– Настоятель Ансгарий опасается, что Клак нападет на Гаммабург. Крепость сможет защитить себя, а монастырь и город – нет, – говорил Ардагар. – Слабость Гаммабургской кафедры плохо скажется на торговых делах по Ратному пути ⁷⁷, а нападение на нее вновь нарушит добрые отношения меж данами и саксами. Конунг Хорик желает мира, но не хочет выступать в защиту города, принадлежащего Людовику. Я не устаю взывать к его душе, отмеченной благословением Господа, и напоминать ему о святом христианском долге защищать братьев своих, а также слабых и сирых. Но пока конунг остается глух к моим словам. Он собрал совет, чтобы обратиться к подвластным ему хевдингам, но те требуют за свои услуги чрезмерной платы...

Слушая Ардагара, Сигурд то и дело косился на воскресшего из мертвых ярла. Бьерн сидел на краю скамьи, сцепив на коленях руки и уставившись в пол. Меховая безрукавка закрывала его плечи и спину, влажные после дождя косицы свисали вниз, пряча лицо. За его спиной тесно толпились воины. Судя по одежде – ободриты и даны. Переговаривались вполголоса, толкались, норовя подобраться к гостям, однако не подступали к ярлу вплотную. К Рюрику или Иствуду они стояли гораздо ближе...

Вслед за Ардагаром заговорил Иствелл.

– Я поведу своих людей в Гаммабург, – сказал он. Голос у ободрита был сильный и глубокий. – Моя сестра скоро выходит замуж, я хочу, чтобы ей покровительствовали все боги – и старые, и новые. Поэтому я буду сражаться за христианского Бога.

Его воины зашумели, одобряя слова вожака. Похоже, круглолицый плотный Ардагар уже успел переговорить с ними, объяснив, какими благами будут пользоваться все те, кто примет новую веру. От старой ободриты не отказывались, но чем мог помешать еще один

⁷⁷ Ратный путь – путь (в IX – X веках), ведущий из Дании на юг, через укрепления Датского вала в Германию, Францию и другие европейские страны.

могущественный небесный заступник?

– Помыслы твои чисты и благородны, и твоя сестра будет счастливейшей из жен, – уверил Иствелла посланец Эбо, повернулся к Рюрику: – А что скажешь ты, юный хевдинг?

Рюрик посмотрел на Бьерна, развел руки в стороны:

– Друг Бьерна – мой друг, враг Бьерна – мой враг. Но у меня мало людей.

– Многие хотят встать на защиту христианской веры, – поспешно сообщил Ардагар.

Бьерн разогнулся, повернул голову к Рюрику:

– Скольких еще воинов возьмет твой драккар?

Все шепотки стихли, стало пусто и холодно. В этой пустоте голос Рюрика прозвучал по-мальчишески тонко:

– Два десятка.

– Хорошо. – Бьерн встал со скамьи, мягко прошелся перед сидящими на ней хевдингами. Остановился перед мальчишкой. – В землях франков ты и твои люди разоряли капища христиан?

– Церкви, – поправил его Ардагар. Он единственный не побаивался ярла.

– Да, – смущенно признался Рюрик.

– Хорошо. – Бьерн кивнул, вновь заходил по дому. – Сегодня будет совет. Я приведу туда тебя и твоих людей. И ты расскажешь конунгу Харальду обо всем, что случилось в землях франков. А также расскажешь о том, что случилось с Красным Рагнарсом и Триром Клешной после того, как они разрушили христианские церкви... Если твой рассказ взволнует конунга, то у тебя будет два десятка новых воинов...

Ардагар оказался сообразительнее бонда.

– О, да! Божья кара! – восхищенно вскрикнул он. Подскочил, засуетился, заламывая руки. – Божья кара настигла тех, кто обидел капища христианского бога!

Он уже забыл, что недавно сам поправлял Бьерна, назвавшего церкви капищами. Он даже забыл имя собственного Бога и принялся именовать его на северный лад христианским.

– Да, – кивнул Бьерн. – Божья кара погубила войско Красного конунга и стерла с земли племя эрулов.

– Но Господь сохранил жизни тем, кто должен был донести весть о его могуществе до конунга Харальда! – перебил Ардагар. – И если Харальд не пожелает защитить Его святыни, Он может наслать кару на земли конунга!

Воины зашумели, обсуждая слова Ардагара. Выдумал Божью кару посланец Эбо или нет, но все сходились на том, что войско эрулов покарал какой-то очень могущественный Бог. А Рюрика отпустил, поскольку мальчишка должен был довести весть о случившемся.

Какой-то мужик с черной окладистой бородой, похожий на лесного духа, прошипел, склоняясь к Сигурду и обдавая его луковым запахом изо рта:

– Думаешь, он может?

– Ты о чем? – не сообразил Сигурд.

Мужик поковырялся пятерней в бороде, пояснил:

– Три дня назад я принес в жертву Одину ягненка, Тору и Фрее – петуха и курицу, а Господу Иисусу – ничего. Если он обидится, то может убить меня, как убил эрулов?

На ум Сигурду пришел лишь один ответ. Подражая Ардагару, бонд загадочно произнес:

– Пути Господни неисповедимы.

Бородач расстроено запыхтел, отступил. Сидящий рядом с Сигурдом Иствелл ухмыльнулся:

– Ты говоришь, как монах.

– Я научился говорить по-разному, – ответил Сигурд.

Ободрит нравился ему. Было неясно, раскусил он уловку Бьерна или искренне поверил в Божью кару, но от него веяло приятной надежностью человека, умеющего жить на земле. Было в нем что-то родственное...

– Мне сказали, у тебя есть хорошие ковры?

"Когда успел?" – Сигурд кивнул.

– Поговорим... – заверил его ободрит. Тяжело поднялся, подступил к Бьерну: – Не думаю, что христианский Бог будет обижен на конунга Хорика, если тот откажется защищать город франков. Но он наверняка обидится, если Хорик позволит разрушителям Гаммабурга уйти с награбленным... Подумай об этом, ярл.

Ободрит все понимал. Он понял даже больше, чем ухватившийся за уловку Ардагар. И дал дельный совет. Конечно, датский конунг не станет защищать город своего соседа Людовика. Но если Клак все же нападет на монастырь Гаммабурга и разорит город, все изменится. После наказания богоотступника Хорику достанется награбленная Клаком добыча и слава поборника справедливости и новой веры. Первое укрепит его власть в Дании, второе даст новых друзей среди франкских и саксонских епископов. Значит, в Данию потянутся монахи, желающие просвятить язычников, построить храмы, обучить счету и грамоте детей ярлов. У них будут деньги для конунга и много сил для работы. И то и другое Датчанину не помешало бы... А подловить Клака на выходе из устья Лабы и налететь на него из укрытия было куда проще, чем сходиться с ним в прямом бою.

Но Хорик может не захотеть ссориться с фризами...

– Я подумаю, – устало сказал Бьерн. Заметил довольное лицо Сигурда, отвел взгляд. – Подумаю...

10. Марго

Марго спала так крепко, что ничего не слышала. В ее маленькой пристройке всегда было тихо, сюда едва доносился шум со двора, и даже колокольный звон плыл мимо, слабыми отголосками тревожа спокойное одиночество дома. Марго устала за день: помимо уборки двора, ей пришлось помогать монахам чистить хлев, ведь перед праздником святого Якова все должно было сиять чистотой. Бьерна и Ардагара не было уже много дней, зато дважды приходила Элиса, а отец настоятель обещал Марго подарить ей к празднику отрез голубой ткани, такой тонкой и прекрасной, какой не было даже в лавке у Гейнцев.

В предвкушении праздника Марго помолилась и легла спать. Ей ничего не снилось, поэтому громкие крики и боль, вырвавшие ее из покоя, сперва показались Марго началом сновидения. Боль была такой сильной, что Марго задохнулась и захотела, чтобы сон побыстрее кончился. Но он не кончался. Наоборот, следом за болью появился запах гари, всполохи огня, крики и два незнакомых бородатых мужика. Один размахивал факелом и, что-то выкрикивая, касался пылающей паклей стен маленького жилища Марго. А другой возвышался прямо над девочкой с тяжелым мечом в одной руке и большой чашей для омовений в другой. У него была грязная шея, пятно сажи на щеке и толстые красные губы. Он пинал Марго ногой в бок и, выпячивая губы, хохотал, глядя, как она пытается уползти от удара.

Яркие желто-красные языки пламени облизывали стены, лавку, приступку у двери, смыкались на потолке, выплескивая клубы черного ядовитого дыма.

Марго задышалась, не понимая, снится ей все это или нет, и не знала как проснуться. Смотрела на всполохи, выползающие из-под огненной головы факела, вскрикивала от ударов, кашляла.

– Брось ее, Эрик! Идем! – Тот, что поджигал стены, взмахнул факелом, распахнул дверь.

Огонь радостно захрустел, потянулся к выходу, разросся, заполняя собой весь дом. Марго стало жарко и страшно. Стоящий над ней воин перестал смеяться, размахнулся чашей. Большое и плоское дно чаши полетело в лицо девочке.

Она не почувствовала удара, просто вдруг стало темно...

А когда она очнулась, вокруг было светло и свежо. На щеки крапал мелкий дождик, в сером небе плавали чайки. Пол под Марго тоже плавал. Бок и спина болели. И еще першило в гортани, как будто она надышалась дыма. Ничего не понимая, Марго села, огляделась.

Рядом с ней сидели и лежали люди. Очень много людей. Все они были молчаливые, грязные и избитые. Некоторые стонали. У женщины с седыми волосами, которая упиралась плечом в колени Марго, на затылке запеклась кровь, а порванная на спине рубашка обнажала бугорки позвоночника в красных ссадинах.

Из-за тесноты Марго не видела, где она находится. Попыталась подняться, но что-то удерживало ее руки за спиной, мешая встать.

– Не надо, – хрипло сказал мужской голос позади Марго.

Она опустила обратно, повернулась.

Позади нее сидел высокий и тощий монах. Марго узнала его – Симон. Толстая веревка, обматывающая ноги Симона, тянулась к его запястьям, охватывала их и поднималась к горлу, стягивая его жесткой петлей. От петли она ползла дальше, к Марго, обвивала ее связанные за спиной руки. Затем, пролезая под локтями, оплетала такой же, как у Симона, петлей шею женщины с седыми волосами. Поначалу Марго не заметила ее из-за растрепанных волос женщины.

– Не двигайся, иначе петля затянется, – сказал Симон.

У него были очень грустные глаза.

– Это – сон? – спросила Марго.

Симон печально улыбнулся. На его нижней губе вздувался багровый синяк, наплывал на щеку. Обритая голова монаха казалась серой от пепла.

– Нет, девочка. Это – люди Клака.

Марго вспомнила: "Клак – властитель Фризии, бывший датский конунг, изгнанный Хориком из Дании". О нем очень часто говорили с раненым викингом Ансгарий и Ардагар. Боялись, что он нападет на город...

"Не зря боялись..." – Марго выпрямилась и вытянула шею, желая за спинами сидящих людей увидеть загадочного Клака. Но людей было слишком много, а Марго была слишком маленькой. Лишь один раз из-за макушки седой женщины она увидела плечи и голову какого-то незнакомого человека. Его волосы на висках были заплетены в косички, похожие на косички Бьерна, а переносицу пересекал шрам, делая ее толстой и некрасивой. Голова человека проплыла, качнулась вместе с полом под Марго и скрылась из виду за спинами пленников.

– Почему все качается? – спросила Марго у Симона.

Синяки на ее боках болели, но отец нередко бивал ее гораздо сильнее, и Марго привыкла к боли. Страх тоже не было. Она понимала, что должна бояться, но почему-то не боялась, будто все происходило вовсе не с ней. Может быть, все-таки это был сон, и Симон оставался частью этого сна?

– Мы на корабле фризов, – сказал монах.

Пожевал губами, нащупывая синяк и опухоль вокруг него, потом облизнул его языком, предупредил:

– Сиди тихо.

Марго постаралась – замолчала, даже закрыла глаза, ожидая, когда придет страх или закончится сон. Но ни того ни другого не случилось. Женщина с седыми волосами застонала и принялась заваливаться на бок. Она придавила ноги Марго. Ктото из сидящих рядом с женщиной пленников подпер ее плечом. Марго согнула ноги, выудила ступни из-под седовласой, пошевелила пальцами. Пальцы были целы – двигались.

Симон что-то бормотал. Должно быть, молитву.

– Мне приснился пожар, – прошептала Марго.

Монах прервал моление.

– Тебе не снилось. – Он вздохнул, кадык на его тощей шее проехался вверх-вниз, сдвигая складки кожи. – Фризы напали на нас очень рано. Они подожгли монастырь. Именем Господа многие из братьев взяли за оружие, не во спасение своих жизней, а во спасение святых икон и книг...

Марго понравилось, как он это сказал. "Во спасение святых икон..." Красиво...

– Отец Ангарий с братом Матфеем, поддавшись на наши уговоры, вынесли тайным ходом все священные вещи, дабы язычники, отрекшиеся от Господа нашего, Иисуса, не осквернили их...

Неизвестно почему Марго подумала о празднике, к которому так долго готовились монахи и люди в городе, и о куске голубой ткани, который ей собирался подарить отец Ангарий. Она разрезала бы кусок надвое и половину отослала бы матери. Мать обрадовалась бы, поняв, что Марго живет в достатке и уже вполне взрослая, чтоб делать подарки. Но теперь...

– Мама? – прошептала Марго. Ей вдруг стало очень трудно дышать, а в груди появилась огромная тяжесть, словно кто-то бросил туда большой камень.

Симон принял ее возглас за вопрос. Потупился, вновь облизнул синяк на губе, забубнил:

– Все в руках Господа, дитя. Будем молиться...

– Мама! – Марго приподнялась, завертела головой, ища родное лицо. Камень стал льдом, принялся прожигать ее изнутри холодом. Перед глазами Марго поплыли чужие, изможденные лики, испуганные или безразличные глаза, кровь, ссадины, синяки, доски корабельного борта, плотно пригнанные друг к другу вода за бортом, какие-то далекие серые камни...

Над головой что-то свистнуло. Невольно Марго втянула голову в плечи. Не помогло – плеть обожгла плечо, рассекла щеку. Кровь брызнула на колени девочки, Марго упала. Над ней склонилась громадная черная фигура с хлыстом в длинной руке. Заслонила собой небо. На заросшем волосами лице появилась дыра рта, пахнула на девочку запахом вяленой рыбы:

– Сидеть!

– Сиди, дитя, сиди, – зашелестел в ухо Марго голос тощего Симона. – Твоей матери тут нет, не зови ее. В городе и в крепости был бой. Там многие погибли, но фризy быстро ушли. Молись, ибо Господь всемогущ. Молись за свою семью и уповай на волю Господа... Господи, иже еси на небесах, да святится имя Твое и да придет царствие Твое...

Прислушиваясь к шепоту монаха, Марго зашевелила губами. Она не думала, о чем молит Бога, просто повторяла знакомые с детства слова, доверяя им свою душу и свои надежды. Она шептала и шептала, а потом услышала рядом еще чей-то шепот и увидела, как седая женщина медленно подняла голову и тоже забормотала, задыхаясь от боли, но стараясь не отставать от прочих голосов.

– Аминь! – выдохнул Симон, и пленники хором повторили:

– Аминь!

И снова начали бормотать, все крепче прижимаясь друг к другу, не чувствуя ударов плети, не слыша разъяренных криков надсмотрщика, не замечая, как под его ударами некоторые валятся на пол и замолкают уже навсегда... Никогда в жизни Марго еще не чувствовала себя такой сильной. Она будто бы не была уже маленькой девочкой по имени Марго и даже не была человеком, она слилась с чем-то большим, чем сама жизнь, стала частью невообразимо великого мира, недоступного для боли и отчаяния. Этот мир окружал ее, огромным куполом накрывал сидящих на палубе пленников и становился все больше и больше, набатным колоколом оповещающая все живое о своем присутствии...

Наверное, Марго знала, что случится чудо. Оно просто не могло не случиться.

Плеть вдруг перестала свистеть и брызгать кровью, послышался топот множества ног, зазвенело оружие и в рокот моления ворвались исполненные страха крики. Кричали фризy.

Симон прервал молитву и начал подниматься. Петля на его шее натянулась, сдавила горло монаха, и Марго, чтоб ослабить ее, тоже встала на ноги. А потом встала седовласая женщина, и те, кто сидел рядом с ней. Они стояли и смотрели на суетящихся фризy, на то, как они громяют щитами, надеясь укрыться от Божьей кары, на их блестящие шлемы, скрывающие лица...

– Хорик! – кричали фризy. – Хорик Датчанин!

– К бою! – кричали они. – К бою!

– Господь всемогущий, – сказал Симон. А женщина с седыми волосами засмеялась. Не удержавшись на ногах, она пошатнулась, пригнулась, и тогда Марго увидела расстилающуюся перед кораблем черную водяную пустыню. По этой пустыне двигались корабли. Их было много. Одни шли рядом с кораблем, который вез пленников, а другие мчались им навстречу, высоко поднимая изогнутые носы, увенчанные головами драконов и змей. Вода под ними превращалась в белую пену, а их весла становились крыльями. Марго заметила людей в блестящих кольчугах, они стояли на палубах. А потом седая женщина снова выпрямилась и закрыла собой море, корабли и белую пену под ними.

Внезапно Симон закричал:

– Ложитесь! Все ложитесь!

И они стали падать, хрипя и путаясь в собственных веревках. Марго упала лицом вниз, на нее сверху рухнула седая женщина, придавила ее своим телом. Марго чувствовала, как она дышит, ее живот двигался в такт дыханию.

Что-то затрещало, корабль накренился, закрипел, как громадная старая телега, наполнился криками. Пол под ухом Марго гудел, что-то скрежетало. Седая женщина вдруг задергалась и перестала дышать. Марго было темно, страшно, она задыхалась, но веревка на ее руках мешала ей скинуть с себя седую женщину. Что-то теплое потекло по ее шее, закапало на палубу, доползло до прижатой к доскам щеки.

– Господи Иисусе, иже еси на небесех... – взмолилась Марго, но молитва больше не помогала. Великая сила, позволившая Марго дотянуться до Бога, не возвращалась, и, захлебнувшись на полуслове, девочка заплакала.

Она плохо помнила, что случилось дальше. Ей было очень худо, ее щека была мокрой от крови, стекающей с седой женщины, а в груди не хватало воздуха. Марго знала, что умирает, и не могла перестать плакать, хотя плакать ей совсем не хотелось.

Она еще плакала, когда тяжесть мертвого тела, придавившая ее к полу, исчезла. В зареванные глаза девочки плеснул серый свет, показавшийся невероятно ярким после душной темноты. Марго лежала, боясь пошевелиться, жмурилась от света, а слезы текли по ее щекам. Какой-то мужчина наклонился к ней, протянул руку. Схватив за шиворот, потащил вверх. Его круглое лицо с обветренной, шелушащейся кожей на носу и спокойными карими глазами очутилось прямо перед Марго.

– Хорошая добыча, Сигурд! – сказал ему проходящий мимо воин в короткой кольчуге. Засмеялся, хлопнул кареглазого по плечу. Тот недовольно хмыкнул, встряхнул Марго, как запылившуюся тряпку, потащил куда-то. Ноги Марго волочились по палубе, то и дело цеплялись за мертвые тела. Иногда Марго пыталась идти сама, но палуба была склизкой от крови, и идти не получалось.

Сигурд перебросил ее через борт, под девочкой промелькнула полоса черной воды, – Марго и не знала, что вода бывает такой черной! Она упала на палубу незнакомого корабля, покатилась, кувырнувшись через голову, ударилась плечом о чей-то сундук, охнула. Палуба дрогнула под тяжестью прыгнувшего на нее Сигурда. Перед Марго появились его сапоги. Голова девочки кружилась, чужие голоса сливались, путались меж собой.

– Что ты приволок, бонд? – шумели они. – Великая добыча для великого воина!

Слышался смех, шуршание одежд, звон железа... Где-то хлопала под ветром влажная от брызг парусина, кто-то звал неведомого Гримли, ругался. Марго попробовала встать, но ноги не слушались ее, а в глазах мельтешили разноцветные точки.

Неожиданно голоса смолкли. Марго подняла взгляд.

Вокруг стояли воины. Они были похожи на Бьерна, – такие же суровые лица, такие же холодные глаза. Но эти воины улыбались и шутили. Не улыбался только самый молодой, в вывороченной мехом наружу безрукавке и кожаных штанах. Светловолосый, тонкий, со светло-голубыми, почти прозрачными глазами на загорелом лице, он презрительно смотрел на Марго. Углы его рта подергивались, сдерживая то ли смех, то ли гневные слова.

– Выброси ее, – резко сказал он Сигурду. – За нее ничего не дадут даже в самый удачный день торгов.

– Можно продать ее Датчанину, – возразил светловолосому тот самый воин в короткой кольчуге, которого Марго уже видела раньше. Он снял кольчугу, и Марго различила узор на вороте его рубашки. Узор не был датским и на вышивку саксов или фризов не походил, однако показался ей знакомым.

"Вышивка ободритов!" – вспомнила Марго. Когдато старый Гейнц показывал ей такой узор...

Воин потянулся к шее Марго заскорузлыми пальцами. Девочка закрыла глаза, но тот лишь дотронулся до железного крестика на ее шее:

– Датчанин хочет отправить часть добычи и нескольких пленников-христиан обратно в Гаммабург.

– Не желает ссориться с христианским Богом. Боится, что его постигнет участь Красного Рагнара, – усмехнулся молодой. – Что скажешь, Сигурд? Тебе нужна эта девчонка?

Кареглазый отрицательно мотнул головой.

– Тогда отведи ее к Датчанину. И найди Бьерна. Я хочу знать, что он собирается делать – возвращаться в Гаммабург или идти с Харальдом в его земли.

– Я видел Бьерна у Южного Камня, – сказал кто-то из воинов. – С ним были Латья и Ардагар.

"Бьерн, Ардагар..." – знакомые имена вертелись в голове Марго, отдавались неприятным гулом за ушами и в затылке.

– Бьерн и Ардагар, – чтоб лучше расслышать их, сказала Марго.

Окружившие ее мужчины смолкли. Светловолосый мальчишка склонил голову к плечу:

– Что она говорит?

Тот, кого звали Сигурдом, присел перед Марго на корточки, потряс ее за плечо.

От боли в голове девочки немного прояснилось.

– Бьерн... – сказала Марго. Сжала пальцы в кулачки, вытянула руки вперед. – Вот как давно...

Ободрит фыркнул:

– Эта блоха еще пытается угрожать нам! Сигурд остановил его занесенную руку:

– Погоди, Иствелл. Она говорит, что Бьерн уехал. Десять дней назад. – Он дотронулся до сжатых кулаков Марго, по очереди до каждого пальца. Пояснил притихшим воинам: – В земле данов, когда мы встретились, Бьерн говорил, что покинул Гаммабург семь дней назад... У нас было два дня пути сборов и еще день пути... Получается – десять.

Он взял Марго за подбородок, заглянул ей в глаза:

– Ты знаешь ярла Бьерна, сына Горма Старого?

Марго закивала. Кареглазый правильно назвал имя "ее" викинга – Бьерн, сын Горма...

– А Ардагара?

– Господин Ардагар – мой новый господин...

Сигурд обиделся. Его лицо стало жестким.

– Отныне я – твой новый господин, – изменившимся голосом заявил он. – Я взял тебя в бою, ты принадлежишь мне. Поняла?

– Да, – сказала Марго.

После слез, страха и боли ее охватило какое-то безразличие. Ей стало все равно, кто и когда будет называть себя ее новым господином.

Не в силах противиться усталости, она сползла на пол, свернувшись клубочком прямо под ногами незнакомых воинов. От палубы пахло свежими стружками, она раскачивалась, унося Марго куда-то далеко-далеко... Чей-то голос кричал, призывая ее вернуться, кто-то тормозил ее, но Марго уже не могла сопротивляться накатывающему на нее сну.

– Позови Бьерна! – прорвались сквозь дрему слова светловолосого воина, и она успела удивиться – зачем нужно звать Бьерна? – а затем утонула в темноте, пахнувшей свежими стружками...

Когда она проснулась, то увидела Бьерна. Викинг сидел рядом с ней на палубе и глядел

куда-то вдаль, точно так же, как делал это в Гаммабурге. Голова у Марго больше не болела, но все-таки оставалась тяжелой, словно кто-то напихал в нее речного песка. Марго потихоньку села, ощущая, как песок, перекатываясь, шелестит в ее мозгу, потеряла шею. Кровь седой женщины засохла на ее шее, превратившись в стягивающую кожу корку. Под пальцами Марго она стала сворачиваться катышками, сыпаться на рубашку.

Марго не знала, что сказать викингу, да и надо ли что-нибудь говорить. Он заговорил сам.

– Я заплатил за тебя Сигурду, – сказал он. – И Ардагару. Ты свободна.

– Хорошо.

У Марго пересохло в горле, сухость мешала говорить.

Бьерн отвязал от пояса небольшой кожаный мешочек, бросил на палубу перед девочкой. Мешочек звякнул.

– Возьми, – сказал Бьерн.

Марго потянулась к мешочку. Ее пальцы дрожали, не желая развязывать горловину. Из складок меж завязок горловины выглянул бок серебряной монеты.

– Это мне? – спросила Марго.

Викинг молча поднялся. Все-таки он был очень большим. И красивым. Но теперь Марго точно знала, что для нее есть лишь один Бог. Тот, который подарил ей веру, позволил стать сильнее, чем все господа, графы, короли и ярлы.

Викинг дал ей свободу среди людей, Бог – свободу внутри себя. Последнюю не мог отобрать никакой плен...

– Хочешь пойти с нами? Мы идем в земли ободритов, к отцу Иствелла, – произнес викинг. Помолчав, добавил: – От Гаммабурга теперь мало что осталось...

Марго покачала головой. Положила мешочек за пазуху, встала, держась рукой за борт. У нее на душе было светло и чисто. Над простором притихшего моря кружились чайки, меж камней на спокойной воде застыли корабли данов. Возле некоторых сустились люди, ползали по бортам, стучали топорами – что-то залатывали.

Недалеко от Марго и Бьерна стоял светловолосый мальчишка-воин. Облокотившись на борт, шурился на поднимающееся солнце. Ветер трепал его длинные волосы. На палубе, меж гребных сундуков, вповалку спали викинги. Марго поискала среди них Сигурда, но увидела лишь того ободрита, который говорил с ней прошлым днем.

– Это его зовут Иствелл? – вспомнила она.

Бьерн кивнул. Повторил:

– Он собирается в свои родовые земли на свадьбу младшей сестры. Просил нас быть гостями на празднике. Тебе там будет хорошо. Может, найдешь новый дом.

Он пытался ей помочь. Это было приятно. Но Марго не нуждалась в помощи.

– Я вернусь в монастырь, – сказала Марго.

Бьерн пожал плечами:

– Ты можешь узнать худшее о своих родичах.

Марго понимала. Ее тело ныло, голова казалась невероятно тяжелой, но она улыбнулась.

– Я вернусь в монастырь, – повторила она. Покосилась на викинга, дотронулась рукой до своей груди. – Теперь мне нечего бояться. Мой Бог всегда будет со мной. И мне всегда будет, кого любить...

11. Рассвет

Отец Шулиги вовсе не был кнезом, как хвасталась ободритка, но в землях меж рекой и морем его уважали, как кнеза. Старый Ист сделал в своей жизни все, что мог сделать здоровый, крепкий, полный сил мужчина. Он имел трех жен, семерых детей, из которых трое были мальчиками, двух внуков – тоже мальчиков, большой дом, двух коров, овец, несколько

лошадей, надел пахотной земли, в пять сотен шагов шириной и восемь длиной, и много рабов. Его вторая жена ткала самые красивые узоры на всем побережье, его сыновья умели работать и защищать свою землю, а самый старший женился на женщине из данов и обосновался в пограничных землях, получив за женой хорошую усадьбу на берегу озера. Две дочери Иста вышли замуж за богатых людей, и рыжая Сата тоже готовилась к свадьбе. Старший сын Иста сговорил ее своему соседу, могущественному бонду из данов. Бонд дважды приезжал к Исту, смотрел на будущую жену, оговаривал ее приданое. Он показался Исту достойным человеком – вдумчивым, рассудительным, хозяйственным. Он должен был стать Сате хорошим мужем...

Из всех детей Иста не повезло только Шулиге. Мать Шулиги, тихая, маленькая женщина с сухоньким лицом и седыми волосами, узнав о судьбе дочери, слегла. Гюда взялась присматривать за ней – подносила питье, меняла влажную тряпицу на горячем лбу, кормила, чуть ли не насильно всовывая ложку меж сомкнутых губ женщины.

В деревне ободритов княжна осмелела, Айша стала замечать в ней все больше прежней Гюды – заносчивой, властной, упрямой. Средний сын Иста заглядывался на похорошевшую княжну, норовил лишний раз перекинуться с ней словечком. Та улыбалась, краснела. Вряд ли сын Иста нравился ей, но внимание льстило. Рыжая Сата тоже прилипла к княжне – ходила за ней тенью, донимала разговорами о близящейся свадьбе. К Айше девчонка относилась с опаской. А берсерком откровенно восхищалась.

Хареку в доме Шулиги было хорошо. Его руки тосковали по веслу и мечу, ему не хватало запаха крови, шума веселых пирушек и плеска волн под днищем надежного драккара, но он нашел иные утешения. Несколько раз Айша видела, как Харек уходил в лес за древесиной, а за ним гуськом топала ватага деревенских парней. Все – с палками в руках. Возвращались они под вечер – разгоряченные, вполголоса обсуждающие какие-то "удары и выпады". Потирали ушибленные места, прощаясь, на воинский манер хлопали друг друга по плечам, проскальзывали в темноте серыми тенями, скрывались в притихших после дневных трудов избах. Однажды Айша заметила среди них Гурта. В тот вечер Гурт исчез вместе с берсерком и вернулся уже к закату. На его лбу красовался синяк, на щеках виднелись следы пота, штаны были темными от грязи.

– Откуда? – заметив синяк, поинтересовалась Айша.

– Упал, расшибся, – радостно поведал Гурт и отправился на двор умыться.

Сам Харек появился к полуночи. Довольно насвистывая, вошел во двор и наткнулся на сидящую у ворот Айшу. Заметив берсерка, болотница встала.

– Что высиживаешь? – поинтересовался Харек. Ухмыльнулся: – Иди спать. Скоро большой праздник.

Он имел в виду свадьбу Саты. Вся деревня готовилась к прибытию гостей: шили наряды, выменивали у проходящих мимо торговцев новые украшения – фибулы, бусы, нашейные ожерелья и браслеты. Уже прибыли два корабля лютичей⁷⁸ – светлые, ясеневые, с длинными парусами, похожими на крылья чаек. Лютичи обосновались в гостевом доме. По вечерам вокруг дома, словно мошка вокруг огня, вертелись деревенские девки. Хихикали, облепив завалинки и поглядывая на рослых румяных лютичей.

– Не спится мне нынче, – откликнулась Айша. – Жду чего-то. А чего – не знаю...

Харек неожиданно увидел, как она изменилась. Больше не было темных кругов под глазами, печально опущенных уголков губ, усталости во взгляде. Она казалась совсем юной, как в то лето, когда он впервые увидел ее. Тогда еще был жив Белоголовый Орм... Многие были живы...

В доме что-то гроыхнуло. В проеме распахнувшейся двери появилась Гюда в длинной нижней рубаше. В руках она несла плоскую миску с лечебным варевом. Косо глянув на замерших у ворот Айшу и Харека, протопала босыми ногами за угол дома. Выплеснула

⁷⁸ Лютичи – древнее племя балтийских славян, соседствующее с ободритами.

что-то из миски в траву за домом, зашлепала обратно. Дверь за ней захлопнулась.

– Знаешь, она становится прежней, – глядя вслед княжне, сказала Айша. Откинула со лба прядь волос. – Я видела одежду, которую она приготовила к празднику. Это одежда дочери князя.

– А что приготовила ты?

– Ничего. Я сама изменилась. Внутри меня что-то изменилось. Раньше я жила Бьерном и своим даром – все было понятно, а теперь живу, будто по первому льду перехожу через глубокую реку. Иду, щупаю ногой, делаю шаг и стою, слушаю – не треснет ли, не провалится...

– Нравится?

– Нравилось бы, если б я шла к Бьерну. А так – не знаю, просто странно...

Дверь избы опять скрипнула, из щели выглянуло сонное лицо Гурта. На его лбу вздулся большой шишак. Парень протер глаза рукой, заметил Айшу и Харека, вылез из-за двери, – сонный, мягкий, доверчивый, как щенок.

– Вы чего тут колобродите? – пробормотал он, озираясь. Зевнул, прикрыл зевок рукой: – Отец сказал, завтра с утра пойдем на берег, будем палить костры, одаривать богов. А вы что, собрались куда?

– Нет, – успокоил его Харек.

– А-а-а, – пробурчал Гурт, почесал пятерней затылок, исчез за дверью.

Харек обнял Айшу за плечи, притянул к себе, встряхнул:

– Ступай спать.

– Да надо бы, – неуверенно сказала Айша.

Утром ее разбудила Мокея – вторая жена Иста. Потрясла за плечо:

– Подымайся...

В доме уже шуршали одеждой остальные женщины. Переговаривались вполголоса, расчесывались, заворачивали в узелки свои дары богам. Пахло репной кашей, дымом и мятой. Айша слезла с лавки, подвинулась, уступая путь Гюде. Им с княжной приходилось делить лавку на двоих. Айшу такое соседство не беспокоило.

Гюда спустила на пол ноги, пошевелила босыми пальцами, зевнула. Хрипло, со сна, спросила:

– Не рано ли?

Нашарила на постели нарядную накидку, принялась натягивать, расправлять складки. Пока она крепила края накидки узорными фибулами и убирала волосы, Айша оделась и вышла на двор.

По земле полз белый туман, обнимал ноги сыростью. Было совсем тихо, только из-за небольшого леска на холме, что прикрывал деревню от моря, доносился стук топоров – мужики рубили ветки для костра.

Из дома выскочила Сата с двумя подружками – юная, красивая, беспечная, в ярко-желтом сарафане поверх синей рубашки, с синими лентами в рыжих волосах. Завертелась, показывая подругам вышивку на подоле сарафана, споткнувшись, чуть не упала. Одна из подружек, темноволосая и бойкая, подхватила ее, все трое захихикали, косясь на Айшу.

– Пошли быстрее, поглядим, – позвала черноволосая, потянула Сату к ограде. Та уперлась, замотала головой:

– Нет, нельзя. Мамка будет ругаться. Надо ее подождать.

Звонкие девчоночьи голоса рвали тишину, нарушали сладкий покой утра.

Обойдя шепчущихся девчонок, Айша вышла со двора. Спустилась по дороге к речной пристани, посмотрела, как на палубах кораблей-чаек прохаживаются сторожа. Потом вдоль берега направилась к морю, туда, где звенели топоры. Миновала рощу, по длинному песчаному откосу выбралась на каменистое побережье. Отсюда, с мыса, были хорошо видны большие костры на берегу и фигурки мужчин около них. Фигурки то собирались ватагами, о чем-то совещаясь, то вновь расходились в стороны. Воткнутые в песок факелы окутывали их

чадным серым дымком...

Отвернувшись от костров, Айша босой ступней коснулась воды. Волна лизнула ногу, откатилась, будто испугавшись собственной шалости, ударилась боком о высокий валун, застывший на мелководе. Основание валуна окутывал зеленый иней водорослей, в прозрачной воде под ним перекачивалась махонькая витая ракушка. Айша сунула руку в воду, достала ракушку. Затем взобралась на валун, села, скрестив ноги, поднесла ракушку к глазам. Ракушка была белая, с розовыми прожилками внутри. Такими же розовыми, как туманная завесь на горизонте, где в щелочку меж морем и небом опасно вылезал край солнца. Он еще не показался из-за ровной морской глади, но, ожидая его, вода уже переливалась серебристым светом. Уходящие далеко в море валуны подставляли под сияние стертые бока, над ними кружились чайки...

Айша встала, размахнулась, бросила ракушку в море. Ей не были нужны большие костры или длинные песни, чтоб испросить милости богов. Она закрыла глаза, развела руки в стороны, открываясь навстречу восходящему солнцу, ощутила, как долетевший из морского похода Встречник бережно коснулся ее плеч, прошептала:

– Я буду жить... И буду помнить... Что бы ни случилось.

Встречник обнял ее, затеребил юбку, потащил куда-то, словно пес, зовущий своего хозяина. Айша открыла глаза.

Из-за откоса на ровный берег выходили корабли. Большие, красивые, с узорами на высоких носсах, с роскошными коврами, закрывающими борта до самой воды, с тонкими парусами, розовыми от рассвета.

Замерев от изумления, Айша смотрела, как корабли грудью разрезают темную гладь воды, как ряды весел взлетают вверх, рассыпая серебристые брызги и вновь опускаются, оставляя за собой круглые воронки...

– Иии-ех! – кричали кормщики. – Ии-ех! – Их крики разносились над отмелью. Забыв о кострах и факелах, ободрить бросились по берегу навстречу кораблям. Ист в нарядной красной рубашке бежал впереди всех, воздевал вверх руки, что-то вопил.

– Иствелл! – услышала Айша. – Иствелл!

Не глядя на все еще выходящие из-за отмели, один за другим, корабли, она соскочила с камня.

Надо было встречать гостей.

Сигурд увидел ее первым. Она стояла на камне, над водой, маленькая, тонкая, залитая светом восходящего солнца, и словно ждала их появления.

– Хвити... – растерянно сказал Сигурд.

Он уже давно не вспоминал маленькую колдунью Бьерна. В последние дни он все чаще думал о доме, о том, как удачно сговорился с Иствеллом после свадьбы вместе пойти в Каупанг. Сигурд предложил Иствеллу провести в Каупанге всю зиму, но ободрит пока не был уверен.

– Поживем – увидим, – уклончиво отвечал он.

Дома Иствелла ждала жена и двое маленьких сыновей.

А Сигурда в Каупанге ждали три любящие женщины. Он помнил их, но, увидев на камне у берега колдовское видение, забыл обо всем.

– Хвити... – вновь повторил он и, не отводя глаз от стоящей на камне колдуньи, подергал за рукав Гримли. – Гляди... Видишь?

– Чего там ви... – начал было Гримли, но осекся, приподнялся, выдохнул: – Великие боги...

– Она – живая? – боясь ошибиться, осторожно поинтересовался Сигурд.

– Кто знает, – шепотом ответил Гримли. – Она ж колдунья, Может, живая. А может, и мертвая. Надо б Бьерну сказать...

Невольно Сигурд посмотрел на идущий позади корабль Бьерна. Гримли посмотрел туда же. А когда оба хирдманна повернулись, колдуньи уже не было ни на камне, ни на берегу. Она исчезла, будто растворившись в розовом от солнечного света воздухе.

– Нет. Не надо говорить ярлу, – решил Гримли.

Но Сигурд все-таки сказал. Это вышло случайно, когда корабли уткнулись носами в берег, песок заскрипел под дощатыми килями, и люди окружили соскакивающих вниз воинов. Сигурд тоже спрыгнул на песчаный берег и нос к носу столкнулся с ярлом.

Вокруг вертелись деревенские, обнимали Иствелла и его воинов, шумели, размахивали факелами. А Бьерн стоял под задравшимся в небо носом своего драккара и смотрел куда-то мимо этого веселья. Он был так одинок, что Сигурд не удержался.

– Я видел Айшу, – сказал он.

И сам испугался своих слов. Но Бьерн лишь устало кивнул.

– Я знаю, что ты тоже любил ее, бонд.

– Нет! – возразил Сигурд. Повернулся в сторону камня, на котором недавно заметил колдунью, указал на него. Отсюда камень казался далеким и маленьким. – Я видел ее. Она стояла вон там, на том валуне.

Бьерн проследил за рукой Сигурда. Солнце высветило морщины на его лбу и в углах глаз. Ярл прищурился, потом вдруг резко отодвинул Сигурда в сторону, шагнул вперед. А затем быстро зашагал к камню, не замечая бегущего рядом бонда.

Потому что навстречу ему, утопая ногами в мокром песке, шла единственная, когда-либо любимая им женщина.

И Бьерн не мог вновь потерять ее.

Даже если она была всего лишь колдовством.

12. Эпилог

К середине лета Марго, вместе с другими пленниками, вернулась в Гаммабург. Крепость, церковь и монастырь были разрушены, однако торговая часть города, где стояла лавка Гейнцев, уцелела. На пепелище копошились люди – город отстраивался заново. Серые фигурки издали казались одинаковыми, как горошины в стручке.

Брат Симон держал Марго за руку.

– Теперь ты свободна, можешь пойти, куда пожелаешь, – бубнил он, опасливо поглядывая на руины. – Конечно, отец Ангарий будет рад, узнав, что ты решила посвятить себя служению Господу, но укрепишь духом, дитя, ибо неведомы испытания, которые Он уготовил чадам своим, и если горе смутит твой разум и отвратит его от Господа, то...

– Вон мама. – Марго указала ему на одну из серых фигурок.

– Слишком далеко. Ты обманываешь себя... – возразил Симон, и еще крепче сжал ладошку девочки.

– А вон Элиса. – Пальцы Марго выскользнули из руки монаха.

Оставив Симона, девочка побежала вперед. Сердце в ее груди колотилось, мешочек с монетами – подарок Бьерна, позвякивал при каждом шаге, ноги сами перескакивали через разрушенные ограды и разбросанные камни.

– Элиса! – крикнула Марго. – Мама!

Элиса не услышала, а мать, бросив работу, выпрямилась, вытерла руки о передник, недоверчиво взгляделась в бегущую к ней дочь. А потом охнула и стала оседать прямо на гору пепла и углей.

Подскочив к ней, Марго обхватила руками ее шею, упала на колени, прижалась щекой к мягкой груди:

– Все хорошо, мама... Все будет хорошо! Я знаю!

Мать обняла ее крепко-крепко. И почему-то заплакала.